Bayerische StaatsBibliothek
Münchener DigitalisierungsZentrum Digitale Bibliothek

Kostomarov, Nikolaj Ivanovič,

Istoričeskija monografii i izslědovanija Nikolaja Kostomarova

Bd.: 19

1887

Russ. 220 a-19
urn:nbn:de:bvb:12-bsb11887912-5

Russ. 220 a / 19

19

130 g

FgT 177/4146

ИСТОРИЧЕСКІЯ

МОНОГРАФІИ

и

ИЗСЛѢДОВАНІЯ

НИКОЛАЯ КОСТОМАРОВА

ТОМЪ ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

1887

ОЧЕРКЪ ДОМАШНЕЙ ЖИЗНИ И НРАВОВЪ

ВЕЛИКОРУССКАГО НАРОДА

въ XVI и XVII столѣтіяхъ

(изданіе третье)

и

СТАРИННЫЕ ЗЕМСКІЕ СОБОРЫ.

ИСТОРИЧЕСКІЯ МОНОГРАФІИ

НИКОЛАЯ КОСТОМАРОВА

Bayerische Staatsbibliothek München

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія М. М. Стасюлевича Вас. Остр., 2 л., 7.

1887

ТИПОГРАФІЯ
М. СТАСЮЛЕВИЧА
В. О. 2 Л. 7

1408

Bayerische
Staatsbibliothek
München

Наша историческая литература не бѣдна сборниками актовъ и лѣтописей и многими добросовѣстными изслѣдованіями по разнымъ отраслямъ русской старины. Но это составляетъ драгоцѣнность или для спеціальныхъ ученыхъ, или для лицъ, которымъ положеніе ихъ и воспитаніе дозволяетъ слѣдить постоянно за ходомъ науки и знакомиться со всѣми текущими явленіями въ ея области. Но за этимъ немногочисленнымъ классомъ читателей есть гораздо большая масса публики, погруженная въ занятія, которыя лишаютъ ее и времени и средствъ, чтобъ обращаться къ чтенію ученыхъ изслѣдованій, рѣшающихъ тотъ или другой вопросъ прошедшей русской жизни. Нерѣдко случается слышать укоры въ невѣжествѣ и отсутствіи мысли, обращенные на тѣхъ, которые, получая журналы, читаютъ въ нихъ однѣ легкія статьи и оставляютъ неразрѣзанными ученыя; но часто такъ поступаютъ люди образованные и развитые и столько же въ своей сферѣ полезные для общества, какъ и авторы ученыхъ статей, нечитаемыхъ ими. Нельзя ихъ обвинять, если послѣ трудовъ на своемъ поприщѣ они ищутъ въ чтеніи отдохновенія: невозможно требовать, чтобъ ихъ интересовалъ частный вопросъ по наукѣ, когда ихъ дѣятельность обращена къ другимъ предметамъ. Еще менѣе возможно, чтобъ они читали сырые матеріалы, какъ, напримѣръ, Акты Архео-

графической коммиссіи. Но это не значитъ, чтобъ прошедшая жизнь не возбуждала въ нихъ никакого интереса: для этой части публики нужны только не частныя изслѣдованія, а очерки, изъ которыхъ они могутъ составить себѣ цѣлостныя представленія.

Для этого класса читающей публики я предпринялъ составить очеркъ прошедшей русской жизни во всѣхъ ея видахъ. Отрывокъ моего труда — О торговлѣ въ нашемъ государствѣ—былъ напечатанъ въ «Современникѣ» 1857 года[1]); теперь я предлагаю «Очеркъ домашней жизни». Такимъ образомъ я надѣюсь составить впослѣдствіи очерки церковнаго устройства, администраціи, судопроизводства, военнаго быта. Я далекъ отъ того, чтобъ считать предлагаемый очеркъ оконченнымъ трудомъ, но смѣю надѣяться, что собраніе разсѣянныхъ въ русскихъ и иностранныхъ источникахъ свѣдѣній о нашей старой домашней жизни не останется безъ нѣкоторой пользы.

[1]) *Прим. изд.* „Очеркъ торговли Московскаго Государства въ XVI и XVII столѣтіяхъ“ (изд. Тиблена) напечатанъ въ Спб. въ 1862 году.

I.

Жилыя мѣстности.

Жилыя мѣстности въ старой Руси были: городъ, пригородъ, посадъ, слобода, погостъ, село, сельцо, деревня, починокъ.

Названіе городъ принималось въ различныхъ смыслахъ. Первоначально это слово значило огороженное мѣсто, то-есть то, что нынѣ *ограда*, *огорожа*. Въ старыя богатырскія времена людскимъ жилищамъ часто угрожали то нашествія чужихъ, то свои домашніе непріятели, при частыхъ неурядицахъ и междоусобіяхъ, по этому ихъ старались укрѣплять—огороживать. Для такой важной цѣли доста точно было тогда плетня, или частокола, поэтому одно и то же слово городъ (огородъ, горо́дъ) въ смыслѣ огорожи означало и огорожу, охранявшую домашнее жилье отъ животныхъ, и твердыню отъ непріятельскаго нашествія. Мѣстности, гдѣ укрѣпленія представляли больше надежды на безопасность въ случаѣ внѣшнихъ нападеній, сдѣлались центрами прилива народонаселенія: одни селились въ самыхъ городахъ, другіе по близости къ нимъ, чтобъ имѣть возможность убѣжать въ охранное мѣсто, когда наступитъ опасность. Всѣ больше или меньше имѣли нужду въ городахъ; отсюда возникло, что города получили значеніе преимущества предъ неукрѣпленными поселеніями и послѣднія подпадали имъ въ зависимость, которая, по духу того времени, когда владычествовала сила, замѣнялась

часто и легко порабощеніемъ. Но не всѣ города имѣли равное достоинство по своей крѣпости: крѣпчайшіе дѣлались центромъ власти и имъ подчинялись другіе. Тогда между городами образовались два рода — старшіе и младшіе, сильнѣйшіе и слабѣйшіе, или города и пригороды. Въ связи съ стратегическими условіями подчиненію меньшихъ городовъ большимъ способствовали историческія обстоятельства народной жизни. Такимъ образомъ, собственно слово *городъ* начало означать господствующее мѣсто — столицу надъ краемъ, заключавшимъ нѣсколько пригородовъ, селъ, деревень. Такъ Кіевъ былъ городомъ земли полянъ или Земли Русской, Черниговъ—городомъ Земли Сѣверской, Новгородъ—Земли Новгородской, Псковъ—Земли Псковской, Хлыновъ—Земли Вятской, а Вышгородъ, Бѣлгородъ—были пригороды Кіева, Ладога—пригородъ Новгорода, Изборскъ—пригородъ Пскова, и такъ далѣе. Когда раздѣльныя части Восточной Руси сплотились между собою, Москва получила смыслъ города всей Русской Земли,—но тогда самое слово городъ измѣнило прежнее значеніе. Городомъ не называлось уже главное *правительственное* мѣсто, гдѣ находился центръ правленія, напротивъ, это слово начали употреблять въ обратномъ смыслѣ. Москва называлась Москвою: собственное имя ея не рѣдко принималось нарицательнымъ именемъ русской столицы; говорилось: «на Москвѣ и въ городахъ», какъ теперь говорится: въ столицѣ и провинціяхъ. Въ XVI и XVII вѣкахъ названіе городъ сохраняло два значенія: укрѣпленной мѣстности и административнаго провинціальнаго пункта. Въ городахъ происходило соприкосновеніе народа съ властію; тамъ была складка военной силы, которой порученъ край для охраненія; туда стекались государственные доходы, вносимые краемъ, наконецъ, тамъ жители края искали убѣжища во время военныхъ опасностей. По мѣрѣ расширенія народонаселенія возникали города одинъ за другимъ и,

сообразно благопріятнымъ условіямъ, одни получали предъ другими преимущества въ отношеніи важности своей. Такимъ образомъ, города были большіе и меньшіе, и большіе начальствовали надъ послѣдними. Кромѣ городовъ постоянно населенныхъ, существовали еще укрѣпленныя мѣста, называемыя острогами; они находились преимущественно въ отдаленныхъ отъ средоточія власти пограничныхъ и малонаселенныхъ областяхъ, были вообще меньше городовъ и часто не имѣли постояннаго населенія: изъ городовъ посылались туда служилые люди, для стражи, на перемѣнку. Мало по малу, смотря по надобности, эти остроги или острожки обращались въ города.

Посадомъ называлось то, что теперъ мы привыкли называть городомъ, и названіе *посадскій человѣкъ* означало то же, что теперь мѣщанинъ. Посады были пунктами торговой и промышленной дѣятельности. Они строились близъ городовъ, такъ что городъ находился посреди посада, и въ этомъ смыслѣ назывался кремлемъ, а посадъ раскидывался около него. Часто городъ былъ на горѣ, а посадъ внизу. Въ мѣстахъ, гдѣ жителямъ посада опасно было оставаться въ своихъ жилищахъ безъ защиты, посады обводились валами, стѣнами и рвами. У насъ въ отношеніи посада къ городу было то же что на западѣ; то, что у насъ называлось посадъ—на западѣ было city, cité, stadt, miasto, mesto, и то, что на западѣ было Bourg, borgo, bourgh, barg, hrad, grod, у насъ называлось городъ, а въ древности градъ. То же было въ древнемъ классическомъ мірѣ: такъ акрополисъ былъ градъ Аѳинъ, а самые Аѳины около него посадомъ. Въ нашей старой Руси поселеніе, подобное тому, что въ настоящее время называется городомъ, состояло нерѣдко изъ трехъ частей: градъ или городъ, посадъ и слободы. Посадъ раздѣляется на двѣ части: острогъ или укрѣпленная часть окологороднаго поселенія и поселокъ внѣ острога или собственно посадъ, а за нимъ слободы.

И теперь въ земляхъ турецкихъ славянъ та же троичность: градъ, соотвѣтствующій нашему городу, варошъ—острогъ, и *паланка*—поселеніе за укрѣпленіемъ, которое можетъ, смотря по мѣстнымъ обстоятельствамъ, соотвѣтствовать нашему посаду или слободамъ.

Слободами первоначально назывались поселенія, которыхъ жители пользовались какими нибудь особенными условіями; но такъ какъ эти условія давались обществамъ, которыхъ дѣятельность посвящена была опредѣлительно какимъ нибудь особымъ занятіямъ, то за такими обществами преимущественно удерживались названія слободъ. Онѣ были большею частію около посадовъ и городовъ.

Погостъ, село, сельцо, деревня, поселокъ, займище были поселенія земледѣльческаго класса. Въ древности погостомъ называлось поселеніе съ церковью, при которой всегда сосредоточивались сношенія окрестныхъ жителей и установлялся административный центръ. Но когда число церквей умножилось и такихъ поселеній стало много, они естественно начали утрачивать прежнее преимущественное значеніе и назывались вообще только селами. Слово погостъ, бывшее нѣкогда въ повсемѣстномъ употребленіи, въ XVI и XVII вѣкѣ сохранилось только въ Новгородской Землѣ, въ смыслѣ большаго села со средоточіемъ администраціи для окрестнаго края. Различіе между селомъ и сельцомъ заключалось только въ величинѣ ихъ. Деревни были поселенія безъ церквей. Починки были маленькія деревушки, недавно заселенныя. Займище было небольшое поселеніе на дикой землѣ, занятое обыкновенно однимъ дворомъ. Когда къ этому двору присоединялись другіе, то изъ займища образовался починокъ; починокъ по прошествіи времени, которое лишало его значенія новизны, и по мѣрѣ возраставшаго населенія, переименовывался въ деревню; а наконецъ съ постройкою церкви деревня измѣнялась въ сельцо, и, съ умноженіемъ народонаселенія, въ

село. Жилыя земледѣльческія мѣстности безъ церквей и даже небольшія сельца принадлежали къ селамъ. Такая принадлежность однѣхъ мѣстностей другимъ не была только административнымъ распоряженіемъ, а истекала изъ образа ихъ основанія, ибо новыя поселенія основывались посредствомъ выселковъ изъ старыхъ. Изъ селъ выходило нѣсколько семействъ: основывали деревню; когда она значительно возрастала, или же находились въ ней зажиточные люди, чтобъ построить церковь (т. к. въ то время это было не трудно по обилію лѣса и по невзыскательности церковной архитектуры), деревня превращалась въ сельцо, потомъ въ село. Въ свою очередь изъ новаго села выходили жители и основывали починки и деревни, превращавшіяся въ свою очередь въ сельца и села и такъ далѣе. Первое родоначальное село удерживало старшинство надъ своими выселками и оставалось между ними центромъ сношеній по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока время не изглаживало изъ памяти этой старинной исторической связи. Такимъ образомъ, въ Новгородской Землѣ погосты, въ смыслѣ первенствующихъ поселеній, были старыя поселенія съ старыми церквами, а села съ новопостроенными церквами были ихъ выселками. Смотря по историческимъ обстоятельствамъ, измѣнявшимъ движеніе народонаселенія и по относительной быстротѣ его размноженія, эта связь поселеній удерживалась долѣе или ослаблялась скорѣе.

II.

Города.

Потребность возведенія городовъ возрастала у насъ вмѣстѣ съ расширеніемъ предѣловъ русскаго міра. Города заводились прежде чѣмъ поселенія; въ мѣстахъ не заселенныхъ, чтобъ дать возможность жителямъ существовать

на новосельѣ, надобно было приготовить для нихъ оборону. Такимъ образомъ южныя степи Московскаго Государства не иначе заселялись, какъ подъ прикрытіемъ множества городовъ, городковъ, остроговъ, засѣкъ и всякаго рода укрѣпленій; въ низовьяхъ Волги долгое время только города, уединенно стоявшіе на сотни верстъ одинъ отъ другого, указывали на господство русской державы въ безлюдной землѣ. Въ Сибири — каждый шагъ подчиненія земель власти государя сопровождался постройкою городовъ и остроговъ. Повсюду въ XVI и XVII вѣкѣ постройка городовъ была одною изъ первыхъ заботъ правительства и городовое дѣло важнѣйшею изъ повинностей всего народа. Когда въ старыхъ актахъ говорится о постройкѣ городовъ, то разумѣется подъ этимъ возведеніе и устройство укрѣпленій, и въ этомъ случаѣ самое слово городъ означало ограду, а не то, что находилось въ ней; говорилось: города каменные (включая въ это названіе и кирпичные), города деревянные и земляные. Въ XVI вѣкѣ каменныхъ и кирпичныхъ оградъ было чрезвычайно мало, исключая монастырскихъ стѣнъ, которыя чаще, чѣмъ городскія, дѣлались изъ кирпича. При Михаилѣ Ѳедоровичѣ, послѣ того, какъ Смутныя времена показали ненадежность деревянныхъ твердынь, ощутительная потребность охраненія государства отъ всѣхъ сторонъ побуждала выписывать изъ Голландіи мастеровъ для каменныхъ построекъ. Какъ медленно шло это дѣло, можно видѣть изъ того, что въ Астрахани, несмотря на ея одинокое и небезопасное положеніе, прежде 1625 года не было каменныхъ стѣнъ. При Алексѣѣ Михайловичѣ, по свидѣтельству Котошихина, во всемъ Московскомъ Государствѣ были, исключая монастырей, въ двадцати городахъ каменныя или кирпичныя укрѣпленія; но это число кажется преувеличено; по крайней мѣрѣ, собирая разсѣянныя извѣстія того времени по этому предмету, едва ли можно насчитать ихъ

столько (Москва, Новгородъ, Ладога, Псковъ, Смоленскъ, Тула, Нижній, Казань, Астрахань, Яикъ, Ярославль, Путивль, Вологда, Полоцкъ). Вообще же безчисленные города, усѣвавшіе пространство русскихъ владѣній, были съ укрѣпленіями деревянными или земляными, то есть съ валами и съ тыномъ по валу. Города располагались такъ, чтобъ около нихъ находилась естественная защита: вода или ущелья; часто одна сторона стѣны, а иногда и нѣсколько сторонъ примыкали къ озеру, пруду или болоту; съ другихъ сторонъ, менѣе обезопасенныхъ мѣстоположеніемъ, подъ стѣнами проводился ровъ. По большей части деревянныя укрѣпленія соединялись съ земляными разнымъ способомъ: напримѣръ, насыпался валъ или осыпь, а на осыпи устраивалась деревянная стѣна или тынъ; или же стѣна стояла на плоской землѣ, но за нею слѣдовала осыпь; или же деревянныя стѣны были присыпаны хрящемъ, то есть кучею каменьевъ, песку и земли. Простые остроги или острожки дѣлались безъ осыпей и ихъ деревянныя стѣны были ограждены только рвами. Часто городъ, окруженный деревянною стѣною и рвомъ, былъ еще разъ обведенъ осыпью или деревянною стѣною— такъ называемымъ острогомъ,—а между городомъ и острогомъ находилось поселеніе. Такое городовое расположеніе было и въ самой Москвѣ: Кремль съ Китаемъ-Городомъ составлялъ сердцевину столицы; на значительномъ промежуткѣ отъ нихъ была проведена кругомъ другая стѣна такъ называемаго Бѣлаго Города; далѣе, также послѣ значительнаго промежутка, земляной валъ, обшитый деревянною стѣною. Подобное устройство было и въ другихъ городахъ: въ Казани былъ каменный кремль, а за нимъ слѣдовалъ посадъ, окруженный острожною деревянною стѣною; въ Астрахани также былъ каменный кремль, а его окружала другая каменная стѣна, соединявшаяся съ кремлевскою вдоль Волги, и промежутокъ между кремлевскою

стѣною и этою послѣднею назывался, какъ и въ Москвѣ, Бѣлымъ Городомъ. Въ Псковѣ середнее укрѣпленіе называлось Дѣтинецъ: оно стояло въ углу, образуемомъ рѣкою Великою и впадающею въ нее Псковою. Отъ угла, про тивоположнаго той сторонѣ, гдѣ была Великая, шла стѣна вдоль рѣки Псковы и упиралась въ башню; отъ этой башни въ обѣ стороны шли стѣны, огибавшія городъ, построенный на двухъ сторонахъ рѣки Псковы; эти стѣны сходились къ двумъ угламъ Дѣтинца на берегу рѣки Великой. Сверхъ того въ срединѣ города, на лѣвой сторонѣ Псковы, въ сторону отъ Дѣтинца, существовалъ еще одинъ внутренній городъ, называемый Кромъ, а за предѣлами большой внѣшней стѣны, огибавшей весь городъ, былъ ровъ, за которымъ расположено было многолюдное поселеніе, называемое *Застѣнье*, обведенное деревянною стѣною. Въ Новгородѣ на Софійской сторонѣ былъ каменный городъ, окруженный землянымъ валомъ; между тѣмъ и другимъ находился посадъ; укрѣпленія земляного города шли неправильными линіями, то приближаясь къ каменному, то удаляясь отъ него; за предѣлами земляного расположены были поселенія, тоже въ древности еще разъ обведенныя стѣною, а на Торговой сторонѣ былъ другой городъ съ башнями и рвомъ. Нѣкоторые монастыри (они вообще въ тотъ вѣкъ были твердынями) имѣли такую же форму укрѣпленій; напримѣръ, въ Кирилловскомъ въ началѣ XVII вѣка была кругомъ монастырскаго строенія каменная стѣна, а подалѣе, на значительномъ отъ нея разстояніи, по тому же направленію, эту каменную стѣну окружала деревянная острожная стѣна, за которою съ внѣшней стороны проходилъ вокругъ нея ровъ. Во множествѣ небольшихъ городовъ былъ такой же порядокъ; за стѣною, обыкновенно деревянною, опоясанною рвомъ по наружной сторонѣ, часть посада, иногда же и весь посадъ, охранялся другою стѣною, острожною.

Какъ каменныя, такъ и деревянныя стѣны не составляли правильныхъ очертаній; такъ напримѣръ. въ одномъ деревянномъ городѣ стѣна въ одномъ мѣстѣ съуживалась до 31 сажени, а въ другомъ расширялась до 98 [1]. Почти всегда городъ въ однихъ мѣстахъ былъ шире, въ другихъ параллельныхъ первымъ—уже. Окружность городовъ соразмѣрялась съ мѣстоположеніемъ и важностію города. Въ Новгородѣ, напримѣръ, каменный городъ былъ въ четыреста-девяносто-восемь саженей кругомъ, земляной въ семьсотъ двѣнадцать, деревянный въ двѣ тысячи четыреста-шесть. Окружность астраханскаго каменнаго города заключала тысячу-семнадцать саженей [2]. Въ другихъ мѣстахъ мы встрѣчаемъ окружность второстепенныхъ городовъ въ сто-двѣнадцать [3], въ сто-восемьдесятъ-четыре [4], въ триста-девяносто-пять, въ пятьсотъ-пятьдесятъ [5] саженъ и такъ далѣе.

Въ каменныхъ стѣнахъ всегда дѣлались на верху зубцы, такіе высокіе, что иногда занимали болѣе трети вышины всей стѣны [6]. По протяженію всей стѣны возвышались башни, въ каменныхъ городахъ каменныя, въ деревянныхъ и земляныхъ деревянныя; но случалось, что при деревянныхъ городскихъ стѣнахъ башни были каменныя, какъ напримѣръ въ Ярославлѣ (Кн. Больш. Черт.) Кромѣ башень, въ стѣнахъ дѣлались различной формы выступы, носившіе названія: городни, выводы, костры, кружала (круглыя выемки, гдѣ обыкновенно помѣщались кладовыя со входами извнутри и амбары); обломы (скатныя пристройки, выдававшіяся въ наружную сторону) съ деревянными ко-

[1]) Доп. III. 163—164.

[2]) А. И. III. 217.

[3]) А. А. Э. III. 447.

[4]) Доп. VI. 155.

[5]) Доп. VI. 130.—Влад. Сборн. 141.—А. Ю. 253.

[6]) А. И. IV. 134.

тами (катками или колесами безъ спицъ), которые спускались на непріятеля во время осады; печоры (углубленія внутрь стѣны); быки—расположенные рядами большіе выступы, на которыхъ строились укрѣпленія, образовывавшія сверху другую стѣну [1]). Стѣны раздѣлялись по пространствамъ между башнями, называемымъ пряслами. Эти пространства имѣли различное протяженіе въ одномъ и томъ же городѣ. Такъ въ новгородскомъ каменномъ городѣ пространство между башнями въ одной сторонѣ было до 70 саженей, въ другой до 50, въ третьей до 40 и менѣе. Въ новгородскомъ земляномъ городѣ между однѣми башнями было 150 саженей, между другими 46 [2]). Въ Тотьмѣ вообще отъ 17 до 25 саж. [3]). Въ одномъ деревянномъ городѣ, въ южномъ краю Московіи, на одной сторонѣ вся стѣна имѣла 35 саженей, на другой 44 [4]). Въ Воронежѣ въ 1666 г. въ одномъ мѣстѣ пространство между башнями заключало 155 саженей, въ другомъ 30, въ третьемъ только 18 и т. п. [5]). По прясламъ устраивались окна, при которыхъ припасались камни и колья, чтобъ метать на осаждающихъ, и бои, узкія отверстія, откуда стрѣляли изъ пушекъ и пищалей. Такихъ боевъ въ большихъ городахъ было три ряда и назывались: подошевный, средній и верхній. Въ Астрахани на пространствѣ четырехъ-сотъ-двадцати-пяти саженей, составлявшихъ часть городской стѣны, было пятьдесятъ-девять боевъ. Въ малыхъ городахъ ихъ было обыкновенно два ряда: подошевный и верхній [6]). Толщина и высота стѣнъ въ разныхъ городахъ была также различна, какъ и окружность. Въ Астрахани

[1]) Доп. II. 91. III. 6. V. 295.—А. И. III. 284.—Ворон. Акты II. 99.

[2]) Доп. III. 161, 162.

[3]) Доп. VI. 155.

[4]) Врем. V. Смѣсь 29, 30.

[5]) Вор. Акты I. 135.

[6]) А. И. IV. 312.—Доп. IV. 3, 29.—А. И. III. 217.

въ 1649 г. каменная стѣна въ толщину была въ полторы сажени, а въ вышину съ зубцами четыре сажени, безъ зубцовъ двѣ сажени съ половиною; самые зубцы возвышались надъ стѣною на сажень съ половиною и въ толщину были въ полъ сажени [1]). Стѣны московскаго Кремля въ XVI вѣкѣ, по свидѣтельству англичанъ [2]), имѣли въ толщину восемнадцать футовъ. Въ Кирилловскомъ монастырѣ вышина внѣшней стѣны была до 16 аршинъ, внутренней десять; толщина первой въ девять съ половиною, а внутренней въ полтора аршина [3]). Въ Суздали валъ съ приступной, то есть съ внѣшней стороны, имѣлъ отъ восьми до десяти саженъ вышиною, а съ внутреннней отъ трехъ до шести. Земляные валы дѣлались къ низу шире, къ верху уже: такимъ образомъ, въ этомъ же суздальскомъ валѣ толщина его съ почвы была отъ восьми до десяти саженъ, а на верху ширина простиралась только до полторы сажени [4]).

Извнутри по стѣнамъ проводились лѣстницы и ходы, обыкновенно изъ башенъ отъ одной къ другой; по мѣстамъ эти ходы имѣли тайные выходы наружу. На большихъ выступахъ или быкахъ устраивались мосты, на которыхъ, какъ сказано прежде, возвышалась другая стѣна. Вдоль городскихъ стѣнъ устраивался мостъ, по которому можно было имѣть движенiе по всей окружности [5]). Очень часто стѣны города были двойныя, тройныя и четверныя. Пространство между стѣнами насыпалось землею, или было соединяемо поперечными бревнами, или же оставлялся промежутокъ [6]). Сверху дѣлались надъ ними кровли

[1]) А. И. IV. 134.

[2]) Angl. Navig. 7. edit. Starcz.

[3]) Поѣздка въ Кирилл.-Бѣл. мон. 25.

[4]) А. И. III. 382.

[5]) Доп. III. 6. VI. 130.

[6]) Поѣздка въ Кир.-Бѣлоз. мон. 26.—А. И. I. 322.—Влад. Сб. 140.

изъ теса или рѣшетины [1]). Эти кровли были иногда высоки.

Башни, возвышавшіяся надъ стѣнами городовъ, были по фигурѣ круглыя, четвероугольныя, шестиугольныя, осьмистѣнныя. Кровли на нихъ иногда были такъ велики, что сами по себѣ превышали вышину остальнаго строенія; такъ въ Олонцѣ вышина башни до кровли была пять саженъ, а съ кровлею одиннадцать. Вообще вышина, длина и ширина башенъ была очень различна и не одинакова въ одномъ и томъ же городѣ. Напр., въ Воронежѣ въ 1666 году одна башня имѣла въ вышину семь саженъ, а другія— пять, четыре, три и даже одну. Вышина вообще не соразмѣрялась съ объемомъ башенъ; напримѣръ, въ одномъ городѣ изъ двухъ башень въ полтора сажня въ діаметрѣ, одна была вышиною въ три сажня съ половиною, другая въ полтора сажня. Рѣдко длина башни была одинакова съ шириною. Чаще всего въ одну сторону онѣ были длиннѣе, въ другую, внутреннюю, короче, напр., четыре сажня длины и два съ половиною ширины. Но самая обыкновенная мѣра башенъ была около трехъ саженъ въ длину и двухъ въ ширину. Въ нѣкоторыхъ городахъ башни строились въ уровень съ стѣною, въ другихъ выступали сажня на два, на три и даже на четыре въ наружную сторону. Количество башенъ въ городахъ было чрезвычайно различно, смотря по объему стѣны: въ новогородскомъ каменномъ городѣ ихъ было десять, въ земляномъ девять, въ деревянномъ тридцать семь; въ Астрахани десять, въ Яикѣ восемь, въ Олонцѣ тринадцать, въ Тотьмѣ семь, въ Смоленскѣ и Муромѣ четырнадцать, въ Воронежѣ семнадцать, въ Архангельскѣ девять, въ Кирилло-бѣлозерскомъ монастырѣ двадцать три. Тѣ, которыя стояли по угламъ, назывались наугольными, сто-

[1]) Доп. Ш. 169, 229, 230.—А. И. Ш. 285.

явшія по срединѣ стѣны—середними, съ воротами—проѣзжими, безъ воротъ—глухими. Вездѣ были тайнинскія башни, стоявшія обыкновенно по близости къ рѣкѣ; оттуда дѣлали подземные ходы со струбами, иногда саженъ на шесть, десять и болѣе. Башни назывались по урочищамъ, по мѣстности, или же по ихъ назначенію, напр., розважская, новинская, водяная, набережная, поваренная, квасоваренная,—также по именамъ праздниковъ или святыхъ, напр., пречистенская, введенская, никольская. Послѣдняго рода названія давались преимущественно проѣзжимъ башнямъ. Башни раздѣлялись на ярусы, которые снаружи обозначались террасами во всю окружность строенія, называемыми въ тѣ времена мостами. Этихъ ярусовъ было обыкновенно три: нижній или подошевный, средній и верхній, а иногда, особенно въ небольшихъ городахъ, только два. Въ каждомъ ярусѣ устраивались бои; въ подошевномъ стрѣляли изъ пушекъ и потому онъ назывался пушечнымъ, а въ верхнихъ надъ нимъ изъ пищалей и мушкетовъ и потому они назывались пищальнымъ и мушкетнымъ боями. Не всегда въ одномъ и томъ же городѣ были башни съ равнымъ количествомъ боевъ. Такъ въ Смоленскѣ въ нѣкоторыхъ башняхъ были неполные бои, хотя съ полнымъ количествомъ мостовъ. Напримѣръ, въ одной башнѣ бои устроены были только въ среднемъ мосту, въ другой только въ верхнемъ, а въ нижнемъ и среднемъ не было боевъ. Ходы по башнѣ были иногда снаружи, иногда извнутри, такъ что башня въ срединѣ по столбу раздѣлялась на отдѣлы, а верхніе отдѣлы съ нижними соединялись посредствомъ лѣстницъ. Иногда на кровляхъ башенъ устраивались чердаки, клѣтки, или караульни, небольшія надстройки для обозрѣнія далекихъ предметовъ; въ нихъ также были на-готовѣ пищали. Число проѣзжихъ башенъ соразмѣрялось съ величиною города. Въ каменномъ новгородскомъ городѣ изъ десяти башенъ было шесть про-

ѣзжихъ, въ земляномъ изъ девяти три, въ Воронежѣ изъ семнадцати шесть, въ Бѣлозерскѣ изъ восьми двѣ, въ Инсарѣ изъ восьми три, въ Муромѣ изъ четырнадцати двѣ проѣзжихъ и третья съ воротами водяными, то есть ведущими къ водѣ; въ небольшихъ городкахъ изъ четырехъ башенъ строилось по двѣ проѣзжихъ; никогда не строились города съ однимъ только выходомъ. Ворота въ башняхъ были толсты и широки и потому проѣзжія башни всегда значительно были и выше, и массивнѣе глухихъ; напр., въ семь саженъ съ половиною длиною и столько же шириною. Въ воротахъ вдѣлывались боевыя окна, какъ въ глухихъ башняхъ и въ пряслахъ. Надъ ними находился образъ святаго или какого нибудь большаго праздника и по имени образа называлась башня; а въ нѣкоторыхъ городахъ въ башняхъ надъ воротами устраивались маленькія церкви. Ворота запирались огромными замками. Въ мирное время, однако, створы воротъ не запирались, а только на ночь опускалась рѣшетка, а для удобства въ самыхъ воротахъ продѣлывались калитки, которыя также запирались особыми замками. Обыкновенно на проѣзжихъ башняхъ устраивались боевые часы и вѣстовой колоколъ, который всегда былъ массивнѣе и громче обыкновенныхъ церковныхъ или благовѣстныхъ колоколовъ. Его называли также полошнымъ колоколомъ, потому что звонили въ него на тревогу и призывали народъ къ сбору. Вмѣстѣ съ вѣстовымъ колоколомъ стояла вѣстовая пушка, изъ которой стрѣляли только тогда, когда подавали сигналъ. На прочихъ башняхъ привѣшивались также колокола; въ нихъ звонили во время отбоя непріятеля или вылазки, для возбужденія охоты къ битвѣ и храбрости. Въ темныя ночи на башняхъ зажигались свѣчи въ слюдяныхъ фонаряхъ. Случалось, что передъ самыми проѣзжими башнями дѣлали острожки или города въ маломъ видѣ. Такъ въ Муромѣ передъ двумя проѣзжими воротами сдѣланы были

острожки: одинъ длиною въ восемь саженъ, а поперекъ въ три сажня, другой длиною четыре, а шириною три сажня [1]).

Городовыя стѣны или валы окаймлялись всегда рвами разной глубины и ширины, проведенными по направленію твердынь съ ихъ внѣшней стороны. Въ небольшихъ городахъ встрѣчались рвы глубиною въ сажень и шириною въ двѣ сажени, или глубиною въ двѣ сажени, шириною въ двѣ съ тремя четвертями сажени [2]); но въ большихъ городахъ рвы были и глубже, и шире, и достоинство ихъ вообще полагалось въ томъ, чтобъ они были глубоки и круты [3]). Въ иныхъ мѣстахъ въ эти рвы проводили воду, а въ другихъ забивали сваи, называемыя частикомъ или чеснокомъ; а иногда самый чеснокъ утыкали сверху желѣзными спицами; иногда кромѣ того рвы ослоняли особою оградою изъ дубовыхъ бревенъ. Случалось, что такихъ рвовъ за главною стѣною или городскимъ валомъ было нѣсколько рядовъ, одинъ возлѣ другого по одному направленію [4]).

Отъ рвовъ въ наружную сторону проводили отводныя стѣны и дѣлали длинный рядъ укрѣпленій, называемыхъ надолбами. То были столбы изъ толстыхъ бревенъ (обыкновенно дубовыхъ), поставленныхъ тѣсно одинъ возлѣ другого и составлявшихъ сплошную стѣну. Надолбы были двойныя и тройныя, то есть въ два и три ряда; ряды эти соединялись между поперечными связями изъ бревенъ на верху и такимъ образомъ представляли видъ корридоровъ,

[1]) А. Ю. 253, 366.—А. А. Э. Ш. 447.—А. И. IV. 339, 502. V. 81—82. — Доп. II. 55, 229, 266. Ш. 169, 225. V. 294—302. VI. 130. 225. —Времен. V. Смѣсь, 30. XIV. 11—14.—Русск. Вѣст. 1843 г. 341. 353.—Владим. Сбор. 140. 141.—Воронежс. Акты 1. 133—138.

[2]) А. А. Э. III. 447.—Доп. IV. 29.—Времен. V. См. 30.

[3]) Доп. IV. 29.

[4]) Доп. IV. 29. 231.—А. И. I. 322.—А. А. Э. III. 447, 475.

всегда въ извилистомъ направленіи. Около Воронежа такіе корридоры шли отъ города на протяженіе пяти съ половиною верстъ до караульнаго городка, устроеннаго для наблюденія и для подачи вѣстей въ городъ; иногда же ряды надолбъ шли отъ города верстъ на двадцать и даже болѣе и были окаймлены рвами, а по мѣстамъ между ними устраивались башенки. Тамъ, гдѣ нужно было сдѣлать выходъ, устраивались ворота съ опускными колодами. Отъ такихъ мѣстъ пускались въ стороны ряды новыхъ надолбъ, называемыхъ отметными, а отъ этихъ въ надлежащихъ мѣстахъ расходились въ боковыя стороны другія отметныя. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ надолбахъ дѣлались тайные выходы, извѣстные однимъ служилымъ людямъ. Надолбы на своихъ поворотахъ упирались въ лѣсные завалы, то есть кучи срубленнаго и сваленнаго лѣса, шириною саженей въ двадцать или тридцать. Непріятель, подступая къ городу, долженъ былъ сначала пройти черезъ эти завалы, потомъ путаться около лабиринта надолбъ, уничтожать ихъ, и тогда уже достигнуть городскихъ укрѣпленій, которыя, какъ выше сказано, были нерѣдко двойныя и тройныя и сопровождались двойнымъ и тройнымъ рядомъ рвовъ. Дороги, служившія сообщеніемъ для городовъ, пролагались вдоль надолбъ и проходили черезъ устроенныя въ нихъ ворота, которыя, въ случаѣ нужды, запирались, какъ выше сказано. Кромѣ надолбъ, существовали еще укрѣпленія, называемыя тарасами. Они состояли изъ бревенъ продольныхъ и положенныхъ на нихъ поперечныхъ и если были въ два ряда, то покрывались сверху дранью. Для укрѣпленія береговъ отъ полой воды, близъ города ставили такіе тарасы и насыпали внутрь рядовъ ихъ землю. Тарасы приставлялись также къ прясламъ городскихъ стѣнъ въ разныхъ мѣстахъ [1]).

[1]) Вор. Акты I. 137.—А. А. Э. II. 447.—Врем. XIV. См. 14.—Доп. IV, 236.

Въ украинныхъ странахъ отъ городовъ до городовъ проводились земляныя насыпи, и по ихъ протяженію устраивались въ разныхъ мѣстахъ жилые и стоялые острожки. Первые были тѣ, гдѣ постоянно жили служилые: они впослѣдствіи обращались въ города; въ другіе же посылались служилые на временную службу: послѣдніе нерѣдко возникали и скоро потомъ исчезали. По сторонамъ устраивались лѣсныя засѣки, состоявшія изъ кучъ наваленнаго лѣсу, обведенныя рвомъ, но иногда дѣлались въ нихъ башни и онѣ принимали видъ построенныхъ наскоро городовъ. Эти засѣки возводились преимущественно въ лѣсныхъ мѣстахъ; туда отряжался засѣчный приказчикъ съ отрядомъ служилыхъ: они должны были, заслышавъ о непріятелѣ, тотчасъ подавать вѣсть въ городъ. Такимъ образомъ южная часть Московіи представляла ту особую физіогномію, что, при своей малонаселенности, усѣяна была городами и острогами съ надолбами по окрестностямъ и была изрѣзана земляными валами въ разныхъ направленіяхъ, со множествомъ лѣсныхъ засѣкъ и заваловъ. Всѣ эти укрѣпленія дѣлались наскоро, а потому скоро и разрушались; теперь, кромѣ остатковъ валовъ, нѣтъ и слѣда ихъ, да и въ то время, когда они строились, край былъ больше защищаемъ твердостію служилыхъ людей, чѣмъ этими бревнами. Наши городки не корыстны — говорили въ XVI вѣкѣ Донскіе казаки крымскому хану: — оплетены плетнями, увѣшены тернами, да доставать ихъ надобно твердо головами [1]).

Во внутренности этихъ каменныхъ, земляныхъ и деревянныхъ оградъ, называемыхъ общимъ именемъ городовъ, стояли казенныя зданія. Тамъ была приказная изба, гдѣ сосредоточивалось управленіе города, посада и всего уѣзда,

[1]) С. Г. Гр. IV. 471.—Врем. II. Разр. кн. 124. 17.—А. А. Э. III. 272. 411.—Доп. III. 167. Доп. VI. 182.

если городъ былъ уѣздный; предъ сѣнями приказной избы ставили пушку. Вблизи приказной избы находился воеводскій дворъ, огороженный заборомъ или заметомъ съ разными постройками внутри, необходимыми по тогдашнему образу жизни, какъ-то: горницами, избами, погребомъ, ледникомъ, мыльнею, поварнею. Затѣмъ слѣдовали дворы священниковъ и церковнослужителей, церковь, которая обыкновенно числилась соборною или главною надъ церквами всего посада, прилегавшаго къ городу. Далѣе были казенный погребъ, для храненія зелейной казны (то есть пороху), пушечный амбаръ, гдѣ хранились свинецъ въ свиньяхъ, пули, ядра и оружія. Для этихъ хранилищъ дѣлались зданія земляныя или каменныя, а иногда вмѣсто особыхъ построекъ онѣ помѣщались въ стѣнахъ и башняхъ или же во внутреннихъ пристройкахъ къ стѣнамъ. Въ городѣ находилась государева житница, откуда раздавались служилымъ хлѣбные запасы или хлѣбное царское жалованье. Въ городѣ была тюрьма, иногда помѣщаемая въ деревянной избѣ, врытой въ землю и огороженной тыномъ, иногда же въ струбѣ, засыпанномъ совершенно землею. Въ городѣ находились избы служилыхъ стрѣльцовъ, пушкарей, затинщиковъ; но въ каменныхъ городахъ эти помѣщенія устраивались и въ стѣнахъ. Наконецъ, въ городѣ были дворы разныхъ частныхъ лицъ, особенно дворянъ и дѣтей боярскихъ, имѣвшихъ свои помѣстья въ уѣздѣ. Эти дворы строились ими на случай опасности, когда придется прятаться въ осаду отъ непріятеля. Въ обыкновенное мирное время хозяева такихъ дворовъ тамъ не жили, а оставляли дворниковъ изъ бобылей, которые занимались какимъ нибудь ремесломъ или промысломъ и тѣмъ содержались, и вмѣстѣ съ тѣмъ управляли дворами за право жить въ нихъ. Сверхъ этихъ частныхъ осадныхъ дворовъ были еще казенные осадные дворы или избы, построенныя для простонародія на случай военнаго времени, когда воеводы

посылали черезъ бирючей скликать народъ въ осаду. Избы эти были столь просторны, что въ нихъ по нуждѣ помѣщалось до двухъ-сотъ человѣкъ и жители подвергались тамъ всевозможнѣйшимъ неудобствамъ, какія могутъ происходить отъ тѣсноты; отъ этого нерѣдко жители предпочитали скитаться по лѣсамъ, подвергаясь опасности попасться подъ татарскій арканъ, чѣмъ идти въ осаду.

Количество строеній въ городахъ было различно, смотря по величинѣ города. Въ большихъ городахъ помѣщались даже и гостиные дворы; города въ такомъ случаѣ дѣлались средоточіемъ торговли и оттого-то впослѣдствіи названіе города стало вообще означать мѣсто торговой и промышленной дѣятельности. Прежде другихъ такой характеръ получили тѣ города, гдѣ сосредоточивалось управленіе нѣсколькими уѣздами.

III.

Москва.

Переходя отъ городовъ къ посадамъ, слѣдуетъ остановиться на Москвѣ, которая въ большей части своего протяженія была и городомъ, и посадомъ вмѣстѣ.

Средоточіемъ Москвы былъ Кремль. Неизвѣстенъ годъ построенія его. Вѣроятно онъ существовалъ съ основанія самой Москвы и былъ, какъ вообще русскіе города, деревянный. Въ 1367 году впервые заложенъ былъ каменный городъ, но потомъ разрушился, и уже въ концѣ XV вѣка великій князь Іоаннъ построилъ опять каменную стѣну съ башнями. Постройкою занимались итальянцы. Отъ двухъ угловъ кремлевской ограды на востокъ тянулось продолженіе каменной стѣны и образовало другой городъ, называемый Китай-городъ, построенный въ 1538 году правительницею Еленою. За Кремлемъ и Китай-городомъ, примыкавшими съ одной стороны къ рѣкѣ, съ другихъ сторонъ

простирался посадъ, который также былъ обведенъ стѣною съ воротами и башнями, и назывался Бѣлымъ-городомъ, отъ бѣлаго цвѣта окружавшей его стѣны. За этою стѣною слѣдовалъ другой посадъ, который также былъ при Борисѣ обведенъ двойною деревянною стѣною съ толстымъ слоемъ земли въ промежуткѣ между двумя стѣнными рядами. Онъ назывался Землянымъ-городомъ. Сверхъ того на другой сторонѣ Москвы-рѣки, какъ продолженіе Землянаго-города, стоялъ городокъ, и наконецъ многіе монастыри, укрѣпленные по тогдашнимъ обычаямъ стѣнами и башнями, представляли видъ отдѣльныхъ городовъ. Такъ при Михаилѣ Ѳедоровичѣ, во время нашествія королевича Владислава, монастыри Симоновъ и Новодѣвичій обращены были въ отдѣльные форты.

Москва своею огромностью изумляла иностранцевъ; впрочемъ, отъ нихъ не укрылось, что величина эта была только кажущаяся, потому что дворы были очень велики. Въ XVI вѣкѣ она была больше, чѣмъ въ XVII. По свидѣтельству Герберштейна, въ его время Москва заключала въ себѣ 41,500 домовъ. Посѣтившій ее при Ѳеодорѣ Іоанновичѣ Флетчеръ полагаетъ, что въ прежнее время было въ ней то же количество домовъ, но присовокупляетъ, что она очень потерпѣла и уменьшилась въ объемѣ послѣ опустошенія, нанесеннаго крымскимъ ханомъ Девлетъ-Гиреемъ въ 1571 году [1]). Олеарій, посѣщавшій Москву при Михаилѣ Ѳедоровичѣ, также говоритъ, что она была огромнѣе до этого бѣдствія и что внѣшняя ограда имѣла тогда двадцать-пять верстъ въ окружности. По его извѣстію, разореніе крымцами было для нея гибельнѣе, чѣмъ разореніе во время поляковъ, хотя послѣднее въ то время свѣжѣе напечатлѣвалось въ народномъ воспоминаніи. Тогда она занимала три нѣмецкихъ мили кругомъ [2]). Мейербергъ, по-

[1]) Fletch. 13.

[2]) Olear. 140, 144.

сѣщавшій Москву въ 1661 году, полагаетъ окружность ея съ одной стороны въ 12,000 саженъ, а съ другой въ 7,000—это составляетъ девятнадцать верстъ, но какъ тогда версты были тысяча-саженныя, то это значитъ, что Москва имѣла въ окружности нынѣшнихъ тридцать восемь верстъ [1]). Мейербергъ полагаетъ ее съ слободами, а Олеарій, кажется, не считаетъ слободъ, ибо онѣ въ его время были истреблены пожаромъ, уничтожившимъ до пяти тысячъ домовъ. Изъ этихъ извѣстій можно только приблизительно и не вполнѣ ясно представить себѣ величину древней столицы; да и сами описатели ея не могли соблюсти точности, потому что сама Москва безпрестанно измѣняла свой видъ отъ частыхъ пожаровъ [2]).

Кремль занималъ средину столицы и былъ средоточіемъ власти, управленія, церковнаго устройства и убѣжденій всего русскаго народа. Тамъ жилъ царь и Кремль былъ священнымъ мѣстомъ русскаго народа. Съ трехъ сторонъ Кремль окруженъ былъ водою; съ юга окаймляла его Москва-рѣка, съ запада и съ сѣвера Неглинная. Эта болотистая рѣка, теперь уже не существующая, въ верхней части Кремля образовала прудъ, изъ котораго была проведена вода въ канавы, прорытыя около кремлевскихъ стѣнъ. Въ XVI вѣкѣ канавы эти были такъ многоводны и глубоки, что на нихъ были построены мельницы. При Михаилѣ Ѳедоровичѣ онѣ сдѣлались только рвами, однако значительной глубины [3]). По направленію канавъ или рвовъ Кремль окружала кирпичная стѣна съ башнями. Каждая изъ башенъ носила собственное названіе, однѣ по образамъ, которые на нихъ висѣли, другія по мѣстности. Въ XVI в. было шестнадцать или семнадцать башенъ [4]). Башни

[1]) Mejerb. 200.

[2]) Carlisle, 71.

[3]) Olear. 146.

[4]) Jenkins. Hacl. 350.—Math. Miech. 4.

проѣзжія были громаднѣе, чѣмъ глухія. Ворота Кремля были слѣдующія: Фроловскія, въ 1658 г. переименованныя въ Спасскія и теперь удержавшія это названіе, Никольскія, Константиновскія (теперь несуществующія) на югъ отъ Спасскихъ, Боровицкія, переименованныя Алексѣемъ Михайловичемъ въ 1658 году въ Предтеченскія [1]), Неглинныя, Тайнинскія къ Москвѣ-рѣкѣ и Портомойныя на юго-западномъ углу у водовзводной башни, куда прачки выходили мыть бѣлье на плотъ, устроенный для этого. Только пять первыхъ воротъ были проѣзжія [2]). Фроловская или Спасская башня надъ главными воротами была выше и красивѣе другихъ. На рисункахъ, оставшихся отъ XVII вѣка, она одна походитъ на нынѣшнія кремлевскія проѣзжія башни. Сверхъ всѣхъ башенъ, проѣзжихъ и глухихъ, на каждой сторонѣ кремлевскихъ стѣнъ были устроены маленькія башенки, гдѣ висѣли колокола, въ которые звонили во время пожара и тревоги [3]). Кремлевскія стѣны были уставлены пушками [4]).

Въ Кремлѣ былъ дворъ государевъ. У старыхъ великихъ князей хоромы были деревянныя. Но по мѣрѣ того, какъ держава Московская принимала болѣе крѣпости и государственной силы, возникала при дворѣ потребность созидать каменныя зданія. При Іоаннѣ III построенъ былъ каменный казенный дворецъ между Архангельскимъ и Благовѣщенскимъ соборами, а потомъ и дворецъ для жилья, оконченный въ 1508 году. Ужасный пожаръ въ 1547 г. повредилъ этотъ дворецъ. Іоаннъ возобновилъ его и украсилъ золоченою кровлею [5]), но въ 1571 г. онъ былъ разоренъ Девлетъ-Гиреемъ. При Ѳедорѣ онъ былъ, однако,

[1]) П. С. З. I. 450.

[2]) Das Gr. Reich von Mosc. 21.

[3]) Mejerb. 61.

[4]) Carlisle 71.

[5]) Гербер. 9.

уже отдѣланъ и находился въ нарядномъ видѣ. При Борисѣ, Самозванцѣ, Шуйскомъ и въ первую половину царствованія Михаила строили только деревянные дворцы. Но послѣ пожара 1626 г., въ другой разъ при Михаилѣ истребившаго царское жилье, принялись за постройку каменныхъ зданій. Михаилъ Ѳедоровичъ отстроилъ себѣ каменный дворецъ, но не жилъ въ немъ, а предоставилъ его царевичу, и предпочелъ для себя жить въ деревянномъ зданіи, находя, что деревянныя здоровѣе каменныхъ [1]). При Алексѣѣ Михайловичѣ была построена новая дворцовая палата и потѣшный дворецъ. Въ концѣ его царствованія было два царскихъ каменныхъ дворца [2]). При Ѳедорѣ Алексѣевичѣ были перестроены и обновлены каменныя зданія дворца. Но тѣмъ не менѣе въ XVII в. цари продолжали предпочитать деревянныя зданія для жилья, и для каждаго члена царскаго семейства строили особые домики. Такимъ образомъ царскія усадьбы въ Кремлѣ состояли изъ немногихъ каменныхъ и множества деревянныхъ строеній, отдѣльно построенныхъ, нагроможденныхъ въ различныхъ направленіяхъ и по вкусу времени испещренныхъ золотомъ, разноцвѣтными и вычурными украшеніями. Царскій дворъ огороженъ былъ рѣшеткою [3]) съ воротами, на которыхъ висѣли образа. Эти ворота были: Курятныя, Колымажныя, украшенныя высокою башнею и часами. Воскресенскія и Золотыя или Гербовыя съ башнею, на вершинѣ которой находился золоченый двуглавый орелъ, а на стѣнахъ были изображены гербы областей Московскаго Государства. Курятныя ворота въ 1658 г. переименованы въ Троицкія [4]) и находились на сѣверѣ, безъ башни на верху, подъ палатами царскихъ мастерицъ; за ними внѣ

[1]) Olear. 146.—Carlisle, 71.

[2]) Das. Gr. Reich von Mosc. 121.

[3]) Jenkins. Hacl. 350.

[4]) П. С. З. I. 450.

двора было множество зданій, занимаемыхъ разными отраслями царскаго хозяйства; дворцы: сытный, кормовой, хлѣбенный, приспѣшныя палаты, пивоварня, медоварня, воскобойня, свѣчная, аптека, денежный дворъ, конюшенный дворъ и проч. На взгорьѣ къ Москвѣ-рѣкѣ былъ запасный дворецъ—каменное зданіе съ разведеннымъ на немъ садомъ, а внизу житный дворъ (гдѣ хранились хлѣбные запасы) и церковь Благовѣщенія. Кромѣ царскаго двора въ Кремлѣ были дворы приближенныхъ къ царю бояръ и вельможъ. Такъ при Алексѣѣ Михайловичѣ тамъ находились дворы: Морозова, Куденевича-Черкасскаго, Бориса Лыкова и другихъ. Оригинальная неправильность постройки, вычурность, пестрота и затѣйливость украшеній останавливали на себѣ глаза путешественниковъ, но болѣе всего поражали ихъ кремлевскія церкви: куполы и главы нѣкоторыхъ изъ нихъ были покрыты золоченою мѣдью и ослѣпительно блистали противъ солнца [1]). Въ началѣ XVI вѣка только немногія изъ нихъ были каменныя, но въ XVII число ихъ несравненно увеличилось. Всѣхъ вообще церквей насчиталъ Олеарій въ Кремлѣ пятьдесятъ двѣ [2]), а другой путешественникъ при Алексѣѣ Михаиловичѣ только тридцать [3]). Вѣрно только то, что ихъ было больше чѣмъ теперь, потому что, кромѣ существующихъ, упоминаются такія, которыхъ болѣе нѣтъ: Срѣтенскій соборъ, Троицкій монастырь, церковь Сергія Чудотворца [4]). Башня Ивана Великаго, построенная Борисомъ, величаво возвышалась надъ кремлевскими зданіями; близъ нея находилась башенка съ огромнымъ колоколомъ въ 365 центнеровъ вѣсомъ [5]). Къ

[1]) Olear. 146.—Jenkins. Hacl. 350.—Mejerb. 160.—Домаш. Б. русск. цар. Забѣл. О. З. 1851.

[2]) Olear. 146.

[3]) Das. Gr. K. von Mosc. 121.

[4]) Mejerb. 160.

[5]) Olear. 147.

огромному языку его были привѣшены двѣ веревки, а къ каждой изъ нихъ по двѣнадцати веревочекъ, такъ что нужно было двадцать-четыре человѣка, чтобъ раскачать эту массу. Въ него звонили по большимъ праздникамъ и при встрѣчѣ посольствъ.

За предѣлами Кремля на востокъ протягивался Китай-Городъ. Китай-Городъ начинался отъ Кремля Красною площадью. Онъ обведенъ былъ кирпичною стѣною краснаго цвѣта (побѣленною при царевнѣ Софьѣ), которая на сѣверѣ соединялась съ угломъ кремлевской, а на югѣ вдоль Москвы-рѣки съ бѣлогородскою и образовала съ нею одну стѣну. Тутъ было лобное мѣсто, откуда читались народу царскія грамоты; здѣсь стояла Покровская церковь, которую называли Іерусалимскою, построенная царемъ Иваномъ Васильевичемъ послѣ взятія Казани и теперь поражающая своею оригинальностію и причудливою смѣсью восточной архитектуры съ европейскою. Не далеко отъ нея былъ амфитеатръ изъ тесанаго камня, поднимавшійся вверхъ уступами, мѣсто значительное въ старой обрядности нашей въ праздникъ вербнаго воскресенія. Близъ амфитеатра стояла церковь св. Меркурія Смоленскаго; съ другой стороны амфитеатра находился Земскій приказъ—покрытое землею зданіе съ двумя огромными орудіями на верху и съ другими двумя внизу на землѣ [1]). На Красной площади предъ лицемъ Кремля былъ большой рынокъ, гдѣ постоянно толпились и продавцы и покупатели и празднолюбцы, а вблизи амфитеатра сидѣли женщины, продававшія свои издѣлія [2]). На востокъ отъ рынка простирались торговые ряды; ихъ было множество, потому что для каждаго товара былъ свой торговый рядъ. Въ Китай Городѣ была типографія, множество церквей, многіе приказы, домы знатныхъ бояръ, дво-

[1]) Mejerb. 161.—Das Gr. Reich. v. Mosc. 119.

[2]) Olear. 147.

рянъ и гостей, англійскій дворъ, по упраздненіи привиллегіи англичанъ обращенный въ тюрьму, три гостиныхъ двора; отъ послѣдняго изъ нихъ, персидскаго, на югъ шла овощная улица, состоявшая изъ лавокъ съ овощными товарами. Она упиралась въ рыбный рынокъ, по разсказамъ иностранцевъ сдѣлавшійся извѣстнымъ своей нестерпимой вонью. Отъ него черезъ рѣку построенъ былъ мостъ на судахъ, а за мостомъ слѣдовало козье болото, урочище, на которомъ казнили вреступниковъ.

За предѣлами Китай-Города слѣдовалъ Бѣлый-Городъ, обведенный бѣлою стѣною, называемой такъ особенно въ отличіе отъ красной стѣны Китай-Города. До Ѳедора Іоанновича стѣна, построенная на этомъ мѣстѣ, была деревянная; при этомъ государѣ вмѣсто нея сооружена каменная. Она была высока и толста, шла въ видѣ полумѣсяца отъ одного пункта близъ Москвы-рѣки до другого близъ той же рѣки, въ обоихъ пунктахъ загибалась и примыкала съ запада къ Кремлю, а съ востока къ Китай-Городу, такъ что у подножія царскаго двора всѣ три города соединялись въ одну кремлевскую стѣну, которая шла вдоль Москвы-рѣки. По стѣнамъ Бѣлаго Города шли башни; изъ нихъ двѣнадцать были проѣзжихъ съ воротами: на югозападѣ Троицкая, въ поворотѣ, посредствомъ котораго Бѣлый Городъ соединялся съ Кремлемъ; отсюда по круговой линіи на западъ, съ запада на сѣверъ, а съ сѣвера на востокъ слѣдовали одни за другими ворота въ проѣзжихъ башняхъ: Чертольскія, переименованныя въ 1658 году въ Пречистенскія [1]), Арбатскія, въ томъ же году нареченныя Смоленскими, Никитскія, Тверскія, Петровскія, Дмитровскія, Срѣтенскія, Мясницкія, переименованныя въ 1658 г. въ Фроловскія, Покровскія, Яузскія и Васильевскія. Между Срѣтенскими и Дмитровскими воротами

1) П. С. З. 1. 451.

стояла башня, через которую проходила рѣка Неглинная, протекавшая через Бѣлый Городъ по направленію отъ сѣверо-востока къ сѣверо-западу. Эта башня называлась Неглинною Трубой. Между проѣзжими башнями стояли глухія: между Чертольскими и Арбатскими, также между Никитскими и Тверскими по двѣ; между остальными по одной; глухая башня между Яузскими и Васильевскими воротами носила исключительное названіе Наугольной [1]). Въ началѣ XVIII вѣка только между двумя воротами было по одной башнѣ, между другими вездѣ по двѣ, а между нѣкоторыми и по три [2]). Стѣны Бѣлаго Города шли по линіи нынѣшнихъ бульваровъ и, какъ извѣстно, старинныя названія воротъ сохранились до сихъ поръ, хотя стѣны уже давно исчезли, по повелѣнію Екатерины II. Бѣлый Городъ, или Царь-Городъ, какъ его называли, былъ самою населенною частію Москвы. У многихъ князей и бояръ были здѣсь большіе дворы, здѣсь жили многіе изъ богатаго купечества, большая часть ремесленниковъ съ своими мастерскими и лавками при нихъ для продажи своихъ издѣлій; здѣсь былъ гостиный шведскій дворъ; здѣсь сосредоточивалась торговля хлѣбомъ и мясомъ: — послѣднее продавалось на мясномъ рынкѣ съ мясныхъ скамей: на этомъ рынкѣ были и бойни, куда пригоняли скотину. На берегу Неглинной, близь урочища, называемаго Поганый Прудъ, стоялъ пушечный или литейный заводъ, гдѣ готовились пушки и колокола; въ другомъ мѣстѣ былъ царскій конюшенный дворъ съ конюшнями [3]). Еще въ концѣ XVII вѣка на правой сторонѣ Неглинной возвышался построенный Іоанномъ Грознымъ въ 1565 году въ итальянскомъ вкусѣ дворецъ [4]).

[1]) С. Г. Гр. III. 173—176.

[2]) De Bruyns. 41.

[3]) Olear. 149.

[4]) Das Gr. Reich v. Mosc. 117.

За предѣлами Бѣлаго Города былъ расположенъ Земляной Городъ. Стѣну его построили въ 1591 году по поводу опасенія отъ набѣга крымцевъ, которыхъ посѣщеніе двадцать лѣтъ передъ тѣмъ слишкомъ много надѣлало горя московскимъ жителямъ. Эта стѣна была построена очень скоро и вѣроятно отъ этой скорости весь Земляной Городъ назывался Скородумомъ, то есть скорозадуманнымъ городомъ. Англичанинъ при Алексѣѣ Михайловичѣ замѣчалъ, что въ этой стѣнѣ было такъ много дерева, что изъ него можно было построить рядъ тонкостѣнныхъ англійскихъ домиковъ на тринадцать миль длины [1]). Стѣна эта шла по теперешнему направленію Новинскаго и Садовой округленнымъ очертаніемъ и какъ на западѣ, такъ и на востокѣ упиралась въ Москву-рѣку, пересѣкая на пути своемъ рѣку Яузу. Въ Земляномъ Городѣ за Яузою былъ древесный рынокъ, гдѣ продавались лѣсныя издѣлія и между прочимъ готовые дома, нужные для московскихъ жителей по причинѣ частыхъ пожаровъ [2]). Много торговыхъ и ремесленныхъ заведеній находилось въ дворахъ домохозяевъ [3]). Жители здѣсь были большею частію посадскіе люди, и мало жило знатныхъ особъ. Домы были почти всѣ деревянные, а самые дворы отличались огромностію пространства.

Замоскворѣчье въ древности называлось Зарѣчье. Великій князь Василій Ивановичъ поселилъ здѣсь плѣнныхъ нѣмцевъ и литовцевъ: имъ дозволяли пить вино, потому-то ихъ и вывели отдѣльно отъ русскихъ, которымъ вино разрѣшалось только по праздникамъ [4]). Отъ этого Зарѣчье прозвано *Налевки* отъ слова, «наливай». Впослѣдствіи тамъ заведена была стрѣлецкая слобода. Она была обнесена

[1]) Коллинсъ 20.

[2]) Olear. 149.

[3]) А. отн. до юр. быта I. 16.

[4]) Herberst. 113.

стѣною, которая казалась продолженіемъ стѣны Землянаго Города, потому что подходила къ Москвѣ-рѣкѣ въ тѣхъ пунктахъ, гдѣ на противоположной сторонѣ упиралась въ нее земляногородская стѣна. Двое воротъ — Серпуховскія и Калужскія—въ проѣзжихъ башняхъ служили выходомъ и входомъ для этого города [1]).

За городомъ были разныя слободы, которыхъ насчитываютъ чрезвычайно много; однѣ изъ нихъ вошли въ разное время въ городъ; мѣстность другихъ даже опредѣлить теперь трудно. Въ XVI и XVII вѣкѣ упоминаются слободы: Кадашевка (слобода ткачей полотенъ), ордынцевъ, сѣдельниковъ, гончаровъ, котельниковъ, серебренниковъ, басманниковъ, огородниковъ, мясниковъ, воротниковъ, гранатниковъ, кречетниковъ, трубниковъ, барашей, пушкарей, сокольниковъ, хлѣбниковъ; Бронная, Конюшенная, Казенная; другія носили названія по собственныхъ именамъ: Семеновская, Воронцовская, Алексѣевская, Никитская, Кудрина, Садовая; было сверхъ того нѣсколько ямскихъ слободъ: Тверская, Дорогомиловская, Рогожская, Напрудная [2]). За Яузой, гдѣ помѣщались многія изъ исчисленныхъ здѣсь слободъ, была, между прочими, Иноземная слобода или Нѣмецкая, построенная Иваномъ Васильевичемъ Грознымъ. Послѣ Смутнаго времени нѣмцы разселились по городу и построили себѣ церковь въ Бѣломъ Городѣ; но по настоянію духовенства при Алексѣѣ Михайловичѣ ихъ снова выселили въ слободу. Тамъ у нихъ было три церкви.

Сверхъ всѣхъ слободъ, по окрестностямъ столицы было разсѣяно множество загородныхъ домовъ вельможъ и богатыхъ московскихъ жителей, такъ что, приближаясь къ столицѣ, можно было издали ее чувствовать [3]). Тамъ и сямъ мелькали монастыри, огороженные стѣнами и баш-

[1]) С. Г. Гр. Ш. 173.

[2]) А. И. III. 104.—Доп. VI. 183. — Врем. XI. О поз. влад. 39.

[3]) С. Г. Гр. IV. 215.

нями во вкусѣ тогдашнихъ городовъ. Между ними безпрестанно появлялись новые дворы. Монастыри и слободы произвольно захватывали земли и отдавали ихъ, какъ свою собственность, подъ загородные дворы. Но въ 1649 году правительство со всѣхъ такихъ дворовъ постановило собирать въ казну оброкъ и запретило впередъ селиться на выгонной землѣ. Такимъ образомъ было остановлено естественное расширеніе столицы [1]).

IV.

Посады.

Посады, какъ выше сказано, обыкновенно располагались при городахъ и часто укрѣплялись острогами [2]) или осыпями [3]); но въ мѣстахъ, гдѣ отдаленность отъ границы не представляла опасности, посады были безъ городовъ. Жители посадовъ—торговцы, ремесленники и промышленники, обязанные различными налогами и повинностями правительству, назывались тяглыми; ихъ тяглые дворы служили единицами въ полицейскихъ и финансовыхъ отношеніяхъ посадовъ къ государству. Кромѣ тягловыхъ дворовъ были на посадахъ дворы *не тяглые* или бѣлые, не подлежавшіе тѣмъ повинностямъ, какія налагались на тяглыхъ. То были дворы священнослужителей, дворы церковные, монастырскія подворья, гдѣ жили старцы, завѣдывавшіе дѣлами своихъ монастырей, участвовавшихъ, какъ извѣстно, въ торговлѣ, дворы дворянъ и дѣтей боярскихъ, которые рѣдко жили въ нихъ сами, а чаще содержали тамъ своихъ дворниковъ. Были еще на посадахъ оброчные дворы, то есть такіе, которые сдавались отъ каз-

1) П. С. З. I. 222—223.

2) А. И. III. 56.

3) Влад. Сб. 140.

ны въ оброкъ на подобныхъ основаніяхъ, какъ и поземельные участки. Этотъ обычай велся издавна и существовалъ еще при великихъ князьяхъ. Наконецъ, въ посадахъ между дворами составляли особый разрядъ дворы бобылей, людей бѣдныхъ, не имѣвшихъ опредѣленнаго занятія и плативших̂ъ соотвѣтственно своему состоянію меньшіе налоги [1]).

Строиться улицами было издавна въ обычаѣ у русскихъ. Въ посадахъ улицы носили названія по именамъ церквей, построенныхъ на нихъ, напр., Дмитровская, Пречистенская, Воскресенская, Успенская,—иногда же по занятіямъ тѣхъ, которые на нихъ жили, напр., Калачная, Ямская, Кабацкая, Загостинская; иногда по какимъ нибудь собственнымъ именамъ прозвищъ, напримѣръ, Букрѣева, Парфеновка. По краямъ улицъ, или гдѣ онѣ пересѣкались между собою, ставили образа въ кіотахъ. Вообще онѣ были широки, довольно прямы, но очень грязны. Только въ Москвѣ и въ большихъ городахъ было что-то похожее на мостовую. Это были круглыя деревяшки, сложенныя плотно вмѣстѣ одна съ другою. Не вся Москва была такимъ образомъ вымощена: во многихъ мѣстахъ не было мостовой, и тамъ, гдѣ особенно было грязно, черезъ улицы просто перекладывали доски. Въ Москвѣ собирался съ жителей поборъ подъ именемъ мостовщины, и земскій приказъ занимался мощеніемъ улицъ, но мостили больше тамъ, гдѣ было близко къ царю. Такая мостовая не препятствовала, впрочемъ, женщинамъ ходить не иначе какъ въ огромныхъ сапогахъ, чтобъ не увязнуть въ грязи. Хотя въ Москвѣ существовалъ особый классъ служителей, называемыхъ метельщиками, обязанныхъ мести и чистить улицы, и хотя ихъ было человѣкъ пятьдесятъ, однако въ переулкахъ столицы валялось стерво и во многихъ мѣстахъ

[1]) С. Г. Гр. 1. 180.—Врем. VI. Писц. кн. 65. XI. 114. — Доп. I. 391.—А. г. Шуи. 182.—А. А. Э. Ш. 212.—А. И. III. 64.

господствовала невыносимая вонь. Если въ самой столицѣ такъ мало наблюдали чистоту, то еще менѣе заботились о ней въ посадахъ, но за то при малолюдствѣ ихъ въ сравненіи съ Москвою не столько причиняла зла такая небрежность [1]).

Вездѣ въ посадахъ были площади, иногда очень пространныя и всегда почти неправильныя. Въ Бѣлозерскѣ въ XVI вѣкѣ при трехъ-стахъ дворахъ была площадь въ двѣсти-сорокъ саженъ длиною, а шириною въ одномъ концѣ въ шестьдесятъ-восемь саженъ, а въ другомъ тридцать-шесть, въ срединѣ семьдесятъ. Въ Муромѣ площадь была въ длину 94 сажня, а въ ширину въ одномъ мѣстѣ 26, а въ другомъ 12 саженъ. Обыкновенно всѣ улицы посада съ разныхъ сторонъ неправильными линіями сходились къ площадямъ, которыя были центромъ торговли и вообще всѣхъ сношеній жителей посада. Тутъ стояли ряды и лавки, гдѣ не только продавали, но и работали, прилавки съ разными мелочами, скамьи съ мясными и рыбными припасами, калачни, харчевни, гдѣ собирались гуляки, и земская изба—мѣсто выборнаго управленія. Въ большихъ посадахъ также торговые рынки находились въ той части, которая окружена была стѣною и часто называлась городомъ; напримѣръ, въ Астрахани въ той части посада, которая была окружена каменною стѣною и называлась Бѣлымъ Городомъ, была площадь, гдѣ находился большой гостиный дворъ и торговыя заведенія, а въ другомъ мѣстѣ была площадь, гдѣ продавалось дерево. Около посадовъ оставлялась всегда выгонная земля, называемая иначе поскотинною, если тамъ были луга, то луговою, или же боровою, когда посадъ окружали лѣса [2]).

[1]) А. Ю. 248—251. — А. отн. до юр. б. I. 463. — А. И. Ш. 117. IV. 24—27.—Olear. 146.—Struiss. 188.—Carlisle 71. 353.

[2]) А. Ю. 248. 253.—А. отн. до юр. б. I. 368.—Влад. Сборн. 141.— Доп. II. 92. VI. 283.

Главнымъ украшеніемъ посадовъ были церкви. Не говоря уже о Москвѣ, гдѣ число всѣхъ церквей, по свидѣтельству путешественниковъ, повѣрявшихъ наблюденія одинъ другого [1]), простиралось до двухъ тысячъ, вообще въ посадахъ, даже немноголюдныхъ, находилось множество церквей, несоразмѣрное съ населеніемъ. Въ Бѣлозерскѣ, гдѣ всѣхъ душъ въ 1674 году считалось только 960, было девятнадцать церквей и изъ нихъ одна каменная соборная [2]). Въ Муромѣ въ 1687 году было, кромѣ трехъ церквей въ городѣ, четыре монастыря и двадцать церквей въ посадѣ, а между тѣмъ Муромъ не отличался многолюдствомъ [3]). Въ старыя времена каждый зажиточный человѣкъ строилъ церковь, содержалъ для нея попа и молился въ ней съ своею семьею. За то многія церкви были такъ малы, что простирались не болѣе, какъ на пятнадцать футовъ [4]); онѣ были деревянныя, небѣленыя, крытыя тесомъ или гонтомъ, но часто главы покрывались бѣлымъ желѣзомъ и блистали противъ солнца. Въ Вологдѣ всѣ главы церквей, которыхъ было всего 67 (21 каменныхъ, 43 деревянныхъ и три монастыря), были покрыты такимъ образомъ (de Bruyns).

Вообще посады наши были не многолюдны. Разныя бѣдствія, столь обильно изливаемыя судьбою на Русь, оказывали постоянно вредныя послѣдствія на размноженіе населенія посадовъ. На югѣ Россіи никакъ не могли процвѣтать посады, потому что безпрестанные набѣги крымцевъ не давали народу возможности вести осѣдлой жизни, тѣмъ менѣе заботиться о житейскихъ удобствахъ. Очень часто посѣщали Русь моровыя повѣтрія; какъ страшно онѣ опустошали посады, можно видѣть изъ такихъ при-

[1]) Барб. 9.—Olear. 149.—Carlisle. 71.

[2]) А. Ю. 256.

[3]) Влад. Сборн. 160.

[4]) Olear. 179.

мѣровъ, какъ напримѣръ, въ Шуѣ, гдѣ въ 1654 и 1655 г. г. послѣ мороваго повѣтрія изъ двухсотъ двадцати-четырехъ дворовъ вымерли совершенно обитатели девяносто-одного двора и послѣ трехъ лѣтъ, въ 1658 г., многіе дворы еще оставались по той же причинѣ пустыми [1]). Дурное управленіе и тягости, возложенныя на посадскихъ отъ правительства, побуждали жителей оставлять свои жительства и шататься съ мѣста на мѣсто; другіе, гонимые бѣдностію, закладывались частнымъ владѣльцамъ или монастырямъ; иные постригались въ монахи [2]).

Выше показана скудость населенія въ Бѣлозерскѣ и Шуѣ: въ другихъ мѣстахъ и въ различное время представляется то же. Такъ напримѣръ, въ 1574 году въ Муромѣ было 738 дворовыхъ мѣстъ, назначенныхъ для поселенія, но изъ нихъ только сто-одиннадцать было жилыхъ; сто-семь дворовъ съ своими строеніями стояли пустыми, а прочія мѣста не были и застроены, или, можетъ быть, бывшія на нихъ строенія уже исчезли [3]). Въ 1637 году въ Устюжнѣ было всего 178 дворовъ, а людей въ нихъ 254 человѣка [4]). Около того же времени или нѣсколько позже въ Чердынѣ было 304 двора, а въ Соли-Камской 355 [5]); а эти города, по своему мѣстоположенію, удаленному отъ внезапныхъ набѣговъ хищническихъ народовъ и по приволью, представляли возможность правильнѣйшаго населенія. Въ Холмогорахъ, которыя стояли недалеко отъ моря и притомъ на главномъ торговомъ пути, въ 1675 году было всего 645 дворовъ, а людей въ нихъ 1,391 человѣкъ [6]). Сама власть не способствовала развитію посад-

[1]) Оп. г. Шуи 334.
[2]) А. г. Шуи 80.
[3]) А. Ю. 251.
[4]) А. А. Э. III. 419.
[5]) А. И. III. 361.
[6]) Доп. VI. 396.

ской жизни. Прежніе цвѣтущіе города—Новгородъ, Псковъ, Тверь, потерявъ свою гражданственность, теряли и свои богатства. Правительство, стремившееся къ единовластію, не допускало въ посадахъ развиться самоуправленію, которое всегда идетъ рука-объ-руку съ благосостояніемъ [1]). При безпрерывныхъ, неотвратимыхъ бѣдствіяхъ, побуждавшихъ народъ къ шатанію, было невозможно, чтобъ въ посадахъ заботились о красотѣ и прочности постройки зданій; притомъ же пожары были самое повседневное и повсемѣстное явленіе [2]). Москва, какъ извѣстно, славилась многими историческими пожарами, губившими не только жилища, но и тысячи людей. Стоитъ припомнить пожаръ 1493 года, истребившій всю Москву и Кремль [3]), славный пожаръ 1547 года [4]), когда, кромѣ строеній, сгорѣло болѣе двухъ тысячъ народа,—пожаръ 1591 года, доставившій Борису случай показать предъ народомъ свою щедрость; пожары при Михаилѣ Ѳедоровичѣ были такъ часты, что не обходилось безъ нихъ ни одного мѣсяца; иногда на нихъ было такое плодородіе, что они слѣдовали одинъ за другимъ каждую недѣлю и даже случалось, что въ одну ночь Москва загоралась раза по два или по три. Нѣкоторые изъ этихъ пожаровъ были такъ опустошительны, что истребляли въ одинъ разъ третью часть столицы [5]). При Алексѣѣ Михайловичѣ Москва нѣсколько разъ испытывала подобные пожары, напр., во время возмущенія народнаго по поводу пошлины на соль въ 1648 г., потомъ въ 1664 и 1667 годахъ [6]).

Въ другихъ городахъ пожары были также опустоши-

1) Das Gr. Reich v. Mosc. 173.

2) Маржер. 3.

3) Карамз. И. Г. Р. VI. 73.

4) ibid. VIII. Прим. 173.

5) Olear. 149.

6) Olear. 144.—Carlisle 206.—Struiss 128.

тельны; напримѣръ, въ Псковѣ въ 1623 г. былъ пожаръ, истребившій городъ до-тла, такъ что жители, обѣднѣвши, долго не могли послѣ того поправиться [1]). Несмотря однако на такія частыя бѣдствія отъ огня, мѣры противъ него были вялы и преимущественно только предохранительныя: старались дѣлать пошире дворы, правительство приказывало ставить на кровли строеній кадки съ водою и мѣрники съ помелами; запрещалось по ночамъ сидѣть съ огнемъ и топить лѣтомъ мыльни и даже печи въ избахъ, а вмѣсто того жители должны были готовить себѣ пищу въ огородахъ. Эта мѣра одна по себѣ была плохимъ средствомъ и притомъ не всѣ ей подлежали: нѣкоторымъ зажиточнымъ хозяевамъ, такъ называемымъ служилымъ людямъ, по хорошимъ ихъ отношеніямъ съ воеводами, позволялось то, что вообще запрещалось другимъ; воевода могъ разрѣшить топить лѣтомъ избу, если находилъ, что день довольно пасмуренъ или влаженъ, и мыльню изъ снисхожденія къ больнымъ и родильницамъ [2]). Когда вспыхивалъ пожаръ, всѣ дѣйствія противъ него ограничивались тѣмъ, что старались ломать строенія, стоявшія близь горящихъ зданій. Только въ Москвѣ были нѣкотораго рода обычныя мѣры гашенія огня при пожарахъ. При Михаилѣ Ѳедоровичѣ существовали какіе-то холстинные парусы саженъ въ пять длиною и щиты изъ лубьевъ съ рукоятьми [3]). При Алексѣѣ Михаиловичѣ велѣно было, чтобъ всѣ вообще зажиточные люди заводили у себя мѣдныя и деревянныя трубы, а люди съ меньшимъ достаткомъ складывались вмѣстѣ по пяти дворовъ для покупки одной трубы, и въ случаѣ пожара всѣ должны были бѣжать для погашенія.

[1]) А. А. Э. Ш. 19.

[2]) П. С. З. I. 675—677.—С. Г. Гр. III. 163.

[3]) А. И. Ш. 102.

V.

Слободы.

На Руси встрѣчались слободы трехъ родовъ: служилыхъ людей, промышленниковъ и наконецъ вообще поселянъ, пользующихся льготами. Къ слободамъ служилыхъ людей относились: стрѣлецкая, пушкарская, пищальная, затинщиковъ, воротниковъ, козачьи, ямскія. Въ нихъ были поселены служилые люди одного какого нибудь наименованія, которые составляли корпорацію и исполняли опредѣленную служебную обязанность въ отношеніи правительства. Слободы этого рода пользовались особымъ управленіемъ и особыми правами. По большей части онѣ находились близъ городовъ и составляли предмѣстія посадовъ, если подъ городомъ находился посадъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, однако, особенно на югѣ Московскаго Государства, мѣсто самаго посада занимали слободы. Близъ одного острога были слободы: стрѣлецкая, козачья и пушкарская, а посадскихъ былъ одинъ только дворъ; такимъ образомъ весь посадъ хотя и числился существующимъ, но заключался въ одномъ только дворѣ [1]. Величина служилыхъ слободъ соразмѣрялась съ потребностію военной силы по важности города, близь котораго онѣ были расположены; иногда онѣ были очень не велики, напр., человѣкъ въ пятьдесятъ жителей и даже менѣе [2].

При исчисленіи слободъ, находившихся близъ Москвы, показаны роды промышленныхъ, ремесленныхъ и торговыхъ слободъ. Подобныя названія встрѣчались въ разныхъ мѣстахъ Руси. Нѣкоторыя промышленныя слободы были въ то же время и служилыя, потому что жители ихъ были обязаны доставлять къ царскому двору произведенія своего труда и за то пользовались облегчительными льготами.

[1]) Временн. XIII. Приправоч. кн. Ряз. уѣзда Моржевс. стана 7124 г.

[2]) ibid.

Таковы были слободы бобровниковъ, слободы рыбныхъ ловцовъ, слободы сокольниковъ и кречетниковъ и проч., которыхъ жители обязаны были доставлять ко двору плоды своей охоты и рыбной ловли, точно такъ же, какъ близь Москвы жители слободы Кадашевки занимались тканьемъ полотенъ и отбывали повинности доставкою своихъ произведеній на потребности двора.

Въ Сибири, кромѣ служилыхъ слободъ, такое же названіе носили поселенія, гдѣ жители занимались земледѣліемъ и пользовались льготами, которыя давались новоприбывшимъ туда поселенцамъ въ уваженіе къ ихъ недавней осѣдлости. Въ XVII в. служилые люди ходили по Руси и вербовали народъ въ Сибирь, заманивая обѣщаніями разныхъ льготъ; сверхъ того, для перехода давались охотникамъ подможныя деньги. Эти поселенцы обязаны были пахать извѣстное количество земли и, собирая съ ней хлѣбъ, доставлять его въ города для прокормленія служилыхъ; такія слободы назывались пашенными [1]).

VI.

Села и деревни.

Земледѣльческія жилыя мѣстности вообще по административному положенію были: черныя тяглыя, дворцовыя, помѣстья и вотчины. Первыя были государственныя имѣнія, вторыя—собственность государя и его фамиліи; помѣстья были казенныя имѣнія, которыя раздавались служащимъ людямъ, какъ бы вмѣсто жалованья за ихъ службу: владѣлецъ не могъ ни продать, ни заложить, ни завѣщать ихъ, и хотя онѣ очень часто переходили отъ отцовъ къ дѣтямъ, но не по праву наслѣдства, а по новой отдачѣ

[1]) А. И. V. 20.

отъ правительства, такъ что каждый разъ, получая во владѣніе отцовское помѣстье, сынъ долженъ былъ справлять его за собою, т. е. пріобрѣтать отъ правительства на него право съ обязанностью нести за то службу. Вотчины были собственностію владѣльцевъ. Вотчины были: владычнія, то есть принадлежавшія архіереямъ или соборамъ, или, какъ тогда говорилось, домамъ святыхъ, напр., дому Пресвятыя Богородицы, дому Софійскому,—монастырскія и наконецъ частныхъ лицъ, т. е. бояръ, окольничихъ, дворянъ и дѣтей боярскихъ.

Сельскіе жители всѣхъ наименованныхъ здѣсь поселеній вообще назывались крестьяне и для означенія, къ какого рода владѣніямъ они приписывались, прибавлялось прилагательное: монастырскіе крестьяне, владычніе крестьяне, дворцовые крестьяне, помѣщиковы и вотчинниковы крестьяне. Въ XVII вѣкѣ крестьяне въ вотчинахъ, принадлежавшихъ отдѣльнымъ владѣльцамъ, вообще назывались боярскими и господскія имѣнія носили общее имя боярщины [1]). Съ прекращеніемъ личнаго права крестьянъ на переходъ съ владѣльческихъ земель, на которыхъ они были поселены, по мѣрѣ бо̀льшаго прикрѣпленія къ землѣ, крестьяне мало-по-малу входили въ одинъ разрядъ съ холопами или рабами. Несмотря на малолюдность края, въ XVII вѣкѣ село чаще было раздроблено между разными владѣльцами, чѣмъ составляло собственность одного: только владѣнія бояръ и князей представляли исключенія. По большей части въ одномъ селѣ было нѣсколько владѣльческихъ усадебъ [2]). Около нихъ поселены были обыкновенно рядами дворы ихъ подданныхъ и раздѣлялись на дворы людскіе, крестьянскіе и бобыльскіе. Въ людскихъ жили люди или холопы, обращенные господами на поле-

[1]) А. отн. до юр. б. I. 354.

[2]) Временн. XIII. Припр. кн. 7124.

выя работы; иногда въ одномъ дворѣ и даже въ одной избѣ помѣщалось нѣсколько семей этихъ рабовъ, не имѣвшихъ ничего собственнаго и жившихъ на скаредномъ содержанiи отъ владѣльца. Въ крестьянскомъ дворѣ обыкновенно жилъ хозяинъ не только съ семьею, состоящею изъ дѣтей, братьевъ и племянниковъ, и раздѣлявшеюся на двѣ, на три и четыре семьи съ общимъ достоянiемъ (не въ раздѣлѣ), но часто съ нѣсколькими посторонними семьями работниковъ или подсосѣдниковъ, которые не имѣли своего угла, жили по найму и въ отношенiи юридическомъ и административномъ вмѣстѣ съ хозяйскою семьею составляли одну единицу [1]). Отличiе крестьянъ отъ бобылей возникло въ давнее время. Когда еще не воспрещено было крестьянамъ съ извѣстными условiями переходить отъ владѣльца къ владѣльцу, крестьянинъ, поселявшiйся на землѣ вотчинника или помѣщика, бралъ отъ него участокъ, носившiй юридическое названiе жеребья, и долженъ былъ отбывать повинности, лежавшiя на этомъ жеребьи. Тѣ, которые не могли брать цѣлыхъ жеребьевъ. селились на владѣльческихъ земляхъ, платя только за свой дворъ и обрабатывая землю по добровольнымъ особымъ условiямъ съ владѣльцемъ, а потому не подчинялись уже обязанностямъ, лежавшимъ на жеребьяхъ. Такiе назывались бобылями [2]). Послѣ укрѣпленiя крестьянъ, бобыльскому сословiю предстояло современемъ смѣшаться съ крестьянскимъ, но и въ XVII в. еще оно не успѣло совершенно потерять свое отличiе. Бобыльскiе дворы всегда писались отдѣльно отъ крестьянскихъ [3]), ибо всякiй крестьянинъ, какъ и прежде, отправлялъ свои повинности съ тяглаго жеребья, хотя назначенiе такого жеребья и зависѣло отъ владѣльца, сколько

[1]) Доп. I. 279. V. 96.

[2]) Доп. I. 278.

[3]) Врем. VI. Писц. кн.

можно судить по дошедшимъ до насъ извѣстіямъ. Бобылями, то есть неимѣющими жеребья, стали называться тогда тѣ, которые, по бѣдности, не могли удержать за собою жеребьевъ. Но въ старину, въ XVI вѣкѣ, не всякій бобыль былъ бѣднякомъ. Когда поселяне имѣли право переходить съ земель владѣльческихъ на другія, многіе могли не обязываться жеребьемъ не потому только, что по скудости не въ силахъ были вынести лежавшихъ на жеребьяхъ повинностей, но также и для того, что не нуждались въ такомъ количествѣ земли, какое приходилось на жеребій, и сверхъ земледѣлія извлекали изъ другихъ занятій средства къ содержанію. Послѣ воспрещенія перехода и укрѣпленія крестьянъ, когда распредѣленіе жеребьевъ зависѣло уже отъ владѣльца, естественно тѣ, которыхъ владѣлецъ не считалъ удобнымъ посадить на тяглый жеребій, были только бѣдные люди; безъ того владѣлецъ, конечно, далъ бы имъ жеребій и обложилъ повинностью. Такимъ образомъ, слово бобыль перешло въ значеніе бѣдняка, пролетарія и осталось съ нимъ до нашего времени.

До прекращенія перехода земледѣльцевъ, въ вотчинахъ и помѣстьяхъ было всегда значительное число пустыхъ дворовъ съ строеніями, готовыми принять къ себѣ новыхъ жильцовъ [1]). Одни строились самыми владѣльцами и сдавались приходящимъ крестьянамъ; другіе крестьянами, смотря по договорамъ. Но и въ XVII вѣкѣ, несмотря на укрѣпленіе крестьянъ, повсюду въ имѣніяхъ было не менѣе прежняго пустыхъ дворовъ, потому что многіе изъ земледѣльцевъ бѣгали, оставляя свои жилища; другіе, вѣроятно, сами были увольняемы владѣльцами. Сельская жизнь по прежнему носила на себѣ явный недостатокъ осѣдлости.

[1]) А. И. I. 130, 136.

Вообще сельское народонаселеніе, какъ и посадское, было скудно и бѣдно. Частыя войны и моровыя повѣтрія истребляли его. Въ украинныхъ земляхъ татары сожигали до-тла поселенія, умерщвляли и забирали въ плѣнъ людей, не успѣвшихъ схорониться въ городахъ. При Михаилѣ Ѳедоровичѣ вся страна на югъ отъ Москвы была сожжена и представляла голую степь. Правительство не упадало духомъ и дѣятельно старалось о заселеніи ея вновь; но долго еще несчастныя условія препятствовали всякимъ усиліямъ. Земледѣлецъ не могъ спокойно располагать своимъ временемъ и часто среди лѣтнихъ работъ принужденъ былъ покидать на полѣ не собранный хлѣбъ и по зову бирючей спѣшить въ осаду. Крестьянамъ не дозволялось отъ правительства строить житницы, а велѣно было держать зерновой хлѣбъ въ ямахъ. Самыя избы обыкновенно сожигались, какъ только непріятель приближался, и крестьянинъ убѣгалъ въ городъ съ тѣмъ, что успѣвалъ захватить съ собою. Не рѣдко плоды долголѣтнихъ трудовъ уничтожались въ одинъ день. Такимъ образомъ плодоноснѣйшія полосы государства оставались необработанными и почти незаселенными [1]). Подобныхъ бѣдствій не чужды были и другія русскія области. Такъ, въ раздѣлѣ между Строгоновыми, постановленными были условія, чтобъ строенія, построенныя за укрѣпленіями въ ихъ сибирскихъ владѣніяхъ, были сожигаемы во время опасности [2]).

Недостатокъ прочной осѣдлости не допускалъ жителей прилагать стараній о сборѣ запасовъ продовольствія на случай скудныхъ лѣтъ. Отъ этого въ случаяхъ неурожаевъ, которые, благодаря климату и почвѣ, были не рѣдки, пустѣли цѣлые края отъ голода, какъ отъ заразы [3]). Слѣдуетъ прибавить, что неправосудное управленіе, отягощав-

[1]) А. А. Э. III. 99. 111. 409.—С. Г. Гр. III. 362.—Вор. Акты 1. 54.

[2]) Доп. II. 94.

[3]) А. А. Э. III. 99.

шее жителей, принуждало ихъ къ побѣгамъ и пріучало предпочитать бездомовную, скитальческую жизнь осѣдлой. Всѣ эти причины препятствовалп увеличиваться народонаселенію и мѣшали его благосостоянію. Многія извѣстія старыхъ временъ указываютъ на повсемѣстные пустые дворы, которыхъ обитатели или вымерли, или побиты, или разбѣжались. Цѣлыя села исчезали, оставляя по себѣ названіе пустыхъ селищъ [1]). Въ XVII вѣкѣ, не подалеку отъ Москвы, слѣдовательно въ самомъ населенномъ краѣ, въ двухъ селахъ и одной деревнѣ насчитано только двѣсти-шестнадцать дворовъ и въ нихъ 299 душъ [2]). Въ 1675 году въ двинскомъ уѣздѣ, во всѣхъ его станахъ и волостяхъ, было всего 2,531 дворъ и въ нихъ 5,602 человѣка [3]). Во всемъ Чердынскомъ уѣздѣ въ концѣ XVII вѣка было всего до трехъ тысячъ дворовъ [4]). Какъ сельское населеніе колебалось въ каждомъ мѣстѣ, то увеличиваясь, то умаляясь, можно видѣть изъ описанія одного стана въ вятскомъ уѣздѣ: въ 1629 году тамъ было 44 деревни и 23 починка; въ нихъ дворовъ было живущихъ сто, а людей 106; въ 1646 году тамъ оказалось 103 деревни, дворовъ живущихъ 209 и людей 1,055 человѣкъ, да сверхъ того пять деревень и семь дворовъ пустыхъ; въ 1658 году въ томъ же станѣ 53 деревни. 44 починка, живущихъ дворовъ 133, а людей 714 человѣкъ [5]). Болѣе чѣмъ въ другіе края населеніе въ XVII вѣкѣ подвигалось, кажется, на востокъ, именно въ края, занимавшіе нынѣшнія губерніи Пензенскую и Тамбовскую и южную часть Нижегородской, гдѣ въ XVI вѣкѣ почти не было

[1]) Доп. I. 279.—Ворон. Акты 54.—О Пятин. Новг. Невол.
[2]) Врем. V. См. 2.
[3]) Доп. VI. 396.
[4]) А. А. Э. IV. 6.
[5]) Доп. VI. 76.

русскихъ жителей, а въ половинѣ XVII является много городовъ, слободъ и селъ, какъ видно изъ дѣлъ о возмущеніи Стеньки Разина. Этому причиною кажется было то, что воинственность тамошнихъ туземцевъ—мордвы и чувашей—была уступчива къ силѣ русскихъ поселенцевъ. Вообще событія XVII вѣка одно за другимъ представляли очень неблагопріятныя условія для осѣдлости и умноженія народонаселенія. Въ первыхъ годахъ XVII вѣка эпоха самозванцевъ со всѣми ея послѣдствіями сильно потрясла, опустошила и обезлюдила Русь во всѣхъ ея концахъ. При Михаилѣ Ѳедоровичѣ не успѣла Русь еще оправиться отъ прошедшихъ бѣдствій, какъ ее терзали безпрерывные набѣги татаръ на южныя области. Отдохнувъ немного въ первые годы царствованія Алексѣя, русское населеніе вслѣдъ за тѣмъ подверглось цѣлому ряду бѣдствій: изнурительныя войны съ поляками, набѣги крымской орды, моровыя повѣтрія, внутренніе мятежи истощали его. Одинъ англичанинъ, посѣщавшій Россію въ концѣ царствованія Алексѣя Михайловича, говорилъ, что на пространствѣ пятисотъ верстъ едва можно было встрѣтить десять женщинъ и одного мужчину [1]). Не должно обольщаться обиліемъ селъ и деревень, встрѣчаемыхъ въ письменныхъ актахъ: были села съ церквами, въ которыхъ всего на всего было одиннадцать дворовъ [2]), а деревни были столь малолюдны, что въ нихъ значилось двора по три, по два и даже по одному [3]). Избѣгая непрерывныхъ бѣдствій, народъ переселялся въ Сибирь; нѣсколько времени она была обѣтованною страною Россіи; но правительство, покровительствуя заселенію этого края, неоднократно и останавливало стремленіе народа на дѣвственную, плодородную, хотя и студеную ея

[1]) Колл. 13.

[2]) Врем. XIII. Припр. кн. 58.

[3]) ibid. 2.

почву. Уже въ 1658 году сибирскій владыка просилъ о прибавкѣ земли въ его домовыхъ волостяхъ, и представлялъ, что народонаселеніе увеличилось, а земля выпахалась [1]). Впрочемъ и въ Сибири *солнце свѣтитъ*, гласитъ русская пословица: и тамъ были воеводы, поборы, разметы, набѣги иноземцевъ, моровыя повѣтрія и неурожаи.

VII.

Дворы и дома.

Дворы въ нашей старой Руси были очень просторны. Это видно уже изъ того, что, для предохраненія отъ пожаровъ, приказывали варить кушанье и печь хлѣбы далеко отъ жилыхъ строеній въ городахъ [2]). Встарину, при великихъ князьяхъ, въ Москвѣ были дворы, принадлежавшіе князьямъ, до того огромные, что дѣлились какъ удѣлы и даже два князя владѣли однимъ дворомъ [3]). Въ завѣщаніи Іоанна III о дворахъ, данныхъ имъ своимъ дѣтямъ, говорится о томъ, что въ нихъ заводили торги, и о разныхъ судныхъ дѣлахъ, касавшихся живущихъ въ этихъ дворахъ: это указываетъ на обширность и населенность такихъ дворовъ [4]). Въ XVII вѣкѣ царская усадьба въ Измайловѣ простиралась на четыре десятины [5]). Въ Александровской слободѣ конюшенный дворъ занималъ болѣе девяти десятинъ [6]). Велики были дворы архіереевъ

1) Доп. IV. 148.
2) П. С. З. 1. 165.
3) С. Г. Гр. 1. 79.
4) С. Г. Гр. I. 397.
5) Оп. Изм. дв. От. Зап. 1851 г. Мартъ.
6) Влад. Сборн. 173.

и монастыркія подворья въ городахъ и посадахъ; напр. въ Хлыновѣ дворъ владыки имѣлъ 85 саженъ въ длину, а поперекъ въ переднемъ концѣ сорокъ четыре, и въ заднемъ пятьдесятъ четыре сажени, да сверхъ того отведенъ былъ дворъ для его церковныхъ дѣтей боярскихъ въ 61 сажень въ длину и 12 въ ширину [1]). Торговый дворъ Печенскаго монастыря въ Вологдѣ имѣлъ въ длину 60 саж. а поперекъ восемь [2]). Иногда дворы посадскихъ, если въ посадѣ было много мѣста, простирались до пятидесяти и до шестидесяти саженъ въ длину [3]). Какъ велики бывали въ Москвѣ дворы бояръ и знатныхъ особъ, можно видѣть изъ слѣдующихъ примѣровъ XVII вѣка: боярскій дворъ въ длину тридцать семь саженъ безъ трети и поперекъ въ одномъ концѣ—переднемъ — девять, а въ заднемъ тридцать три сажени [4]); другой дворъ (стольника) въ длину двадцать-пять саженъ съ половиною, поперекъ въ одномъ концѣ девятнадцать саженъ съ половиною, а въ другомъ двѣнадцать безъ чети [5]). При сдачѣ земли подъ постройки загородныхъ домовъ считалось достаточнымъ на дворъ двадцать саженъ въ длину, а десять въ ширину [6]). Встрѣчались примѣры усадебъ гораздо меньшаго пространства, какъ-то: четырнадцать саженъ въ длину а поперекъ въ одномъ концѣ тринадцать а въ другомъ десять [7]). Въ посадахъ обыкновенная средняя величина усадебъ была отъ 10 до 20 саженъ въ длину; встрѣчались даже и менѣе, напр. въ 7 саж. въ длину и въ три сажени поперекъ [8]).

[1]) Доп. VI. 76.
[2]) Доп. VI. 381.
[3]) Влад. Сборн. 170.
[4]) Рус. Вѣстн. 1841. I. 229.
[5]) Доп. VI. 351.
[6]) П. С. З. I. 232.
[7]) А. г. Шуи. 58.
[8]) А. отн. до юр. б. I. 681. — Доп. VI. 310.

Вообще форма дворовъ была неправильная и поперечникъ не только не равнялся длинѣ, но въ переднемъ концѣ былъ иной мѣры, чѣмъ въ заднемъ. Всего чаще онъ подходилъ къ равной мѣрѣ съ длиною собственно въ городахъ, гдѣ ограниченность пространства не дозволяла слишкомъ широко располагаться.

Дворы, по возможности, старались располагать на возвышенныхъ мѣстахъ для безопасности отъ полой воды и зимнихъ сугробовъ. Такое правило наблюдалось въ селахъ и деревняхъ при постройкѣ усадебъ владѣльцевъ. Кругомъ дворы огораживались заборомъ, иногда острымъ тыномъ или заметомъ. [1]). Обыкновенно эта городьба была деревянная, но въ XVII вѣкѣ иные дѣлали каменныя или кирпичныя ограды, иногда тамъ, гдѣ на дворѣ вся постройка была деревянная. Такъ въ Москвѣ были усадьбы съ деревянными постройками и каменными оградами [2]). Точно также въ царскомъ имѣніи, въ Измайловскомъ селѣ, хотя постройка была деревянная, но ограда каменная съ сводообразными жильями внутри для прислуги и для хозяйственныхъ принадлежностей [3]). Домовитый хозяинъ старался оградить свою усадьбу такъ, чтобъ черезъ нее никакое животное не пролѣзло и чтобъ отъ сосѣдей не могли приходить слуги къ его слугамъ [4]). Въ ограду вело двое и трое (иногда болѣе: пять и семь) воротъ [5]) и между ними однѣ были главныя, имѣвшія у русскихъ нѣкотораго рода символическое значеніе. Онѣ украшались съ особенною заботливостію, и дѣлались крытыя, а иногда въ видѣ отдѣльнаго проѣзднаго строенія съ надстроенными

[1]) А. г. Шуи. 58.—А. Ю. 130.

[2]) С. Г. Гр. IV. 391.

[3]) Русск. Стар. Мартын. 131.

[4]) Домостр. 87.

[5]) А. Ю. 130. 132.—Русск. Стар. Мартын. 131.

на-верху башенками; самыя створки украшались разными изображеніями, какъ-то: орловъ, оленей, цвѣтовъ и тому подобное. Издревле существовалъ обычай надъ главными воротами городовъ надстраивать часовни и даже церкви: такъ было между прочимъ въ старинномъ Кіевѣ, гдѣ надъ Золотыми воротами была сооружена церковь Благовѣщенія. Сообразно этому обычаю, главные входы въ дворъ получали нѣкотораго рода священное значеніе; надъ воротами зажиточныхъ частныхъ людей почти всегда ставили образа въ кіотахъ. Ни въ день, ни въ ночь ворота не оставляли отворенными; днемъ онѣ были только приперты, а ночью заперты на замокъ и тогда по двору спускали съ цѣпи собакъ. У самыхъ воротъ строилась караульная избушка, называемая воротнею [1]).

Въ самой Москвѣ въ XVI вѣкѣ большая часть зданій были деревянныя [2]) и во всей столицѣ едва можно было насчитать одну восьмую часть каменныхъ [3]); и тѣ занимаемы были преимущественно кладовыми, а не жильемъ: никто не почиталъ каменныхъ зданій удобнѣе деревянныхъ для жилья. При Михаилѣ Ѳеодоровичѣ началъ распространяться вкусъ на каменныя постройки. Алексѣй Михайловичъ его поддерживалъ. При царскомъ дворѣ существовали такъ называемые палатныхъ и городовыхъ дѣлъ мастера, рѣзчики каменныхъ дѣлъ, не только иностранцы, но и русскіе, украшавшіе Москву зданіями. Зажиточные люди стали строить каменные дома или палатки, но все-таки сохраняли старинное убѣжденіе, что въ деревянныхъ домахъ жить здоровѣе,—и самые иностранцы, посѣщавшіе Россію, съ этимъ соглашались [4]).

[1]) А. Ю. 130.—Домостр. 87.—Рус. Стар. Мартын. 131.—Оп. Изм. дв. От. Зап. 1851 Мартъ.

[2]) Jenkins 150.

[3]) Раф. Барб. 9.

[4]) Carlisle 323.

Уже по смерти царя Алексѣя въ 1681 г. приказано было въ Кремлѣ въ Китай-городѣ и Бѣломъ-городѣ строить исключительно однѣ каменныя строенія и для этого выдавали изъ Приказа Большаго Дворца хозяевамъ на постройку кирпичъ по полтора рубля за тысячу съ разсрочкою на десять лѣтъ, а тѣмъ, которые не имѣли средствъ сооружать каменныя постройки, приказано дѣлать вокругъ дворовъ по крайней мѣрѣ каменныя ограды [1]). Это была первая обязательная мѣра о каменныхъ постройкахъ въ Россіи.

Форма домовъ была четвероугольная. Деревянные домы дѣлались изъ сосновыхъ [2]), иногда же изъ дубовыхъ цѣльныхъ брусьевъ [3]). Складывали брусья съ большимъ умѣньемъ, по замѣчаніямъ иностранцевъ, такъ плотно, что не оставалось ни малѣйшей скважины для прохода воздуха и притомъ не употребляя въ цѣломъ домѣ ни одного гвоздя [4]), но скрѣпляли брусья, положенные одинъ сверхъ другого, посредствомъ зубцовъ въ нижнемъ и зарубокъ или выемокъ въ верхнемъ, такъ что зубцы вставлялись въ зарубки или выемки [5]). Цѣлые толстые брусья плотно держались между собою, а для теплоты обивали ихъ еще мхомъ; мохъ клали также по створкамъ дверей и оконъ [6]). Это называлось строить избу во мху; а если продавалась изба, необитая мхомъ, такая изба называлась не избою, а струбомъ [7]).

Особенность русскаго двора была та, что домы строились не рядомъ съ воротами, а посрединѣ отъ главныхъ

[1]) С. Г. Гр. IV. 391.
[2]) Hacl. 183.
[3]) Русск. стар. Мартын. 140.
[4]) Petr. 314.
[5]) Fletch. 94.
[6]) Petr. 314.—Mejerb. 165.
[7]) Доп. IV. 97.

воротъ пролегала къ жилью дорога, иногда мощеная, которую добрый хозяинъ содержалъ постоянно въ чистотѣ и наказывалъ слугамъ счищать съ нея грязь въ дождливое лѣтнее и сугробы въ зимнее время [1]). Вмѣсто того, чтобъ по надобности строить большой домъ или дѣлать къ нему пристройки, на дворѣ сооружали нѣсколько жилыхъ строеній, которыя имѣли общее названіе хоромъ [2]). Надворныя постройки вообще были жилыя и служебныя или кладовыя. Жилыя носили наименованія: избы, горницы, повалуши, сѣнники. Изба была общее названіе жилаго строенія. Горница, какъ показываетъ самое слово, было строеніе горнее, или верхнее, надстроенное надъ нижнимъ и обыкновенно чистое и свѣтлое, служившее для пріема гостей. Названіе повалуши сохранилось теперь въ восточныхъ губерніяхъ, и значитъ кладовую, обыкновенно холодную. Въ-старину хотя повалуши и служили для храненія вещей [3]), но были также и жилыми покоями: неизвѣстно, въ чемъ состоитъ ихъ отличіе отъ горницъ, тѣмъ болѣе, что и повалуши иногда надстраивались надъ нижними строеніями, какъ горницы. Сѣнникомъ называлась комната холодная, часто надстроенная надъ конюшнями и амбарами, служившая лѣтнимъ покоемъ и необходимая во время свадебныхъ обрядовъ.

Очень часто по нѣсколько строеній всѣхъ этихъ видовъ находилось въ одномъ и томъ же дворѣ. Напримѣръ, три горницы и одна повалуша [4]) или двѣ горницы и три повалуши [5]). При каждомъ отдѣльномъ строеніи были сѣни, а часто двое сѣней, однѣ переднія, другія заднія, и тѣ и

[1]) Домостр. 98.

[2]) Оп. г. Шуи 309.—Ак. отн. до юр. б. I. 566.

[3]) Акты отн. до юр. б. I. 263.

[4]) А. Ю. 132.

[5]) А. Ю. 126.

другія теплыя; иногда же два или три жилыхъ строенія подъ одной крышей соединялись теплыми сѣньми, которыя были общими для того и другого жилья. Обыкновенно жилья располагались такъ, что главный домъ былъ съ одной стороны сѣней, а по другую сторону, въ заворотъ, другой домъ, а отъ этого дома еще какое нибудь составляющее съ нимъ уголъ строеніе [1]). Иногда въ одномъ дворѣ нѣсколько домовъ соединялись между собою крытыми переходами, которые были продолженіемъ сѣней. Эти переходы различными линіями проходили отъ одного строенія, къ другому. Въ Измайловскомъ и Коломенскомъ селахъ у царей такіе переходы, покрытые тесомъ и съ слюдяными окончинами въ окнахъ, сходились, какъ у центра, у домовыхъ церквей [2]). Такое устройство вѣроятно было и въ домахъ знатныхъ людей, у которыхъ были церкви, ибо въ тѣ времена многіе бояре, знатные дворяне и вообще богатые люди имѣли у себя домашнія церкви [3]), и тогда изъ всѣхъ жильевъ члены семейства могли сходиться всѣ разомъ для слушанія богослуженія.

Въ XVII вѣкѣ въ Москвѣ дворъ знатнаго человѣка, обнесенный снаружи каменнымъ заборомъ, представлялъ внутри нѣсколько каменныхъ строеній, стоявшихъ на погребахъ и нижнихъ этажахъ. Передъ каждымъ были сѣни. Между ними торчали деревянныя зданія, избы, горницы, свѣтлицы, и множество избъ людскихъ и службъ каменныхъ и деревянныхъ, и все это было соединено переходами.

Начиная отъ царскихъ до зажиточныхъ посадскихъ, способъ расположенія жилыхъ строеній былъ въ главныхъ своихъ чертахъ одинаковъ въ Русской землѣ [4]). У царей

[1]) А. Ю. 132—134.

[2]) Оп. Изм. дв. О. З. 1851 мартъ 18—10.—Русск. Стар. Мартын. 140.

[3]) Доп. II. 91.—Котоших. 119.

[4]) Petr. 319.

для каждаго члена семейства строили особыя хоромы даже тогда, когда эти новые хозяева не выходили еще изъ дѣтскаго возраста. Точно также и у зажиточнаго крестьянина для братьевъ, сыновей и племянниковъ хозяина—строились избы, соединенныя между собою; иногда двѣ и три избы подъ одною кровлею соединялись между собою сѣнями [1]), иногда нѣсколько избъ связывались переходами.

Такой своебразный способъ постройки какъ будто выражалъ сочетаніе родоваго единства съ личною и семейною отдѣльностью и дворъ русскаго зажиточнаго человѣка напоминалъ собою древнюю удѣльную Русь, гдѣ каждая земля стремилась къ самобытности и всѣ вмѣстѣ не теряли между собою связи.

Въ числѣ причинъ, побуждавшихъ такимъ образомъ располагать жилыя помѣщенія, было и то, что при такомъ способѣ постройки удобнѣе было по смерти владѣльца наслѣдникамъ раздѣлиться между собою, а въ случаѣ если бъ кто пожелалъ выселиться и завести собственный дворъ, ему легче было бы перенести на новое мѣсто то, что ему досталось изъ строеній по раздѣлу [2]).

У простолюдиновъ избы были черныя, то есть курныя безъ трубъ; дымъ выходилъ въ маленькое волоковое окно; при собственно такъ называемыхъ избахъ были пристройки, называемыя комнатами. Въ этомъ пространствѣ жилъ бѣдный русскій мужикъ, какъ живетъ во многихъ мѣстахъ и теперь, съ своими курами, свиньями, гусьми и телками, посреди невыносимой вони. Печь служила логовищемъ цѣлому семейству, а отъ печи по верху подъ потолокъ придѣлывались полати [3]). Къ избамъ придѣлывались разные пристѣнки и прирубки [4]). У зажиточныхъ крестьянъ, кромѣ

[1]) А. г. Шуи 178.

[2]) А. отн. до юр. б. I. 684.

[3]) Carl. 335.—Petr. 414.—Барбер. 10.—Оп. г. Шуи 13.—Врем. XX.

[4]) А. Юр. 147.

избъ, были горницы на подклѣти съ комнатами, то-есть двухъ-этажные домики [1]). Курныя избы были не только въ городахъ, но и въ посадахъ и въ XVI вѣкѣ въ самой Москвѣ [2]). Случалось, что въ одномъ и томъ же дворѣ находились и курныя избы, называемыя черными или поземными, и бѣлыя съ трубами, и горницы на нижнихъ этажахъ [3]).

Зажиточные люди обыкновенно строили себѣ дома въ два жилья, нерѣдко съ надстройкою на-верху, которая придавала дому снаружи видъ трехъ-яруснаго.

Предъ входомъ стояло крыльцо. Въ низкихъ одно-этажныхъ избахъ, вмѣсто крыльца съ ступенями, былъ деревянный помостъ, называемый передмостьемъ [4]). Въ простыхъ деревянныхъ домахъ оно огораживалось только перилами [5]). Въ богатыхъ домахъ крыльца дѣлались съ кувшинообразными колоннами и покрывались остроконечными кровлями [6]). Входъ въ нижній этажъ чаще всего былъ черезъ особую отъ крыльца дверь или извнутри: ступени крыльца вели обыкновенно на террасу, называемую *рундукомъ*, огороженную балясами [7]), потомъ прямо въ сѣни втораго яруса. Соотвѣтствующая ему часть въ нижнемъ этажѣ дополнялась также сѣньми и называлась подсѣнье. Какъ сѣни, такъ и подсѣнье пристраивались съ двухъ сторонъ дома и однѣ были переднія, другія заднія. Въ этихъ сѣняхъ и подсѣньяхъ дѣлались чуланы и коморки, иногда свѣтлыя, иногда темныя [8]).

[1]) Доп. Ш. 97.
[2]) Раф. Барб. 10.
[3]) А. г. Шуи 58.
[4]) А. Юр. 130.
[5]) Ак. отн. до юр. б. I. 263.
[6]) Русск. Стар. Мартын. 146.
[7]) Подр. на постр. дома цар. Ив. О. 3. 1851. Мартъ 23.
[8]) А. Ю. 132.—Доп. II. 91.

Нижній этажъ назывался подклѣтомъ и за единицу зданія принимался второй, такъ что говорилось: изба на подклѣтѣ, горница на подклѣтѣ. Подклѣты были жилые и глухіе. Въ первомъ случаѣ они служили для прислуги и для исправленія домашнихъ службъ, а во второмъ для кладовыхъ, или же въ нихъ устраивались мыльни. Въ купеческихъ домахъ въ подклѣтахъ сваливались товары. Въ казенныхъ зданіяхъ подклѣтамъ давали назначеніе, сообразное потребностямъ, для которыхъ существовало зданіе; напр., подклѣты подъ съѣзжею избою занимались тюрьмою; въ кабачныхъ зданіяхъ тамъ устраивались вообще подвалы. Иногда подъ самымъ подклѣтомъ былъ выходъ или погребъ для храненія напитковъ; но когда подклѣты были жилые, въ нихъ дѣлались печи, и оттуда проводились во второй этажъ нагрѣвательныя цѣнинныя трубы [1]).

Стоящій на подклѣтѣ второй этажъ занималъ хозяйское жилье. У людей посредственнаго состоянія они заключали по три, а иногда только по два покоя: горницу, собственно такъ называемую, и комнату; иногда къ нимъ пристраивалась кухня: но чаще кухня была въ особой избѣ, называемой поварнею. Иногда въ одномъ строеніи было два, а въ другомъ три покоя, напр., горница съ комнатою (слѣдовательно два покоя) и повалуша о трехъ жильяхъ [2]), или же число потребныхъ покоевъ замѣняли отдѣльныя строенія, напр., двѣ горницы на подклѣтахъ, и три повалуши, соединенныя между собою сѣньми [3]). Люди богатые, часто учреждавшіе у себя пиры и приглашавшіе много гостей, строили для своихъ парадныхъ обѣдовъ особыя избы въ одинъ покой съ сѣньми, такъ называемыя столо-

[1]) Домостр. 94.—Подр. на постр. О. З. 1851 мартъ 21.—А. г. Шуи 164.—Лѣтоп. Нормантс. Врем. V. 12.—Доп. Ш. 97.

[2]) Д. Б. Русск. Цар. О. З. 1851 февраль.

[3]) А. Ю. 126.

выя [1]). Вообще же въ одномъ строеніи не было больше трехъ, рѣдко четырехъ покоевъ. Даже у царей было только четыре покоя: передняя, крестовая, комната (кабинетъ) и спальня. Въ избушкахъ же, построенныхъ для особъ царскаго семейства, покоевъ было не болѣе трехъ, а иногда и двухъ [2]). У зажиточныхъ людей, сверхъ горницы и комнаты, была также крестовая или образная, гдѣ хозяинъ молился съ своимъ семействомъ; но иногда такая комната находилась и въ особомъ жильѣ. Самая обычная постройка была въ два покоя, да сверхъ того при комнатѣ дѣлалась каморка, гдѣ ставилась постель; другія же горницы о-бокъ главнаго дома дѣлались въ одинъ покой и назывались одинокими [3]).

Надстройки надъ горницами назывались чердаками, а надъ сѣньми вышками. Иногда эти надстройки имѣли затѣйливыя фигуры, какъ напримѣръ, на рисункѣ посольскаго двора у Олеарія: на одномъ концѣ зданія башня съ окномъ, а въ другомъ съ куполомъ, а на куполѣ шарикъ; на другомъ концѣ четвероугольная башня съ зубцами, по срединѣ шпицъ [4]). Иногда чердаки дѣлались четвероугольными зданіями, менѣе второго этажа по объему, и заключали одну свѣтлую комнату, иногда же образовывали третій этажъ, равный второму; напримѣръ, горница, а надъ нею повалуша съ полатками [5]). Въ царскихъ зданіяхъ верхніе этажи имѣли такое же расположеніе, какъ и среднія, съ передними и задними сѣньми, но съ большими отличіями; такъ, напримѣръ, въ Измайловскомъ въ верхнемъ ярусѣ было три покоя, тогда какъ въ среднемъ четыре.

[1]) А. Юр. 132.

[2]) Оп. Изм. дв. От. Зап. М. 1851. 18—21.—Русск. Стар. Март. 131.

[3]) А. отн. до юр. б. I. 673.

[4]) Olear. 128.

[5]) Врем. XIV. Смѣсь. 13.

Вообще чердаки или верхніе этажи дѣлались свѣтлѣе и убирались красивѣе среднихъ. Они собственно были то, что называлось теремами, которымъ на поэтическомъ языкѣ старой Руси усвоивался эпитетъ высокихъ. Впрочемъ, названіе терема усвоивалось и второму или среднему этажу, если надъ нимъ не было верхней надстройки. Иногда и надъ самымъ чердакомъ или теремомъ дѣлалась еще четвертая надстройка—небольшая башенка или смотрильня [1]).

Сѣни вообще дѣлались пространнѣе самихъ покоевъ и особенно въ нижнемъ этажѣ, или подсѣньѣ, такъ что въ домѣ, который заключалъ на верху два покоя съ сѣньми, подсѣнье внизу охватывало пространство, занимаемое во второмъ этажѣ не только сѣньми, но и частію покоевъ [2]). Бывало и на оборотъ: сѣни были обширнѣе подсѣнья и среднее жилье выдавалось впередъ изъ линіи. Такимъ образомъ, не всегда соблюдалась пропорціональность между этажами и среднiй бывалъ снаружи больше нижняго, даже и по величинѣ самыхъ покоевъ, напр., подклѣтъ въ полторы сажени, а среднiй этажъ или горница въ три [3]). Заднія сѣни большею частію были просторнѣе переднихъ, напр., переднія въ четыре, заднія въ десять саженъ [4]). Вообще же средняя величина сѣней была отъ четырехъ до шести саженей; въ малыхъ домахъ, разумѣется, и менѣе. Изъ покоевъ только передняя или горница да столовая изба въ большихъ домахъ отличались просторомъ, напр., горницы въ четыре сажени, а столовыя въ шесть или семь саженъ [5]). Комната всегда дѣлалась меньше и уже, чѣмъ передній покой или горница. Но въ домахъ небольшого

[1]) Русск. стар. Мартын. 62. 131.—Оп. Изм. дв. Отеч. Зап. 1851 мартъ.—Доп. VI. 351.

[2]) А. Юр. 132.

[3]) Доп. I. 391.

[4]) Оп. Изм. дв.

[5]) Русск. стар. Мартын. 131.

пространства иногда комнаты были одинаковы съ горницами, напр., обѣ по двѣ сажени. Самая же обычная мѣра покоевъ вообще была отъ двухъ до трехъ саженъ длиною, а въ ширину или столько же, или немного менѣе. Такъ и въ Москвѣ палатныя строенія богатыхъ господъ имѣли отъ $2^1/_2$ до трехъ саженъ длины и около двухъ шириною [1]. Верхніе этажи или чердаки по большей части были хотя меньше среднихъ, но покои въ нихъ не были тѣснѣе, напротивъ просторнѣе, и для того сокращалось ихъ число противъ числа въ среднемъ этажѣ; напр., если въ среднемъ этажѣ было три покоя, на чердакѣ два. Иногда же чердакъ строился не надъ однимъ среднимъ этажемъ, а надъ двумя, тремя и даже четырьмя строеніями, соединенными связьми; тогда комнаты въ немъ были значительно просторнѣе, напр., въ среднихъ жильяхъ отъ двухъ до двухъ съ половиною саженъ, а на чердакѣ отъ четырехъ до четырехъ съ половиною въ длину, и отъ двухъ съ половиною до трехъ въ ширину [2]. Средняя высота покоевъ вообще была отъ трехъ до четырехъ аршинъ [3].

Обыкновенная крыша русскихъ домовъ была деревянная, тесовая, гонтовая или изъ драни. Въ XVI и XVII вѣкѣ было въ обычаѣ покрывать сверху кровлю березовою корою отъ сырости; это придавало ей пестроту; а иногда на кровлѣ клали землю и дернъ въ предохраненіе отъ пожара. Обыкновенная форма крышъ была скатная на двѣ стороны съ фронтонами на другихъ двухъ сторонахъ, какъ теперь дѣлается у простолюдиновъ. Иногда всѣ отдѣлы дома, то-есть подклѣтъ, среднiй ярусъ и чердакъ находились подъ однимъ скатомъ, но чаще чердакъ, а у другихъ и средніе этажи имѣли свои особыя крыши. У бо-

[1]) Доп. VI. 351.

[2]) Доп. VI. 351.—Оп. Изм. дв. 18. –Русск. Стар. Март. 131.

[3]) Подр. на постр.

гатыхъ особъ были кровли затѣйливой формы, напр., бочечная въ видѣ бочекъ, япанечная въ видѣ плаща. По окраинѣ кровля окаймлялась прорѣзными гребнями, рубцами, полицами, или перилами съ точеными балясами. Иногда же по всей окраинѣ дѣлались теремки — углубленія съ полукруглыми или сердцеобразными линіями. Такія углубленія преимущественно дѣлались на теремахъ или чердакахъ и были иногда такъ малы и часты, что составляли койму кровли, а иногда такъ велики, что на каждой сторонѣ было ихъ только по парѣ или по три, и въ срединѣ ихъ вставлялись окна [1]).

На фронтонахъ и на стѣнахъ около оконъ дѣлались разныя изображенія: линейки, листья, травы, зубцы, узоры, птицы, звѣри, единороги, всадники на коняхъ и проч. На каменныхъ зданіяхъ они дѣлались изъ камня или кирпича. Такъ въ древнемъ углицкомъ домѣ царевича Димитрія по фронтону во всю стѣну проведены широкія линейки, раздѣляющіяся на три меньшія, и въ каждой изъ послѣднихъ своеобразныя фигуры: узоры, башенки, города, трехъугольники и проч. [2]). На деревянныхъ зданіяхъ эти украшенія были рѣзныя. Рѣзьба была старинною принадлежностію славянской образованности и до сихъ поръ у русскихъ поселянъ составляетъ наружное украшеніе избъ. На царскихъ теремахъ рѣзныя фигуры наводились золотомъ и красками; то же было и у частныхъ лицъ зажиточнаго состоянія, какъ это сохранилось отчасти и теперь въ житьѣ-бытьѣ поселянъ. Такими украшеніями особенно пестрили чердаки, чтобъ издали плѣнять взоры проѣзжихъ. Въ Коломенскомъ селѣ на верху были поставлены щиты и на

[1]) Jenkins. Hacl. 349. Chansl. ibid.—Olear. 144.—Petr. 319.—Русск. Стар. Март. 131. 137.—Доп. VI. 351. — Дом. бытъ русск. цар. Отеч. Зап. мартъ 1851.

[2]) Русск. Стар. Март. 137.

нихъ написаны четыре части свѣта и судъ царя Соломона [1]).

Въ простыхъ русскихъ избахъ окна были волоковыя для пропуска дыма. По надобности, на нихъ натягивали кожу [2]); вообще эти отверстія въ избахъ бѣдныхъ были малы, для сохраненія теплоты [3]), и когда ихъ закрывали, то въ избѣ среди дня было почти темно. Въ зажиточныхъ домахъ окна дѣлались большія и малыя; первыя назывались красными, послѣднія были по фигурѣ своей продолговатыя и узкія [4]). Въ каменныхъ зданіяхъ онѣ были еще уже, чѣмъ въ деревянныхъ. Иногда въ одномъ и томъ же покоѣ дѣлались окна и красныя, и малыя, послѣднихъ числомъ больше, такъ, напримѣръ, одно красное и два малыхъ [5]). Извнутри окна заслонялись втулками, обитыми красною матеріею, а съ наружной стороны желѣзными ставнями; послѣднее было въ обыкновеніи въ каменныхъ домахъ въ Москвѣ и служило предохраненіемъ отъ пожаровъ [6]). Вмѣсто стеколъ употребляли чаще слюду [7]), которая вставлялась въ окна широкими и тонкими кусками. Самый простой способъ вставки слюдяныхъ кусковъ былъ посредствомъ снурковъ [8]). Но они располагались иногда съ большимъ искусствомъ и нарядностью; дѣлался желѣзный крестъ, около котораго во всѣ стороны расходились жердочки въ видѣ различныхъ фигуръ; въ эти фигуры вставлялись кусочки слюды; такимъ образомъ окна были

[1]) Русск. Стар. Март. 140. –Дворц. Прих. XVII в. въ Дом. Бытѣ Русск. Цар. О. Зап. 1851 г. Сентябрь.

[2]) Chansl. 183.

[3]) Petr. 314.

[4]) Chansl. 277.—Olear. 146.

[5]) Врем. XIV. См. 13.

[6]) Дом. Б. Р. Ц. О. З. 1851. Сент.—Olear. 146.—Carlisle 74.—Jenkins. Hacl. 350.

[7]) Врем. XIV. См. 13.

[8]) Tuberv. Hacl. 433. 437.

образчатыя, когда слюда была вставлена четвероугольными кусочками, репьястыя, когда вставляли ее репейками [1]). Слюду расписывали красками и фигурами птицъ, звѣрей, травъ, листьевъ и проч. Стекла было мало въ употребленіи: до открытія стеклянныхъ фабрикъ при Алексѣѣ Михайловичѣ стекло исключительно доставлялось изъ-за границы, и потому вошло въ употребленіе для оконъ въ Новгородѣ раньше, чѣмъ въ Москвѣ. Преимущественно употреблялись стекла цвѣтныя, бывшія въ повсемѣстномъ употребленіи въ Западной Европѣ [2]).

Большія или красныя окна назывались косящетыми,— эпитетъ столь употребительный въ народной поэзіи. Нѣкоторыя изъ этихъ красныхъ оконъ были двойныя, то-есть два одинакихъ окна стояли рядомъ и раздѣлялись одно отъ другого продольною перекладиною. Въ расположеніи оконъ не соблюдалось соразмѣрности. Большія и малыя перемѣшивались безъ разбора между собою и стояли въ одномъ и томъ же поясѣ строенія не на одной линіи. Разстояніе между одними и другими было неравномѣрное съ разстояніемъ другихъ между собою. Въ подклѣтахъ вообще оконъ было меньше. Въ изображеніи посольскаго дома, снятаго у Олеарія, въ нижнемъ ярусѣ только два окна, выше ихъ ряды съ обѣихъ сторонъ, выше ихъ на одной сторонѣ четыре окна четвероугольной фигуры, имѣющія ширины, больше чѣмъ длинины, а далѣе на этой же сторонѣ еще выше два окна, на другой сторонѣ рядъ четвероугольныхъ оконъ, неправильно между собою размѣщенныхъ [3]). Кромѣ четвероугольной формы, окна дѣлались еще съ дуговыми верхами, а иногда такъ, что дуги раздѣлялись на три меньшихъ дужки или выемки. Вообще русскіе любили свѣтъ въ парадныхъ своихъ

[1]) Дом. Б. Русск. Цар. О. З. 1851. сент.

[2]) Доп. I. 144.

[3]) Olear. 128.

покояхъ и потому, если большая часть оконъ была узкихъ и маленькихъ, за то иногда въ одной комнатѣ было ихъ нѣсколько, кромѣ краснаго окна. Чердаки дѣлались всегда свѣтлые. Случалось, что окна были съ трехъ, а если чердакъ былъ холодный, то и съ четырехъ сторонъ, и притомъ нерѣдко онѣ были двойныя. Такіе-то покои назывались преимущественно свѣтлицами. Сѣни освѣщались окнами обильно.

Потолки въ каменныхъ зданіяхъ строились сводомъ, а въ деревянныхъ были плоскіе и назывались подволоками; ихъ часто обивали крашенымъ тесомъ. Полы дѣлались изъ такъ называемаго дубоваго кирпича (родъ торца). Стѣны какъ и потолки не только въ деревянныхъ, но и въ каменныхъ строеніяхъ обивались краснымъ тесомъ; для чистоты ихъ нужно было мыть, но вообще русскіе держали ихъ неопрятно. Сверхъ теса богатые обивали стѣны красною кожею, а люди посредственнаго состоянія рогожами. Въ XVII вѣкѣ начало входить во вкусъ расписывать потолки и своды, а иногда и стѣны. Печи дѣлались муравленыя, зеленыя, совершенно круглой, иногда четвероугольной формы, съ желѣзными заслонами. Часто топка, какъ уже было замѣчено, была только въ подклѣтѣ, а въ верхній этажъ проводились нагрѣвательныя трубы. Кругомъ стѣнъ подъ окнами дѣлались лавки, которыя не принадлежали къ мебели, но составляли часть постройки зданія и были прикрѣплены къ стѣнамъ неподвижно. Двери дѣлались деревянныя, столярной работы, на желѣзныхъ крюкахъ или на мѣдныхъ луженыхъ жиковинахъ (петляхъ), подъ которыя подкладывали красное сукно; двери были такъ малы и узки, что едва можно было въ нихъ войти; въ каменныхъ палатахъ и кладовыхъ дѣлались желѣзныя двери [1]).

[1]) Herberst. 38.—Chansl. Hacl. 277.—Olear. 203. — Mejerb. 136. — Врем. VII. 73.—От. Зап. 1851 г. М. 25. Оп. Изм. дворца.

Весь дворъ зажиточнаго человѣка, кромѣ домовъ для помѣщенія семейства, заставленъ былъ множествомъ людскихъ избъ и службъ. Одного рода людскія избы были очень просторны и назывались семейныя. Тамъ жило по нѣсколько семействъ холоповъ. Другія были маленькія избушки и назначались для помѣщенія избранной прислуги; для кухни и печенія хлѣбовъ служили особыя строенія: поварня и хлѣбня. Такъ называемые лучшіе люди, которымъ было дозволено варить пиво, дѣлать медъ и курить вино для собственнаго обихода, имѣли въ своихъ дворахъ особыя пивоварни и покои, гдѣ сытили меды, а нѣкоторые и винокурни. Необходимая принадлежность всякаго порядочнаго двора была мыльня. Вездѣ почти она составляла особое строеніе; но въ домахъ царей и вѣроятно у знатныхъ особъ, кромѣ мылень въ особыхъ строеніяхъ, для ежедневныхъ омовеній устраивались еще небольшіе закоулки для мытья въ подклѣтахъ и домахъ. Часто у хозяевъ, очень небогатыхъ, въ числѣ надворныхъ строеній была мыльня, какъ принадлежность первыхъ жизненныхъ потребностей. Она состояла изъ комнаты съ печью для мытья, съ притворомъ, который равнялся сѣнямъ въ жилыхъ покояхъ и назывался передмыленье и передбанникъ. Для храненія домашняго имущества строились клѣти: у богатыхъ было по нѣскольку клѣтей на дворѣ; каждая стояла на подклѣтѣ и такимъ образомъ состояла изъ двухъ этажей. Въ подклѣтахъ, которые дѣлались шире самыхъ клѣтей, ставились колясы, сани, каптаны, колымаги, дровни, страдные одры (рабочіе носилки) и проч. На верху же были кладовыя, и если клѣтей было во дворѣ нѣсколько, то для каждой назначались особые предметы; напримѣръ, въ одной находились принадлежности ѣзды: сѣдла, попоны, войлоки, узды, тебеньки; въ другой хранилось оружіе: пищали, ручницы, саадаки, луки, рогатины, сабли и проч.; въ третьей—все относящееся до столовой утвари; въ чет-

вертой—одежды, и такъ далѣе. Погреба и ледники обыкновенно помѣщались вмѣстѣ, а надъ ними дѣлались надпогребницы: иногда онѣ занимаемы были клѣтьми, иногда повалушами, иногда хлѣбнею, чаще всего тамъ складывались разные припасы, не требующіе помѣщенія въ погребахъ и ледникахъ. Случалось, что надпогребницы служили мѣстомъ угощеній прислуги, прибывшей съ господами, приглашенными на домашній пиръ хозяиномъ. Въ самыхъ погребахъ и ледникахъ хранилось питье, всякаго рода зелень, сыръ, яйца, молоко и проч. Кромѣ этихъ хозяйственныхъ службъ, въ дворахъ были житницы, гдѣ хранился зерновой хлѣбъ, мука и сухари, заготовляемые въ большомъ количествѣ въ бочкахъ, сундукахъ, пошевахъ, ночвахъ, коробахъ; надъ житницею обыкновенно устраивалось сушило (иногда оно было надъ погребомъ или надъ конюшнею), гдѣ висѣло соленое мясо, вялая, вѣтреная, прутовая и пластовая рыба въ рогожахъ. Далѣе слѣдовалъ другой дворъ, отгороженный отъ главнаго заметомъ; тамъ находилась конюшня съ сѣнницею на верху: въ сѣнницахъ дѣлалось два отдѣленія, одно для сѣна, другое для соломы. О-бокъ ея были разные сараи съ экипажами, приготовленными для обычной ѣзды и вытащенными заранѣе изъ подклѣтовъ, сарай для дровъ и дерева, за нимъ слѣдовали хлѣвы для коровъ и свиней, птичники для куръ, утокъ, гусей, иногда надъ этими обителями четвероногихъ и пернатыхъ надстраивались сѣнники. Въ деревенскихъ имѣніяхъ для скота, лошадей, также и для хлѣбнаго зерна были особые дворы, построенные о-бокъ главнаго и назывались: скотный дворъ, овечій дворъ, конюшенный дворъ, житный дворъ, льняной дворъ. Конюшенные и скотные дворы, заключая большое количество домашнихъ животныхъ, раздѣлялись на десятины и въ каждой десятинѣ содержалось извѣстное количество штукъ. Житные дворы заключали въ себѣ строенія, называемыя житницами, куда

ссыпалось хлѣбное зерно, по мѣрѣ умолота доставленное съ гумна, а льняной дворъ имѣлъ нѣсколько амбаровъ, гдѣ складывались ленъ, конопля и пряжа. Между этими дворами помѣщалось гумно и вмѣстѣ съ нимъ овинъ съ печами и ригами. По краю усадебныхъ строеній находились кузницы. Такъ какъ очень часто владѣльческія усадьбы находились близъ воды, рѣки или пруда, то вслѣдъ за дворомъ находилась водяная мельница [1]).

Вообще хорошій зажиточный хозяинъ старался, чтобъ его усадьбы имѣли возможнѣйшую полноту и заключали въ себѣ всѣ нужныя хозяйственныя заведенія и постройки, но само собою разумѣется, что не всѣ дворы имѣли такое множество зданій; иногда вся постройка ограничивалась одною избою, клѣтью, банею да погребомъ съ надпогребницею [2]). Въ посадахъ иногда дворы заключали только: избу съ сѣнями, сарай и погребъ, надъ которымъ находилась клѣть [3]). Въ самой Москвѣ встрѣчались дворы, небогатые количествомъ зданій, напримѣръ, три избы съ двумя пристѣнами, клѣть, мыльня, погребъ да ледникъ съ надпогребницами [4]). Вотъ примѣръ деревенскихъ усадебъ: двѣ горницы: одна на подклѣтахъ, другая большая съ сѣньми, сѣнница, стоящая на подсѣньи, клѣть съ перерубами на подклѣтахъ, хлѣвецъ малый, сосновый сарай; или: изба съ прирубомъ, противъ нея клѣть, на подклѣтахъ хлѣвъ, сѣнникъ, да мыльня, сарай, овинъ съ ригичемъ, огороженный тыномъ. Примѣръ крестьянскаго строенія: изба трехсаженная, клѣть, сѣнникъ, сарай (иногда

[1]) Русск. Стар. Март. 128. — А. И. П. 283.—А. Юр. 125, 126, 129, 130, 132.—Доп. I. 391. VI. 351.—Оп. Шуи 304.—А. г. Шуи 58, 100.— Врем. VII. Кн. посѣв. Мороз.—XIII. Расх. кн. 26.—Досмотр. Врем. I. 92, 94.

[2]) Оп. Шуи 309.

[3]) А. отн. до Юр. б. I. 681.

[4]) А. Юр. 147.

не было сѣнника, иногда сарая, иногда клѣти), мыльня, амбаръ, иногда омшанникъ [1]).

Казенныя зданія имѣли постройку, приноровленную къ ихъ назначенію, напр., кабаки строились обыкновенно такъ: во дворѣ возвышался деревянный домъ, подъ которымъ былъ подвалъ для храненія питья, а о-бокъ его омшанникъ съ печью, гдѣ ставили питье; вѣроятно, печь была для того, чтобъ имѣть горячую воду для разведенія водки. Другія зданія на дворѣ были: ледникъ, надъ которымъ надстроено сушило, поварня, гдѣ производились работы и стояли инструменты, и стояльная изба, гдѣ находилась стойка, за которою сидѣли цѣловальники и продавали вино, а собираемыя ими деньги были относимы и хранимы въ горницѣ, стоявшей, какъ выше сказано, надъ погребомъ [2]).

При усадьбахъ были сады и огороды; обычай заводить ихъ при домахъ наблюдался въ Москвѣ въ XVI и въ XVII вѣкахъ. Иностранцы, посѣщавшіе русскую столицу, замѣчали, что въ ней трудно было найти дворъ, гдѣ бы не было сада [3]). На посадахъ почти повсемѣстно встрѣчались при домахъ сады и огороды съ плодовыми деревьями [4]). Сады садились не только для удовольствія, но и для пользы, а потому они вездѣ почти были плодовые. Обыкновенныя дерева были: яблони, которыя сажались одна отъ другой сажени на три, и ягодныя растенія; встрѣчались также груши; вишень было мало. Между деревьями копались гряды, на которыхъ сажали огурцы, морковь, рѣпу и другую огородную зелень; поэтому обыкновенно садъ былъ вмѣстѣ и огородомъ. Нѣкоторые дѣ-

[1]) А. Юр. 129, 198, 202, 205.—А. отн. до Юр. б. I. 684.
[2]) Доп. III. 97.
[3]) Пав. Іов. 33.
[4]) А. Юр. 130.

лали парники и воспитывали на нихъ дыни. Около тына или забора, ограждавшаго садъ, сажали обыкновенно капусту и свеклу. Лѣсныя деревья садились рѣдко, и если встрѣчались въ садахъ, то преимущественно или пахучія, какъ напр., черемуха, или особенно нарядныя, какъ напр., рябина или калина [1]).

VIII.

Домашняя мебель и утварь.

Главное украшеніе домовъ составляли образа: не было въ домѣ покоя, гдѣ бы ихъ не висѣло нѣсколько, и чѣмъ хозяинъ былъ зажиточнѣе, тѣмъ болѣе это выказывалось множествомъ образовъ; ихъ ставили не только въ жилыхъ покояхъ, но въ сѣняхъ, лавкахъ и амбарахъ [2]). Большому числу образовъ въ домахъ способствовало еще и то, что въ·старину было въ обычаѣ дарить пріятелей образами; такимъ образомъ, царей и князей дарили образами монастыри, владыки и бояре [3]). То же наблюдалось и въ сношеніяхъ частныхъ лицъ между собою.

Образа были иконописныя произведенія русскихъ художниковъ: по всеобщему вѣрованію, благодать не пребываетъ надъ тѣмъ образомъ, который писанъ человѣкомъ не православной вѣры [4]). Образа писались на доскахъ по краскамъ или по золотому полю. Около головы святыхъ дѣлали вѣнцы изъ золота или позолоченнаго серебра, украшенные по ободку драгоцѣнными камнями или жемчужною обнизью. Часто цѣлый образъ окладывался золотымъ

[1]) Доп. 1. 391. VI. 351.—Врем. I. Домостр. 78.

[2]) Carl. 355.—Petr. 387.

[3]) Врем. VII. См. Оп. им. ц. Ив. Вас. 3—6. — Врем. II. См 22.

[4]) Carlisle 351.

или серебрянным окладомъ— работы басмянной, чеканной, сканной, канфаренной и другихъ видовъ, которыми щеголяло тогдашнее металлическое искусство. Образа ставились въ кіоты. Кромѣ кіотовъ съ окончинами, дѣлали кіоты со створками, и какъ на наружной, такъ и на внутренней сторонѣ створокъ писались изображенія. Одни образа представляли картины изъ священной исторіи, другіе изображали святыхъ во весь ростъ и назывались стоячими, а иные только по грудь—и назывались оплечными образами. Кромѣ дерева, изображенія святыхъ вырѣзывались на перелефти, камнѣ или бѣлой кости; въ-старину въ большомъ употребленіи были металлическіе складни со створками, и на каждой створкѣ, и снаружи, и изнутри, нарѣзывались изображенія; средній образъ, закрываемый створками, былъ больше прочихъ. Иногда на складняхъ нарѣзывались или начеканивались молитвенныя слова, какъ напр. *О тебѣ радуется благодатная* или *Хвалите имя господне*, смотря по содержанію изображеній. Кромѣ складней, можно было часто встрѣтить осмиконечные кресты золотые, серебрянные и больше всего мѣдные съ распятіями литыми или рѣзными. Наконецъ, въ употребленіи были золотыя и серебрянныя круглыя медали съ изображеніями на обѣихъ сторонахъ. Такія медали давали родственники своимъ кровнымъ: родители дѣтямъ, свекры невѣсткамъ, и проч. Примѣромъ такой медали можно указать одну, XV вѣка, съ изображеніями: на одной сторонѣ Христа Спасителя, на другой св. Николая въ святительской одеждѣ съ евангеліемъ, подаренную княземъ Холмскимъ своей невѣсткѣ. Такія медали привѣшивали къ образамъ. Другіе, кромѣ этихъ медалей, прицѣпляли къ нимъ старинныя гривны, червонцы, золотыя цѣпи, жемчужныя серги, перстни съ драгоцѣнными камнями [1]).

[1]) А. И. I. 283. II. 405.—Собр. госуд. гр. I. 301.—А. отн. до Юр. б. 556.—Врем. VII. См. Оп. им. царя Ив. Грозн. 3. 5.—Chaud. 113.

Трудно опредѣлить, какихъ святыхъ иконы встрѣчались чаще. Это зависѣло отъ вкуса и отъ обстоятельствъ жизни хозяевъ домовъ; но, кажется, въ каждомъ домѣ можно было встрѣтить нѣсколько образовъ Божіей Матери въ различныхъ наименованіяхъ; какъ-то: Одигитріи-Пятницы, Богородицы милостивыя, Умиленія, Скорбящія, и т. д. У Ивана Грознаго изъ тридцати семи образовъ двадцать одинъ изображалъ Пресвятую Дѣву. Затѣмъ очень часто можно было встрѣтить образъ св. Николая Чудотворца, котораго, какъ извѣстно, русскіе особенно уважали.

Образа ставились въ переднемъ углу покоя и этотъ уголъ задергивался занавѣсомъ, называемымъ застѣнокъ. Сверхъ того, каждый образъ поодиначкѣ задергивался привѣшеннымъ къ концу его убрусцемъ, а внизу спускался кусокъ матеріи, называемый пеленою. Застѣнки, убрусцы и пелены у богатыхъ людей унизывались драгоцѣнными ка́мнями и дробницами (металлическими блестками), особенно по концамъ, а иногда на нихъ вышивались изображенія святыхъ. Убрусцы и пелены перемѣнялись на образахъ, и въ извѣстные праздничные дни привѣшивались болѣе нарядные, чѣмъ въ будни и въ посты. Передъ иконами висѣли лампады и стояли восковыя свѣчи. Между всѣми образами, стоявшими въ одномъ углу, былъ одинъ главный, поставленный на первое мѣсто посрединѣ угла, а всѣ прочіе ставились по важности своего содержанія ближе или далѣе отъ него. Нѣкоторымъ образамъ по чему нибудь приписывали особую силу и тогда наряжали и украшали ихъ преимущественно предъ другими. Въ домѣ зажиточнаго хозяина, кромѣ множества образовъ, во всѣхъ покояхъ и жилыхъ, и глухихъ, была одна комната, гдѣ стояли исключительно образа во всю стѣну, на подобіе церковнаго иконостаса; тамъ происходило домашнее моленіе. Тамъ подъ образами стоялъ аналой съ книгами, просфора

Пресвятыя Богородицы, которой приписывали благодатную силу и ставили во время трапезы на столѣ, а по бокамъ подсвѣчники съ восковыми свѣчами; на полицѣ подъ образами лежало крылышко для обметанія пыли и губка для отиранія. Такія-то комнаты, какъ сказано выше, назывались крестовыми; у богатыхъ людей, державшихъ домашнихъ священниковъ, тамъ священники отправляли ежедневное служеніе: заутреню, часы и вечерню [1]).

Вообще въ домашнемъ устройствѣ замѣтенъ былъ у русскихъ обычай укрывать и покрывать. Въ порядочномъ домѣ полы были покрыты коврами, у менѣе зажиточныхъ рогожами и войлоками. Въ сѣняхъ у дверей лежала непремѣнно рогожа или войлокъ для обтиранія ногъ, потому что калошъ никто не носилъ. Для сидѣнья служили лавки, придѣланныя, какъ сказано уже, къ стѣнамъ наглухо. Если стѣны были обиты, то и лавки обивались тѣмъ же самымъ, чѣмъ стѣны; но, сверхъ того, на нихъ накладывались куски матеріи, называемые полавочниками; они дѣлались о двухъ полотнищахъ, такъ что одно было длиннѣе другаго; первое закрывало лавку во всю ея длину, а послѣднее свѣшивалось до земли, закрывая средину пространства между лавкою и поломъ. Ихъ длина и ширина были различны, смотря по лавкамъ, которыхъ величина соразмѣрялась съ пространствомъ покоевъ. Были, напримѣръ, полавочники въ шесть аршинъ длиною и въ два шириною. Но изъ этого нельзя заключать, чтобъ лавки были широки, ибо здѣсь принималась ширина всего полавочника въ двухъ полотнищахъ [2]). Полавочники перемѣнялись: въ будни клались попроще, въ праздники и во время пріема гостей понаряднѣе. Такимъ образомъ въ

[1]) Врем. VII. См. Оп. им. царя Ив. Грозн. 1. 4.—Домостр. Врем. I. 8—9 А. И. II. 405. IV. 399.—Собр. гос. гр. I. 301.—Котош. 119.—Mejerb 2. 76.—Доп. 1. 192.

[2]) Оп. хоромн. нар. О. З. 1851. сент. 115.

будни клались полавочники суконные, а въ праздники изъ шелковой матеріи, подбитые какою нибудь простою тканью и отороченные кускомъ матеріи другого цвѣта. Такіе же куски клались на окна и назывались наоконниками; въ будни клались простые коврики, въ праздники шелковые куски, вышитые золотомъ. Длина ихъ была отъ двухъ до трехъ аршинъ, а ширина около двухъ; вѣроятно, они спадали внизъ съ оконнаго карниза. Вообще, какъ полавочники, такъ и наоконники были разныхъ цвѣтовъ: свѣтло-зеленаго, голубого, кирпичнаго, гранатнаго и преимущественно красныхъ отливовъ, иногда вышитые узорами. На полавочникахъ узоры на меньшемъ полотнищѣ дѣлались другіе, чѣмъ на большемъ. Кромѣ лавокъ для сидѣнья дѣлались еще скамьи и стольцы. Скамьи были шире лавокъ, напр. до двухъ аршинъ шириною, длиною дѣлались до четырехъ аршинъ; въ одномъ концѣ ихъ придѣлывалось возвышеніе, называемое приголовникомъ. На нихъ не только садились, но и ложились отдыхать послѣ обѣда. Онѣ накрывались, какъ и лавки, полавочниками. Иныя скамьи служили постоянно кроватьми. Стольцы были четвероугольные табуреты для сидѣнья одному лицу и также накрывались кускомъ матеріи. Скамей и стольцовъ въ домѣ было немного, а кресла и стулья составляли роскошь царскаго двора и знатныхъ бояръ, даже и тамъ были въ небольшомъ количествѣ, въ народѣ же вовсе не употреблялись. Столы дѣлались деревянные, большею частію дубовые, длинные и узкіе; у зажиточныхъ людей иногда ихъ разрисовывали изображеніями изъ св. писанія, а бока и ножки украшались рѣзьбою. Кромѣ большихъ столовъ были столы маленькіе, у богатыхъ людей украшенные камнями и разными пестрыми кусочками, тоже аспидные. Большіе столы ставили передъ лавками и обыкновенно покрывали подскатертниками; это была вещь необходимая для приличія. Во время трапезы поверхъ подскатертника накры-

вался столъ скатертью. Скатерти и подскатертники работались обыкновенно дома и служили предметомъ занятій для многочисленной прислуги. Какъ полавочники и наоконники, такъ и скатерти и подскатертники перемѣнялись по праздникамъ; въ будни столы накрывались полотняными и суконными кусками, въ праздники бархатными, алтабасовыми, камковыми подскатертниками съ золотошвейными каймами. Скатерти у бѣдныхъ были полотняныя, грубой отдѣлки, у богатыхъ шитыя браныя съ бахромами. Всѣ эти покрывала вообще на столахъ, окнахъ и лавкахъ назывались хоромнымъ нарядомъ. Стѣнныхъ зеркалъ у русскихъ вовсе не было: Церковь не одобряла ихъ употребленія; духовнымъ лицамъ соборъ 1666 г., положительно запретилъ имѣть зеркала въ своихъ домахъ; благочестивые люди избѣгали ихъ, какъ одного изъ заморскихъ грѣховъ; только зеркала въ маломъ форматѣ привозились изъ-за границы въ большомъ количествѣ и составляли принадлежность женскаго туалета. Также точно старинное благочестіе избѣгало стѣнныхъ картинъ и эстамповъ, не допуская другихъ украшеній въ этомъ родѣ кромѣ иконъ, но въ XVII вѣкѣ мало-по-малу начали входить въ домашній обиходъ картины и эстампы, сначала въ царскихъ хоромахъ, потомъ у знатныхъ лицъ. Вкусъ къ нимъ началъ распространяться и между другими сословіями и уже въ концѣ XVII вѣка ихъ продавали въ овощномъ ряду въ Москвѣ. Впрочемъ, эстампы, которые тогда дозволяли себѣ вѣшать въ золоченыхъ рамахъ богатые люди, заключали преимущественно священные предметы, но ихъ строго отличали отъ образовъ и они не имѣли вовсе священнаго значенія.

Кроватью въ-старину служила прикрѣпленная къ стѣнѣ скамья или лавка, къ которой приставляли другую лавку. На этихъ лавкахъ клали постель, состоявшую изъ трехъ частей: пуховика или перины, изголовья и подушекъ.

Было два изголовья — нижнее называлось бумажнымъ и подкладывалось подъ верхнее, на верхнее клались подушки, обыкновенно три; постель покрывалась простынею изъ полотна или шолковой матеріи, а сверху закрывалась одѣяломъ, входившимъ подъ подушки. Постели убирались понаряднѣе въ праздники или на свадьбахъ, попроще въ обычные дни. Въ нарядныхъ постеляхъ на изголовья и подушки надѣвались наволоки камчатныя, бархатныя, атласныя, обыкновенно краснаго цвѣта, шитыя золотомъ и серебромъ, унизанныя жемчугомъ по окраинамъ; одѣяла постилались, подбитыя соболемъ, атласныя, краснаго цвѣта съ гривами, то есть каймами золотой или серебрянной матеріи, подбитыми соболями. Самыя перины были набиты лебяжьимъ или чижовымъ пухомъ. Наволоки были на простыхъ постеляхъ тафтяныя бѣлыя или красныя, подбитыя крашениною. Простыя одѣяла подбивались заячьими мѣхами. Вообще, однако, постели были принадлежностію только богатыхъ людей, да и у тѣхъ стояли болѣе для вида въ своемъ убранствѣ, а сами хозяева охотнѣе спали на простой звѣриной шкурѣ, или на матрасѣ. У людей средственнаго состоянія обычною постелью служили войлоки, а бѣдные поселяне спали на печахъ, постлавши подъ головы собственное платье, или же на голыхъ лавкахъ. Дѣтскія колыбели дѣлались висячія, всегда широкія и длинныя для того, чтобъ дитя могло свободно расти, а внутри ихъ всегда привѣшивались иконы или крестики [1]).

Для храненія домашнихъ вещей употреблялись скрыни (родъ комодцевъ съ выдвижными ящиками), сундуки, погребцы, чемоданы. Посуду ставили въ поставцахъ: это

[1]) Оп. хоромн. нар. О. З. 1851 сентябрь. — Древн. Русск. Вивл. 1. 9.—А. И. I. 285. II. 405.—Доп. V. 471. – С. г. гр. I. 303. — Оп. Шуи 419.—Досмотр. Врем. I. 51. Врем. VIII. См. Оп. им. Тат. 8. 31.—Olear. 204. 319.—Mejerb. 91. 137.—Tuber. Hacl. 433–434. Кильбург. 67.

были столбы, уставленные со всѣхъ сторонъ полками; къ низу ихъ дѣлали шире, къ верху уже, на нижнихъ полкахъ ставили болѣе массивную посуду, на верхнихъ мелкую. Разныя женскія украшенія хранилась въ ларцахъ, которые сами по себѣ украшались великолѣпно, наводились яркими красками и золотомъ, расписывались узорами и окаймлялись металлическими кружевами; такіе ларцы передавались изъ рода въ родъ, вмѣстѣ съ драгоцѣнностями, какія тамъ сохранялись. Для украшенія въ домахъ зажиточные люди раскладывали разныя драгоцѣнныя безделки въ родѣ слѣдующихъ: серебрянныя яблоки, позолоченное изображеніе пѣтуха съ бѣлымъ хвостомъ на поддонѣ, мужичекъ серебрянный, костяной городъ съ башнями и миніатюрныя изображенія разныхъ домашнихъ принадлежностей изъ золота и серебра, напримѣръ: ящикъ, въ которомъ было паникадило, столъ, четыре подсвѣчника, разсольникъ, рукомойникъ, четыре блюда, четыре тарелки, и проч. все въ маломъ видѣ, такъ что все вмѣстѣ вѣсило два фунта 38 золотниковъ; или напримѣръ: серебрянный ставецъ, въ которомъ была бочка, зеркальце и т. п. Знакомство съ Европою ввело къ намъ часы. Такъ, у Артамона Сергѣевича Матвѣева было нѣсколько часовъ: одни показывали часы астрономическаго дня, на другихъ означалось время отъ восхода до заката солнца, а третьи показывали теченіе сутокъ съ полуночи въ полдень, какъ наши часы нынѣшняго времени. Часы зепные (карманные) составляли рѣдкость и гораздо употребительнѣе были часы боевые, стѣнные и столовые; устройство ихъ отъ нашихъ отличалось тѣмъ, что въ нихъ не стрѣлка ходила по циферному кругу, а самый кругъ двигался. Столовые часы дѣлались съ затѣйливыми фигурами, напримѣръ, съ четвероугольною скрынькою съ перилами на верху, или мѣдное изображеніе слона съ сидящимъ на немъ человѣкомъ, или въ видѣ башни; на чердакѣ ея сдѣланы были

изображенія людей, а на самой вершинѣ изображеніе сидящаго орла.

Освѣщеніе въ домахъ было свѣчами восковыми и сальными. Восковыя употреблялись преимущественно у богачей и то единственно въ праздничные дни и во время торжественныхъ собраній; въ самомъ царскомъ дворцѣ въ XVI вѣкѣ зажигали сальныя свѣчи. Свѣчи вставлялись въ подсвѣчники, которые были стѣнные, прикрѣпленные къ стѣнамъ, стоячіе, значительной величины и малые или ручные. Вообще они назывались шандалами, дѣлались обыкновенно изъ мѣди, иногда изъ желѣза. Въ XVII вѣкѣ у зажиточныхъ людей были въ домахъ такъ называемые струнные мѣдные подсвѣчники, сдѣланные изъ натянутыхъ и расположенныхъ удобно мѣдныхъ проволокъ. Ночью, чтобъ имѣть огонь, держались ночники. По случаю большихъ собраній освѣщали домы висячими паникадилами, которыя въ богатыхъ и знатныхъ домахъ были серебрянныя и дѣлались съ разными фигурами. Для домашняго обихода держались слюдяные фонари; съ ними прислуга ходила въ конюшни и кладовыя. У простыхъ поселянъ избы освѣщались лучинами [1]).

Для храненія громоздкихъ хозяйственныхъ припасовъ въ клѣтяхъ употреблялись бочки, кади, лукошки разной величины и объема. Бочки въ-старину были самымъ обыкновеннымъ вмѣстилищемъ и жидкостей, и сыпучихъ тѣлъ, напримѣръ: хлѣбнаго зерна, муки, льну, рыбы, мяса сушенаго, поскони и разнаго мелкаго товара, какъ-то: гвоздей, цѣпей, замковъ, топоровъ, и всѣхъ вообще принад-

[1]) Chensl. Hacl. 277. — Коллинсъ 21. — Матер. для ист. возм. Стеньки Раз. 200. — Врем. V. См. 22. VIII. См. Оп. им. Тат. 37. XIII. Расх. кн. Ник. 9—52. — Дом. Б. русск. цар. Забѣл. От. Зап. 1851 сент. А. Ю. 445.—А. И. П. 406. IV. 399. Доп. VI. 105.—Mejerb. 232.— Барбер. 32.

лежностей хозяйства. Сосуды для варенья въ поварняхъ были котлы мѣдные и желѣзные; тамъ, гдѣ приготовлялась пища на большое количество людей въ дворѣ, они достигали большихъ размѣровъ, напримѣръ: въ семь ведеръ; другіе были въ четыре ведра, въ ведро, въ полведра, и вообще назывались поваренными или ѣстовными котлами, въ отличіе отъ пивныхъ и винныхъ, достигавшихъ размѣра пятидесяти ведръ. Для небольшого количества пищи употреблялись горшки. Жарили на сковородахъ не только желѣзныхъ, но и на мѣдныхъ луженыхъ, съ рукоятьями; для мѣсива тѣста употреблялись деревянныя корыта и большіе чаны; для мытья бѣлья корыта, ночвы, буки, для носки воды вёдра, кумчаны, корчаги, ендовы, кувшины. По окончаніи обѣда, у рачительныхъ хозяевъ всѣ сосуды вымывались и вытирались, потомъ опрокидывались внизъ и ставились на полкахъ въ кухнѣ или въ чуланѣ. Въ праздники, когда въ домѣ все облекалось въ нарядный видъ, и въ поварню отпускалась посуда лучшей работы [1]).

Для умыванья употреблялись рукомойники и лохани; у богатыхъ людей онѣ были серебрянныя и позолачивались, у людей средственнаго состоянія мѣдныя или оловянныя. Нерѣдко рукомойникъ былъ оловянный, а лохань мѣдная. Примѣромъ богатаго стариннаго прибора для умыванья можетъ служить рукомойникъ Ивана Васильевича, серебрянный позолоченный съ изображеніемъ фигуръ (образинъ), на стоянцѣ, тоже испещренномъ чеканными фигурами; при немъ серебрянная лохань съ чеканнымъ изображеніемъ рыбъ и раковъ [2]).

Столовая посуда для пищи и питья носила общее на-

[1]) А. И. I. 285.—А. Ю. 444—445.—Врем. VIII. См. Оп. им. Тат. 22. XIII. Расх. кн. Ник. 43.—Досмотр. Врем. 1. 66, 92—93.

[2]) А. И. II. 406.—Врем. VII. Смѣсь. 45.

званіе судковъ. Жидкое кушанье изъ поварни для стола носили въ кострюляхъ и оловянникахъ — мѣдныхъ луженыхъ или оловянныхъ, съ покрышниками. Другая посуда для носки жидкихъ кушаньевъ была разсольникъ, также съ покрышкою, родъ соусника; онъ употреблялся также и для соленыхъ плодовъ. За столомъ жидкая пища разливалась въ мисы: у богатыхъ онѣ были серебрянныя, у небогатыхъ оловянныя и деревянныя. Твердыя кушанья приносились на блюдахъ. Были блюда разной фигуры и различной величины, приспособленныя къ извѣстному роду кушаньевъ, и поэтому назывались: блюдо гусиное, блюдо лебяжье. На однихъ блюдахъ приносили кушанья изъ поварни, другія оставались передъ гостьми такъ, чтобъ два человѣка и болѣе могли ѣсть съ одного блюда. Послѣдняго рода блюда назывались блюдцами. Овощи подавались на блюдахъ особой формы, называемыхъ овощниками. Къ большимъ блюдамъ придѣлывались кольца, по два и по четыре; это показываетъ, что ихъ несли человѣка по два. У богатыхъ блюда были серебрянныя съ выбойчатыми мишенцами по обводу; у людей посредственнаго состоянія— оловянныя или полуженныя мѣдныя. Тарелки, называемыя торели, не были въ повсемѣстномъ употребленіи, и тамъ, гдѣ онѣ ставились передъ гостьми, не перемѣнялись во все продолженіе обѣда, а поэтому въ домахъ ихъ было не много; у богатыхъ онѣ были серебрянныя граненыя, иногда позолоченныя; у менѣе зажиточныхъ изъ польскаго серебра или оловянныя. Вѣсомъ онѣ были до полфунта, а нѣкоторыя и массивнѣе, напримѣръ, въ три четверти фунта. Въ домашнемъ сервизѣ немногія изъ нихъ были больше остальныхъ. Вѣроятно названіе торели смѣшивали съ названіемъ блюда, такъ что въ одномъ мѣстѣ плоскую посуду, поставленную передъ гостьми, называли торелями а въ другомъ блюдами. Ложки у богатыхъ дѣлались серебрянныя позолоченныя съ фигурою на концѣ рукояти и

съ надписью, кому принадлежитъ. Ножи въ богатыхъ домахъ оправлялись золотомъ и серебромъ съ драгоцѣнными камнями: ихъ не подавали гостямъ, потому что кушанье предлагалось уже разрѣзанное. Вилки были двузубыя, а иногда ихъ вовсе не клали. Салфетки не употреблялись: обтирали руки полотенцемъ или краемъ скатерти. Но необходимою принадлежностью столоваго прибора почитались: солоница, уксусница и перечница, иногда горчичница. Когда готовили столъ къ трапезѣ, то, постлавши скатерть, ставили на нее эти сосуды. Солоницы дѣлались на стоянцахъ съ покрышками и съ рукоятками, уксусницы и перечницы на ножкахъ; иногда эти сосуды соединялись въ одинъ, напримѣръ, солоница, а на верху ея перечница. Серебрянныя солоницы и перечницы украшались узорами и литыми изображеніями, напримѣръ, солоница на звѣркахъ, солоница съ верхомъ, украшеннымъ финифтью съ изображеніемъ людей по бокамъ [1].

Столовые сосуды для приноса питій были: ендовы, мушормы, ведра, кувшины, сулеи, четвертины, братины. Ендова была сосудъ болѣе кухонный, но употреблялся и какъ столовый для приноса питья; ендовы имѣли разную величину, напримѣръ, иныя заключали въ себѣ цѣлое ведро, другія по шести ведеръ, а нѣкоторыя были столь малы, что заключали въ себѣ вѣсу только двѣ гривенки. Рѣдко употребляемыя при столѣ, въ обычномъ обиходѣ онѣ были мѣдныя вылуженныя, съ носкомъ и съ рукояткою. Мушорма была сосудъ, близкій по виду къ ендовѣ, также съ носкомъ и съ рукоятью. Въ чемъ заключалось ихъ различіе—неизвѣстно. Ведра были не только служеб-

[1]) А. Юр. 444. 445.—Врем. V. См. 22. VII. См. Оп. им. царя Ив. Вас. VIII. См. Оп. им. Тат. XIII. Расх. кн. 58.—Собр. гос. гр. I. 32. 40. 407-409.—Достоп. Кремля 36. 49.—А. И. П. 405—406. 428.—Доп. VI. 105.—Русск. стар. Мартын. 87.—Пов. о пос. Щилѣ. Рук. И. Публ. Библ.

ною посудою, но сдѣланныя въ маломъ размѣрѣ ставились съ напитками на столѣ; были такимъ образомъ серебрянные сосуды въ формѣ ведра, носившіе это названіе, съ дужкою на верху, цилиндрической формы, а иногда многосторонниками. Кувшинами, какъ теперь, называли сосуды съ раздутыми боками по срединѣ, съ съуженною шейкою, съ расширившимися краями, съ носками и съ кругообразною рукоятью. Были кувшины серебрянные съ обручами на шейкахъ, съ крышкою на верху, на которой ставились какія нибудь выпуклыя фигуры, напр., яблоко и т. д.; иногда къ ручкѣ кувшина придѣлывалась цѣпочка. Четвертиною, какъ показываетъ ея названіе, была четвертая часть единицы—ведра, то есть кварта; но въ домашнихъ приборахъ этимъ именемъ называли сосудъ, раздутый по бокамъ, нѣсколько похожій на суповую чашку съ крышкою; въ нихъ отсылали питье изъ дома отсутствующимъ знакомымъ. Четвертины были разной величины и даже такъ малы, что вставлялись въ небольшую шкатулку. Братина, какъ самое ея названіе указываетъ, былъ сосудъ, предназначенный для братской товарищеской попойки, на подобіе горшка съ покрышкою. Изъ нихъ пили, черпая чумками, черпальцами и ковшами. Братины были разной величины; небольшія употреблялись даже прямо для питья изъ нихъ и назывались братинками. Сулеи были маленькія бутылки съ узкимъ и продолговатымъ горломъ и съ цѣпью; онѣ привѣшивались къ поясу въ дорогѣ [1]).

Къ сосудамъ изъ которыхъ пили, принадлежали: кружки, чаши, кубки, корцы, ковши, достаканы, чарки, овкачи, болванцы. Кружки были цилиндрическіе сосуды съ рукоятью и крышкой, всегда въ одну стѣну съ низу до

[1]) С. г. гр. I. 409. 410.—Врем. V. См. 20. VII. См. Оп. им. Ив. Вас. 25. 34. VIII. См. Оп. им. Тат. 22. 35.—А. г. Шуи. 176.—А. И. I. 285.

верху, къ верху нѣсколько уже, обыкновенно круглаго вида, какъ показываетъ самое названіе; но были также кружки осьми-гранныя и четырехъ-гранныя; онѣ ставились на поддонахъ. Нормальная величина кружки опредѣлялась ея мѣрнымъ значеніемъ, ибо кружками собственно называлась опредѣленная мѣра—половина четвертины $^1/_8$ ведра; но эта мѣра не всегда соблюдалась, какъ показываетъ различіе вѣса (напр. въ 4 ф. и въ одинъ фунтъ), слѣдовательно, объемъ кружекъ былъ различенъ. Чашами назывались круглые разложистые сосуды съ рукоятками, съ кольцами, съ пелюстками, съ скобами, вѣсившіе иногда до двухъ фунтовъ и болѣе; но вообще подъ этимъ названіемъ разумѣли пропорцію выпиваемаго собесѣдниками вина; въ этомъ смыслѣ на одной братинѣ находится надпись: «въ сію братину наливается богородицина чаша». Пить чашу чью либо значило пить въ честь кого нибудь или за чье либо здоровье. Такимъ образомъ говорилось: «государева чаша, патріаршая чаша».

Кубками назывались сосуды съ круглымъ, иногда досчатымъ или плоскимъ дномъ, съ крышкою, на подставкѣ, иногда на ножкахъ и на поддонѣ. Къ нимъ иногда придѣлывались цѣпочки. Дѣлались кубки двойчатые, то-есть раздѣлявшіеся на двѣ половинки, изъ которыхъ каждая составляла особый сосудъ для питья. Величина кубковъ была различна. Всѣмъ извѣстенъ громадный кубокъ царя Ивана Васильевича Грознаго, хранящійся въ Оружейной палатѣ, вѣсомъ въ одинъ пудъ восемь фунтовъ, въ сажень вышиною. У знатныхъ и богатыхъ домохозяевъ были большіе кубки, вѣсомъ до четырехъ и до пяти фунтовъ, но они въ небольшомъ количествѣ стояли только для украшенія на поставцахъ. Въ употребленіи были кубки, вѣсомъ въ полфунта, фунтъ и около того. Стопы были большіе высокіе стаканы, иногда съ рукоятью, носками и крышкою. Достаканы были средней величины стаканы, иногда

съ рукояткою, на ножкахъ, обыкновенно съ разложистыми круглыми краями, иногда же съ угольчатыми и ставились на маленькихъ поддонахъ. Ковши были низенькіе сосудцы круглые или овальные съ круглымъ дномъ, съ досчатою ручкою, называемою полкою, иногда съ загибомъ на концѣ. Корцы отличались отъ ковшей тѣмъ, что дно у нихъ было плоское; маленькіе корцы назывались корчиками. Чарками назывались маленькіе сосудцы съ круглымъ или плоскимъ дномъ, или на ножкахъ съ закругленною ручкою, иногда съ покрышкою. Подлинно неизвѣстно, какая была отличительная черта сосудовъ, называемыхъ болванцы и овкачи. Первые были иногда массивны, какъ это доказывается описаніемъ одного болванца въ числѣ посуды царя Михаила Ѳеодоровича, гдѣ значатся болванцы въ 4 ф. 62 золотн. и въ девять фунтовъ слишкомъ [1]).

Кромѣ этихъ названій, болѣе или менѣе опредѣленныхъ особою формою, существовали разные сосуды затѣйливой фигуры, напр., орѣхъ индійскій съ серебрянною золоченою формою; рога, оправленные въ серебро; сосуды въ видѣ челнока, вола, лошади, пѣтуха, и проч.

Эти сосуды изъ серебра, часто позолоченные, наполняли поставцы знатныхъ и богатыхъ людей и составляли домашнюю роскошь. Въ отношеніи работы они были разныхъ видовъ, напр. гладкіе, сканные, т. е. витые, граненые (или грановитые), чеканные, чешуйчатые, травчатые, канфаренные, склянистые, пупчатые, рѣшетчатые; иногда нѣсколько видовъ работъ соединялись въ одномъ сосудѣ, такъ что часть его была отдѣлана однимъ, другая инымъ видомъ. Фонъ стѣны сосуда назывался землею, а по землѣ дѣлались разныя фигурныя украшенія. На братинахъ чаще всего были узоры и травы. На стѣнахъ куб-

[1]) Времен. I. Домост. 66. V. См. 20, 22. VII. См. Оп. им. ц. Ив. Вас. 25. 34 — 35. 40—46. VIII. См. Оп. им. Тат. 22. 34—35. — С. г. гр. I. 40, 407—409.—Достоп. Кремля 131.

ковъ и чашъ дѣлались широкія выпуклости, называемыя пузами, и углубленія, называемыя ложками; сверхъ того, неширокія, но высокія возвышенія, называемыя пупышами, формы круглой, сердцевидной, продолговатой, клинчатой, и т. д. Часто пупыши очередовались съ ложками. Иногда на фонѣ одной работы дѣлались кружки другой и въ этихъ кружкахъ помѣщались изображенія и надписи. По краямъ сосудовъ проводились вѣнцы, составлявшіе линіи разныхъ узоровъ; часто такихъ линій было нѣсколько одна возлѣ другой, каждая работы отличной отъ другой. Фигуры, украшавшія сосуды, изображали цвѣты, плоды, листья, звѣрей, птицъ, рыбъ, людей; послѣднія носили названіе личинъ или образинъ. Литыя фигуры ставились на верхахъ покрышекъ; такъ например̆ъ, были сосуды, особенно кубки, на верху которыхъ стояли орлы, пѣтухи, яблоки, лодки, терема, города съ башнями. Напримѣръ, въ кубкѣ, вѣсомъ въ одиннадцать гривенокъ, принадлежавшемъ царю Ивану Васильевичу, на покрышкѣ былъ теремъ о трехъ столбахъ, между столбами три человѣческія изображенія въ кругахъ, а на верху самаго терема человѣческая фигура, держащая копье. На привозныхъ изъ западной Европы сосудахъ встрѣчались миѳологическія изображенія, напримѣръ, Аполлона или Сатира. Иногда чеканныя фигуры представляли цѣлыя происшествія или картины, напр. на кубкѣ круги, въ которыхъ изображены *царства*. Поля сосуда украшались чеканными фигурами; онѣ находились между пупышами, между пупышами и ложками, когда онѣ чередовались между собою, въ кружкахъ, обручикахъ, связяхъ или сѣтовидныхъ каймахъ, на полкахъ ковшей и корцевъ. Иногда рукояти и стоянцы сами по себѣ составляли фигуру, напр. рукоять въ видѣ змѣи, а стоянецъ въ видѣ тыквы, по которой вычеканены яблоки и груши. Даже внутри сосудовъ иногда дѣлались чеканныя и литыя изображенія.

Кромѣ узоровъ, травъ и фигуръ, было въ обычаѣ дѣлать на сосудахъ разныя надписи, какъ-то: о количествѣ вѣса, имя владѣльца вещи и приличныя изреченія изъ священнаго писанія или изъ житейской мудрости, а если сосудъ былъ подаренъ, то надписывалось объ этомъ, напр. *ударила челомъ боярыня Ульяна Ѳедоровна Романова.* Надписи эти вычеканивались внутри сосуда на днѣ, по ободамъ, по эмали или финифти, которою нерѣдко украшались сосуды. Чтобъ имѣть понятіе о родѣ тѣхъ надписей, которыя заключали въ себѣ изрѣченія, приведемъ въ примѣръ чарку, на которой надписано по ободу: *чарка добра человѣку*, *пить изъ нея на здравіе*, *хваля Бога*, *про государево многолѣтнее здоровье*; внутри другая: *не злись*, *смирись*, *человѣче*, *желаешь славы земныя*, *за то не наслѣдишь небесныя;* по бокамъ вокругъ: *зри*, *смотри*, *и люби и не проси.* Внутри братины, поднесенной царю думнымъ дьякомъ Третьяковымъ въ 1618 году, надпись такая: «Человѣче! что на мя зриши? Не проглотить ли мя хочеши? Азъ есмь бражникъ; воззри, человѣче, на дно братины сея, оккрыеши тайну свою». А на вѣнцѣ другая надпись: «Вѣси убо, человѣче, яко воину оружіе потребно есть въ день брани, такожде и дождь во время ведра; пити же во время жажды; сице же истинный другъ во время утѣсненія и скорби, и вси убо прикасающіися сладости сей съ любовію по разуму въ сытость веселіе съ други, и тѣлесемъ красоту, и сердца и ума пространство почерпаютъ, и радостію, со други своими веселящеся, испіютъ, хотящими же убо къ сему приступити со враждою — несытное ихъ убо достоить отъ сего дому всегда отгоняти заботно» [1]).

Количество дорогихъ сосудовъ, переходившихъ по на-

[1]) Достоп. Кремля 117, 123, 129, 130.—Собр. Г. Гр. I. 407—410.— Врем. VII. Смѣсь. 34—35, 40—45.

слѣдству, не только какъ матеріальная драгоцѣнность, но какъ память отцовъ, умножалось подарками; въ обычаѣ было дарить сосуды для изъявленія привязанности, милости или преданности. Цари дарили кубками и ковшами за услуги престолу, подданные подносили великимъ князьямъ, а потомъ царямъ въ подарокъ сосуды въ торжественные дни: при вступленіи государя на престолъ, на именины, по случаю бракосочетанія, рожденія дѣтей. Также точно и въ частномъ быту дарились сосуды именинникамъ, дарились новорожденнымъ, дарили ихъ подначальные начальникамъ, начальники подначальнымъ. Тамъ, гдѣ ихъ такимъ образомъ накоплялось много, ихъ сортировали для застольнаго употребленія, такъ что въ большіе праздники подавали лучшіе, въ другихъ случаяхъ попроще. Впрочемъ не должно думать, чтобъ повсюду было ихъ такое множество: нѣкоторые поставляли домашнее богатство въ вещахъ другого рода и потому довольствовались незначительнымъ количествомъ золота и серебра. Такимъ образомъ случалось, что все серебро въ домѣ составляли три-четыре серебрянныхъ ложки [1]).

Кромѣ металлической посуды въ XVI и XVII вѣкахъ у богачей были сосуды каменные, агатовые, сердоликовые, изъ горнаго хрусталя, а между тѣмъ входила въ употребленіе стеклянная и хрустальная посуда съ тѣми же названіями, какія исчислены прежде. Стеклянная посуда привозилась изъ-за границы, стекла преимущественно разноцвѣтнаго, полосами, съ позолоченными вѣнчиками. Сверхъ того существовали простыя стеклянныя фляги и скляницы для храненія вина и деревяннаго масла. Простой народъ довольствовался деревянными сосудами, которые имѣли ту же форму, какъ и драгоцѣнные, и носили тѣ же названія. Какъ посуда для пищи — мисы, торели, солони-

[1]) А. И. IV. 399.

цы,—такъ и питейные сосуды,—братины, ковши, корцы—дѣлались изъ дерева въ разныхъ мѣстахъ по селамъ и продавались на рынкахъ; но изъ нихъ особенно славились по работѣ калужскіе, гороховецкіе и корельскіе. Эти деревянныя издѣлія украшались рѣзьбою, которая издавна составляла любимое украшеніе вещей для небогатаго класса. Не гнушались деревянною посудою и дворяне, а каповые сосуды были въ употребленіи у бояръ и даже у царей и считались роскошью [1]).

IX.

Одежда.

Старинная русская одежда представляетъ съ перваго вида большую сложность и разнообразіе; но, присмотрѣвшись къ частностямъ ея, легко узнать во множествѣ наименованій больше сходства между собою, чѣмъ отличія, которое преимущественно основывалось на особенностяхъ покроя, къ сожалѣнію теперь мало понятныхъ для нашего времени. Вообще одежда была одинакова по покрою какъ у царей, такъ и у крестьянъ, носила однѣ и тѣ же названія и отличалась только степенью убранства.

Обувь простаго народа была—лапти изъ древесной коры — обувь древняя, употребительная во времена язычества. Кромѣ лаптей изъ коры, носили башмаки, сплетенныя изъ прутьевъ лозы [2]); вѣроятно эту обувь разумѣли подъ названіемъ пленицы [3]); нѣкоторые же носили подошвы изъ кожи и подвязывали ихъ ремнями, обмо-

[1]) Достоп. Кр. 128, 130.—А. А. Э. III. 363.—А. И. I. 285.—Врем. I. Домостр. 93. VIII. См. Оп. им. Тат. 22. XIII. Расх. кн. Ник. 30.

[2]) Petr. 314.

[3]) А. отн. до Ю. Б. 53.

танными вокругъ ноги [1]). Какъ крестьяне, такъ и крестьянки носили эту обувь. Обувь людей съ достаткомъ составляли сапоги, чоботы, башмаки и ичетыги. Всѣ эти виды дѣлались изъ телячьей кожи, изъ коровьяго опойка, изъ конской кожи, изъ юфты, у богатыхъ изъ персидскаго и турецкаго сафьяна [2]). Сапоги носились до колѣнъ и служили вмѣсто штановъ для нижней части тѣла, и для того подкладывались холстиною; ихъ снабжали высокими желѣзными подборами и подковами, со множествомъ гвоздей по всей подошвѣ; у царей и у знатныхъ лицъ эти гвозди были серебрянные. Чоботы были полусапожки съ остроконечными загнутыми кверху носками. Башмаки были принадлежностію не только женщинъ, но и мужчинъ; при нихъ носили ичетыги или ичеготы, иначе ноговицы (нынѣ еще употребляютъ кое-гдѣ эту старую, заимствованную отъ татаръ обувь подъ именемъ *ичегъ* и ноговицъ):— это были сафьянные чулки и раздѣлялись на два вида полные, достигавшіе до колѣнъ, и полуполные. При сапогахъ и чоботахъ носились чулки, шерстяные или шелковые, а зимою подбитые мѣхомъ. Женская обувь была почти та же, что и у мужчинъ; башмаки были съ такими высокими подборами, что передняя ступня не касалась земли, если стать на каблукъ. При нихъ были шерстяные или шелковые чулки. Посадскія жены носили также большіе сапоги до колѣнъ, но дворянки ходили только въ башмакахъ и чоботахъ. Бѣдныя крестьянки ходили въ лаптяхъ, какъ и мужья ихъ.

Сапоги, чоботы, башмаки, ичетыги были всегда цвѣтные, чаще всего красные и желтые—иногда зеленые, голубые, лазоревые, бѣлые, тѣлеснаго цвѣта; они расшива-

[1]) Das. Gr. Reich. v. Mosc. 187.

[2]) А. И. IV. 399.—Доп. Ш. 145. — Врем. XIII. Расх. кн. Ник. 60.— Ворон. Акты I. 117.—Olear. 182.

лись золотомъ, особенно въ верхнихъ частяхъ на голенищахъ, съ изображеніями единороговъ, листьевъ, цвѣтовъ и проч., и унизывались жемчугомъ; особенно женскіе башмаки украшались такъ густо, что не видно было сафьяну [1]). Въ зажиточныхъ русскихъ домахъ обувь вообще дѣлалась дома и для этого держали въ дворѣ знающихъ холоповъ [2]).

Рубахи у простонародія были холщевыя, у знатныхъ и богатыхъ шелковыя. Русскіе любили красныя рубахи, и считали ихъ нарядньмъ бѣльемъ. Домострой совѣтуетъ обращать особое вниманіе на мытье красныхъ рубахъ, какъ на принадлежность лучшей одежды. Русскія мужскія рубахи дѣлались широкія и короткія и едва достигали до ляшекъ, опускались сверхъ исподняго платья и подпоясывались низко и слабо узкимъ пояскомъ, называемымъ опояскою. Въ холщевыхъ рубахахъ подъ мышками дѣлали трехугольныя вставки изъ другого полотна, расшитаго пряжею или шелкомъ, или же изъ цвѣтной тафты. По подолу и по краямъ рукавовъ, рубахи окаймлялись тесьмами, расшитыми золотомъ и шелками, шириною пальца въ два; у знатныхъ и богатыхъ вышивали также рукава и грудь, и поэтому оставляли рубаху открытою изъ подъ платья. Такія вышитыя рубахи назывались пошевными. Но преимущественно обращали вниманіе на воротникъ рубахи, который выпускался изъ подъ верхнихъ одеждъ пальца на два и окружалъ затылокъ въ родѣ нынѣшнихъ мундирныхъ воротниковъ. Этотъ воротникъ назывался ожерельемъ. Его дѣлали особо отъ рубахи и пристегали къ ней, когда было нужно, у богатыхъ золотыми и сереб-

[1]) Вых. цар. 492. 494.—Врем. I. Домостр. 54. Врем. VII. См. Оп. им. царя Ив. Вас. 8. VIII. См. Оп. им. Тат. XIII. Расх. кн. Ник. 60.— Ворон. Акты I. 115.—А. г. Шуи. 119. 174.—Olear. 182.—Раф. Барб. 97.—Crull. 135. —Carlisle 332.—Fletch 97.—Petr. 306. 307.—Das Gr. Reich v. Mosc. 203.

[2]) Врем. I. Домостр. 54. 55.

рянными золочеными, у бѣдняковъ мѣдными пуговицами, иногда же, вмѣсто пуговокъ, употреблялись запонки съ петлями. Такое ожерелье, кромѣ вышивки золотомъ и шелками въ видѣ разныхъ узоровъ, унизывалось жемчугомъ. Это-то ожерелье собственно въ старину называлось рубашкою; но въ XVII в. называли его сорочкою, а рубашкою или рубахою одежду, къ которой оно пристегивалось.

Русскіе штаны или порты шились безъ разрѣзовъ, съ узломъ, такъ что посредствомъ его можно было дѣлать ихъ шире и уже. У бѣдныхъ они дѣлались изъ холста, бѣлаго и крашенаго, изъ сермяги—грубой шерстяной ткани; у зажиточныхъ изъ суконъ; лѣтомъ богатые надѣвали тафтяные штаны или изъ какой нибудь другой легкой шелковой матеріи. У царей (вѣроятно и у бояръ) иногда были штаны изъ тяжелыхъ шелковыхъ тканей, напр., изъ объяри. Вообще русскіе штаны были не длинны и достигали только до колѣнъ, дѣлались съ карманами, называемыми зепью, и были разныхъ цвѣтовъ: напр. желтые, лазоревые и чаще всего красные [1]).

На рубаху и штаны надѣвались три одежды: одна на другую. Исподняя была домашняя, въ которой сидѣли дома; если же нужно было идти въ гости или принимать гостей, то надѣвалась на нее другая; третья была накидная для выхода. Хотя существуетъ много названій одеждъ, но всѣ эти названія относятся къ какому-нибудь изъ этихъ трехъ видовъ.

Исподняя одежда называлась зипунъ, какъ у царей, такъ и у крестьянъ. Это было платье узкое, короткое, иногда достигавшее до колѣнъ, рѣдко до икоръ, но часто не доходившее даже и до колѣнъ, въ родѣ камзола. Въ кроильной книгѣ царскаго двора длина зипуна означена

[1]) А. И. 1. 335.—Выход. цар. 219. 622.—А. Ю. 371.—Оп. Шуи 453.—А. г. Шуи 174.—Врем. I. Домостр. 51. Врем. VIII. См. Оп. им. Тат.—Herberst. 36.—Барб. 54.—Tuberv. 455. -Petr. 306.—Olear. 181.—Mejerb. 100. - Strauss. 197.—Crull. 135.—Carlisle 332.

въ одинъ аршинъ шесть вершковъ, когда платье, сдѣланное на то же лицо во весь ростъ, имѣло въ длину два аршина три вершка. У людей простыхъ и небогатыхъ зипуны дѣлались изъ крашенины, зимніе изъ сермяги, у людей состоятельныхъ изъ легкой шелковой матеріи, напр., тафты, часто бѣлаго цвѣта, съ пуговицами. Иногда рукава къ нему придѣлывались изъ другой какой нибудь матеріи; напримѣръ, зипунъ былъ изъ бѣлаго атласа, а рукава къ нему изъ серебрянной объяри; но часто зипуны были совсѣмъ безъ рукавовъ, въ родѣ нынѣшнихъ поддѣвокъ. Воротники дѣлались узкіе и малые, а иногда къ зипунамъ, какъ и къ рубахѣ, пристегали шитый и разукрашенный жемчугомъ и камнями отдѣльный воротникъ, называемый обнизью. Такихъ обнизей хранилось много и ихъ пристегали по мѣрѣ надобности показаться наряднѣе или проще. Онѣ были разной величины: большія и малыя. Если обнизь употреблялась большая, то къ рубахѣ вовсе не пристегалось ожерелье, а если малая, то изъ подъ нея виднѣлось ожерелье рубахи. Кромѣ зипуна, въ XVI вѣкѣ была подобная же комнатная одежда сарафанецъ, какъ кажется начавшій выходить изъ употребленія въ XVII столѣтіи; ихъ носили вмѣсто зипуна съ обнизьми; они были длинны.

На зипунъ надѣвали вторую одежду, которая имѣла нѣсколько названій; но ихъ различіе между собою въ отношеніи покроя теперь опредѣлить трудно. Самый обыкновенный и повсемѣстный видъ этого рода одежды былъ кафтанъ, достигавшій до пятъ, или же только до икръ, чтобъ оставлять на показъ раззолоченные сапоги. Иногда сзади дѣлали его на вершокъ или на полвершка короче, чѣмъ напереди, и по длинѣ различали два рода кафтановъ: кафтаны и кафтанцы. Рукава ихъ были чрезвычайно длинны, достигали до земли и сбирались въ складки или брыжи, такъ что ладонь можно было по произволу за-

крывать и оставлять открытою, и такимъ образомъ концы рукавовъ замѣняли перчатки. Въ зимнее время эти рукава служили вмѣсто муфты отъ стужи, а рабочіе люди посредствомъ ихъ могли удобно брать вещи, до которыхъ нельзя касаться голыми руками, напр., горячую посуду. Въ нарядныхъ кафтанахъ часть рукава при концѣ называлась запястье, вышивалась золотомъ, украшалась жемчугами и пристегивалась къ кафтану особо. Разрѣзъ на кафтанѣ былъ только спереди и оторочивался тесьмою: также точно оторочивался и подолъ. Къ этой тесьмѣ прикрѣпляли металлическое кружево (золотое или серебрянное), сдѣланное съ разными фигурами. Вдоль по кафтану, параллельно съ разрѣзомъ, по обѣимъ сторонамъ дѣлались нашивки изъ другой матеріи и другого цвѣта, въ видѣ четвероугольниковъ или круговъ, и на эти нашивки пришивались завязки съ кистьми и снурки, чтобы застегать кафтанъ; иногда же вмѣсто завязокъ дѣлали на одной сторонѣ на нашивкахъ висячія петли, на другой также къ нашивкамъ прикрѣпляли пуговицы. Въ XVI в. кафтаны застегались чаще завязками, на подобіе татарскихъ; но русскіе отличали свои отъ татарскихъ тѣмъ, что застегали не на лѣвой, а на правой сторонѣ. Впослѣдствіи начали употреблять чаще пуговицы—до двѣнадцати и до тринадцати на кафтанѣ: онѣ всѣ были на груди; остальная часть разрѣза всегда оставалась не застегнутою. Воротники на кафтанахъ обыкновенно были узкіе и малые; изъ-подъ нихъ высовывалась обнизь зипуна или ожерелье рубахи; но иногда къ кафтану пристегалось отложное ожерелье, расшитое золотомъ и усыпанное жемчугами. Изнанка кафтана подбивалась всегда матеріями низшаго достоинства, чѣмъ лицевая, и сверхъ того кафтаны, кромѣ тесьмы по подолу, подъ нею и выше ея, окаймлялись полосою матеріи другого цвѣта, чѣмъ кафтанъ; она называлась подпушкою. Зимніе кафтаны дѣлались и на мѣ-

хахъ, но обыкновенно легкихъ, напр., на собольихъ пупкахъ, или на бѣльихъ черевахъ; такіе теплые кафтаны назывались кожухами.

Къ этому разряду средней одежды относится чуга — одежда, приспособленная къ путешествію и верховой ѣздѣ. Это былъ узкій кафтанъ, съ рукавами только по локоть и короче обыкновенныхъ кафтановъ, какъ это видно изъ кройки ея, ибо когда кафтанъ былъ длиною въ два аршина шесть вершковъ, съ рукавами длиною въ одинъ аршинъ пять вершковъ, чуга для той же особы была длиною въ одинъ аршинъ съ тремя четвертями и съ рукавами въ девять вершковъ. Чуга подпоясывалась поясомъ, за который закладывался ножъ и ложка, а на грудь привѣшивалась перевязь съ дорожною сулеею. Тѣ же принадлежности, какими украшались кафтаны — нашивки, кружева, подпушки — были, по желанію, и на чугахъ; чуги всегда застегались пуговицами.

Ферязями назывались одежды, надѣваемыя такъ же, какъ и кафтанъ, на зипуны; онѣ были съ длинными рукавами, широкія въ плечахъ и уже кафтановъ въ подолѣ, почти всегда безъ кружева и отложнаго ожерелья, лѣтомъ изъ какой нибудь легкой матеріи, зимою теплыя на мѣхахъ. Трудно себѣ представить, чѣмъ отличалась эта одежда отъ кафтана. У Флетчера, при описаніи русской одежды, она поставлена третьимъ верхнимъ платьемъ — первое зипунъ, второе или среднее узкій кафтанъ съ ножемъ и ложкою за поясомъ (подъ которымъ англичанинъ разумѣлъ чугу), третье ферязь—просторное платье, окаймленное позументомъ [1]). У Олеарія, напротивъ, говорится, что русскіе надѣвали рубаху и штаны, потомъ зипунъ, на зипунъ ферязь, сдѣланную изъ какой нибудь

[1]) Fletch. 27.

легкой матеріи, а на ферязь кафтанъ [1]), такъ что у него выходитъ четыре одежды (съ верхнею или накидною) и ферязью называлась одежда средняя между зипуномъ и кафтаномъ. Все, что можно вывести изъ сбивчивыхъ извѣстій объ этомъ родѣ одежды—это то, что ферязь былъ болѣе комнатный родъ кафтана. Названіе его персидское и вошло къ намъ въ XVI вѣкѣ. Оно было въ употребленіи какъ у царей, такъ и у простаго народа. На ферязяхъ дѣлались нашивки, называемыя образцами. Это были—нѣсколько вышитыхъ золотомъ или шелками небольшихъ мѣстъ, формы круглой, или четыреугольной, отдѣленныя другъ отъ друга другой матеріей. Ферязи застегивались завязками.

Кромѣ кафтана, чуги и ферязей, къ разряду средней одежды относились: ормякъ, тегиляй, терликъ. Ормяки дѣлались съ прорѣхами, съ кружевами, образцами, какъ ферязи, и съ вышитыми воротниками. Его полы не сходились вмѣстѣ, а закидывались одна на другую. Тегиляй была одежда со множествомъ пуговицъ, напр., съ шестидесятью-восемью или съ пятидесятью-шестью. Особенности покроя его неизвѣстны, какъ и терлика. Впрочемъ, подъ послѣднимъ, кажется, разумѣли то же, что и подъ именемъ чуги, то-есть короткое платье, удобное для верховой ѣзды; но онъ носился также разомъ съ кафтаномъ, какъ, напримѣръ, въ одномъ описаніи свадебъ, свадебные поѣзжане описываются одѣтыми въ терликахъ и кафтанахъ разомъ.

Верхнія или накидныя одежды были: опашень, охабень, однорядка, ферезея, епанча и шуба. Опашень была лѣтняя одежда, ибо въ царскихъ выходахъ упоминается только лѣтомъ; осенью и весною и вообще въ ненастную и сырую погоду надѣвали однорядку. Какъ опашень,

[1]) Olear. 181.

такъ и однорядка дѣлались широкіе, длиною до пятъ, съ длинными рукавами, съ кружевами по краямъ разрѣза, нашивками по бокамъ вдоль разрѣза, застегались пуговицами; иногда къ воротнику пристегалось ожерелье. Опашни дѣлались изъ сукна, у богачей нерѣдко изъ шелковыхъ матерій; однорядка всегда изъ сукна. Охабень былъ плащъ съ рукавами и съ капишономъ сзади. Ферезея — плащъ съ рукавами—надѣвалась во время дороги. Епанча была двухъ родовъ: одна дорожная изъ верблюжьей шерсти или грубаго сукна, другая нарядная изъ богатой матеріи, подбитая мѣхомъ больше для пышности, чѣмъ для тепла. Послѣдняго рода епанчу надѣвали, когда выѣзжали верхомъ и красовались передъ народомъ; онѣ дѣлались безъ рукавовъ и безъ прорѣхъ для рукъ, накидывались на плеча и застегались на шеѣ пуговицами или завязками. Шубы были самымъ наряднымъ платьемъ для русскаго, потому что русскіе, при бѣдности природы своего отечества, только и могли щеголять передъ другими народами, что мѣхами. Множество мѣховъ въ домѣ составляло признакъ довольства и зажиточности. Случалось, что русскіе не только выходили въ шубахъ на морозъ, но сидѣли въ нихъ въ комнатахъ, принимая гостей, чтобы выказать свое богатство. У бѣдныхъ были шубы овчинныя, или тулупы, и заячьи, у людей средственнаго состоянія бѣличьи и куньи, у богатыхъ собольи и лисьи разныхъ видовъ: лисицъ чернобурыхъ, черныхъ, сѣрыхъ, сиводушчатыхъ. Дѣлали также шубы изъ горностаевъ, вѣроятно только для щегольства. На шубы употреблялись разныя части звѣринаго мѣха, не смѣшивая одну съ другою; шубы дѣлались на пупкахъ, черевахъ и хребтахъ и имѣли по этому свои названія: хребтовая шуба, черевая и проч. Шубы покрывались обыкновенно сукномъ, но часто и шелковыми тканями. На нихъ помѣщали по бокамъ разрѣза нашивки, но другой матеріи, а не той, ко-

торою покрыта сама шуба, на эти нашивки пришивались петли и пуговицы, а самый разрѣзъ окаймлялся металлическимъ .кружевомъ. Но щегольство не всегда требовало пышной покрышки и блестящихъ украшеній для шубы; иногда русскіе щеголяли одними мѣхами и полагали, что достоинство мѣха выказывается ярче, когда онъ лишенъ всякихъ постороннихъ прикрасъ; такимъ образомъ, иногда ходили просто въ нагольныхъ шубахъ. Такъ однажды царь Михаилъ Ѳеодоровичъ сидѣлъ за парадныімъ столомъ въ нагольной шубѣ. Вообще шубы различались въ этомъ отношеніи на нарядныя и санныя. Въ первыхъ только ходили въ церковь, въ гости, да являлись дома передъ гостьми на показъ; въ послѣднихъ выѣзжали въ дорогу [1]).

Для всѣхъ вообще мужскихъ одеждъ, описанныхъ здѣсь, люди средняго состоянія употребляли сукна, привозимыя изъ-за границы, зуфь (родъ камлота), а для праздничныхъ платьевъ шелковыя матеріи. У людей, болѣе зажиточныхъ, покрывались шелковыми тканями и будничныя одежды. Шелковыя матеріи въ-старину болѣе употребительныя были: дороги, киндяки, тафта (роды дешевые), камки, бархатъ, атласъ, объярь, алтабасъ и зарбевъ. Тогдашній вкусъ требовалъ самыхъ яркихъ цвѣтовъ, какъ на сукнахъ, такъ и на матеріяхъ. Черные и вообще темные цвѣта употреблялись только на печальныхъ (траурныхъ) или такъ называемыхъ смирныхъ одеждахъ. По понятіямъ вѣка, яркихъ цвѣтовъ платья внушали уваженіе и потому цари приказывали начальствующимъ лицамъ въ торжественныхъ случаяхъ, когда надобно было дѣйствовать на народъ, одѣваться въ цвѣтное платье. Служилые люди, во время какого нибудь торжественнаго событія, выходящаго изъ повседневной среды, одѣвались въ цвѣтныя одежды [2]). Всевозможные цвѣта самыхъ яркихъ оттѣн-

[1]) А. И. III, 334.

[2]) Доп. II. 267.

ковъ можно было встрѣтить на русскихъ одеждахъ, но преимущественно красные; изъ нихъ особенно любили червчатый отливъ (красно-фіолетовый). Этотъ цвѣтъ былъ въ такомъ употребленіи, что одинъ иностранецъ замѣтилъ, что всѣ городскіе жители (посадскіе) носятъ платье такого цвѣта. Даже духовныя особы носили рясы красныхъ цвѣтовъ. За красными цвѣтами, въ числѣ болѣе употребительныхъ, были цвѣта лазоревый, зеленый и вишневый, за этими слѣдовали рудожелтый, шафранный, лимонный, песочный, кирпичный, сизовый, сливный, маковый, таусинный, дымчатый, цѣнинный и проч. Шелковыя матеріи, исключая невысокихъ сортовъ, какъ, напр., дорогъ, киндяка и тафты, ткались вмѣстѣ съ золотомъ и серебромъ, однѣ съ золотыми и съ серебрянными узорами по цвѣтному фону ткани, другія были затканы золотомъ и серебромъ, такъ что по золотому полю выводились серебрянные, а по серебрянному золотые узоры и фигуры, какъ напримѣръ: чешуи, большіе и малые круги, струи (преимущественно въ объяри), рѣки, травы, листья, птицы, змѣйки, изображенія людей, и стоящихъ, и лежащихъ, и съ крыльями, и проч. и проч.; иногда серебро и золото переплеталось съ шелками, напр., по серебрянной землѣ (фондъ) золотые узоры пополамъ съ шелками трехъ цвѣтовъ, или, напр., круги изъ золота, переплетеннаго съ зеленымъ и червчатымъ шелками, а между кругами листья; иногда золотые и серебрянные узоры по ткани чередовались между собою, а иногда по серебрянной или по золотой землѣ вышивались узоры шелками и выбивался бархатъ; иногда золотыя и серебрянныя полосы на ткани чередовались съ шелковыми, напр., атласъ золотной, а по немъ полосы червчатаго, лазореваго и вишневаго цвѣтовъ. Изъ тогдашнихъ шелковыхъ матерій самыя цѣнныя были: бархатъ, атласъ, алтабасъ и зарбевъ: послѣдніе два вида привозились съ Востока и употреблялись на самыя драго-

цѣнныя одежды царей и знатныхъ бояръ. Золотное платье считалось аттрибутомъ достоинства у бояръ и думныхъ людей, окружавшихъ царскую особу, и когда принимали пословъ, то всѣмъ, не имѣющимъ такого рода платьевъ, раздавали ихъ на время изъ царской казны. Особенная драгоцѣнность русскихъ мужскихъ нарядовъ заключалась преимущественно въ нашивкахъ, ожерельяхъ, запястьяхъ, кружевахъ и пуговицахъ. Нашивки, какъ сказано, дѣлались всегда изъ матеріи отличной отъ той, которая была на лицевой сторонѣ всей одежды, напримѣръ: при зеленомъ суквѣ нашивки красныя; при красномъ или червчатомъ, нашивки зеленыя или голубыя. Подъ цвѣтъ нашивокъ дѣлались завязки и кисти, называемыя ворворки. Нашивки, ожерелья и запястья у богатыхъ унизывались жемчугомъ и драгоцѣнными камнями, на ожерельяхъ, кромѣ жемчуга и камней, всегда ставились золотыя пуговицы, у бѣдныхъ для нихъ служили куски матеріи, а пуговки на ожерельяхъ были изъ шелка или изъ пряжи. Кружева были разнообразны и носили по своимъ формамъ разныя названія, напр., кольчастое, колѣнастое, рѣшетчатое, плетеное, петельчатое, цѣпковое; кружево окаймлялось бахрамою. Пуговицы у богатыхъ дѣлались иногда изъ жемчужинъ, и щеголи отличались тѣмъ, что каждая пуговица состояла изъ одной большой жемчужины; золотыя и серебрянныя пуговицы носили разныя названія по роду работы, какъ, напр., канфаренныя, сканныя, грановитыя, или по своей формѣ, какъ, напр., грушевидныя, остроконечныя, прорѣзныя, сѣнчастыя, клинчатыя, половинчатыя, желобчатыя. Случалось, пришивали, вмѣсто металлическихъ пуговицъ, плетеныя изъ канители и трунцала и хрустальныя. Бѣдняки носили оловянныя пуговицы такихъ же формъ, какъ и богачи. Величина ихъ была очень различна, напр., иногда онѣ доходили до размѣра яйца. Число ихъ было чаще всего одиннадцать и двѣнадцать на

Bayerische
Staatsbibliothek
München

одеждѣ, иногда четырнадцать и пятнадцать; онѣ пристегивались на нашивкахъ. Только въ тегиляѣ, какъ выше сказано, число ихъ было значительно больше, но онѣ были малы.

Обыкновенно русскіе ходили безъ перчатокъ и длинные рукава одеждъ замѣняли ихъ необходимость. Только цари и знатныя особы надѣвали *персчатыя рукавицы* и то преимущественно зимою отъ холода, а потому онѣ у нихъ были мѣховыя или оторочивались бобромъ [1]). За то и простыя, и средней руки лица зимою надѣвали рукавицы; у небогатыхъ онѣ были кожанныя, у болѣе зажиточныхъ суконныя, цвѣта червчатаго, зеленаго и проч., подложенныя мѣхомъ [2]). По величинѣ однѣ назывались рукавицы, а другія—поменьше—рукавки.

Всѣ носили пояса, и считалось неприличнымъ ходить безъ пояса. Кромѣ опоясокъ на рубахѣ, носили пояса или кушаки по кафтану и щеголяли ими не меньше, какъ нашивками и пуговицами. У небогатыхъ людей пояса были дорогильные и тафтяные; но у богачей они дѣлались изъ богатыхъ матерій и украшались разными драгоцѣнностями. Встарину наши князья оставляли пояса своимъ дѣтямъ, какъ лучшую драгоцѣнность [3]). Они дѣлались полосатые, напр., бѣлые, съ червчатыми и лазоревыми полосами поочередно, или, напр., полосы червчатыя, лазоревыя и вишневыя съ золотомъ, и въ каждой полосѣ своеобразные узоры: въ одной змѣйки, въ другой копытцы, въ третьей шильцы [4]). Пояса украшались золотыми и серебрянными бляхами, которыя назывались *плащами*, фигуры круглой, продолговатой, четвероугольной и многоугольной, съ выемками по угламъ; между плащами накладывались другія

[1]) Паэрле 37. Кильбург. 76.

[2]) Оп. Шуи. 253.

[3]) С. г. гр. I. 61.

[4]) Врем. VII. См. Оп. им. ц. Ив. Вас.

металлическія украшенія, называемыя переченки. На самыхъ плащахъ чеканились разныя фигуры, какъ-то: звѣри, птицы, всадники, травы. Иногда на поясахъ, вмѣсто металлическихъ плащей, нашивались косые образцы изъ матерій другого рода, чѣмъ самъ поясъ. Къ поясамъ придѣлывались крючья, которыми они застегивались. О величинѣ поясовъ можно судить по тому, что у одного боярина въ XVII вѣкѣ былъ поясъ длиною въ пять аршинъ пять вершковъ и въ шесть вершковъ шириною.

Русская шапка была четырехъ родовъ. Зажиточные люди, слѣдуя восточнымъ обычаямъ, укоренившимся въ Россіи, носили маленькія шапочки, называемыя тафьями, прикрывавшія только макушку, расшитыя шелками, а у богатыхъ золотомъ и унизанныя жемчугомъ. Ихъ носили и въ комнатѣ, а царь Иванъ Грозный ходилъ въ ней и въ церковь и за это поссорился съ митрополитомъ Филиппомъ. Другой видъ шапки — остроконечный, назывался колпакомъ. Богатые носили его изъ атласа, обыкновенно бѣлаго; по его окраинѣ пристегался околышекъ, называемый ожерельемъ, унизанный жемчугомъ и золотыми пуговками, иногда съ драгоцѣнными камнями. Сверхъ того на передней сторонѣ колпака прикалывали золотую запону. Зимою такой колпакъ подбивался мѣхомъ, который заворачивался наружу широкою полосою. Эти колпаки дѣлались съ продольными разрѣзами напереди и сзади до половины; разрѣзы эти окаймлялись жемчужными нитями и застегались пуговками. Этой формы шапки носили и бѣдные мужики, изъ сукна или изъ войлока, зимою подбитыя овчиною или какимъ нибудь недорогимъ мѣхомъ. Третій родъ шапокъ былъ—четвероугольная низкая шапка съ мѣховымъ околышкомъ изъ черной лисицы, соболя или бобра; лѣтомъ этотъ околышекъ пристегался для красоты, а зимою вся шапка была подбита мѣхомъ или хлопчатой бумагой. На ней дѣлались также прорѣхи, какъ и

на колпакѣ, съ пуговками, по шести на каждой прорѣхѣ. Вершокъ ея былъ чаще всего суконный вишневаго, червчатаго, зеленаго и часто также чернаго цвѣта: избѣгая чернаго цвѣта на платьяхъ, русскіе считали его приличнымъ на шапкахъ. Этого рода шапки носили дворяне, дьяки и бояре, когда не были въ парадѣ. Четвертый родъ шапокъ были такъ называемыя горлатныя шапки—исключительная принадлежность князей и бояръ. Одинаковость одежды у всѣхъ сословій здѣсь имѣла границы. По шапкѣ можно было узнавать происхожденіе и достоинство [1]. Высокія шапки означали знатность породы и сана. Какъ бы великолѣпно ни одѣлся посадскій, онъ не смѣлъ надѣть высокой шапки, и даже въ самыхъ колпакахъ,—обыкновенной народной шапкѣ, вышина соразмѣрялась съ знатностію носившаго шапку.

Горлатная шапка дѣлалась изъ драгоцѣнныхъ мѣховъ съ суконнымъ верхомъ, а иногда съ мѣховымъ. По своей фигурѣ она составляла обратную противоположность колпаку, ибо къ верху была шире, къ низу уже. Спереди дѣлалась прорѣха, окаймленная вдоль образцами или плащами съ насѣчками. На одной сторонѣ прорѣхи дѣлались петли, густо обложенныя жемчугомъ, изображавшія какую-нибудь фигуру, напримѣръ, въ видѣ змѣйки, львиной головки и проч., на другой сторонѣ прикрѣплялись золотыя пуговки, иногда съ драгоцѣнными камнями въ срединѣ. Во время парада бояринъ надѣвалъ тафью, на тафью колпакъ, а на колпакъ горлатную шапку. Также и въ царскихъ выходахъ царямъ подавались шапки съ колпакомъ. Знатные люди считали приличіемъ и достоинствомъ своего сана кутать какъ можно больше голову, и часто въ комнатѣ за нарядными столами сидѣли въ своихъ тяжелыхъ шапкахъ. Когда они возвращались домой, то, снявъ шап-

[1]) Вѣроятно, оттуда возникла пословица: по Сенькѣ шапка.

ку, напяливали ее на болванецъ, расписанный нарядно иконописцами и составлявшій украшеніе въ домѣ. Обычай такъ закутывать голову поддерживался тѣмъ, что русскіе, по восточному обычаю, очень плотно стриглись, а иногда даже и брили себѣ головы. Только тѣ, которые теряли родныхъ или попадали въ царскую немилость, отращивали на головѣ волосы въ знакъ печали; безъ этого всѣ старались стричься какъ можно плотнѣе и передъ каждымъ большимъ праздникомъ всѣ считали долгомъ непремѣнно остричься. За то всѣ носили бороды, и чѣмъ борода была длиннѣе, тѣмъ осанка человѣка считалась почтеннѣе и величественнѣе. Богатый человѣкъ холилъ ее, берегъ и расчесывалъ гребешкомъ изъ слоновой или моржевой кости. При Василіѣ Ивановичѣ начало было входить въ обычай бритье бородъ, и самъ великій князь послѣдовалъ этому обычаю; но духовенство вопіяло противъ него и Стоглавъ предалъ неблагословенію Церкви дерзавшихъ отступать отъ дѣдовскаго обычая. Подъ вліяніемъ Церкви борода долго сохранялась и почиталась необходимою принадлежностію человѣка, и если у кого отъ природы не росла борода, къ тому имѣли недовѣріе и считали его способнымъ на дурное дѣло [1]).

Въ довершеніе блеска своихъ одеждъ русскіе украшали уши серьгами или одной серьгой и вѣшали на шеѣ драгоцѣнныя золотыя или позолоченныя цѣпи, а къ самымъ цѣпямъ прикрѣпляли кресты, и такія цѣпи передавались вмѣстѣ съ крестами отъ родителей къ сыновьямъ, какъ залогъ благословенія. Также цари жаловали ими своихъ приближенныхъ. Иногда онѣ были такъ массивны, что вѣсили до двухъ фунтовъ. На пальцы надѣвали русскіе

[1]) Fletch. 271.—Olear. 179. 184.—Jenkins 157.—Carlisle 329.—А. И. Ш. 334.—Врем. VII. Матер. для ист. икон. 73.—Chensl. 284.—Врем. XIII. Расх. кн. Никона.—Доп. I. 189. Ш. 145.

множество перстней съ алмазами, яхонтами, изумрудами и сердоликами, съ вырѣзанными на нихъ печатьми; можно было встрѣтить перстни въ золотыхъ ободочкахъ и съ желѣзною печатью. Въ-старину не было наслѣдственныхъ и гербовыхъ печатей; всякій дѣлалъ себѣ произвольно по вкусу на перстняхъ печати. Кромѣ перстня съ печатью, на рукахъ у русскаго было еще ихъ нѣсколько съ камнями, такъ что иногда трудно было разогнуть пальцы. Обиліе камней въ старинномъ русскомъ туалетѣ не должно изумлять читателей, потому что по большей части эти камни были низкаго достоинства, такъ называемое, по тогдашнему образу выраженія, плохое каменье, да и люди съ состояніемъ часто платили хорошія деньги за дурные камни, потому что не умѣли распознавать ихъ достоинства [1]).

Для утиранія носа русскіе носили платки, которые у зажиточныхъ дѣлались изъ тафты и оторочивались золотою бахрамою, но ихъ хранили не въ карманахъ, а въ шапкахъ, и когда сидѣли въ гостяхъ, то держали въ рукахъ шапку, а въ ней платокъ. Впрочемъ не считалось неприличнымъ высморкаться и двумя пальцами, даже за столомъ и потомъ обтереть руки о скатерть. Простонародіе не знало носовыхъ платковъ вовсе и не предполагало, чтобъ они могли быть необходимы.

Въ довершеніе русскаго наряда, люди знатные привѣшивали шпаги. Это право предоставлялось только служилымъ и тѣмъ, которые по своему происхожденію его заслуживали, именно: боярамъ, окольничимъ, стольникамъ, иноземцамъ, начальнымъ людямъ, дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ; простолюдинамъ, посадскимъ и крестьянамъ запрещалось ходить съ оружіемъ [2]), за то и знатные, и не

[1]) Времен. VII. 28. 37.—С. г. гр. I. 271 .406.—Котоших. 22.—Petr. 290.—А. И. П. 406.

[2]) С. г. гр. IV. 466—467.

знатные не иначе выходили изъ домовъ, какъ съ тростью или палкою, которая обдѣлывалась точенымъ набалдашникомъ, съ вычеканеннымъ наконечникомъ. Набалдашникъ раскрашивался или окладывался перламутромъ [1]). Посохъ служилъ вмѣстѣ эмблемою степенности и важности; отъ этого цари не иначе даже выходили изъ своихъ покоевъ, какъ съ посохомъ.

Женскія одежды, по свидѣтельству очевидцевъ, были похожи на мужскія, тѣмъ болѣе, что послѣднія вообще дѣлались длинныя. Но однако въ одеждахъ двухъ половъ были и особенности, такъ что можно было съ перваго взгляда отличить женщину издали. Не говоря уже о головныхъ уборахъ, къ самымъ одеждамъ, носившимъ тѣ же названія, какъ у мужчинъ, прибавлялось слово «женскій», напр., женская шуба, женскій опашень.

Женская рубаха была длинная, съ длинными рукавами, цвѣта бѣлаго или краснаго: красныя рубахи, какъ и у мужчинъ, считались нарядными бѣльемъ. Къ рукавамъ рубахи пристегивались запястья, вышитыя золотомъ и украшенныя жемчугами. Сверхъ рубашки надѣвался лѣтникъ: одежда эта не была длинна и по крайней мѣрѣ не доходила до пятъ, какъ это видно изъ кроильной книги, гдѣ на царицу Евдокію Лукьяновну полагается для длины лѣтника аршинъ съ тремя четвертями, тогда какъ длина другой одежды на ту же особу простирается до двухъ аршинъ съ полувершкомъ. Рукава его были такъ длинны, какъ цѣлый лѣтникъ, и чрезвычайно широки, например, до тринадцати вершковъ и даже до тридцати. Эти рукава назывались накапками: они вышивались золотомъ и унизывались жемчугомъ. Подолъ обшивался иною матеріею съ золотою тесьмою, со снуркомъ и бахрамою. Вдоль одежды на передней сторонѣ дѣлался разрѣзъ, который застеги-

[1]) Кильбургъ. 32.

вался до самаго горла, потому что приличіе требовало, чтобы грудь женщины была застегнута какъ можно плотнѣе. Зимою лѣтники подбивались мѣхомъ и назывались кортелями.

Принадлежность лѣтника составляли вошвы, то есть вшитыя мѣста; но трудно рѣшить, гдѣ именно онѣ вшивались; нѣкоторые полагали, что онѣ пристегивались къ рукавамъ, но такъ какъ онѣ были очень широки, напр., семнадцать вершковъ, то едва ли была возможность пришить ихъ къ рукавамъ или накапкамъ, которые были и безъ того широки. Если только онѣ не одно и то же, что накапки, то быть можетъ, онѣ накладывались на полы лѣтника по обѣимъ сторонамъ разрѣза, какъ нашивки на мужскихъ кафтанахъ. Эти вошвы были всегда разцвѣчены и распещрены разными фигурами въ видѣ листьевъ, травъ, звѣрей и т. п.

Матеріи, изъ которыхъ дѣлались лѣтники, у зажиточныхъ были по большей части легкія, такъ какъ для мужскаго зипуна, напр., тафта, но иногда эти одежды дѣлались также изъ тяжелыхъ золототканныхъ и сребротканныхъ матерій. На подкладку употребляли менѣе цѣнныя матеріи, напр., киндяки или дороги. Цвѣта ихъ были различны. Упоминаются лѣтники лазоревые, зеленые, желтые, но чаще всего червчатые. Чтобъ имѣть понятіе о наружномъ видѣ этой одежды, приведемъ нѣсколько примѣровъ лѣтниковъ изъ богатой матеріи. Вотъ лѣтникъ червчатаго атласа, сотканнаго пополамъ съ золотомъ; вошвы чернаго бархата съ вышитыми узорами. Вотъ другой лѣтникъ: онъ сдѣланъ изъ червчатой камки съ серебрянными и золотыми узорами, поочередно представляющими листья; вошвы къ нему изъ червчатаго бархата, расшитаго канителью и трунцаломъ; подолъ изъ лазореваго атласа. Вотъ третій лѣтникъ: онъ изъ матеріи сребротканной пополамъ съ золотомъ, вошвы къ нему чернаго бархата, съ расши-

тыми по немъ узорами. Вошвы чаще всего были другого цвѣта, чѣмъ самый лѣтникъ, напримѣръ: лѣтникъ желтой камки, а вошвы къ нему золотнаго бархата; лѣтникъ полосатый, а вошвы чернаго бархата; лѣтникъ червчатый, вошвы изъ синяго аксамита. Небогатыя женщины носили лѣтникъ изъ зуфи, дороговъ, киндяка, а вошвы расшивали шелками и цвѣтною пряжею.

Къ лѣтникамъ, какъ къ мужскимъ зипунамъ, пристегивалось шейное ожерелье. У женщинъ оно тѣснѣе прилегало къ шеѣ, чѣмъ у мужчинъ, и потому иностранцы находили его похожимъ на собачій ошейникъ. Оно состояло изъ тесьмы, очень часто чернаго цвѣта, вышитой золотомъ и унизанной жемчугомъ; къ воротнику лѣтника оно пристегивалось пуговками, обыкновенно числомъ до пяти [1]).

Верхняя женская одежда была опашень; это была одежда длинная съ частыми пуговицами отъ верху до низу; у богатыхъ онѣ были золотыя или серебрянныя вызолоченныя, у бѣдныхъ оловянныя. Эта одежда дѣлалась изъ сукна, обыкновенно красныхъ цвѣтовъ; рукава были длинны до пятъ, но пониже плеча дѣлались прорѣзы или проймы, сквозь которыя свободно входила рука, а остальная часть рукава висѣла. Такимъ образомъ женщина могла показывать не только широкія накапки своего лѣтника, но и запястья своей рубахи, шитыя золотомъ. Кругомъ шеи пристегивался широкій мѣховой, обыкновенно бобровый воротникъ, называемый ожерельемъ, круглаго вида, покрывавшій грудь, плечи и спину. По прорѣзу и по по-

[1]) С. г. гр. I. 302—303. 340.—Оп. Шуи 403.—Времен. V. См. 22—25.—А. Юр. 47. 444.—А. отн. до юр. быта 563.—Olear. 212.—Паэрле 54.—А. г. Шуи 186.—Das. Gr. Reich von. Mosc. 208.—Доп. къ Акт. Ист. I. 76.

долу опашни окаймлялись кусками другой матеріи, расшитыми шелками и золотомъ [1]).

Другой видъ верхней женской одежды была тѣлогрѣя. Въ подробности отличіе покроя ея отъ опашня неизвѣстно; въ плечахъ дѣлалась она уже, къ подолу шире; рукава были длинные съ проймами, какъ въ опашнѣ, на краяхъ этихъ рукавовъ пристегивалось запястье изъ другой матеріи, обыкновенно вышитое; подолъ окладывался (подпушался) широкою полосою другой матеріи, а разрѣзъ, который застегивался пуговицами, обыкновенно пятнадцатью, окаймлялся металлическимъ кружевомъ или же тесьмою, густо расшитою золотомъ. Тѣлогрѣи были холодныя и теплыя, напр., на куницахъ или соболяхъ [2]).

Женскія шубы отличались отъ мужскихъ, ибо упоминается названіе женская шуба. Шуба, повидимому, у женщинъ означала не всегда одно только мѣховое платье, потому что встрѣчается названіе холодная шуба [3]). Если лѣтникъ въ женскомъ одѣяніи соотвѣтствовалъ зипуну въ мужскомъ, то опашень и тѣлогрѣя соотвѣтствовали кафтану, а шуба означала вообще верхнюю накидную одежду. Кромѣ шубы, встрѣчаются названія женскихъ охабней, однорядокъ, ферязей, которые женщины носили съ поясомъ; въ другихъ случаяхъ эти верхнія одежды вообще назывались шубы. Мѣховыя женскія шубы дѣлались на соболѣ, куницахъ, лисицахъ, горностаяхъ, бѣлкахъ, зайцахъ, смотря по состоянію, покрывались сукнами и шелковыми матеріями, какъ-то: объярью, камкою, атласомъ, тафтою—цвѣтовъ червчатаго, желтаго, зеленаго и бѣлаго; послѣдній цвѣтъ на женскихъ шубахъ былъ въ употребленіи въ XVI вѣкѣ, но въ XVII шубы покрывались часто

[1]) А. отн. до юр. б. 563.—А. И. I. 211. III. 63.—Olear. 183.—Carlisle 333.—Crull. 138.—Das. Gr. R. v. Mosc. 205.

[2]) Доп. I. 76.—А. И. II. 405. —Достоп. Кремл. 61.—Опис. Шуи 403.

[3]) А. г. Шуи 187.

цвѣтными тканями съ золотыми узорами. Отъ верху до низу напереди былъ разрѣзъ; онъ застегивался пуговицами и окаймлялся кружевомъ металлическимъ, кованымъ или плетенымъ, либо шелковымъ, расшитымъ золотомъ и усаженнымъ дробницами. Вдоль разрѣза по обѣимъ сторонамъ дѣлались нашивки съ золотыми вышивками и съ кистями, а по шеѣ пристегивалось къ шубѣ ожерелье изъ другого мѣха, напр., шуба бѣличья или лисья, а ожерелье къ ней бобровое. Рукава женскихъ шубъ украшались по краямъ кружевомъ, они особливо снимались и хранились, переходя отъ матерей къ дочерямъ, какъ фамильная драгоцѣнность [1]).

Въ торжественныхъ случаяхъ женщины надѣвали на обыкновенныя свои платья богатую мантію, называемую по-русски подволокою или приволокою. Она дѣлалась изъ шелковой матеріи, цвѣта червчатаго, бѣлаго, но чаще всего изъ золотной или сребротканной, съ вошвами (вѣроятно, вшитыми мѣстами). Края этой мантіи были съ особенною нарядностію разукрашены золотымъ шитьемъ, жемчугомъ и драгоцѣнными камнями; они пристегались къ подволокѣ и снимались, когда нужно было, и назывались подволочнымъ запушьемъ [2]). На голову замужнія женщины надѣвали волосники или подубрусники: то были шапочки на подобіе скуфьи изъ шелковой матеріи, нерѣдко изъ золотной, дѣлались съ узломъ, посредствомъ котораго можно было ихъ съуживать и расширять и съ ошивкою или оторочкою по краю; эти ошивки унизывались жемчугомъ и камнями и перешивались съ одного волосника на другой и такимъ образомъ переходили изъ рода въ родъ. Волосникъ игралъ большую роль въ судьбѣ замужней женщины, ибо онъ былъ символомъ брачнаго со-

[1]) С. г. гр. I. 303. 340. 407. — Olear. 220. — А. И. II. 18. 21. — Доп. I. 76.—Кильбург. 76.—А. г. Шуи 133. 174. 187.

[2]) С. г. гр. I. 302. 340.—Das Gr. Reich. v. Mosc. 205.

стоянія и составлялъ необходимую и главную принадлежность приданаго. По понятіямъ вѣка, для замужней женщины считалось и стыдомъ и грѣхомъ оставлять на показъ свои волосы: опростоволосить (открыть волосы) женщину было для нея большимъ безчестіемъ. Скромная женщина боялась, чтобы даже члены семейства, исключая мужа, не увидали ея волосъ; а въ Новгородской Землѣ вошло было даже въ обычай замужнимъ женщинамъ брить себѣ волосы, но этотъ обычай не одобрялся Церковью. Правило скромности переходило въ щегольство, и нѣкоторыя женщины, укрывая волосы подъ волосникомъ, стягивали ихъ такъ туго, что едва могли моргать глазами: это казалось имъ красиво. Поверхъ волосника накладывался платокъ, обыкновенно бѣлый, и подвязывался подъ подбородокъ; его висячіе концы густо усаживались жемчугомъ. Этотъ платокъ назывался убрусомъ. Это былъ обыкновенный домашній головной уборъ. Когда женщины выходили въ церковь или въ гости, то надѣвали кику: то была шапка съ возвышенною плоскостью на лбу, называемою кичнымъ челомъ; чело было разукрашено золотомъ, жемчугомъ и драгоцѣнными камнями, а иногда все состояло изъ серебрянаго листа, подбитаго матеріею. По бокамъ дѣлались возвышенія, называемыя переперы, также разукрашенныя; изъ-подъ нихъ, ниже ушей, спадали жемчужные шнуры, числомъ около четырехъ или до шести на каждой сторонѣ и достигали плечъ. Задняя часть кики дѣлалась изъ плотной матеріи, или соболинаго, или боброваго мѣха и называлась подзатыльникъ. По окраинѣ всей кики пристегалась жемчужная бахрома, называемая поднизью. Третій родъ головнаго убора былъ кокошникъ, у богатыхъ также обложенный жемчугомъ.

Когда женщина выѣзжала, то на убрусъ надѣвала шляпу бѣлаго цвѣта съ полями, у богатыхъ покрытыми золотными матеріями, жемчужинами и камнями; съ этой шляпы

спадали на спину длинные снурки; когда шляпа была бѣлаго цвѣта, снурки обыкновенно были красные. Также надѣвали шапки, очень часто чернаго цвѣта, изъ бархата или другой матеріи, отороченныя дорогимъ мѣхомъ, иногда съ золотою запоною напереди и съ поднизью или кружевомъ по окраинѣ. Дѣвицы носили на головѣ вѣнцы: они имѣли форму городовъ и теремовъ; напримѣръ, изображеніе дома въ нѣсколько ярусовъ, отдѣлявшихся одинъ отъ другаго жемчужными поясками. У вѣнцовъ были поднизи, называемыя рясы. У другихъ вѣнцы были проще фигурою и состояли только изъ золотой проволоки въ нѣсколько рядовъ, которые иногда украшались кораллами и камнями. Дѣвичій вѣнецъ былъ всегда безъ верха, потому что открытые волосы считались символомъ дѣвичества. Очень часто эти вѣнцы состояли изъ широкой повязки, вышитой золотомъ и усаженной жемчугами. Такая повязка съуживалась на затылкѣ и связывалась широкими лентами, иногда вышитыми, спадавшими на спину. Зимою дѣвицы покрывали голову высокою шапкою, собольею или бобровою, съ верхомъ изъ шелковой матеріи; она называлась столбунцемъ; изъ-подъ шапки выпадали на спину одна или двѣ косы, въ которыя вплетались красныя ленты. Иныя вовсе не заплетали себѣ косъ, а носили волосы распущенными по плечамъ. Дѣвицы простаго состоянія носили повязки, которыя спереди были шире, сзади съуживались и наконецъ спускались на спину длинными концами. Въ знакъ печали женщины и дѣвицы остригали себѣ волосы, какъ мужчины ихъ растили по этому поводу. У дѣтей женскаго пола волосы всегда были острижены, точно какъ и у мальчиковъ, и дѣвочку можно было узнать только по небольшимъ пукамъ волосъ на вискахъ [1]).

[1]) De Bruyns. 48.—С. г. гр. I. 303. 406.—А. И. II. 406.—А. Ю. 419.—А. отн. до юр. б. 563.—Достоп. Крем. 72.—Olear. 135. 179. 211.—Fletch. 273. 275.—Crull. 138.—Das. Gr. Reich. v. Mosc. 205.—Опис. Шуи 403.

Какъ женщины, такъ и дѣвицы носили серьги. Какъ только дѣвочка начинала ходить, мать прокалывала ей уши и втыкала серьги или кольца; обычай этотъ равно сохранялся и у знатныхъ, и у простыхъ. Самая обычная форма серегъ была продолговатая; иныя назывались двойчины, то есть двойныя, другія одинцы. Вообще серьги русскія были очень длинны. Бѣдныя женщины носили мѣдныя, болѣе зажиточныя—серебрянныя, богатыя женщины—золотыя съ драгоцѣнными камнями, преимущественно яхонтами и изумрудами, или золотыя со множествомъ мелкихъ камушковъ, называемыхъ искрами. У нѣкоторыхъ были серьги изъ цѣльныхъ драгоцѣнныхъ камней, обдѣланныхъ въ формахъ: грушевидной, круглой, овальной и тому подобное, иногда просверленныхъ насквозь, съ двумя вставленными въ дирочки жемчужинами [1]).

На рукахъ женщины носили обручи или зарукавья, то есть браслеты, также съ жемчугами и камнями, а на пальцахъ перстни и кольца, которыхъ нерѣдко было такъ же много, какъ и у мужчинъ. Женскіе перстни отличались отъ мужскихъ между прочимъ тѣмъ, что на нихъ не вырѣзывалось печатей и они вообще не были такъ массивны, какъ мужскіе; перстни эти были большею частію золотые съ искрами, то есть мелкими камышками, или съ сердоликами; у небогатыхъ серебрянные позолоченные, съ мелкими жемчужинами. Шея женщины и дѣвицы была увѣшана множествомъ крестовъ, образковъ и нѣсколькими рядами монистъ жемчужныхъ и золотыхъ, иногда составленныхъ въ видѣ цѣпочки, на которыхъ висѣли рядами коротенькія цѣпочки, каждая съ крестикомъ. Кромѣ монистъ, знатныя женщины носили золотыя и серебрянныя позолоченныя цѣпи, на которыхъ висѣли большіе кресты, отдѣланныя финифтью. Вообще на шеяхъ и на груди знатныхъ

[1]) А. Ю. 47. 419.—А. И. II. 405.—А. г. Шуп 185.—Барбер. 85.

госпожъ въ Московіи, какъ и повсюду, укладывались большіе капиталы. За всякой невѣстой зажиточнаго состоянія везли на новоселье огромные сундуки съ нарядами и сверхъ того большое количество ссыпнаго жемчуга, необходимаго для поправки платьевъ, иногда болѣе пуда. На платьяхъ, которыя надѣвались въ торжественныхъ случаяхъ, накладывалось невѣроятное множество украшеній. Платье Натальи Кирилловны, которое на нее надѣли послѣ взятія во дворецъ и нареченія царскою невѣстой, было такъ тяжело отъ вышиваній и жемчугу, что у невѣсты, когда она поносила его немного, заболѣли ноги [1]).

Не довольствуясь обильными украшеніями, пестрившими до крайности одежду, — русская женщина бѣлилась и румянилась и приводила въ смѣхъ иностранцевъ своимъ неискуствомъ въ этомъ дѣлѣ; недурныя собою отъ природы, русскія женщины совершенно искажали свою красоту, налѣпливая на щеки краски до того, что, по замѣчанію Олеарія, казалось, будто бы кто нибудь размалевалъ ихъ кистью. Этого мало: онѣ размалевывали себѣ шею и руки бѣлою, красною, голубою и коричневою красками, окрашивали рѣсницы и брови и притомъ самымъ уродливымъ образомъ—чернили свѣтлыя, бѣлили черныя. Женщины, которыя были хороши собою и сознавали какъ не идетъ собственно для нихъ такой обычай, принуждены были покоряться ему, чтобъ не подвергаться насмѣшкамъ. При Михаилѣ Ѳедоровичѣ одна русская боярыня, княгиня Черкасская, красивая собою, не хотѣла румяниться; но тогдашнее общество издѣвалось надъ нею: такъ силенъ былъ этотъ обычай; а между тѣмъ Церковь его не оправдывала,

[1]) А. г. Шуи 133. 185.—А. Юр. 418. 423.—А. И. II. 405.—Барбер. 50.—С. г. гр. I. 34. — Fletch. 274. — Petr. 317. — Das Gr. Reich. v. Mosc. 215.—Врем. V. См. 22.

и въ 1661 году новгородскій митрополитъ запрещалъ пускать въ церковь набѣленыхъ женщинъ [1]).

Въ рукахъ у женщины былъ платокъ, называемый ширинкою; у богатыхъ эти ширинки были шелковыя съ золотыми каймами и кистями. Зонтики были въ употребленіи у знатныхъ госпожъ; ихъ носили надъ ними рабыни [2]).

Бѣдныя поселянки ходили въ длинныхъ рубахахъ; на рубахи надѣвали лѣтники иногда бѣлаго цвѣта, похожіе также на рубаху, иногда крашеные, а голову повязывали платкомъ изъ крашенины или шерстяной матеріи, подвязывая его подъ подбородокъ. Сверху всего, вмѣсто накиднаго платья, поселянки надѣвали одежду изъ грубаго сукна или серемяги, называемую сѣрникъ. При большей зажиточности, поселянки носили на головахъ платки шелковые, а сверху лѣтника однорядку изъ красной или синей крашенины, зенденя или зуфи; зимою носили овчинные тулупы. Дѣвицы дѣлали себѣ кокошники изъ древесной коры въ видѣ короны. Впрочемъ при малѣйшей возможности мужъ не скупился принарядить свою жену. Въ тѣ времена у посадскихъ и у крестьянъ встрѣчались такіе богатые наряды, какихъ теперь трудно отыскать въ этихъ классахъ. Ихъ дорогія одежды были скроены просто и переходили изъ рода въ родъ. О томъ, чтобы платье сидѣло хорошо—не имѣли понятія. По большей части одежды кроились и шились дома: отдавать на сторону не считалось даже признакомъ хорошаго хозяйства. Русскіе не заботились ни объ изяществѣ формы, ни о вкусѣ, ни о согласіи цвѣтовъ, лишь бы блестѣло и пестрѣло. Въ ихъ одеждахъ не было таліи: онѣ были мѣшки, приходившіеся на каждую, лишь бы не очень высокаго и не очень низкаго роста и вполнѣ соотвѣтствовали пословицѣ: не ладно

1) Olear. 180. -Crull. 139.—Petr. 307.—А. И. IV. [illegible]

2) А. г. Шуи 174.—Mejerb.

скроено, да крѣпко сшито. По русскимъ понятіямъ, красота женщины состояла въ толстотѣ и дородности; женщина стройнаго стана не считалась красавицею, напротивъ, ей предпочитали тучную, мясистую. Притомъ русскіе считали особенною красотою, чтобъ у женщины были продолговатыя уши, и нѣкоторыя записныя щеголихи вытягивали ихъ себѣ насильно. Этотъ обычай какъ нельзя болѣе согласовался съ раскрашиваньемъ и съ покроемъ платьевъ, чтобы для иностранцевъ и для насъ въ настоящее время, усвоившихъ западныя понятія, представить въ русской женщинѣ верхъ безвкусія и уродливости.

Какъ мужскія, такъ и женскія дорогія одежды почти всегда лежали въ клѣтяхъ, въ сундукахъ подъ кусками кожи водяной мыши, которую считали предохранительнымъ средствомъ отъ моли и затхлости. Только въ большіе праздники и въ торжественные случаи, какъ, напр., свадьбы, ихъ доставали и надѣвали; въ обыкновенные воскресные дни русскіе ходили въ менѣе богатомъ нарядѣ, а въ будни не только простой народъ, но и люди обоего пола средняго сословія и дворяне не щеголяли одеждою. Часто дворяне и ихъ жены ходили въ платьяхъ изъ грубаго холста или сукна, притомъ грязныхъ, поношеныхъ и часто съ заплатками; за то, когда надобно было показать себя, русскій скидалъ свои отрепья, вытаскивалъ изъ клѣтей отцовскія и дѣдовскія одежды и навѣшивалъ на себя, на женъ и на дѣтей все, что собрано было по частямъ имъ самимъ, отцами, дѣдами и бабками. Имѣть хорошее платье почиталось необходимымъ для сколько-нибудь зажиточнаго хозяина. Богатая одежда служила признакомъ благосостоянія и достоинства, и нерѣдко случалось, что бѣднякъ, когда приходилась ему нужда прикинуться не бѣднякомъ, бралъ у сосѣда на прокатъ платье и платилъ за это. Съ этимъ взглядомъ, во время пріѣзда въ Москву чужеземныхъ пословъ, правительство раздавало дьякамъ,

придворнымъ и гостямъ вышитые золотомъ кафтаны, чтобы пріѣзжимъ чужеземцамъ показать толпу одѣтыхъ въ золото, чтобъ чужеземцы заключили о Россіи, что эта страна сильная, богатая и народъ въ довольствѣ живетъ подъ царскимъ скипетромъ [1]).

Чтобы дать понятіе о гардеробѣ мужчины средняго состоянія, мы приведемъ здѣсь одежду подъячаго Красулина, сосланнаго въ Колу. У него было три однорядки — одна темнозеленая, двѣ вишневыя; три кафтана: одинъ праздничный камчатный, другой дорогильный, третій суконный; два были червчатаго цвѣта, а третій зеленый; штаны красные суконные; красныя ферязи; четыре шубы, изъ которыхъ одна покрыта камкою съ серебрянным кружевомъ и серебрянными пуговицами, а три покрыты дорогами желтаго и краснаго цвѣтовъ; два ожерелья стоячихъ, одно оксамитное, другое шитое золотомъ пополамъ съ серебромъ по черному бархату, третье простое черное бархатное; два тулупа и нѣсколько лоскутовъ сукна и небогатыхъ матерій [2]).

X.

Пища и питье.

Русская кухня вполнѣ была національная, то-есть основывалась на обычаѣ, а не на искусствѣ. Лучшая повариха была та, которая присмотрѣлась какъ готовится у людей. Измѣненія въ кушаньяхъ вводились незамѣтно. Кушанья были просты и не разнообразны, хотя столы

[1]) Врем. I. Домостр. 54.—Petr. 2. 86.—Carlisle 322.—Mejerb. 100.
[2]) Врем. VI. Смѣсь. 33—34.

русскіе и отличались огромнымъ количествомъ блюдъ; большая часть этихъ блюдъ были похожи одно на другое, съ небольшими различіями. Богатые господа составляли себѣ роспись кушаньевъ на цѣлый годъ; счетъ шелъ по церковнымъ праздникамъ, по мясоѣдамъ и постамъ; для каждаго дня, сообразно съ значеніемъ его въ церковномъ кругѣ, назначался заранѣе столъ; впрочемъ это не стѣсняло возможности выбора кушаньевъ и по охотѣ, потому что въ росписи писалось множество кушаньевъ, изъ которыхъ можно было выбирать.

Обычай свято сохранять посты, наблюдаемый какъ бѣдными поселянами, такъ и царями, и боярами, раздѣлялъ русскій столъ на два отдѣла: скоромный и постный, а по припасамъ, изъ которыхъ готовились кушанья, они могутъ быть раздѣлены на пять отдѣловъ: мучнистыя, молочныя, мясныя, рыбныя и растительныя.

Русскіе ѣли хлѣбъ преимущественно ржаной; онъ былъ принадлежностію не только убогихъ людей, но и богатаго стола. Русскіе даже предпочитали его пшеничному, приписывали ему больше питательности. Названіе хлѣбъ—значило собственно ржаной. Иногда, впрочемъ, къ ржаной мукѣ примѣшивали ячную, но это не могло быть постояннымъ правиломъ, потому что ячменя было мало. Пшеничная мука употреблялась на просфоры, а въ домашнемъ быту на калачи, которые вообще для простаго народа были лакомствомъ въ праздничные дни—отъ этого и пословица: калачомъ не заманишь. Лучшій сортъ калачей пекся изъ крупичатой муки въ видѣ колецъ не въ большомъ размѣрѣ; другой сортъ дѣлался изъ толченой муки, круглыми булками: эти калачи назывались братскими; былъ третій родъ, называемый смѣсными калачами: ихъ пекли изъ пшеничной муки пополамъ съ ржаною. Это дѣлалось не только отъ недостатка, но находили въ такой смѣси особый вкусъ: къ царскому столу подавались такіе калачи.

Вообще хлѣбы, какъ ржаные, такъ и пшеничные, готовились безъ соли, и не всегда заботились, чтобъ мука была свѣжа. Домострой, образецъ хозяина въ XVI вѣкѣ, совѣтуетъ печь хлѣбы преимущественно изъ муки, которая уже подвергается затхлости, и научаетъ давать такую же муку въ займы тому, кто попроситъ [1]).

Въ XVI и XVII в. въ большомъ употребленіи въ народѣ было толокно, приготовленное изъ овсяной муки съ водою; въ сухомъ видѣ оно отпускалось служилымъ людямъ для продовольствія на ряду съ ржаною мукою [2]).

Изъ кушаньевъ, приготовляемыхъ изъ тѣста, занимаютъ первое мѣсто пироги. По способу печенія они были пряженые и подовые. Подовые были всегда изъ квасного тѣста, пряженые иногда изъ квасного, иногда изъ прѣснаго. Мука для нихъ употреблялась пшеничная крупичатая или толченая, смотря по важности дня, когда они готовились; пеклись также и ржаные пироги. Всѣ вообще русскіе пироги въ-старину имѣли продолговатую форму и различную величину; большіе назывались пирогами, малые пирожками. Въ скоромные дни, они начинивались бараньимъ, говяжьимъ и заячьимъ мясомъ, нѣсколькими мясами разомъ, напр., бараниной и говяжьимъ саломъ, также мясомъ и рыбою вмѣстѣ, съ прибавкою каши или лапши. На масляницѣ пекли пряженые пироги съ творогомъ и съ яйцами на молокѣ, на коровьемъ маслѣ, съ рыбой вмѣстѣ съ искрошенными яйцами, или съ тѣльнымъ, какъ называлось рыбное блюдо, приготовляемое въ родѣ котлетъ. Въ постные рыбные дни пеклись пироги со всевозможнѣйшими родами рыбъ, особенно съ сигами, снятками, лодогой, съ одними рыбными молоками или съ ви-

[1]) А. И. II. 283. 428.—Коших. 63.—Steph. Borr. Hacl. 308.—Меерб. примѣч. 476.—Колл. 17. Врем. I. Домост. 102.

[2]) А. И. I. 327.

зигой, на маслѣ конопляномъ, маковомъ или орѣховомъ; крошенная рыба перемѣшивалась съ кашей или съ сарацинскимъ пшеномъ. Въ постные нерыбные дни пеклись они съ рыжиками, съ макомъ, горохомъ. сокомъ, рѣпою, грибами, капустою, на какомъ нибудь растительномъ маслѣ, или сладкіе съ изюмомъ и другими разными ягодами. Сладкіе пироги пеклись и не въ постъ вмѣсто пирожныхъ. Вообще пироги, за исключеніемъ сладкихъ, подавались къ горячему: *межъ ухъ*.

Другой видъ печенья изъ тѣста былъ коровай — сдобный хлѣбъ, съ различными способами приготовленія. Былъ коровай битый, который взбивался съ масломъ въ сосудѣ, ставленный—въ родѣ кулича на молокѣ, яцкій на большомъ количествѣ яицъ, коровай съ сыромъ, коровай братскій и проч. Яица, масло, или говяжье сало, сыръ и молоко служили добавкою въ короваѣ, а различные виды его зависѣли отъ того, сколько класть муки и съ чѣмъ ее клали и въ какомъ количествѣ.

Къ печеньямъ изъ тѣста принадлежали: курникъ, то-есть пастетъ, начиненный курицею, яйцами, бараниною съ масломъ или говяжьимъ саломъ; аладьи, котломà, сырники, блины, хворосты, кисели. Аладьи дѣлались изъ крупичатой муки, яицъ, коровьяго масла, а въ постные дни безъ яицъ съ орѣховымъ масломъ и подавались вообще съ патокой, сахаромъ или медомъ. Аладьи огромнаго размѣра назывались приказными аладьями, потому что ихъ приносили приказнымъ людямъ на поминки. Подобное кушанье составляла котлома, отличавшаяся отъ аладей тѣмъ, что количество яицъ въ ней было меньше; она подавалась съ патокой. Сырники готовились изъ творога, яицъ, молока съ небольшимъ количествомъ крупичатой муки. Блины дѣлались красные и молочные: первые изъ гречневой, вторые изъ пшеничной муки; молоко и яйца входили въ послѣдній сортъ. Блины не составляли принадлежности мас-

лянницы, какъ теперь,—символомъ масляницы были пироги съ сыромъ и хворосты,—вытянутое тѣсто съ масломъ. Пекли также тѣстяныя шишки, левашники, перепечи, орѣшки: всѣ эти виды подавались въ маслѣ; такія же кушанья готовились въ постъ съ растительнымъ масломъ. Кисели дѣлались изъ овсяной и пшеничной муки и подавались въ скоромные дни съ молокомъ, въ постные съ постнымъ масломъ. Каша приготовлялась изъ крупъ овсяныхъ или гречневыхъ, пшенная каша была рѣдко. Изъ молочныхъ кушаньевъ въ употребленіи была вареная лапша съ подливомъ въ него свѣжаго, топленаго молока, варенцы, молочная каша разныхъ видовъ, губчатый сыръ изъ творога со сметаною, кислый сыръ [1]).

Мясныя кушанья были вареныя или жареныя. Вареныя подавались въ штяхъ, ухѣ, разсолѣ и подъ взварами; шти забѣливались сметаной во время варенія, а не при столѣ. Обыкновенный приварокъ къ штямъ была кочанная и крошенная, свѣжая и кислая капуста. Къ штямъ подавалась гречневая каша. Ухой назывался супъ или похлебка. Огромное количество разныхъ пряностей составляли принадлежность русской ухи въ разныхъ видахъ: уха съ гвоздикою называлась черною ухою, съ перцемъ бѣлою, а безъ пряностей голою. Розсолъ былъ родъ нынѣшней солянки: варилось мясо въ огуречномъ разсолѣ съ примѣсью пряностей. Зваромъ назывался всякаго рода соусъ. Жареныя мясныя кушанья были верченыя, шестныя, печеныя, сковородныя. Баранина составляла самый обычный видъ мясныхъ кушаньевъ въ скоромные дни съ весны до поздней осени. Домострой научаетъ какъ поступать съ бараньимъ мясомъ: купивъ цѣлаго барана, слѣдовало облупить его и распредѣлить на нѣсколько дней части его мяса; грудинка подавалась на уху или шти; лопатки

[1]) А. И. I. 327. 328. II. 428. IV. 150.—Врем. VI. Книги о ѣствахъ.

и почки на жареное; крюки подавались подъ зваромъ; ножки начинивались яйцами; рубецъ кашею; печенку изсѣкали съ лукомъ и, обвернувъ перепонкою, жарили на сковородѣ; легкое приготовляли со взболтаннымъ молокомъ, мукою и яйцами; изъ головы вынимали мозги и дѣлали изъ нихъ особую похлебку или соусъ съ пряностями, а изъ густо-вареной съ бараньимъ мясомъ ухи, ставя ее на ледъ, приготовляли холодный студень. Для говядины служили яловыя коровы, поэтому говядина вообще носила въ старину названiе яловичины. Яловицъ покупали осенью и убивали; мясо солили въ прокъ, а потроха, къ которымъ причисляли губы, уши, сердце, ноги, печень, языки, — служили для обыденной пищи и подавались подъ студнемъ, подъ зварами, съ кашей, на жареное. Вообще свѣжей говядины русскiе ѣли мало, а употребляли болѣе соленую. Многiе содержали въ дворахъ своихъ свиней и откармливали ихъ въ теченiе года, а передъ праздникомъ Рождества кололи. Свиное мясо солилось или коптилось и ветчина употреблялась на зимнiя шти, а голова, ноги, кишки, желудокъ подавались свѣжими въ разныхъ приготовленiяхъ, какъ-то: голова подъ студнемъ съ чеснокомъ и хрѣномъ; изъ кишекъ дѣлали колбасы, начинивая ихъ смѣсью мяса, гречневой каши, муки и яицъ. Русскiе въ-старину любили свинину, кажется, больше чѣмъ теперь. Зайцы подавались душеные (духовые), разсольные (въ разсолѣ вареные), и подъ взварами, особенно сладкими. Были люди, которые считали зайцевъ нечистыми животными, какъ и теперь, но другiе объясняли, что зайца ѣсть не грѣшно, только надобно смотрѣть, чтобъ онъ не былъ задушенъ во время травли. Стоглавъ запрещаетъ продавать на торгахъ зайцевъ безъ испущенiя крови. Такое же предостереженiе издано было отъ московскаго патрiарха въ 1636 г. [1]); но

[1]) А. А. Э. Ш. 402.

нигдѣ не видно, чтобы Церковь вооружалась противъ употребленія зайцевъ въ пищу вообще. Наравнѣ съ зайцами нѣкоторые чуждались, или по крайней мѣрѣ остерегались оленины и лосины; но мяса этихъ звѣрей составляли роскошь царскихъ и боярскихъ торжествъ.

Куры подавались въ штяхъ, ухѣ, разсолѣ, жареныя на рожнахъ, вертелахъ, называемыя по способу ихъ приготовленія нарожными и верчеными. Шти съ курицей назывались богатыми штями и всегда забѣливались. Къ жареной курицѣ обыкновенно подавали что нибудь кислое: уксусъ или лимонъ. Куря рафленое былъ употребительный въ XVII в. соусъ изъ курицы съ сарацинскимъ пшеномъ, изюмомъ и разными пряностями, куря безкостное—соусъ изъ курицы безъ костей, съ начинкою изъ баранины или яицъ съ шафранною похлебкою. За роскошными обѣдами подавались особыми блюдами куриные пупки, шейки, печенки и сердца. Другія птицы, употребляемыя въ пищу, были утки, гуси, лебеди, журавли, цапли, тетерева, рябчики, куропатки, перепела, жаворонки; утки—во штяхъ и жареныя, гуси—шестные, начинивались гречневой крупой и приправлялись говяжьимъ саломъ; изъ гусей приготовляли полотки, которые ѣли зимою съ хрѣномъ и уксусомъ; гусиные потроха шли въ уху или въ особыя кушанья подъ зварами. Рябчики, тетерева и куропатки—кушанья зимнія—обыкновенно подавались: первый приправленный съ молокомъ, прочіе жаренные съ сливами и другими плодами. Лебеди во всякое время считались изысканнымъ блюдомъ: ихъ подавали подъ зваромъ съ топешками, т.-е. изрѣзанными ломтиками калача, опущенными въ коровье масло; потроха лебяжьи, какъ и гусиные, подавались подъ медвянымъ зваромъ, иногда же съ говядиной, или въ пирогахъ и перепечахъ. Прочей дичи въ Московіи было много и она была дешева, но вообще русскіе не очень любили ее и мало употребляли. Каждое

мясо имѣло свои огородныя и пряныя приправы; такъ, рѣпа шла къ зайцу, чеснокъ къ говядинѣ и бараинѣ, лукъ къ свининѣ.

Исчисляя мясныя кушанья, нельзя не упомянуть объ одномъ оригинальномъ кушаньѣ, которое называлось *похмѣлье*; это изрѣзанные ломтики холодной баранины, смѣшанной съ мелкоискрошенными огурцами, огуречнымъ разсоломъ, уксусомъ и перцемъ; его употребляли на похмѣлье [1]).

Московское Государство изобиловало рыбою, составлявшею половину года обычную пищу. Употребительные роды рыбъ были: лососина, привозимая въ Москву съ сѣвера изъ Корелы, осетрина шехонская и волжская, волжская бѣлорыбица, ладожская ладога и сырть, бѣлозерскіе снятки и рыбы всѣхъ небольшихъ рѣкъ: судаки, караси, щуки, окуни, лещи, гольцы, пискари, ерши, вандыши, хохолки, вьюны. По способу приготовленія рыба была свѣжая, вяленая, сухая, соленая, провѣсная, вѣтряная, паровая, подвареная, въ прокъ щипаная, копченая. По принятому обыкновенію закупать для дома съѣстные припасы въ оптовомъ количествѣ, вездѣ продавалось множество рыбы, приготовленной въ прокъ посредствомъ соли. Домовитый хозяинъ покупалъ для домашняго обихода большой запасъ и складывалъ въ погребъ, а чтобы она не испортилась, то вывѣшивалъ на воздухъ, и это называлось вывѣтривать: тогда уже рыба получала названіе провѣсной, а если хорошо вывѣтривалась, то *вѣтряной*. Съ тѣхъ поръ рыба складывалась уже не въ погребѣ, а въ сушилѣ пластами и прутами; пластовая рыба клалась на придѣланныхъ къ стѣнамъ сушила полицахъ, а прутовая кучею подъ рогожами. Русскіе не умѣли хорошо солить рыбу,

[1]) Врем. VI Книги о ѣствахъ.—А. И. П. 431.—Пав. Іов.—Olear. 209.—Petr. 318.—Jenkins. 350.

какъ не умѣютъ этого дѣлать и теперь: она у нихъ воняла; но простой народъ, по замѣчанію иностранцевъ, не только не отворачивался отъ ней, но еще предпочиталъ ее свѣжей. Взявъ въ руки рыбу, русскій подносилъ ее къ носу и пробовалъ: достаточно ли она воняетъ, и если въ ней вони было мало, то клалъ и говорилъ: еще не поспѣла! При затруднительности путей сообщенія, свѣжей рыбой могли пользоваться только жившіе около рыбныхъ мѣстъ; въ Москву свѣжая красная рыба доставлялась только для царскаго стола и для знатныхъ князей и бояръ; она привозилась живая и содержалась въ прудахъ, сдѣланныхъ нарочно въ ихъ садахъ; масса жителей довольствовалась соленою осетриною, приготовляемою на астраханскихъ учугахъ.

Горячія рыбныя кушанья были: шти, уха и разсольное. Рыбная уха дѣлалась изъ разныхъ рыбъ, преимущественно чешуйчатыхъ, а также изъ рыбьихъ потроховъ, смѣшанныхъ вмѣстѣ съ пшеномъ или съ крупами и съ большимъ прибавленіемъ перца, шафрана и корицы. По способамъ приготовленія въ русскомъ столѣ различалась уха рядовая, красная, черная, опеканная, вялая, сладкая, пластовая; въ уху бросали мѣшечки или толченики приготовленные изъ тѣста съ искрошенной рыбой. Шти дѣлались кислыя съ свѣжей и съ соленой рыбой, иногда съ нѣсколькими сортами рыбъ вмѣстѣ, часто съ рыбой сухой въ родѣ истертой въ порошокъ муки; при этихъ горячихъ кушаньяхъ подавали пироги съ рыбными начинками или кашею. Разсольное приготовлялось обыкновенно изъ красныхъ рыбъ: осетрины, бѣлужины и лососины. При горячихъ кушаньяхъ подавали пирожки съ разными рыбными начинками и съ кашею. Въ постные дни лѣтомъ подавалось ботвинье съ лукомъ и разными кореньями. Изъ тертой рыбы разныхъ родовъ, смѣшанныхъ вмѣстѣ съ примѣсью крупы или пшена, приговлялось кушанье, называе-

мое рыбная каша; а въ скоромные дни примѣшивали туда и мяса; такую же кашу клали и въ пироги. Приготовляли изъ рыбъ тѣльное въ родѣ котлетъ: смѣшивали съ мукою, обливали орѣховымъ масломъ, прибавляли туда пряностей и пекли: это называлось рыбнымъ караваемъ. Жареную рыбу подавали облитую какимъ нибудь зваромъ. Икра была въ числѣ обычныхъ кушаньевъ: свѣжая зернистая изъ осетра и бѣлорыбицы составляла роскошь; но во всеобщемъ употребленіи была паюсная, мѣшечная, армянская—раздражающаго свойства и мятая—самаго низшаго достоинства, которую покупали бѣдные простолюдины. Икру вообще употребляли съ уксусомъ, перцемъ и искрошеннымъ лукомъ. Кромѣ сырой икры, употребляли еще икру вареную въ уксусѣ или маковомъ молокѣ и пряженую: въ посты русскіе дѣлали икряники или икряные блины: это была взбитая, послѣ продолжительнаго битья, икра, съ примѣсью крупичатой муки, и потомъ запаренная.

Въ тѣ постные дни, когда считалось грѣхомъ употреблять рыбу, пища русскихъ состояла изъ растительныхъ веществъ: ѣли кислую и ставленную капусту, свеклу съ постнымъ масломъ и уксусомъ, пироги съ горохомъ, съ начинкою изъ растительныхъ веществъ, гречневую и овсяную кашу съ постнымъ масломъ, луковники, овсяный кисель, левашники, аладьи съ медомъ, караваи съ грибами и съ пшеномъ, разнаго рода грибы вареные и жареные (масленики, грузди, сморчки, рыжики), разныя приготовленія изъ гороха: горохъ битый, горохъ тертый, горохъ цѣженый, сыръ гороховый, то есть твердо сбитый мятый горохъ съ постнымъ масломъ, лапшу изъ гороховой муки, творогъ изъ маковаго молока, хрѣнъ, рѣдьку и разныя овощныя приготовленія: взваръ изъ овощей и коливо.

Вообще ко всякимъ кушаньямъ русскіе любили примѣшивать пряныя приправы, а въ особенности лукъ, чес-

нокъ и шафранъ. Отъ большого употребленія чесноку, русскіе, по замѣчанію иностранцевъ, носили съ собою непріятный запахъ. Иностранцы сознавались, что не могли ѣсть вонючей русской ухи, въ которой иногда, кромѣ рыбы и воды, былъ только чеснокъ. Эти два зелья — лукъ и чеснокъ — дѣлались какъ бы предметомъ первой необходимости: такимъ образомъ, они давались въ числѣ кормовъ, которые обязаны были жители давать писцамъ, посылаемымъ для составленія писцовыхъ книгъ. Перецъ, горчица и уксусъ ставились всегда на столѣ, какъ необходимость обѣда, и каждый гость бралъ, сколько хотѣлъ. При изготовленіи кушаньевъ обыкновенно не употребляли соли, какъ это дѣлается во многихъ мѣстахъ и теперь; но изъ этого не слѣдуетъ, чтобъ русскіе не любили соленаго: это дѣлалось для того, чтобы каждый гость могъ брать сколько хотѣлъ, и въ тѣ времена русскіе не находили разницы во вкусѣ того, что̀ посолено во время приготовленія кушанья, отъ того, что̀ солили уже на столѣ. За то, всѣ любили соленое въ прокъ, и не только употребляли, какъ уже сказано, мясо и рыбу больше въ соленомъ видѣ, но и заправляли съ солью и уксусомъ разные овощи и плоды: огурцы, сливы, яблоки, груши, вишни. У домовитыхъ хозяевъ всегда стояло нѣсколько посудинъ съ такими соленьями, нагнетенныхъ камнями и засѣченныхъ въ ледъ. Они подавались къ жареному мясному и рыбному, а бѣлая соленая капуста была обычнымъ запасомъ на зиму, какъ у богатыхъ, такъ и у бѣдныхъ [1]).

Русскія лакомства состояли изъ плодовъ свѣжихъ или же приготовленныхъ въ патокѣ, съ медомъ и сахаромъ. Плоды эти были отчасти туземнаго происхожденія, отчасти

[1]) Врем. I. Домостр. 102. VIII. Торг. книги.—Русск. Вѣст. 1841. 733.—Olear. 209.—Кильбург. 20.—Іовій 16.—Барбер. 56.—Herberst. 38.—А. И. 1. 328.—IV. 520.—Доп. III. 206. 327.—Коллинсъ 40.—Strauss 195.

привозные. Хозяева употребляли яблоки и груши въ патокѣ и въ квасу, то есть клали въ боченки и наливали патокой, потомъ закрывали, но не плотно, чтобы «кислый духъ выходилъ», или же, отобравши свѣжихъ яблоковъ, прорѣзывали въ нихъ отверстія и наливали туда патоки; изъ малины дѣлали морсъ, употребляемый съ водою, изъ брусники брусничную воду. Было въ обыкновеніи лакомство, называемое леваши: его дѣлали изъ малины, черники, смородины и земляники. Ягоды сначала уваривали, потомъ протирали сквозь сито и вслѣдъ затѣмъ варили снова, уже съ патокой, густо мѣшая во время варенія, потомъ выкладывали эту густую смѣсь на доску, прежде смазанную патокой, и ставили на солнцѣ или противъ огня; когда она высыхала, то свертывали ее въ трубочки. Другое лакомство было постила, приготовляемая изъ яблокъ. Яблоки клали въ сыту и парили, потомъ протирали сквозь сито, клали патоку и снова запаривали, мѣшали, били, мяли, потомъ выкладывалп на доску и давали подняться вверхъ, наконецъ складывали въ мѣдныя, луженыя творила, давая закиснуть, и опрокидывали внизъ. Постилу дѣлали также и изъ другихъ овощей, напримѣръ, изъ калины.

Рѣдьку въ патокѣ приготовляли такимъ образомъ: сначала искрашивали рѣдечный корень въ мелкіе ломтики, вздѣвали на спицы, такъ, чтобъ ломтикъ не сталкивался съ другимъ ломтикомъ, и вывяливали на солнцѣ или въ печахъ послѣ печенья хлѣбовъ; когда въ растеніи не оставалось сырости, толкли его, просѣвали на сито, между тѣмъ варили въ горшечкѣ бѣлую патоку и, уваривъ, выливали въ рѣдечную муку, прибавляя туда разныхъ пряностей: перцу, мускату, гвоздики, и, запечатавъ горшечекъ, ставили въ печь на два дня и двѣ ночи. Смѣсь эта должна быть густа, какъ паюсная икра, и называлась мазюня; такую же мазюню приготовляли подобнымъ спосо-

бомъ изъ сухихъ вишень. Изъ арбузовъ, которые привозились въ Московію съ низовьевъ Волги, приготовлялось такое лакомство: изрѣзавъ арбузъ пальца на два отъ коры кусками не толще бумаги, клали на сутки въ щелокъ, между тѣмъ варили патоку съ перцемъ, инбиремъ, корицею и мускатомъ и потомъ клали туда арбузы. Подобнымъ образомъ приготовляли лакомства и изъ дынь. Русскіе варили въ сахарѣ и въ патокѣ привозные плоды: изюмъ съ вѣтвями, коринку, смоквы, инбирь и разныя пряности. Обыкновенное русское лакомство было взваръ, приготовляемый изъ винныхъ ягодъ, изюму, финиковъ, вишень и другихъ плодовъ съ медомъ, сахаромъ или патокой, съ большимъ количествомъ гвоздики, кардамона, корицы, шафрана, инбиря и проч.; одинъ родъ взвара назывался медвянымъ, другой кваснымъ. Къ лакомствамъ слѣдуетъ отнести также пряники или коврижки, старинное національное печенье. Сахаръ и леденецъ, привозимые русскимъ изъ-за границы, служили предметомъ лакомствъ для богатыхъ. На царскихъ и боярскихъ пирахъ ставили на столъ приготовленныя изъ сахара изображенія орловъ, голубей, утокъ, городовъ, башень, теремовъ, людей и также цѣлыя сахарныя головы. По способу приготовленія и по цвѣту различалось нѣсколько видовъ сахара; сахаръ свороборинный, сахаръ зеренчатый, узорочный, леденецъ бѣлый и красный. Все это привозилось чрезъ Архангельскъ и переходило въ народное употребленіе изъ-за боярскихъ столовъ [1]).

Напитки, употребляемые русскими въ-старину, были квасъ, морсъ, пиво, медъ, водка и виноградныя вина. Квасъ пили всѣ отъ царя до послѣдняго крестьянина. Повсемѣстно въ посадахъ можно было встрѣтить и квасо-

[1]) Врем. VI. Кн. о ѣств. 28. — Olear. 174. — А. И. I. 327. II. 14. 426.—Доп. III. 206.

варныя заведенія, и квасниковъ, продающихъ квасъ въ лавкахъ и квасныхъ кабакахъ. Въ монастыряхъ квасъ былъ обычнымъ питьемъ братіи въ будни. Квасы были разнаго сорта: кромѣ простаго, такъ называемаго житнаго, приготовляемаго изъ ячменнаго или ржанаго солода, были квасы медвяные и ягодные. Медвяный приготовлялся изъ разсыченаго въ водѣ меда, процѣженнаго, съ примѣсью калача вмѣсто дрожжей. Этотъ растворъ стоялъ нѣсколько времени съ калачомъ, потомъ сливали его въ бочки. Его качество зависѣло отъ сорта и количества меда: для царей, напримѣръ, собирали лучшій медъ во всемъ государствѣ на квасъ; такого же рода медвяные квасы дѣлались въ нѣкоторыхъ монастыряхъ, имѣвшихъ свои пчельники; и оттого медвяный квасъ въ народѣ носилъ эпитетъ монастырскаго. Ягодные квасы дѣлались такимъ же образомъ изъ меда и воды съ добавкою ягодъ, вишень, черемухи, малины и проч.; этого рода квасъ также можно встрѣтить было чаще всего въ монастыряхъ, а у зажиточныхъ людей онъ служилъ для угощенія людей низшаго званія. Пиво дѣлалось изъ ячменя, овса, ржи и пщеницы; для народа оно варилось въ казенныхъ пивоварняхъ при кабакахъ, а люди зажиточные, имѣвшіе дозволеніе приготовлять у себя напитки, дѣлали его для домашняго обихода въ своихъ дворахъ и хранили въ ледникахъ подъ снѣгомъ и льдомъ. Русское пиво, по замѣчанію иностранцевъ, было вкусно, но мутно. Нѣкоторые хозяева *подпаривали* его патокою, то есть готовое пиво сцѣживали съ дрожжей и сливали въ другую бочку, потомъ, взявши этого пива ведро, примѣшавъ туда патоки, варили до кипятка, потомъ простуживали и сливали назадъ въ бочку, а иногда подбавляли туда ягодныхъ смѣсей. Послѣдняго рода пиво называлось поддѣльнымъ пивомъ.

Оригинальное и лучшее русское питье было медъ; всѣ путешественники, посѣщавшіе Московію, единогласно при-

знавали достоинство нашего меда и разславили его въ далекихъ странахъ.

Меды были вареные и ставленые; первые варились, вторые только наливались. Кромѣ того, по способу приготовленія и по разнымъ приправамъ, меды имѣли названія: простой медъ, медъ прѣсный, бѣлый, красный, медъ обарный, медъ боярскій, медъ ягодный. Медъ, называемый обарнымъ, приготовляли слѣдующимъ образомъ: разсычали медовый сотъ теплою водою, процѣживали сквозь частое сито, такъ, чтобы медъ отдѣлился отъ восчины, потомъ клали туда хмѣлю, полагая на пудъ меда полведра хмѣля, и варили въ котлѣ, безпрестанно снимая пѣну ситомъ; когда же эта жидкость уваривалась до того, что въ котлѣ оставалась ея только половина, тогда выливали изъ котла въ мѣрникъ и простуживали не на сильномъ холодѣ, бросали туда кусокъ ржанаго хлѣба, натертаго патокой и дрожжами, давали жидкости вскиснуть, не допуская до того, чтобъ она окисла совершенно, наконецъ сливали ее въ бочки. Боярскій медъ отличался отъ обарнаго тѣмъ, что, при разсыченіи меда, бралось медоваго сота въ шесть разъ больше, чѣмъ воды; онъ кисъ въ мѣрникахъ недѣлю, потомъ его сливали въ бочку, гдѣ онъ стоялъ другую недѣлю съ дрожжами; потомъ уже его сливали съ дрожжей, подпаривали патокой и наконецъ сливали въ другую бочку. Ягодный вареный медъ приготовлялся такимъ образомъ: ягоды варились съ медомъ до тѣхъ поръ, пока совершенно раскипали; тогда эта смѣсь снималась съ огня; ей давали отстояться, потомъ ее процѣживали, сливали въ медъ, уже свареный прежде съ дрожжами и хмѣлемъ, и запечатывали.

Ставленые меды приготовлялись какъ квасы, но съ дрожжами или хмѣлемъ и потому отличались отъ квасовъ своимъ охмѣляющимъ свойствомъ. Ставленый ягодный медъ былъ прохладительный и пріятный напитокъ. Его

дѣлали обыкновенно лѣтомъ изъ малины, смородины, вишень, яблокъ и проч. Въ посудину клали свѣжихъ спѣлыхъ ягодъ, наливали водою (вѣроятно отварною) и давали стоять до тѣхъ поръ, пока вода не принимала вкуса и цвѣта ягодъ (дня два или три), потомъ сливали воду съ ягодъ и клали въ нее отдѣленнаго отъ воска чистаго меда, наблюдая, чтобъ выходило по кружкѣ меда на двѣ или на три воды, сообразно желанію придать напитку болѣе или менѣе сладости, потомъ бросали туда нѣсколько кусковъ печеной корки, дрожжей и хмѣля, и когда смѣсь эта начинала вскисать, то хлѣбъ вынимали прочь, чтобъ она не приняла хлѣбнаго вкуса, медъ на дрожжахъ оставляли отъ пяти до восьми дней въ тепломъ мѣстѣ, а потомъ снимали и ставили въ холодное. Нѣкоторые бросали туда пряности: гвоздику, кардамонъ, инбирь. Медъ ставленный держался въ засмоленныхъ боченкахъ и былъ иногда до того крѣпокъ, что сшибалъ съ ногъ.

Къ разряду прохладительныхъ напитковъ относился березовый сокъ или березовецъ, добываемый въ апрѣлѣ изъ березъ.

Русская водка дѣлалась изъ ржи, пшеницы, ячменя. Водка вообще называлась виномъ и раздѣлялась на сорты: обыкновенная водка носила названіе простаго вина; лучше этого сортъ назывался вино доброе; еще выше—вино боярское; наконецъ, еще высшій сортъ было вино двойное, чрезвычайно крѣпкое. Нѣкоторые употребляли тройную и даже четвертную, то-есть четыре раза перегонную водку и умирали отъ нея. Кромѣ этихъ водокъ дѣлалась водка сладкая, насыщенная патокой: эта водка назначалась единственно для женскаго пола. Хозяева настаивали водку на всевозможнѣйшихъ пряностяхъ и разныхъ душистыхъ травахъ; настаивали на корицѣ, мятѣ, горчицѣ, звѣробоѣ, бадягѣ, съ амброй, на селитрѣ, съ померанцевой и лимонной коркой, съ можжевельникомъ и дѣлали наливки на раз-

ныхъ ягодахъ. Русскіе пили водку не только предъ обѣдомъ, но и во время обѣда, и послѣ обѣда, и во всякое время дня.

Иностранныя вина въ XVI вѣкѣ употреблялись только въ знатныхъ домахъ, и то въ торжественныхъ случаяхъ; но по мѣрѣ того, какъ торговля стала насъ болѣе и болѣе знакомить съ европейскою жизнію, употребленіе виноградныхъ винъ распространилось между зажиточными людьми, а въ XVII вѣкѣ явились въ Москвѣ погреба, гдѣ не только продавали вино, но куда сходились пить веселыя компаніи. Изъ винъ въ большемъ употребленіи были: греческое, церковное, мальвазія, бастръ, алканъ, венгерское, бѣлое и красное французское, ренское, романея. Иногда въ вина русскіе примѣшивали пряности.

У зажиточныхъ хозяевъ напитки хранились въ ледникахъ или подвалахъ, которыхъ было иногда нѣсколько при домѣ. Они дѣлались съ разными отдѣлами, въ которыхъ ставили бочки, лѣтомъ во льду. Бочки были беременныя или полубеременныя. Вмѣстимость тѣхъ и другихъ не всегда и не вездѣ была одинакова, вообще же можно положить беременную бочку въ тридцать, а полубеременную въ пятнадцать ведеръ. Въ монастырскихъ подвалахъ бочки отличались своею огромностію, напримѣръ, въ три сажени въ длину и въ двѣ въ ширину; онѣ никогда не сдвигались съ своего мѣста, а питье пропускалось въ нихъ и добывалось изъ нихъ черезъ отверзтіе, продѣланное въ сводѣ погреба. Напитки наливали изъ бочки сначала въ оловяники или мѣрники — большую посуду, потомъ уже разливали для подачи къ столу въ меньшіе сосуды [1]).

[1]) А. И. I. 335. II. 13. 286.—А. А. Э. I. 308. III. 92.—Petr. 318. — Др. Русск. Вивл. VI. 298. — Доп. I. 217. III. 305. VI. 87. 88. 324.—С. г. гр. III. 254.—Русск. Достоп. I. 63.—Коших. 61.—Контар. 20.—Olear. 205. Jenkins. 358. 361.—Herberst. 29. 43.—Барбер. 79.—Врем. I. Домостр. 81. VI. Книг. о ѣств. 23—26.—Кильб. 190.

Въ числѣ разныхъ напитковъ при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ появился въ Россіи, какъ рѣдкость и новость, чай. Первый разъ чай былъ присланъ въ даръ Михаилу Ѳеодоровичу отъ монгольскаго государя. Во второй половинѣ XVII вѣка знатныя лица употребляли его какъ лѣкарство и приписывали ему цѣлительную силу, не предвидя, что этотъ напитокъ отдаленнаго народа сдѣлается современемъ національнымъ русскимъ питьемъ.

XI.

Образъ домашней жизни.

Предки наши, какъ знатные, такъ и простые, вставали рано: лѣтомъ съ восходомъ солнца, осенью и зимою за нѣсколько часовъ до свѣта. Встарину счетъ часовъ былъ восточный, заимствованный изъ Византіи вмѣстѣ съ церковными книгами. Сутки дѣлились на дневные и ночные часы; часъ солнечнаго восхода былъ первымъ часомъ дня; часъ заката—первымъ часомъ ночи. Само собою разумѣется, что, при такомъ времясчисленіи, количество денныхъ и ночныхъ часовъ на самомъ дѣлѣ могло быть одинаково и равно только во время равноденствія, а потому это время и принималось за норму: изъ двадцати-четырехъ суточныхъ часовъ, двѣнадцать относили къ дню, а другіе двѣнадцать къ ночи; не смотря на то, что на самомъ дѣлѣ во время лѣтняго солнцестоянія число денныхъ, а во время зимняго—число ночныхъ часовъ доходило до семнадцати. Седьмой часъ утра по нашему часосчисленію былъ первымъ часомъ дня; седьмой часъ вечера—первымъ часомъ ночи. Счисленіе это находилось въ связи съ восточнымъ богослуженіемъ: на исходѣ ночи отправлялась заутреня; богослужебные часы: первый,

третій, шестой и девятый знаменовали равноименные денные часы, а вечерня—окончаніе дня. Русскіе согласовали свой домашній образъ жизни съ богослужебнымъ порядкомъ, и въ этомъ отношеніи дѣлали его похожимъ на монашескій. Разумѣется, что такой порядокъ могъ имѣть мѣсто только тамъ, гдѣ спокойная и обезпеченная жизнь на одномъ мѣстѣ позволяла располагать временемъ по произволу.

Вставая отъ сна, русскій тотчасъ искалъ глазами óбраза, чтобъ перекреститься и взглянуть на него; сдѣлать крестное знаменіе считалось приличнѣе, смотря на образъ; въ дорогѣ, когда русскій ночевалъ въ полѣ, онъ, вставая отъ сна, крестился, обращаясь на востокъ. Тотчасъ, если нужно было, послѣ оставленія постели, надѣвалось бѣлье и начиналось умыванье; зажиточные люди мылись мыломъ и розовой водой. Послѣ омовеній и умываній одѣвались и приступали къ моленію.

Если день былъ праздничный, тогда шли къ заутрени и благочестіе требовало, чтобъ встать еще ранѣе и придти въ церковь со звономъ еще до начала служенія заутрени. Если же день былъ простой или почему-нибудь нельзя было выходить, хозяинъ совершалъ должное богослуженіе по книгѣ, когда умѣлъ грамотѣ.

Въ комнатѣ, назначенной для моленія,—крестовой—или когда ея не было въ домѣ, то въ той, гдѣ стояло побольше образовъ, собиралась вся семья и прислуга: зажигались лампады и свѣчи; курили ладономъ. Хозяинъ, какъ домовладыка, читалъ предъ всѣми вслухъ утреннія молитвы; иногда читались такимъ образомъ заутреня и часы, смотря по степени досуга, умѣнья и благочестія; умѣвшіе пѣть, пѣли. У знатныхъ особъ, у которыхъ были свои домашнія церкви и домовые священнослужители, семья сходилась въ церковь, гдѣ молитвы, заутреню и часы служилъ священникъ, а пѣлъ дьячекъ, смотрѣвшій за

церковью или часовнею, и послѣ утренняго богослуженія священникъ кропилъ святою водою.

Окончивъ молитвословіе, погашали свѣчи, задергивали пелены на образахъ и всѣ расходились къ домашнимъ занятіямъ. Тамъ, гдѣ мужъ жену допускалъ до управленія домомъ, хозяйка держала съ хозяиномъ совѣтъ, что̀ дѣлать въ предстоящій день, заказывала кушанье и задавала на цѣлый день уроки въ работахъ служанкамъ. Въ такихъ домахъ на хозяйкѣ лежало много обязанностей. Она должна была трудиться и показывать собою примѣръ служанкамъ, раньше всѣхъ вставать и другихъ будить, позже всѣхъ ложиться: если служанка будитъ госпожу, это считалось не въ похвалу госпожѣ. При такой дѣятельной женѣ, мужъ ни о чемъ не заботился по домашнему хозяйству; жена должна была знать всякое дѣло лучше тѣхъ, которые работали по ея приказанію: и кушанье сварить, и кисель поставить, и бѣлье выстирать, и выполоскать, и высушить, и скатерти, и полавочники послать, и такимъ своимъ умѣньемъ внушала къ себѣ уваженіе. Но не всѣхъ женъ удѣломъ была такая дѣятельная жизнь; большею частью жены знатныхъ и богатыхъ людей, по волѣ мужьевъ, вовсе не мѣшались въ хозяйство; всѣмъ завѣдывали дворецкій и ключникъ изъ холоповъ. Такого рода хозяйки, послѣ утренняго моленія, отправлялись въ свои покои и садились за шитье и вышиваніе золотомъ и шелками со своими прислужницами; даже кушанье къ обѣду заказывалъ самъ хозяинъ ключнику. Ключникъ не всегда спрашивалъ объ этомъ хозяина, а зналъ напередъ, что слѣдуетъ готовить по годовой росписи; обыкновенно въ такомъ случаѣ ключникъ получалъ отъ хозяина деньги на извѣстный срокъ и по истеченіи срока отдавалъ отчетъ. Въ утреннее время считалось нужнымъ обойти службы. Хозяинъ навѣщалъ конюшню, ходилъ по стойламъ, смотрѣлъ: наложена ли

подъ ногами лошадей солома, заложенъ ли имъ кормъ, приказывалъ предъ своими глазами даватъ лучшимъ лошадямъ овса, а страднымъ (то есть рабочимъ) овсяной муки или невѣйницы, приказывалъ проводить лошадей передъ собою къ жолобамъ, устроеннымъ вблизи конюшни для водопоя; потомъ заходилъ въ хлѣвы: коровій, свиной, птичій, приказывалъ скотникамъ пригонять передъ себя нѣсколько отборныхъ штукъ скота, кормилъ ихъ изъ своихъ рукъ и посыпалъ зерно курамъ и гусямъ, потому что когда самъ хозяинъ изъ своихъ рукъ кормитъ ихъ, то отъ того плодородіе умножается. Иногда, воротившись послѣ такого обзора, хозяинъ призывалъ дворецкаго, завѣдывавшаго всѣми кладовыми и надворными строеніями и слушалъ его доклады; когда нужно было, то осматривалъ съ нимъ что-нибудь, давалъ распоряженія къ домашнимъ работамъ, разбиралъ дѣла между слугами. Послѣ всѣхъ домашнихъ распоряженій, хозяинъ приступалъ къ своимъ обычнымъ занятіямъ; купецъ отправлялся въ лавку, ремесленникъ брался за свое ремесло, приказные люди наполняли приказы и приказныя избы, а бояре въ Москвѣ стекались къ царю и занимались дѣлами. Приступая къ началу дневного занятія, будь то приказное писательство, или черная работа, русскій считалъ приличнымъ вымыть руки, сдѣлать предъ образомъ три крестныхъ знаменія съ земными поклонами, а если предстоитъ случай или возможность, то принять благословеніе священника.

Въ десять часовъ по нашему счету (въ шестомъ часу дня) служились обѣдни. По духу времени въ тѣ времена цари, въ сопровожденіи бояръ и думныхъ людей, всякій день ходили въ церковь, да и частные люди, кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней, при первой возможности хаживали къ обѣдни и въ будни, особенно въ пятницы и субботы; всякій же церковный праздникъ толпа народа

наполняла храмы, но текущія дѣла однако не прерывались отъ этого.

Въ полдень наступало время обѣда. Холостые лавочники, парни изъ простонародія, холопы, пріѣзжіе въ городахъ и посадахъ наполняли харчевни; люди домовитые садились за столъ дома или у пріятелей въ гостяхъ. Цари и знатные люди, живя въ особыхъ покояхъ въ своихъ дворахъ, обѣдали отдѣльно отъ прочихъ членовъ семьи: жены съ дѣтьми трапезовали особо; но незнатные дворяне, дѣти боярскіе, посадскіе и крестьяне—хозяева осѣдлые, вмѣстѣ съ женами и съ прочими членами семьи; впрочемъ иногда семейные члены, составлявшіе съ своими семьями одно семейство съ хозяиномъ, обѣдали отъ него и особо; во время же званыхъ обѣдовъ особы женскаго пола никогда не обѣдали тамъ, гдѣ сидѣлъ хозяинъ съ гостьми. Столъ накрывался скатертью, но не всегда это наблюдалось: очень часто люди незнатные обѣдали безъ скатерти и ставили на голый столъ соль, уксусъ, перецъ и клали ломтями хлѣбъ. Двое домашнихъ служебныхъ чиновъ завѣдывали порядкомъ обѣда въ зажиточномъ домѣ: ключникъ и дворецкій. Ключникъ находился въ поварнѣ при отпускѣ кушаньевъ, дворецкій при столѣ и при поставцѣ съ посудой, стоявшемъ всегда противъ стола въ столовой. Нѣсколько слугъ носили кушанья изъ поварни; ключникъ и дворецкій, принимая ихъ, разрѣзывали ихъ на куски, отвѣдывали и тогда уже отдавали слугамъ ставить предъ господиномъ и сидѣвшими за столомъ.

Въ обычномъ царскомъ быту кушанье прежде всего отвѣдывалъ поваръ, въ присутствіи дворецкаго, который являлся за каждою перемѣною съ толпою жильцовъ; сдавъ кушанье жильцамъ, дворецкій шелъ впереди ихъ въ столовую и передавалъ крайчему, который также отвѣдывалъ и ставилъ предъ царемъ. Обыкновенно кушанье подавали

разрѣзанное на тонкіе куски, такъ что можно было взять ихъ въ руки и понести въ ротъ; отъ этого тарелки, поставленныя въ началѣ обѣда передъ обѣдавшими, не перемѣнялись, потому что каждый бралъ руками съ стоявшаго предъ гостьми блюда куски и клалъ въ ротъ, касавшись своей тарелки только тогда, когда случалось бросать на нее обгрызанную кость. Жидкое кушанье иногда подавалось на два или на три человѣка въ одной мисѣ, и всѣ ѣли изъ нея своими ложками. Такой способъ обѣдать приводилъ въ омерзѣніе иностранцевъ, чуждыхъ нашимъ обычаямъ; имъ не нравилось и то, что русскіе за столомъ зѣвали, вытягивались, рыгали и къ запаху чеснока, лука и гнилой рыбы присоединяли другія непріятныя зловонія.

Прежде всего пили водку и закусывали хлѣбомъ, потомъ подавали въ скоромные дни холодныя кушанья, состоявшія изъ варенаго мяса съ разными приправами, потомъ ѣли горячія, потомъ жареныя, а далѣе разные звары, за ними молочныя кушанья, лакомыя печенья и, наконецъ, овощныя сласти. Въ постные дни тѣмъ же порядкомъ подавали холодную рыбу или капусту, потомъ жидкія кушанья, далѣе жареную рыбу, звары и наконецъ овощи. На званыхъ обѣдахъ было иногда чрезвычайное множество кушаньевъ—до сорока и до пятидясяти перемѣнъ. Слуги, подававшіе кушанья, назывались стряпчими, несли блюда голыми и притомъ нечистыми руками.

Послѣ обѣда хозяинъ пересматривалъ посуду и находя все въ порядкѣ, хвалилъ дворецкаго и стряпчихъ, подчивалъ ихъ хмѣльнымъ, иногда всѣхъ дарилъ и вся прислуга обыкновенно обѣдала послѣ господскаго стола.

Послѣ обычнаго обѣда ложились отдыхать. Это былъ повсемѣстный и освященный народнымъ уваженіемъ обычай. Спали пообѣдавши и цари, спали бояре, спали купцы, затворивъ свои лавки; уличная чернь отдыхала на ули-

цахъ; тогда-то въ Москвѣ на Вшивомъ рынкѣ собиралась толпа мужчинъ, которые тамъ стриглись и отъ этого рынокъ былъ постоянно устланъ волосами, будто полстью. Не спать или по крайней мѣрѣ не отдыхать послѣ обѣда считалось въ нѣкоторомъ смыслѣ ересью, какъ всякое отступленіе отъ предковскихъ обычаевъ. Извѣстно, что въ числѣ подозрѣній, обличавшихъ въ Самозванцѣ нецарское происхожденіе и уклоненіе къ латинской вѣрѣ, было и то, что онъ не спалъ послѣ обѣда. Этотъ отдыхъ былъ тѣмъ необходимѣе, что обыкновенно русскіе любили очень плотно покушать, имѣя возможность и достатокъ.

Вставши отъ послѣобѣденнаго сна, русскіе опять принимались за обычныя занятія. Цари ходили къ вечернѣ, а часовъ съ шести вечера по нашему счету предавались уже забавамъ и бесѣдамъ. Впрочемъ, смотря по важности дѣла, иногда бояре собирались во дворецъ и вечеромъ, сидѣли тамъ за дѣлами часовъ около трехъ. Въ приказахъ собирались по вечерамъ. Въ 1669 году постановлено правиломъ, чтобъ приказные люди сидѣли съ перваго до восьмого часа ночи,—такъ-какъ это было зимою, то, вѣроятно, до десяти часовъ по нашему счету, считая первымъ часомъ ночи не седьмой часъ суточнаго дѣленія, сообразно восточно-византійскому счисленію, а четвертый, когда ночь дѣйствительно наступала въ Москвѣ. Вечеръ въ домашнемъ быту былъ временемъ развлеченій; зимою собирались другъ къ другу родные и пріятели въ домахъ, а лѣтомъ въ палаткахъ, которыя нарочно раскидывались предъ домами. Русскіе всегда ужинали, а послѣ ужина благочестивый хозяинъ отправлялъ вечернее моленіе. Снова затепливались лампады, зажигались свѣчи передъ образами; домочадцы и прислуга собирались на моленье. Послѣ такого молитвословія считалось уже непозволительнымъ ѣсть и пить; всѣ скоро ложились спать. Сколько-

нибудь зажиточные супруги имѣли всегда особые покои съ тою цѣлію, чтобъ не спать вмѣстѣ въ ночи предъ господскими праздниками, воскресеньями, средами и пятками и въ посты. Въ эти ночи благочестивые люди вставали и тайно молились предъ образами въ спальняхъ; ночная молитва считалась пріятнѣе Богу, чѣмъ дневная: «тогда бо нощію умъ ти есть легчае къ Богу и могутъ тя убо на покаяніе обратити нощныя молитвы паче твоихъ дневныхъ молебъ... и паче дневныхъ молебъ приклонитъ ухо свое Господь въ нощныя молитвы». Впрочемъ нѣкоторыя старинныя духовныя поученія не обязывали супруговъ удаляться отъ общаго ложа въ посты Петровскій и Рождественскій: «а въ Петрово говѣнье и въ Филиппово невозбранно мужемъ съ своими женами совокуплятися, развѣе блюсти среду, пятокъ и субботу и недѣлю и господскихъ праздниковъ». На Святой недѣлѣ цари обыкновенно опочивали отдѣльно отъ царицъ, и когда царю угодно было спать вмѣстѣ съ царицею, то послѣдней давалось объ этомъ знать заранѣе и назначалось: или приходить къ царю или царя къ себѣ ожидать, а на другой день оба ходили въ мыльню. Такъ наблюдалось между всѣми болѣе или менѣе и вообще считалось необходимымъ послѣ ночи, проведенной супругами вмѣстѣ, ходить въ баню прежде, чѣмъ подойти къ образу. Набожные люди почитали себя недостойными даже и омывшись на другой день вступить въ церковь и стояли предъ дверьми храма, хотя черезъ это и подвергались двусмысленнымъ взглядамъ, а иногда и замѣчаніямъ молодыхъ людей, которые догадывались, чтò это значило. [1]).

[1]) Рук. Пог. Собр. Публ. Библ. № 1310.—Рум. Муз. № 359.—А. И. II 287.—Врем. I. Домостр. 17. 27. 64. 75.—П. С. З. I. 828. —Доп. I. 55.—Fletch. 254—260.—Olear. 142. 193.—Mejerb. 60—63.—Petr. 318.—Das Gr. Reich. v. Mosc. 196—203.—Маржер. 29.—Кильб. 67.

Русскіе вообще ходили въ баню очень часто; она была первою потребностію въ домашней жизни, какъ для чистоплотности, такъ и для какого-то наслажденія. Почти въ каждомъ зажиточномъ домѣ была своя мыльня, какъ уже сказано объ этомъ; сверхъ того для простонародія и для пріѣзжихъ вездѣ по городамъ существовали общественныя или царскія мыльни, гдѣ за входъ платили деньги, составлявшія во всемъ государствѣ вѣтвь царскихъ доходовъ. По извѣстію Кошихина, каждогодно собиралось такимъ образомъ до двухъ тысячъ рублей со всѣхъ мыленъ, находившихся въ вѣдомствѣ конюшеннаго дворца. Мыльни вообще топились каждую недѣлю одинъ, а иногда и два раза. Въ лѣтніе жары запрещалось ихъ топить въ предупрежденіе пожаровъ, съ нѣкоторыми исключеніями для больныхъ и родильницъ, по волѣ воеводъ. Тогда-то особенно наполнялись царскія мыльни; впрочемъ, запрещеніе топить свои собственныя касалось болѣе посадскихъ и крестьянъ; люди высшаго значенія всегда пользовались исключеніемъ. Баня для русскаго была такою необходимостью, что по поводу запрещенія топить ихъ, жители грозили правительству разбрестись врознь изъ своихъ домовъ.

Обыкновенно ходили въ мыльню послѣ обѣда, не страшась отъ этого вредныхъ послѣдствій. Жаръ былъ нестерпимый. На скамьяхъ и полкахъ постилалось сѣно, которое покрывали полотномъ. Русскій ложился на него и приказывалъ себя бить до усталости, потомъ выбѣгалъ на воздухъ и бросался лѣтомъ въ озеро или рѣку, подлѣ которыхъ обыкновенно строились мыльни, а зимою катался по снѣгу или обливался холодною водою на морозѣ. Всегда кто ходилъ въ мыльню, тотъ и парился: это было всеобщимъ обычаемъ. Въ общественныхъ мыльняхъ было два отдѣленія, мужское и женское; они отдѣлялись одно отъ другого перегородками, но входъ и въ то, и въ другое

былъ одинъ; и мужчины, и женщины, входя и выходя въ одну дверь, встрѣчались другъ съ другомъ нагишомъ, закрывались вѣниками и безъ особеннаго замѣшательства разговаривали между собою, а иногда разомъ выбѣгали изъ мыльни и вмѣстѣ катались по снѣгу. Въ болѣе отдаленную старину было въ обычаѣ и мужчинамъ, и женщинамъ мыться въ одной мыльнѣ, и даже чернецы и черницы мылись и парились вмѣстѣ.

Жившіе въ Москвѣ нѣмцы заимствовали отъ русскихъ ихъ мыльни, но придали имъ болѣе комфорта. Эти мыльни пріобрѣли въ Москвѣ славу. Вмѣсто голыхъ скамей, у нихъ были тюфяки, набитые пахучими травами; передбанники были особые и чистые, гдѣ можно было удобно раздѣваться и одѣваться; такого удобства нельзя было встрѣтить въ русскихъ баняхъ. Послѣ мытья обтирали и клали въ постель; тутъ женщина приносила медъ для подкрѣпленія.

Баня была самымъ главнымъ лѣкарствомъ отъ всякихъ болѣзней: коль скоро русскій почувствуетъ себя нездоровымъ, тотчасъ выпьетъ водки съ чеснокомъ или перцемъ, закуситъ лукомъ, и идетъ въ баню париться.

Для простого народа баня была школой той удивительной нечувствительности ко всѣмъ крайностямъ температуры, какою отличались русскіе, удивляя этимъ иностранцевъ. Но что касается до высшихъ классовъ общества, то, при сидячей жизни, бани порождали бездѣйствіе и изнѣженность; въ особенности женщины высшаго состоянія отличались этимъ и казались хилыми и брюзглыми [1]).

[1]) А. И. II. 417.—А А. Э. IV. 58.—Стогл. Вопр. 18.—Olear. 268. — Mejerb. 151. — Strauss. 205. — Fletch. 268 — Carl. 347. — Jenkins. Hacl. 361.

XII.

Здоровье и болѣзни.

Въ русскомъ образѣ жизни было соединеніе крайностей, смѣсь простоты и первобытной свѣжести дѣвственнаго народа съ азіатскою изнѣженностью и византійскою разслабленностію. Когда знатный человѣкъ одѣвался весь въ золото и жемчугъ, ѣдалъ на серебрѣ и заставлялъ подавать себѣ десятки кушаньевъ за разъ, деревенскій бѣднякъ, во время частыхъ неурожаевъ, ѣлъ хлѣбъ изъ соломы или изъ лебеды, коренья и древесную кору. Когда знатныя женщины и дѣвицы не занимались даже хозяйствомъ и, осужденныя на бездѣйствіе, только для того, чтобъ убить томительную скуку своихъ горницъ и повалушъ, брались за вышиванья убрусовъ и церковныхъ облаченій, крестьянскія женщины работали вдвое болѣе своихъ мужьевъ. Съ одной стороны достоинствомъ всякаго значительнаго человѣка поставлялась недѣятельность, изнѣженность, неподвижность; русскія женщины нерѣдко пили особаго рода водку, чтобъ растолстѣть,—съ другой стороны, русскій народъ приводилъ въ изумленіе иностранцевъ своею терпѣливостію, твердостію, равнодушіемъ ко всякимъ лишеніямъ удобствъ жизни, тяжелымъ для европейца, умѣренно трудолюбиваго, умѣренно терпѣливаго и знакомаго съ правильнымъ и разсчетливымъ комфортомъ. Съ дѣтства пріучались русскіе переносить голодъ и стужу. Дѣтей отнимали отъ грудей послѣ двухъ мѣсяцевъ и кормили грубою пищею; ребятишки бѣгали въ однѣхъ рубашкахъ безъ шапокъ, босикомъ по снѣгу въ трескучіе морозы; юношамъ считалось неприличнымъ спать на постели, а простой народъ, какъ уже было замѣчено, вообще не зналъ, что̀ такое постель. Посты пріучали народъ къ гру-

бой и скудной пищѣ, состоявшей изъ кореньевъ и дурной рыбы; живучи въ тѣснотѣ и дыму, съ курами и телятами, русскій простолюдинъ получалъ нечувствительную, крѣпкую натуру. На войнѣ русскіе удивляли враговъ своимъ терпѣніемъ: никто крѣпче русскаго не могъ вынести продолжительной и мучительной осады, при лишеніи самыхъ первыхъ потребностей, при стужѣ, голодѣ, зноѣ, жаждѣ. Подвиги служилыхъ русскихъ людей, которые открыли сибирскія страны въ XVII вѣкѣ, кажутся невѣроятными. Они пускались въ невѣдомые краи съ скудными запасами, нерѣдко еще испорченными отъ дороги, истративъ ихъ, принуждены бывали по нѣскольку мѣсяцевъ сряду питаться мхомъ, бороться съ ледянымъ климатомъ, дикими туземцами, зимовать на Ледовитомъ морѣ, а по возвратѣ изъ такого тяжелаго путешествія, нерѣдко въ благодарность были обираемы и оскорбляемы воеводами. Но какъ ни противоположнымъ кажется образъ жизни знатныхъ и простыхъ, богатыхъ и бѣдныхъ, натура и у тѣхъ, и у другихъ была одна: пусть только бѣдному простаку поблагопріятствуетъ счастіе, и онъ тотчасъ усвоитъ себѣ неподвижность, тяжеловатость, обрюзглость богатаго или знатнаго лица; за то знатный и богатый, если обстоятельства поставятъ его въ иное положеніе, легко свыкнется съ суровой жизнью и трудами. Прихоти были огромны, но не сложны и не изысканны. Съ одинакимъ воззрѣніемъ на жизнь, съ тѣми же вѣрованіями и понятіями, какъ у простолюдиновъ, знатные люди не успѣли отдѣлиться отъ массы народа и образовать замкнутое въ себѣ сословіе. Посты имѣли въ этомъ отношеніи благодѣтельное вліяніе на нравстенность и на поддержку основъ равенства въ народѣ; посты не давали богачу утопать въ обжорствѣ и сластолюбіи до невозможности низойти къ убогому столу простолюдина. Въ посты царь ѣлъ одну пищу съ крестьяниномъ. Небезопасное положеніе края,

частыя войны, неудобства путей и затруднительность сообщенія между частями государства не допускали высшіе слои русскаго народа опуститься въ восточную нѣгу: они всегда должны ожидать слишкомъ внезапной разлуки съ своими теплыми домами и потому не могли къ нимъ пристраститься; слишкомъ часто приходилось голодать имъ по неволѣ, чтобъ быть не въ силахъ обходиться безъ пряностей и медовъ; слишкомъ повсемѣстно встрѣчали смерть, чтобъ дорожить вялою жизнію. Съ другой стороны, въ простолюдинѣ, даже въ его нищетѣ проглядывала наклонность къ восточной изнѣженности и вялости, одолѣвавшей богачей: русскій мужикъ любилъ поспать, покачаться на печкѣ, понѣжиться и, если удивлялъ иностранцевъ терпѣніемъ, то не отличался сознательнымъ трудолюбіемъ.

При способности и готовности переносить труды и лишенія, русскій народъ, хотя не отличался долговѣчностію, но пользовался вообще хорошимъ здоровьемъ. Изъ болѣзней только эпидемическія наносили иногда значительныя опустошенія, потому что мѣры противъ нихъ были слабы и ограничивались неискуснымъ стараніемъ не допустить заразы распространяться съ мѣста на мѣсто. Моровыя повѣтрія нерѣдко оставляли ужасные слѣды по всей Россіи Изъ обыкновенныхъ болѣзней, которымъ русскіе чаще всего подвергались, были гемороидальныя, столь свойственныя нашему климату, упоминаемыя въ старину подъ разными наименованіями припадковъ головной боли, теченія крови, запоровъ (закладъ), болей въ спинѣ и тому подобное. Нервныя болѣзни, если не были слишкомъ часты, за то обращали вниманіе своими явленіями: эпилептическіе, каталептическіе, истерическіе припадки приписывались порчѣ и вліянію таинственныхъ силъ, при посредствѣ злыхъ духовъ; болѣзни эти имѣли разныя народныя наименованія, какъ напримѣръ: камчюгъ, френьчугъ, бѣснованіе, разслабленіе, трясеніе, икота и проч.; нѣкоторые

случаи происходили отъ дѣйствительныхъ болѣзней, иные отъ воображенія. Въ XVI вѣкѣ занесена въ Россію сифилитическая болѣзнь (тайнымъ согнитіе), а въ слѣдующемъ столѣтіи она довольно распространилась и наносила опустошенія въ черномъ народѣ. Простудныя болѣзни рѣдко поражали русскаго, пріученнаго къ перемѣнамъ воздуха и температуры. Какъ особые случаи, упоминаются въ старину: каменная болѣзнь, отекъ, сухотка, грыжа, зубная боль, глухота, нѣмота, слѣпота, шолуди, происходившіе отъ неопрятности, которая нерѣдко порождала и другія болѣзни, такъ наприм., имѣла вредное вліяніе на зрѣніе. Вообще отъ болѣзней искали средствъ болѣе всего въ церковныхъ обрядахъ и прибѣгали также къ травникамъ, составлявшимъ классъ самоучекъ-лѣкарей, отдавались имъ часто съ чрезвычайнымъ легковѣріемъ. Ученые медики были иностранцы и находились только при царскомъ дворѣ и то въ небольшомъ количествѣ. При Иванѣ Васильевичѣ лѣкарь иноземецъ былъ необходимымъ лицомъ для царя, но лѣчиться у него частнымъ лицамъ было можно не иначе, какъ подавши челобитную объ этомъ [1]). То же соблюдалось долго и въ послѣдствіи, когда число врачей при дворѣ увеличилось. При Михаилѣ Ѳедоровичѣ въ Москвѣ существовала одна аптека, изъ которой отпускались лѣкарства по челобитнымъ и притомъ такъ, что тѣмъ, которые были не очень значительны, отпускалось и по челобитной не то, что нужно, а то что дешевле стоило, не обращая вниманія, могло ли оно принести дѣйствительную пользу. Иногда лѣкаря отправлялись на войну съ лѣкарствомъ и тамъ вообще мало приносили пользы. При Алексѣѣ Михайловичѣ въ Москвѣ были двѣ аптеки, но только изъ одной продавали жителямъ лѣкарства, и то по высокимъ цѣнамъ [2]), а потому эта аптека гораздо менѣе при-

[1]) А. И. П. 82.—Доп. I. 156.

[2]) Кильб. 184.

носила дохода казнѣ, чѣмъ стоявшій рядомъ съ нею кабакъ. Разумѣется, врачи, призываемые изъ за границы, не всегда были хороши, и по зову русскаго царя отважно спѣшили въ Россію шарлатаны. По этому было опредѣлено, чтобъ врачъ, пріѣзжающій въ Россію, прежде въ пограничномъ городѣ показалъ степень своего искусства и вылѣчилъ кого-нибудь. Медики, жившіе при дворѣ, были чрезвычайно стѣснены обычаями и предразсудками. Въ ихъ занятіяхъ не уважали науки, не ставили ихъ искуства выше знахарскаго. Часто сами цари обращались къ травникамъ и знахарямъ, какъ бы въ укоръ медикамъ, состоявшимъ при ихъ дворѣ. Когда медикъ пользовалъ особу женскаго пола, принадлежащую къ царскому семейству—для него не нарушались строгія восточныя церемоніи, всегда окружавшія эту особу. Медикъ долженъ былъ пользовать больную и угадывать болѣзнь, не видя ея лично, а единственно слѣдуя разсказамъ прислужницы. Если при такомъ способѣ лѣченія онъ ошибется, ему ставили ошибку въ вину. Ему не дозволяли узнать дѣйствіе лѣкарства на организмъ больной: если съ одного пріема болѣзнь не облегчилась—по понятіямъ русскихъ это значило, что лѣкарство не поможетъ, медику приказывали давать другое и не дозволяли повторять одного и того же нѣсколько разъ. Что касается до народа, то вообще онъ не вѣрилъ иноземнымъ врачамъ. Духовенство признавало грѣхомъ лѣчиться у человѣка не православной вѣры и въ особенности вооружалось противъ медиковъ-евреевъ, такъ что въ XVI вѣкѣ русскій, за то, что прибѣгалъ къ пособію еврея, подвергался отлученію отъ церкви. Время однако брало свое и въ этомъ отношеніи: при Алексѣѣ Михайловичѣ, при царѣ столь набожномъ, одинъ изъ придворныхъ медиковъ былъ еврей[1]).

[1]) А. И. Ш. 289. 390. 474.—Доп. II. 179. 242. V. 401.—Ienkins. 361. —Fletch. 247—268.—Іовій 45. 51.—Колл. 22.—Crull. 146.—Olear. 201. 215. 217.—Herberst. 39.—Petr. 314.—Врем. I. Домост. 40.

XIII.

Семейные нравы.

Всѣ иностранцы поражались избыткомъ домашняго деспотизма мужа надъ женою. Въ отношеніяхъ между двумя полами русскіе видѣли одно животное влеченіе. Въ Москвѣ, замѣчаетъ одинъ путешественникъ [1]), никто не унизится, чтобъ преклонить колѣно предъ женщиною и воскурить предъ нею ѳиміамъ. По законамъ приличія, порожденнымъ византійскимъ аскетизмомъ и грубою татарскою ревностію, считалось предосудительнымъ даже вести съ женщиною разговоръ. Вообще женщина считалась существомъ ниже мужчины и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ нечистымъ; такимъ образомъ женщинѣ не дозволялось рѣзать животное: полагали, что мясо его не будетъ тогда вкусно. Печь просфоры позволялось только старухамъ. Въ извѣстные дни женщина считалась недостойною, чтобъ съ нею вмѣстѣ ѣсть.

Въ одномъ старинномъ поученіи такъ отзываются о прекрасномъ полѣ: «Что есть жена? сѣть утворена прельщающи человѣки во властехъ, свѣтлымъ лицемъ убо и высокими очима намизающи, ногама играющи, дѣлы убивающи, многы бо уязвивши низложи, тѣмже въ доброти женстѣй мнози прельщаются и отъ того любы яко огнь возгарается... Что есть жена? святымъ обложница, покоище зміино, діаволь увѣтъ, безъ увѣта болѣзнь, поднѣчающая сковрада, спасаемымъ соблазнъ, безъисцѣльная злоба, купница бѣсовская» [2]). Русская женщина была постоянною невольницею съ дѣтства до гроба. Въ крестьянскомъ быту хотя она находилась подъ гнетомъ тяжелыхъ работъ, хотя на нее, какъ на рабочую лошадь, взвалива-

[1]) Mejerb. 145.

[2]) Пог. Собр. Публ. Библ., Рук. № 1298.

ли все, что было потруднѣе, но по крайней мѣрѣ не держали взаперти. У козаковъ женщины пользовались сравнительно большею свободою: жены козаковъ были ихъ помощницами и даже ходили съ ними въ походы [1]). У знатныхъ и зажиточныхъ людей Московскаго Государства женскій полъ находился взаперти, какъ въ мусульманскихъ гаремахъ. Дѣвицъ содержали въ уединеніи, укрывая отъ человѣческихъ взоровъ; до замужества мужчина долженъ быть имъ совершенно неизвѣстенъ; не въ нравахъ народа было, чтобъ юноша высказалъ дѣвушкѣ свои чувства или испрашивалъ лично ея согласія на бракъ. Самые благочестивые люди были того мнѣнія, что родителямъ слѣдуетъ бить почаще дѣвицъ, чтобы онѣ не утратили своего дѣвства. Чѣмъ знатнѣе былъ родъ, къ которому принадлежала дѣвица, тѣмъ болѣе строгости ожидало ее: царевны были самыя несчастныя изъ русскихъ дѣвицъ; погребенныя въ своихъ теремахъ, не смѣя показываться на свѣтъ, безъ надежды когда-нибудь имѣть право любить и выйти замужъ, онѣ, по выраженію Кошихина, день и ночь всегда въ молитвѣ пребывали и лица свои умывали слезами. При отдачѣ замужъ, дѣвицу не спрашивали о желаніи; она сама не знала, за кого идетъ, не видѣла своего жениха до замужества, когда ее передавали въ новое рабство. Сдѣлавшись женою, она не смѣла никуда выйти изъ дома безъ позволенія мужа, даже, если шла въ церковь, и тогда обязана была спрашиваться. Ей не предоставлялось права свободнаго знакомства по сердцу и нраву, а если дозволялось нѣкотораго рода обращеніе съ тѣми, съ кѣмъ мужу угодно было позволить это, то и тогда ее связывали наставленія и замѣчанія: что̀ говорить, о чемъ умолчать, что̀ спросить, чего не слышать. Въ домашнемъ быту часто ей не давали права хозяйства, какъ

[1]) А. И. Ш. 43.

уже сказано. Ревнивый мужъ приставлялъ къ ней шпіоновъ изъ служанокъ и холоповъ, а тѣ, желая поддѣлаться въ милость господину, нерѣдко перетолковывали ему въ другую сторону каждый шагъ своей госпожи. Выѣзжала ли она въ церковь или въ гости, неотступныя стражи слѣдили за каждымъ ея движеніемъ и обо всемъ передавали мужу. Очень часто случалось, что мужъ, по наговору любимаго холопа или женщины, билъ свою жену изъ одного только подозрѣнія. Даже и тогда, когда мужъ поручалъ женѣ смотрѣть за хозяйствомъ, она была не болѣе, какъ ключница: не смѣла ни послать чего-нибудь въ подарокъ другимъ, ни принять отъ другаго, не смѣла даже сама безъ позволенія мужа съѣсть или выпить. Рѣдко дозволялось ей имѣть вліяніе на дѣтей своихъ, начиная съ того, что знатной женщинѣ считалось неприличнымъ кормить грудью дѣтей, которыхъ поэтому отдавали кормилицамъ; мать впослѣдствіи имѣла надъ ними менѣе надзора, чѣмъ няньки и дядьки, которые воспитывали господскихъ дѣтей подъ властію отца семейства. Обращеніе мужьевъ съ женами было таково: по обыкновенію, у мужа висѣла плеть, исключительно назначенная для жены и называемая *муракъ*; за ничтожную вину мужъ таскалъ жену за волосы, раздѣвалъ донага, привязывалъ веревками и сѣкъ муракомъ до крови—это называлось учить жену; у иныхъ мужьевъ вмѣсто плети играли ту же роль розги, и жену сѣкли, какъ маленькаго ребенка, а у другихъ, напротивъ, дубина — и жену били, какъ скотину. Такого рода обращеніе не только не казалось предосудительнымъ, но еще вмѣнялось мужу въ нравственную обязанность. Кто не билъ жены, о томъ благочестивые люди говорили, что онъ домъ свой не строитъ и о своей душѣ не радитъ, и самъ погубленъ будетъ и въ семъ вѣцѣ и въ будущемъ, и домъ свой погубитъ. Домострой человѣколюбиво совѣтуетъ не бить жены кулакомъ по лицу, по глазамъ, не бить ее вообще желѣз-

нымъ или деревяннымъ орудіемъ, чтобъ не изувѣчить или не допустить до выкидыша ребенка, если она беременна; онъ находитъ, что бить жену плетью и разумно, и больно, и страшно, и здорово. Это нравственное правило проповѣдывалось православною церковью, и самымъ царямъ, при вѣнчаніи, митрополиты и патріархи читали нравоученія о безусловной покорности жены мужу. Привыкшія къ рабству, которое влачить суждено было имъ отъ пеленокъ до могилы, женщины не имѣли понятій о возможности имѣть другія права и вѣрили, что онѣ въ самомъ дѣлѣ рождены для того, чтобъ мужья ихъ били, и даже самые побои считали признакомъ любви. Иностранцы разсказываютъ слѣдующій любопытный анекдотъ, переходившій изъ устъ въ уста въ различныхъ варіяціяхъ. Какой-то итальянецъ женился на русской и жилъ съ нею нѣсколько лѣтъ мирно и согласно, никогда не бивши ее и не бранивши. Однажды она говоритъ ему: «за что ты меня не любишь?»—«Я люблю тебя», сказалъ мужъ и поцѣловалъ ее. «Ты ничѣмъ не доказалъ мнѣ этого», сказала жена. «Чѣмъ же тебѣ доказать?» спрашивалъ онъ.—Жена отвѣчала: «ты меня ни разу не билъ».—«Я этого не зналъ,— говорилъ мужъ, — но если побои нужны, чтобъ доказать тебѣ мою любовь, то за этимъ дѣло не станетъ». Скоро послѣ того онъ побилъ ее плетью и въ самомъ дѣлѣ замѣтилъ, что послѣ того жена стала къ нему любезнѣе и услужливѣе. Онъ поколотилъ ее въ другой разъ такъ, что она послѣ того нѣсколько времени пролежала въ постели, но однако не роптала и не жаловалась. Наконецъ въ третій разъ онъ поколотилъ ее дубиною такъ сильно, что она послѣ того черезъ нѣсколько дней умерла. Ея родные подали на мужа жалобу; но судьи, узнавши всѣ обстоятельства дѣла, сказали, что она сама виновата въ своей смерти; мужъ не зналъ, что у русскихъ побои значатъ любовь и хотѣлъ доказать, что любитъ сильнѣе, чѣмъ

всѣ русскіе; онъ не только изъ любви билъ жену, но и до смерти убилъ. Женщины говорили: «кто кого любитъ, тотъ того лупитъ, коли мужъ не бьетъ, значитъ не любитъ»; пословицы эти и до сихъ поръ существуютъ въ народѣ, такъ же, какъ и слѣдующая: «не вѣрь коню въ полѣ, а женѣ на волѣ», показывающая, что неволя считалась принадлежностію женскаго существа. Иногда родители жены, при отдачѣ ея замужъ, заключали письменный договоръ съ зятемъ, чтобъ онъ не билъ жены. Разумѣется, это исполнялось неточно. Положеніе жены всегда было хуже, когда у нея не было дѣтей, но оно дѣлалось въ высшей степени ужасно, когда мужъ, соскучивъ ею, заводилъ себѣ на сторонѣ любезную. Тутъ не было конца придиркамъ, потасовкамъ, побоямъ; нерѣдко въ такомъ случаѣ мужъ заколачивалъ жену до смерти и оставался безъ наказанія, потому что жена умирала медленно и слѣдовательно нельзя было сказать, что убилъ ее онъ, а бить ее, хотя по десяти разъ на день, не считалось дурнымъ дѣломъ. Случалось, что мужъ такимъ образомъ приневоливалъ ее вступить въ монастырь, какъ свидѣтельствуетъ народная пѣсня, гдѣ изображается такого рода насиліе. Несчастная, чтобъ избѣжать побоевъ, рѣшалась на самовольное самозаключеніе, тѣмъ болѣе, что и въ монастырѣ ей было больше свободы, чѣмъ у дурнаго мужа. Еслибы жена заупрямилась, мужъ, чтобъ разлучиться съ немилою-постылою, нанималъ двухъ-трехъ негодяевъ лжесвидѣтелей, которые обвиняли ее въ прелюбодѣяніи; находился за деньги и такой, что бралъ на себя роль прелюбодѣя: тогда жену насильно запирали въ монастырь [1]).

Не всегда однако жены безропотно и безотвѣтно сносили суровое обращеніе мужьевъ и не всегда оно остава-

[1]) Врем. I. Домостр. 29. 68.—Доп. I. 54. — Пав. Іов. 51.—Fletch. 246.—Olear. 217.—Petr. 324. — Mejerb. 145. — Carlisle 341. — Crull. 160. 162.—Strauss. 203.—Herberst. 34.

лось безъ наказанія. Иная жена, бойкая отъ природы, возражала мужу на его побои бранью, часто неприличнаго содержанія. Были примѣры, что жены отравляли своихъ мужьевъ, и за это ихъ закапывали живыхъ въ землю, оставляя наружи голову, и оставляли въ такомъ положеніи до смерти; имъ не давали ѣсть и пить и сторожа стояли при нихъ, не допуская, чтобъ кто нибудь изъ состраданія не покормилъ такую преступницу. Прохожимъ позволялось бросать деньги, но эти деньги употреблялись на гробъ для осужденной или на свѣчи для умилостивленія Божія гнѣва къ ея грѣшной душѣ [1]). Впрочемъ случалось, что имъ оставляли жизнь, но замѣняли смерть вѣчнымъ жестокимъ заточеніемъ. Двухъ такихъ преступницъ за отравленіе мужьевъ держали трое сутокъ по шею въ землѣ, но такъ какъ онѣ попросились въ монастырь, то ихъ откопали и отдали въ монастырь, приказавъ держать ихъ порознь въ уединеніи и въ кандалахъ. Другія жены мстили за себя доносами. Какъ ни безгласна была жена предъ мужемъ, но точно также были мужья безгласны предъ царемъ. Голосъ жены, какъ и голосъ всякаго, и въ томъ числѣ холопа, принимали въ уваженіе, когда дѣло шло о злоумышленіи на особу царскаго дома или о кражѣ царской казны. Иностранцы разсказываютъ замѣчательное событіе: жена одного бояврина, по злобѣ къ мужу, который ее билъ, доносила, что онъ умѣетъ лѣчить подагру, которою царь тогда страдалъ; и хотя бояринъ увѣрялъ и клялся, что не знаетъ этого вовсе, его истязали и обѣщали смертную казнь, если онъ не сыщетъ лѣкарства для государя. Тотъ въ отчаяніи нарвалъ какихъ попало травъ и сдѣлалъ изъ нихъ царю ванну; случайно царю послѣ того стало легче и лѣкаря еще разъ высѣкли за то, что онъ, зная, не хотѣлъ говорить. Жена взяла свое. Но

[1]) De Bruyns. 20.

еще случалось, что за свое униженіе женщины отомщали обычнымъ своимъ способомъ: тайною измѣною. Какъ ни строго запирали русскую женщину, она склонна была къ тому, чтобъ положить мужа подъ лавку, какъ выражались въ тотъ вѣкъ. Такъ и быть должно. По свойству человѣческой природы, рабство всегда раждаетъ обманъ и коварство. Часто женщина напивалась пьяна и тогда, если только представлялся случай, предавалась первому мужчинѣ.

Иностранцы единогласно говорятъ, что русская женщина не была неприступна и для нихъ, несмотря на всеобщее омерзѣніе, внушаемое нехристями, къ которымъ въ Россіи причислили всѣхъ вообще неправославныхъ. На эти случаи у женщинъ образовались свои собственные догматы. «Женщинѣ соблудить съ иностранцемъ», говорили онѣ: «простительно; дитя отъ иностранца родится — крещеное будетъ; а вотъ какъ мужчина съ иновѣркою согрѣшитъ, такъ дитя будетъ некрещеное, оно и грѣшнѣе: некрещеная вѣра множится».

У зажиточныхъ домовитыхъ людей все было такъ устроено, что казалось невозможно сблизиться мужчинѣ съ ихъ женами; однако примѣры измѣнъ такихъ женъ своимъ мужьямъ были не рѣдки. Запертая въ своемъ теремѣ жена проводила время съ служанками, а отъ скуки вела съ ними, какъ говорилось, пустошныя рѣчи, пересмѣшныя, скоромскія и безлѣпичныя и пріучалась располагать свое воображеніе ко всему нецѣломудренному. Эти служанки вводили въ домъ разныхъ торговокъ, гадальщицъ и въ томъ числѣ такихъ женщинъ, которыя назывались «потворенныя бабы», то есть, *что молодыя жены съ чужими мужи сваживаютъ*. Эти соблазнительницы вели свое занятіе съ правильностію ремесла и очень искусно внѣдрялись въ дома, прикидываясь чѣмъ угодно и чѣмъ нужно, даже набожными богомолками. Всегда ихъ можно было застать

тамъ, гдѣ женщины и дѣвки сходились, напримѣръ: на рѣкѣ, гдѣ мылось бѣлье, у колодца, куда ходили съ ведрами, на рынкахъ и т. п. Заводили знакомство съ служанками, а черезъ нихъ доходили и до госпожъ; такая искусница, коль скоро вотрется въ домъ, непремѣнно надѣлаетъ тамъ какой-нибудь бѣды: или самую госпожу соблазнитъ, или же дѣвку-служанку подманитъ обокрасть госпожу и бѣжать съ любовникомъ, съ которымъ нерѣдко вмѣстѣ ограбятъ ее и даже утопятъ. Вотъ такого рода женщины были пособницами волокитъ, и случалось такъ, что разомъ одна тайно служила мужу отъ жены, а женѣ отъ мужа.

Хотя блудодѣяніе и преслѣдовалось строго нравственными понятіями, и даже въ юридическихъ актахъ блудники помѣщались въ одинъ разрядъ съ ворами и разбойниками, но русскіе мужчины предавались самому неистовому разврату. Очень часто знатные бояре, кромѣ женъ, имѣли у себя любовницъ, которыхъ доставляли имъ потворенныя бабы, да сверхъ того не считалось большимъ порокомъ пользоваться и служанками въ своемъ домѣ, часто насильно. По извѣстіямъ одного англичанина, одинъ любимецъ царя Алексѣя Михайловича завелъ у себя цѣлый гаремъ любовницъ, и такъ какъ его жена была этимъ недовольна, то онъ почелъ лучшимъ отравить ее [1]). Вообще же мужчинѣ и не вмѣнялся развратъ въ такое преступленіе, какъ женщинѣ. Многіе, чувствуя, что они грѣшатъ, старались уменьшить тяжесть грѣха сохраненіемъ разныхъ религіозныхъ приличій, напримѣръ, снимали съ себя крестъ и занавѣшивали образа, готовясь къ грѣшному дѣлу. Въ простонародіи развратъ принималъ наглыя формы. Патріархъ Филаретъ обличалъ служилыхъ людей, что они, отправляясь въ отдаленныя мѣста на службу, заклады-

[1]) Колл. 36.

вали женъ своихъ товарищамъ и предоставляли имъ право имѣть съ ними сожительство, какъ будто вмѣсто процентовъ за полученную сумму. Если же мужъ не выкупилъ жены въ означенный срокъ, заимодавецъ продавалъ ее для блуда кому нибудь другому, другой—третьему, и такъ женщина переходила изъ рукъ въ руки. Другіе, не женясь вовсе, находились въ блудномъ сожительствѣ съ родными сестрами и даже съ матерьми и дочерьми [1]). Простыя женщины распутнаго поведенія доходили до потери всякаго стыда, напримѣръ, голыя выбѣгали изъ общественныхъ бань на улицы въ посадахъ и закликали къ себѣ охотниковъ. Олеарій разсказываетъ, что онъ былъ свидѣтелемъ, какъ въ Новгородѣ, во время стеченія народа по случаю богомолья, пьяная баба, выходя изъ кружала, упала на улицѣ въ непристойномъ положеніи. Вдругъ идетъ пьяный мужикъ и увидя ее полунагую, бросился на нее, какъ звѣрь, но упалъ безъ чувствъ, потому что и самъ былъ мертвецки пьянъ. Тогда мальчишки столпились около этой четы и подтрунивали надъ нею [2]).

Женщина получала болѣе уваженія, когда оставалась вдовою и притомъ была матерью. Тогда какъ замужняя не имѣла вовсе личности сама по себѣ, вдова была полная госпожа и глава семейства. Личность вдовицы охранялась религіознымъ уваженіемъ. Оскорбить вдовицу считалось величайшимъ грѣхомъ. «Горе обидящему вдовицу», говоритъ одно старое нравоученіе: «лучше ему въ домъ свой ввергнуть огонь, чѣмъ за воздыханія вдовицъ быть ввержену въ геенну огненную» [3]). Впрочемъ, какъ существу слабому, пріученному съ дѣтства къ униженію и неволѣ, и тутъ не всегда приходилось ей отдохнуть. Примѣры непочтенія дѣтей къ матерямъ были нерѣдки. Бывало, что

[1]) С. гр. III. 245, 246.

[2]) Olear. 394.

[3]) Публ. Библ. Погод. Соб. 1313.

сыновья, получивъ наслѣдство послѣ родителя, выгоняли мать свою, и та должна была просить подаянія. Это не всегда преслѣдовалось, какъ видно изъ одного примѣра XVI вѣка, гдѣ выгнанной матери помѣщиковъ царь приказалъ удѣлить на содержаніе часть изъ помѣстьевъ ея мужа, но сыновьямъ, какъ видно, не было никакого наказанія [1]). Иногда же, напротивъ, овдовѣвшая поступала безжалостно съ дѣтьми, выдавала дочерей насильно замужъ, бросала дѣтей на произволъ судьбы и т. п. [2]).

Между родителями и дѣтьми господствовалъ духъ рабства, прикрытый ложною святостью патріархальныхъ отношеній. Почтеніе къ родителямъ считалось по нравственнымъ понятіямъ ручательствомъ здоровой, долгой и счастливой жизни. О томъ, кто злословитъ родителей, говорилось: «да склюютъ его вороны, да съѣдятъ его орлы!» Была и есть въ Руси пословица: «отчая клятва изсушитъ, матерняя искоренитъ». Впрочемъ, отецъ, какъ мужчина, и въ дѣтскомъ уваженіи пользовался предпочтеніемъ. «Имѣй, чадо», поучаетъ отецъ сына: — «отца своего, аки Бога, матерь свою, аки самъ себе» [3]). Несмотря на такія нравственныя сентенціи, покорность дѣтей была болѣе рабская, чѣмъ дѣтская и власть родителей надъ ними переходила въ слѣпой деспотизмъ, безъ нравственной силы. Чѣмъ благочестивѣе былъ родитель, чѣмъ болѣе проникнутъ былъ ученіемъ православія, тѣмъ суровѣе обращался съ дѣтьми, ибо церковныя понятія предписывали ему быть какъ можно строже: «Наказуй отецъ сына изъ млада, говоритъ одно старинное поученіе:—учи его ранами бояться Бога, и творить все доброе и да укоренится въ немъ страхъ Божій, а если съ молода не научишь—большого какъ можно на-

[1]) Доп. I. 110.
[2]) Доп. I. 116.
[3]) Пог. Собр. рук. П. Б. 1772.

учить» [1]). Слова почитались недостаточными, какъ бы они убѣдительны ни были, нужно учить дѣтей «розгами, да не пріимеши про нихъ нынѣ отъ человѣкъ сорома и будущихъ мукъ» [2]); и общее нравственное правило отцовъ въ отношеніи къ дѣтямъ выражалось въ такой формулѣ, какую передаетъ намъ благочестивый авторъ Домостроя: «Сына ли имаши, не дошедъ внити въ юности, но сокрупи ему ребра; аще бо жезломъ біеши его, не умретъ, но здравъ будетъ, дщерь ли имаши—положи на ней грозу свою». Этотъ суровый моралистъ запрещаетъ даже смѣяться и играть съ ребенкомъ. За то и дѣти, раболѣпныя въ присутствіи родителей, съ дѣтства пріучались насмѣхаться надъ ними вмѣстѣ съ сверстниками изъ слугъ, приставленными къ нимъ для товарищества. «Въ Московіи, говоритъ одинъ иностранецъ, нерѣдко можно встрѣтить, какъ сынъ смѣется надъ отцомъ, дочь надъ матерью [3]). Грубыя привычки усвоивались ими съ малолѣтства и сопровождали ихъ до старости. «Лучше, говоритъ одинъ русскій моралистъ:—имѣть у бедра мечъ безъ ноженъ, нежели неженатаго сына въ своемъ домѣ; лучше въ домѣ коза, чѣмъ взрослая дочь; коза по селищу ходитъ—молоко принесетъ; дочь по селищу ходитъ—стыдъ принесетъ отцу своему» [4]).

XIV.

Порядокъ домоправленія.

При маломъ развитіи городской ремесленности и мелочной торговли, дворъ зажиточнаго человѣка, не только въ его вотчинѣ, но и построенный въ самой Москвѣ, пред-

[1]) Рум. Муз. Сборн. 359.

[2]) Пог. Собр. № 1024.

[3]) La Relig. des Moscov. 87.

[4]) Сборн. Рум. Муз. 359.

ставлялъ подобіе цѣлаго города: тамъ производились всевозможнѣйшія работы, нужныя для домашняго обихода; тамъ ткали холсты, шили бѣлье, сапоги, платье, дѣлали мебель и всякую деревянную утварь, вышивали золотомъ и шелками. Все, нужное для дома, обыкновенно покупалось оптомъ. Поставы матерій и суконъ накоплялись въ господскихъ сундукахъ, такъ что доставало на много лѣтъ, на цѣлую жизнь и передавалось дѣтямъ. У разсчетливаго хозяина всегда былъ огромный запасъ разнаго съѣстнаго хлѣба, соленаго мяса, рыбы, сухарей, толокна, ветчины и проч. Благоразумный человѣкъ не только ничего не покупалъ врознь, но иногда еще и продавалъ изъ остатковъ. Только незначительные и бѣдные люди питались съ рынка и за то платили въ три раза дороже, чѣмъ богачи, покупавшіе все нужное оптомъ [1]).

Когда у хозяина раждалась дочь, онъ для нея дѣлалъ особый сундучокъ или коробъ и откладывалъ туда каждый годъ всякаго рода имущество въ счетъ будущаго приданаго, и въ то же время возращали на ея долю скотину: все вмѣстѣ называлось ея надѣлкомъ. Въ случаѣ ея смерти до замужества, надѣлокъ обращался на поминовеніе души усопшей. Такимъ образомъ съ самаго рожденія члена семейства приготовляли ему запасъ на жизнь.

Все въ такомъ домѣ носило характеръ замкнутости и разобщенія со всѣмъ остальнымъ. Все въ немъ старались покрыть тайною для чужихъ. Ворота были заперты и днемъ и ночью, и приходящій долженъ былъ, по обычаю времени, постучаться слегка и проговорить: «Господи Іисусе Христе, помилуй насъ!» и потомъ дожидаться, пока ему скажутъ: «аминь». По нравственнымъ понятіямъ вѣка, честный человѣкъ долженъ былъ стараться, чтобы никто того не слыхалъ, не видалъ, что у него дѣлается во дворѣ,

[1]) Доп. I. 76.

и самъ не пытался узнавать, какъ живутъ въ чужихъ дворахъ. Все въ домѣ и кладовыхъ хранилось подъ замками. Многое извѣстно было одному только хозяину, какъ напримѣръ, деньги, которыя почитались драгоцѣннѣе вещей; такъ что многіе держали ихъ не иначе, какъ зарытыми въ землѣ, а иные отдавали на сохраненіе въ монастыри, что называлось поклажею. Обиліе домовитаго двора и разобщеніе домашней жизни съ внѣшностію совпадало съ обычаемъ держать въ дворахъ большое населеніе. Старинная недѣлимость семей соединяла иногда нѣсколько боковыхъ родственныхъ линій около одного родственника или старѣйшины. То были дѣти, братья, племянники хозяина и даже дальнѣйшіе его родственники, жившіе съ ними не въ раздѣлѣ, смотря по обстоятельствамъ и по желанію. По смерти хозяина члены или соглашались продолжать жить вмѣстѣ, или старшій дядя ихъ отдавалъ ту часть, какая слѣдовала членамъ многочисленнаго семейства; тогда отдѣлялись другія семьи и образовывали новые дворы. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Россіи этотъ обычай наблюдался въ большемъ размѣрѣ и строже въ своемъ основаніи, въ другихъ слабѣе, такъ что наслѣдники спѣшили дѣлиться и основывать новыя семьи. Въ новгородскихъ областяхъ дѣти обыкновенно дѣлились отцовскимъ имуществомъ, но оставляли одну часть общую для всѣхъ [1]). Обычай жить вмѣстѣ съ родственниками наблюдался болѣе или менѣе у всѣхъ сословій,—менѣе у знатныхъ людей, имѣвшихъ способы дѣлиться скорѣе. У иныхъ родственники, жившіе при дворѣ, входили въ уровень съ прислугою. Такъ напримѣръ одинъ гость въ 1696 году, нанимая сторожа, заключалъ съ нимъ условіе, что онъ будетъ ѣсть и пить съ хозяйскими братьями [2]). У крестьянъ и у посадскихъ

[1]) А. Ю. 53.

[2]) А. отн. до ю. б. I. 711.

этотъ обычай соблюдался при значительномъ развѣтвленіи рода; тогда когда связь между родственниками дѣлалась уже слабою, они расходились, а иногда тѣ, которые бѣднѣли и поставляли себя въ обязательное отношеніе къ главнымъ хозяевамъ, нисходили на степень подсосѣдниковъ, приписанныхъ къ семьѣ, но не составляли ея прямыхъ членовъ. Не смотря на то же совокупленіе кровныхъ, обыкновенно мало было ладу въ семьяхъ, и всѣ члены большой семьи нерѣдко жили между собою во враждѣ [1]). За то духъ общинности, столь свойственный русскому нраву, не ограничивалъ такихъ скуповъ однимъ родствомъ, но соединялъ людей, не имѣвшихъ между собою кровныхъ связей. Такъ былъ примѣръ, что нѣсколько человѣкъ соглашались и покупали одинъ дворъ, совершивъ купчую на общее имя, и дворъ принадлежалъ не одному лицу, а всѣмъ вмѣстѣ [2]). Кромѣ родственниковъ, при дворѣ знатнаго господина, имѣвшаго у себя домашнюю церковь, жилъ священникъ и былъ вмѣстѣ съ тѣмъ какъ бы членомъ семьи. Если онъ былъ женатъ и имѣлъ дѣтей, то жилъ въ особой избѣ и получалъ мѣсячный кормъ, а если былъ монахъ или вдовецъ, то пользовался обѣдомъ вмѣстѣ съ хозяиномъ [3]). Сверхъ священника жилъ въ такихъ дворахъ крестовый дьякъ домашней церкви, завѣдывавшій ея устройствомъ. Наконецъ, въ нѣкоторыхъ зажиточныхъ домахъ жили сироты, мальчики и дѣвочки, которыхъ благочестивые отцы семействъ воспитывали и обучали какому нибудь занятію, а по достиженіи совершеннолѣтія отпускали, что называлось благословлять въ міръ [4]).

Все это вмѣстѣ уясняетъ систему построекъ старинныхъ дворовъ, заключавшихъ въ себѣ по нѣскольку избъ. Но

[1]) La Relig. des Mosc. 87.

[2]) А. отн. до юр. б. I. 462.

[3]) Кош. 119.

[4]) Врем. I. Домостр. 109.

то, что составляло общее достоянiе сколько нибудь зажиточнаго человѣка—это множество слугъ при дворѣ. Богатые и знатные держали у себя огромное число прислуги мужскаго и женскаго пола, иногда число ихъ превышало пятьсотъ, а у важныхъ лицъ доходило даже до тысячи. Господа измѣряли честь и значенiе свое огромнымъ количествомъ дворни. Это были или вѣчные холопы проданные, или сами себя продавшiе въ рабство съ потомствомъ, или военно-плѣнные, или кабальные, то есть такiе, которые, занимая деньги, обязывались служить вмѣсто платежа процентовъ, или отданные въ кабалу по суду за неплатежъ долга, или наконецъ бѣглые люди, то-есть посадскiе, убѣжавшiе отъ тягла, служилые, бѣжавшiе изъ службы, и наконецъ чужiе холопы и крестьяне, перебѣгавшiе отъ одного господина къ другому.

Всякiй господинъ старался населить свой дворъ преимущественно мастеровыми и вообще умѣлыми людьми. По ихъ занятiямъ и свѣдѣнiямъ давались имъ должности. То были повара, приспѣшники, хлѣбники, квасовары, портные, столяры, сапожники, кузнецы, коновалы, швеи, сторожа и проч. [1]). У знатныхъ господъ были люди, вооруженные луками, стрѣлами и самопалами, въ бѣлыхъ и сѣрыхъ епанчахъ, въ татарскихъ шапкахъ: они исполняли должность тѣлохранителей. Но кромѣ дѣловыхъ людей, были еще толпы слугъ, которые не имѣли опредѣленныхъ занятiй и въ самомъ дѣлѣ ничего не дѣлали. Обыкновенно двое изъ слугъ были главноначальствующими лицами: ключникъ и дворецкiй. Ключникъ былъ главный распорядитель, иногда значившiй у господина больше, чѣмъ жена и родня, жившая въ дворѣ. Не занимаясь хозяйствомъ, господинъ отдавалъ ключнику на-руки все домоуправленiе. Онъ былъ приходорасходчикъ,

[1]) А. И. П. 176.—Вор. Акты. I. 145.—Petr. 313.

завѣдывалъ клѣтями и всѣми строеніями, держалъ у себя повѣренные ему ключи и отъ этого получалъ наименованіе своего званія. Господинъ выдавалъ ему содержаніе иногда за недѣлю, а иногда за мѣсяцъ впередъ. По окончаніи срока, господинъ повѣрялъ его, при повѣркѣ вычиталъ то, что ему слѣдовало на проѣстъ, и сверхъ того дарилъ за службу. Другое начальственное лицо изъ двора — дворецкій, завѣдывалъ вообще всѣми дворовыми людьми, доносилъ обо всемъ случившемся въ дворѣ господину, разбиралъ разные случаи спора между слугами, наказывалъ ихъ по приказанію господина. Нѣкоторые изъ слугъ пріобрѣтали особенную довѣренность и благосклонность господина; увѣрившись, что на нихъ можно положиться, онъ отправлялъ своихъ холоповъ для управленія вотчинами, дѣлалъ имъ порученія по торговлѣ или по хозяйству. Прислуга женскаго пола находилась подъ управленіемъ хозяйки, если мужъ довѣрялъ ей; въ противномъ случаѣ ею завѣдывала какая нибудь изъ женщинъ, обыкновенно жена ключника. Одна изъ прислужницъ была приближенная къ госпожѣ и называлась ея постельницею. Кормилицы и няньки дѣтей были большею частію изъ прислуги и пользовались предъ другими особеннымъ почетомъ. Однѣ изъ служанокъ—обыкновенно дѣвицы—занимались исключительно вышиваньями вмѣстѣ съ госпожою и другими особами хозяйскаго семейства женскаго пола, другія—обыкновенно замужнія — исправляли черныя работы, топили печи, мыли бѣлье и платье, пекли хлѣбы, приготовляли разные запасы, третьимъ отдавалась на уроки пряжа и тканье. У лицъ, жившихъ нераздѣльно съ хозяиномъ, прислуга была общая. Въ распорядкахъ домашняго быта у домохозяевъ соблюдались такіе же обычаи, какъ въ царской придворной жизни: главный хозяинъ въ своемъ дворѣ игралъ роль государя, и въ самомъ дѣлѣ назывался государемъ: слово это означало домовладыку;

другіе члены семейства находились у него въ такомъ же отношеніи, какъ родственники царя; слуги были то же, что служилые у царя,—и потому-то всѣ, служащіе царю, начиная отъ бояръ до послѣднихъ ратныхъ людей, такъ какъ и слуги частнаго домохозяина, назывались холопами. Господинъ, какъ царь, окружалъ себя церемоніями; напримѣръ, когда онъ ложился спать, то одинъ изъ слугъ стоялъ у дверей комнаты и охранялъ его особу. Господинъ награждалъ слугъ и оказывалъ имъ свое благоволеніе, точно такъ же, какъ поступалъ царь съ своими служилыми: жаловалъ имъ шубы и кафтаны съ своего плеча, или лошадей и скотину, посылалъ имъ отъ своего стола подачу, что̀ означало милость. То же дѣлала госпожа съ женщинами: однѣхъ примолвляла, т.-е. награждала ласковымъ словомъ, другихъ дарила или посылала имъ подачу съ своего стола. При дворѣ частныхъ домохозяевъ, какъ и при дворѣ царскомъ, сохранялся обычай отличать заслуги и достоинство слугъ бо̀льшимъ количествомъ пищи. При огромномъ количествѣ слугъ, въ дворѣ богатаго господина существовали приказы, такіе точно, какъ въ царскомъ управленіи государствомъ, подъ главнымъ контролемъ ключника и дворецкаго, какъ сказано выше. Прислуга вообще раздѣлялась, какъ служилые царскіе люди, на статьи: бо̀льшую, среднюю и меньшую. Принадлежавшіе къ бо̀льшей статьѣ получали большее содержаніе; нѣкоторые получали, сверхъ одежды, денежное жалованье отъ двухъ до десяти рублей въ годъ, другіе же одежду, нѣкоторые одно содержаніе. Домострой совѣтуетъ, чтобъ слуги по возможности были сыты государскимъ жалованьемъ и одѣты своимъ рукодѣльемъ. Такимъ образомъ имъ давалось льготное время, которое служилые люди употребляли для пріобрѣтенія себѣ одежды. Вообще слуги у русскихъ господъ ходили въ изорванныхъ одеждахъ, но когда нужно было показаться предъ гостьми, имъ выда-

валось платье, лежавшее въ клѣтяхъ; ключникъ, по приказу господъ, выдавалъ имъ его, а они впослѣдствіи обязаны были воротить все въ цѣлости, въ противномъ случаѣ подвергались побоямъ. Въ этомъ отношеніи въ господскихъ домахъ дѣлалось то же, какъ въ царскомъ дворѣ, гдѣ въ важное время пріема иноземныхъ пословъ служилымъ людямъ выдавалось платье и потомъ отбиралось.

Женатые служилые жили отдѣльно въ избахъ; нѣсколько семей помѣщались въ одной и получали на содержаніе мѣсячину; холостые и дѣвки обыкновенно жили при господской поварнѣ, мыльнѣ, конюшнѣ, сараяхъ, въ людскихъ избахъ, для того построенныхъ; дѣвушки, занимавшіяся вышиваньемъ, спали въ сѣняхъ и отъ этого назывались *сѣнными*. Господа соединяли парней и дѣвушекъ бракомъ, часто противъ ихъ желанія, и праздновали ихъ свадьбы у себя въ домѣ: это доставляло для господъ развлеченіе въ однообразной ихъ жизни.

Содержать хорошо слугъ считалось дѣломъ богоугоднымъ, наравнѣ съ милостынею. Въ нашихъ старыхъ книгахъ благочестиваго содержанія были нравоученія такого рода: *имѣйте рабы свои, аки братію и рабыни аки сестры себѣ, яко и тѣ сѣмя адамле есть* [1]). По большей части прислуга содержалась дурно, даже и тамъ, гдѣ хозяинъ имѣлъ благія намѣренія въ отношеніи своей дворни; потому что ключники и дворецкіе, выбранные господиномъ изъ нихъ же, завѣдуя ихъ содержаніемъ, старались половину положить въ свой карманъ. Во многихъ боярскихъ домахъ многочисленную дворню кормили дурно испеченнымъ хлѣбомъ и тухлою рыбою, мясо рѣдко они видѣли, и самый квасъ давался имъ только по праздникамъ. Голодные и оборванные, и при этомъ ничѣмъ не занятые, они шатались по городу, братались съ нищими, просили

[1]) Румянц. сборн. 359.

милостыни и часто по ночамъ нападали на прохожихъ съ топорами и ножами, или запускали въ голову имъ кистени, производили пожары, чтобъ во время суматохи расхищать чужое достояніе. Господа смотрѣли на такіе поступки своихъ рабовъ сквозь пальцы [1]).

Вообще господа обращались съ своими слугами деспотически и охотнѣе слѣдовали такимъ пастырскимъ нравоученіямъ, какъ напр., «*аще ли* рабъ или *рабыни тебя не слушаетъ и по твоей волѣ не ходитъ то* плети *нанъ нещади*» [2]),—чѣмъ такимъ, гдѣ заповѣдывалось господамъ считать рабовъ за братьевъ. Нерѣдко случалось, что господинъ насиловалъ своихъ рабынь, не обращая вниманія на ихъ мужей, растлѣвалъ дѣвицъ; случалось, что убивалъ до смерти людей изъ своей дворни,—все ему сходило съ рукъ [3]). Самые слуги не имѣли понятія, чтобъ могло быть иначе и не оскорблялись побоями и увѣчьями: за всякимъ тычкомъ не угоняешься, гласитъ пословица; рабу все равно было, справедливо ли или несправедливо его били: господинъ сыщетъ вину, коли захочетъ ударить — говорили они. Тѣ слуги, которые не составляли достоянія господъ, коими присуждены были къ работѣ за деньги или же отдавши себя во временную кабалу, не только не пользовались осебенными льготами отъ безусловной воли господъ, но даже подвергались болѣе другихъ побоямъ и всякаго рода стѣсненіямъ [4]). У русскихъ было понятіе, что служить слѣдуетъ хорошо тогда только, когда къ этому побуждаетъ страхъ,—понятіе общее у всѣхъ классовъ, ибо и знатный господинъ служилъ вѣрою и правдою царю, потому что боялся побоевъ; нравственное убѣжденіе вымыслило пословицу: за битаго двухъ небитыхъ даютъ. Самые

[1]) Mejerѣ. 139.—Str. 197. 199.

[2]) Пог. Собр. 1228.

[3]) А. отн. до юр. быта I. 558.

[4]) Колл. 34.

милосердые господа должны были прибѣгать къ палкамъ, чтобъ заставить слугъ хорошо исправлять ихъ обязанности: безъ того слуги стали бы служить скверно [1]). Произволъ господина удерживался только тѣмъ, что слуги могли отъ него разбѣжаться, притомъ обокравши его, и другіе не пойдутъ къ нему въ кабалу. Напротивъ, господинъ славился тѣмъ, что хорошо кормилъ слугъ. Русскіе не цѣнили свободы и охотно шли въ холопы. Въ XVII вѣкѣ иные отдавали себя рубля за три на цѣлую жизнь. Получивъ деньги, новый холопъ обыкновенно пропивалъ ихъ и проматывалъ, и потомъ оставался служить хозяину до смерти. Иные же, соблазнившись деньгами, продавали себя съ женами, съ дѣтьми и со всѣмъ потомствомъ. Иногда же бравшіе деньги закладывали заимодавцу сыновей и дочерей, и дѣти жили въ неволѣ за родителей. Были и такіе, которые поступали въ холопы насильно: еще до воспрещенія перехода крестьянамъ, помѣщикъ нерѣдко обращалъ ихъ въ холопы. Въ XVII вѣкѣ служилые люди торговали самымъ возмутительнымъ образомъ женскимъ поломъ въ Сибири. Они насильно брали безпомощныхъ сиротъ дѣвицъ, иногда сманивали у своихъ товарищей женъ, дѣлали на нихъ фальшивые крѣпостные акты и потомъ передавали изъ рукъ въ руки, какъ вещь. Толпы слугъ вообще увеличивались во время голода и войны; во время голода потому, что многіе изъ дневного пропитанія отдавали себя на вѣки въ рабство, а во время войнъ дворяне и дѣти боярскіе, убѣгая отъ военной службы, записывались въ холопы, а тѣ, которые возвращались съ войны, приводили домой военно-плѣнныхъ, которыхъ обращали въ рабство: такимъ образомъ въ классѣ холоповъ было много поляковъ и литовцевъ; ихъ заставляли насильно принимать православіе и насильно женили или выдавали за-

[1]) Барбер. 32.—Olear. 797.—Strauss 194.

мужъ. Правительство въ XVII вѣкѣ хотѣло оградить военно-плѣнныхъ отъ жестокаго жребія и потому запрещало обращать ихъ въ рабство. Уложеніе предоставляетъ свободу тѣмъ изъ плѣнниковъ, которые сами не пожелаютъ остаться. Рабъ въ полномъ нравственномъ смыслѣ этого слова, русскій холопъ готовъ былъ на все отважиться, все терпѣть за своего господина и въ то же время обмануть его и даже погубить. Когда господа между собою ссорились, ихъ люди, встрѣтившись гдѣ нибудь въ веселомъ мѣстѣ, наприм., въ корчмѣ или въ кабакѣ, заводили споры и драки за честь своихъ господъ; это переходило иногда въ большіе размѣры, когда людей у господина было очень много или же крестьяне точно также принимали участіе. Люди и крестьяне враждующихъ между собою владѣльцевъ нападали другъ на друга по дорогамъ, дѣлали набѣги за границы, били другъ друга, поджигали, неистовствовали всякими способами [1]). За то въ то же время толпы рабовъ были зломъ для своихъ господъ; въ домѣ они заводили между собою смуты, драки и убійства, иногда изъ мщенія къ господину доносили на него, обвиняя въ злоумышленіи на царя, и даже выдерживали пытку, которой ихъ предавали. Очень часто холопы обкрадывали господъ и убѣгали; иные молодцы тѣмъ и промышляли, что давши на себя кабалы, проживали нѣсколько времени у тѣхъ, кому ихъ давали, потомъ обкрадывали своихъ хозяевъ, убѣгали отъ нихъ, приставали такимъ образомъ къ другимъ, къ третьимъ. Правительство приказывало господамъ не принимать никого въ холопы безъ отпускныхъ, но этого приказанія не всѣ слушались: при томъ же многіе молодцы являлись съ нарядными (фальшивыми) отпускными. Нерѣдко тѣмъ дѣло не оканчивалось, что кабальный обкрадетъ хозяина да уйдетъ отъ него; удальцы ста-

[1]) Улож. гл. XI. 134.—А. А. Э. II. 258.—П. С. З. I. 732.

кивались съ подобными себѣ пріятелями, поджигали дома и дворы своихъ господъ, иногда убивали или сожигали ихъ самихъ съ женами и дѣтьми, а потомъ бѣжали на Донъ или на Волгу. Когда помѣщикъ отправлялся на войну и оставлялъ управленіе своего дома старикамъ и женщинамъ—тутъ своевольство дворни не находило предѣловъ; часто, воротившись на родину, помѣщикъ ихъ находилъ весь свой домъ въ разореніи и запустѣніи. Кромѣ множества слугъ, въ господскихъ дворахъ проживали иногда нищіе, призрѣваемые изъ милосердія, въ надеждѣ этимъ угодить Богу. Они носили названіе богомольцевъ. Этотъ обычай существовалъ и у царей, у которыхъ жили такъ называемые верховые богомольцы, обыкновенно старые, увѣчные воины, потѣшавшіе государя въ часы вечернихъ досуговъ разсказами о приключеніяхъ своей молодости, проведенной въ брани и опасностяхъ [1]).

Представленная здѣсь картина домашняго образа жизни была возможна только у зажиточныхъ господъ. Нельзя сказать, чтобъ такихъ хозяевъ было много: не смотря на пышность, господствующую въ показанной сторонѣ русской жизни и домашней и общественной, вообще Великая Русь была страна бѣдная; ея богатства лежали въ землѣ нетронутыя, а тѣ, которыя обращались въ обществѣ, распредѣлялись неблагопріятнымъ для массы народа образомъ. Самые бояре и знатные люди не такъ были богаты, какъ то казалось. Для нихъ не было никакого ручательства противъ произвола. Грозный у многихъ богатыхъ вельможъ отнималъ родовыя имѣнія, чтобъ искоренить

[1]) Доп. I. 398. III. 138, 318. IV. 246, 261.—П. С. З. I. 360. — Улож. гл. XX. А. И. I. 327. II. 176, 220.—А. отн. до юр. б. I. 15. 377, 411, 558, 574, 615.—С. Г. Гр. III. 240.—Врем. I. Домостр. 15, 52, 83.—Herberst. 34, 54.—Fletch. 28.—Chensl. 251.—Оп. Шуи. 391. — А. г. Шуи. 70.—Olear. 197, 207.—Petr. 313.—Mejerb. 166.—Коших. 61.

въ нихъ чувство предковскаго права и въ замѣнъ давалъ помѣстья въ отдаленныхъ провинціяхъ, гдѣ владѣльцы не могли уже получать прежнихъ доходовъ [1]). Кромѣ воли царя, для всѣхъ всемогущей какъ воля неба, всегда существовали обстоятельства неблагопріятныя для упроченія состоянія. Дворяне и дѣти боярскіе безпрестанно жаловались на тягость службы и разоренія своихъ имѣній. Когда приходилось идти на службу, мать или жена дворянина отдавали въ залогъ свои наряды, чтобъ снарядить на войну мужа или сына. Много обѣднѣвшихъ дворянъ, дѣтей убитыхъ на царской службѣ, скитались безъ насущнаго пропитанія. Интересъ казенный или царскій поглощалъ всѣ интересы. Начнетъ ли торговый и промышленный человѣкъ жить съ устроеніемъ (съ комфортомъ), на него навязываютъ какую-нибудь разорительную должность вдалекѣ отъ его обычнаго мѣста жительства. Начнетъ ли допускать въ образѣ жизни устроеніе приказный человѣкъ,—его подозрѣваютъ въ плутовствѣ, запутываютъ въ какое-нибудь дѣло, касающееся интересовъ казны и обираютъ или засылаютъ куда-нибудь на службу, гдѣ онъ прослуживается. Но въ особенности тяжело было состояніе сельскаго крестьянскаго класса. Пять дней работалъ крестьянинъ на господъ, а ему оставался одинъ только день въ недѣлю да праздники [2]), и по этому крестьяне находились въ плачевномъ положеніи, такъ что у многихъ ничего нельзя было сыскать дома, кромѣ овчиннаго тулупа, коровы да лошади, и то были люди еще не послѣдней бѣдности. На сѣверѣ три лошаденки и три коровы были признакомъ зажиточнаго поселянина; если же, кромѣ этого, крестьянинъ имѣлъ три свиньи, двѣ козы, паръ пять овецъ да нѣсколько куръ и

[1]) Fletch 28.

[2]) Das Gr. Reich. v. Mosc.

утокъ, тотъ уже былъ богачемъ [1]). Лѣтомъ крестьяне пахали, косили, жали, зимою молотили, рубили и пилили лѣсъ и дрова или скитались и просили милостыни. Это было обыкновенное явленіе во время неурожаевъ, потому что тогда не принимали никакихъ мѣръ противъ нихъ, а они были часты. Преслѣдуемые налогами, поборами, гоньбами, отдачею людей въ войско, разными повинностями, государственными и владѣльческими, при случившемся неурожаѣ, они часто умирали съ голода или въ отчаяніи разбѣгались врознь: пустѣли цѣлые уѣзды. Многіе толпами уходили въ Сибирь. Крестьяне, жившіе у дѣтей боярскихъ и у дворянъ, были особенно обременяемы, и зато, когда господа ихъ уходили на службу, разбѣгались, и, воротившись въ имѣніе со службы, владѣлецъ нерѣдко находилъ его пустымъ. Отыскиваніе крестьянъ для владѣльцевъ было также затруднительно, какъ и отыскиваніе холоповъ, въ особенности тогда, когда крестьяне приставали къ знатнымъ владѣльцамъ; притомъ же, отыскавши и утвердивши вновь за собою крестьянина, владѣлецъ не всегда получалъ отъ этого выгоды, часто выходило наоборотъ: крестьяне подговаривали и другихъ къ новому бѣгству и тогда же сожигали владѣльческую усадьбу изъ мщенія. Повсюду ходили такъ называемые бобыли и захребетники, то есть люди, не имѣвшіе у себя ничего, кромѣ того, что могло быть носимо за плечами; шатались не одни крестьяне—шатались и посадскіе,—одни подъ именемъ старцевъ изъ монастыря въ монастырь, другіе нищею братіею, ибо общество, безжалостное къ нуждамъ и скудости семействъ, было милостиво для нищаго, хотя неоднократно случалось, что такая нищая христова братія стакивалась съ боярскими холопами и

[1]) А. А. Э. 1. 192

производила пожаръ, чтобъ потомъ грабить и красть въ суматохѣ [1]).

XV.

Выѣздъ изъ дома и путешествіе.

По стариннымъ понятіямъ русскихъ, ходить пѣшкомъ для важнаго человѣка считалось предосудительнымъ и неприличнымъ, и хотя бы нужно было сдѣлать нѣсколько шаговъ отъ двора по улицѣ, бояринъ или значительный дворянинъ почиталъ необходимымъ для поддержанія своего достоинства ѣхать, а не идти. Мужчины по городу ѣздили, лѣтомъ верхомъ, зимою въ саняхъ. Русскія сѣдла дѣлались изъ дерева и сухихъ жилъ; они были низкія, плоскія, стремена короткія; сѣдло клалось на чепракъ, который накладывался на попону и покровецъ. Края попоны или покровца выказывались изъ подъ чепрака и поэтому красиво убирались; чепракъ украшался различно, смотря по достатку и по случаю выѣзда. Сѣдла чаще всего были обиты сафьяномъ съ золотыми узорами, иногда же бархатомъ; луки позолачивали. Чепракъ покрывался всегда другою матеріею. Узды дѣлались съ серебрянными ухватами и съ серебрянными оковами на мордѣ лошади и, сверхъ того, снабжались серебрянными, иногда позолоченными цѣпочками, издававшими звуки при каждомъ движеніи лошади. Подъ морду лошади подвѣшивались ожерелья, составленныя изъ ремней, унизанныхъ серебрянными, у богатыхъ даже золотыми бляхами; ближе къ головѣ лошади эти ожерелья были ўже, а къ концу расширялись до двухъ цальцевъ шириною; на ногахъ, сверхъ копытъ, у верховой лошади привѣшивали маленькіе колокольчики,

[1]) А. И. II. 167. IV. 537. V. 120.—Доп. III. 114. IV. 177.

а сзади у сѣдла прикрѣпляли небольшія литавры, мѣдныя или серебрянныя: всадникъ ударялъ въ нихъ бичемъ для возбужденія охоты въ лошади и для того, чтобъ проходящіе давали дорогу. Бичи дѣлались изъ татарской жимолости (привозимой съ береговъ Волги); ручка ихъ обдѣлывалась мѣдью или моржевою костью. Молодцы, сидя верхомъ, гарцовали и красовались тѣмъ, что, ударяя въ литавры, заставляли лошадь дѣлать внезапный прыжокъ, и при этомъ кольца, цѣпочки и колокольчики на ногахъ лошади издавали звуки.

Зимнія мужскія сани обыкновенно запрягались въ одну лошадь и покрывались медвѣжьею шкурою, называемою медвѣдно, а сверху закрывались полстью. Эта полсть была часто изъ простого войлока, а иногда суконная съ образцами или нашивками изъ бархата и другой какой-нибудь дорогой матеріи; къ краямъ полсти привѣшивались ремни или снурки другого цвѣта, чѣмъ самая полсть, и обыкновенно одинакаго съ образцами. У знатныхъ самыя сани обивались атласомъ или адамашкою. На спинку саней, вообще не очень высокую. клали персидскій или турецкій коверъ; края его свѣшивались назадъ: въ этомъ поставляли щегольство. Вообще, русскія сани были невелики, дѣлались для одного только человѣка, рѣдко для двухъ, но не болѣе; они имѣли часто форму лодки съ краями, загнутыми и спереди и сзади. Кучеръ — обыкновенно молодой парень, — сидѣлъ верхомъ на той же лошади, которая везла сани, опираясь на дугу, не высокую и наклоненную назадъ. Голова лошади убиралась цѣпочками, колечками, разноцвѣтными перьями и звѣриными хвостами — лисьими, волчьими или собольими. Когда господинъ усаживался въ сани, то у ногъ его становились на тѣхъ же саняхъ два холопа; нѣсколько холоповъ шло по бокамъ, а сзади бѣжалъ мальчикъ — козакъ. Царь Алексѣй Михайловичъ ѣздилъ парадно къ обѣднѣ въ са-

няхъ, представлявшихъ видъ длиннаго ящика, который съуживался къ ногамъ, а съ задней части сдѣланы были уступы, какъ полки въ банѣ; сани были запряжены въ одну лошадь, украшенную разными побрякушками и перьями. Два ближніе боярина стояли на запяткахъ, а два стольника по обѣимъ сторонамъ царя, у его ногъ, на полозьяхъ и поддерживали полсть. По сторонамъ шла толпа придворныхъ и стрѣльцовъ съ ружьями. Всѣ были безъ шапокъ, и только ближніе бояре держали ихъ въ рукахъ [1]).

Кромѣ обыкновеннаго стариннаго способа ѣздить въ саняхъ на одной лошади, въ XVII вѣкѣ начали ѣздить въ нѣсколько лошадей въ каретахъ и зимою и лѣтомъ. Въ 1681 году было указано, что только бояре могутъ ѣздить на двухъ лошадяхъ, а въ праздники на четырехъ, во время же свадебъ и сговоровъ на шести. Всѣ прочіе, не исключая и стольниковъ, должны ѣздить лѣтомъ непремѣнно верхомъ, а зимою въ саняхъ на одной лошади [2]). Вообще, ѣзда въ саняхъ считалась почетнѣйшею ѣзды на колесахъ; въ торжественныхъ случаяхъ сани употреблялись и лѣтомъ, особливо духовными лицами. Такъ, патріархъ іерусалимскій, пріѣзжавшій въ Москву для посвященія въ патріархи Филарета, ѣхалъ въ Успенскій соборъ въ саняхъ, хотя это было 24 іюня. Архіереи обыкновенно ѣзжали къ обѣднѣ въ саняхъ и лѣтомъ, какъ и зимою: спереди служка несъ посохъ; позади шли служки [3]).

Жены и особы женскаго пола семействъ боярскихъ и дворянскихъ ѣздили въ закрытыхъ экипажахъ и лѣтомъ, и зимою. Лѣтніе назывались колымаги, зимніе каптаны. Колымаги дѣлались на высокихъ осяхъ, иногда съ лѣстницами, иногда же вовсе безъ ступеней, какъ лѣтнія,

[1]) Mejerъ. 101. 198.—Барбер. 37. 51. — Olear. 48. 205. — Carlisle 337.—Jenkins. Hacl. 351.—Врем. XIII, 8.—А. И. II, 72.—Кильб. 32.

[2]) С. Г. Гр. IV. 395.

[3]) Доп. II, 215.

такъ и зимнія. Внутри онѣ обивались краснымъ сукномъ или червчатымъ бархатомъ и закрывались по бокамъ суконными или шелковыми занавѣсами, иногда съ дверцами въ нихъ; въ эти дверцы вставлялись маленькія слюдяныя окна, задернутыя занавѣсками. Боковые занавѣсы пристегивались плотно къ краямъ экипажа такъ, чтобъ вѣтеръ никакимъ образомъ не могъ распахнуть ихъ. У нѣкоторыхъ знатныхъ особъ такіе экипажи были чрезвычайно богаты; напримѣръ, у боярина Морозова была карета, ограбленная народомъ во время бунта, снаружи она была обложена золотомъ, обита внутри соболями высокаго достоинства съ окованными серебромъ колесами [1]).

Закрытая отовсюду, знатная госпожа сидѣла въ своей колымагѣ или каптанѣ на подушкѣ; у ногъ ея сидѣли рабыни. Такую колымагу или каптану везла обыкновенно одна лошадь; но случалось, что знатныя лица ѣздили и на нѣсколькихъ: тогда лошади припрягались одна къ другой не рядомъ, какъ дѣлается теперь, а гуськомъ, одна спереди другой; постромки между послѣднею и предпослѣднею на краю поѣзда были вдвое длиннѣе, чѣмъ между предшествовавшими. Лошади обвѣшивались еще наряднѣе, чѣмъ въ мужскихъ поѣздахъ, волчьими, лисьими, собольими хвостами, кольцами, цѣпочками и круглыми шариками, въ видѣ львиной головки, и покрывались попонами изъ бархата, или объяри, обложенными золотою и серебрянною бахрамою съ кистями по угламъ. Кучеръ или сидѣлъ верхомъ на одной изъ лошадей, или шелъ пѣшкомъ; возжей у него чаще всего не было вовсе, а иногда онѣ привѣшивались; идя возлѣ лошадей, кучеръ помахивалъ арапникомъ изъ заячьей кожи съ набалдашникомъ изъ сайгачьяго рога. По бокамъ шли тридцать или сорокъ холоповъ, называемыхъ скороходами. Въ числѣ ихъ нерѣдко

[1]) Olear. 255.—Коших. 14.—Das Gr. Reich v. Mosc. 208.

находились и такіе, которымъ, по приказанію господина, поручалась обязанность быть аргусами госпожи, и смотрѣть, чтобъ какъ нибудь ея взоры чрезъ приподнятую занавѣску не встрѣтились со взорами молодыхъ людей, способныхъ, при случаѣ, на всякую наглость. Если, такимъ образомъ, проѣзжалась сама царица, то экипажъ ея везли двѣнадцать лошадей бѣлой масти; съ нею сидѣли боярыни; сзади провожали ее придворныя рабочія женщины и прислужницы (мастерицы и постельницы), сидя на лошадяхъ верхомъ по-мужски. Обычай женщинъ садиться верхомъ на лошадь по-мужски былъ въ старину въ среднемъ классѣ народа, но сталъ выходить въ XVII вѣкѣ [1]).

Лошади въ Москвѣ были въ употребленіи татарскія, пригоняемыя во множествѣ изъ Астрахани и ея окрестностей каждогодно. Онѣ не отличались ни красотой, ни статностью, напротивъ были даже дурны собою, узкобрюхія, съ тяжелой головой, съ короткой шеею, за то очень крѣпкія, бѣжали скоро и сносили всякій трудъ. Но такъ какъ эти достоинства годились не столько для городской ѣзды, сколько для дорожной, то у богатыхъ были лошади персидскія и арабскія, очень красивыя, хотя, по замѣчанію иностранцевъ, дурно выѣзженныя. Русскіе щеголяли особенно бѣлыми лошадьми. У зажиточныхъ хозяевъ во дворахъ было всегда много лошадей разныхъ разрядовъ: однѣ были исключительно верховыя; другія запрягались въ сани и назывались санники; третьи носили имя колымажныхъ, потому что закладывались только въ лѣтніе экипажи; четвертыя служили для посылокъ и разъѣздовъ [2]).

Въ дорогу отправлялись зимою въ саняхъ; женщины въ закрытыхъ каптанахъ; обыкновенно сани везли двѣ

[1]) Барбер. 50. — Olear. 215. 217. 255. — Petr. 307.—Коших. 26. — Кильб. 13.—Доп. IV, 103.

[2]) Коших. 65.—Olear. 28.—Mejerb. 101.

лошади. Протяженія измѣрялись верстами: въ верстѣ считалось тысяча саженъ; но въ XVII вѣкѣ возникла новая верста въ 700 саженъ; кромѣ того, существовала приблизительная мѣра днищами, употребительная въ малонаселенныхъ краяхъ Россіи. Русскія дорожныя сани были четвероугольной формы, напоминавшія собою гробъ, назади шире, напереди уже. Ихъ дѣлали по большей части изъ древесной коры или лубья и предпочитали деревяннымъ по легкости. Собственно мужскія сани были не широки и очень длинны, такъ что можно было лечь въ нихъ свободно человѣку, а иногда и двумъ рядомъ. Сзади ихъ обивали рогожею, на бокахъ кожами и закрывали сверху мѣхами. Отправляясь въ дорогу, русскій одѣвался какъ можно теплѣе и сверху набрасывалъ епанчу, въ предохраненіе отъ снѣга и дождя; на головѣ у него была шапка, покрытая и подбитая мѣхомъ, на рукахъ теплыя рукавицы, на ногахъ мѣховыя ногавицы, а за пазухой на цѣпочкѣ или на ремнѣ скляница съ виномъ; сверху онъ укрывался медвѣдномъ или медвѣжьею шкурою. Путешественникъ вылѣзалъ изъ своей берлоги одинъ разъ въ сутки поѣсть. Запасы хранились въ тебенькахъ. Женскія дорожныя сани были такой же формы, снабжались по сторонамъ жердями, постановленными перпендикулярно со всѣхъ сторонъ по краямъ; на нихъ навѣшивалось сукно; сани закрывались имъ сверху и съ боковъ и только на одной сторонѣ оставалась для выхода задернутая узкая пола. Сани женскія дѣлались гораздо шире мужскихъ, такъ что въ нихъ можно было сидѣть и лежать двумъ или тремъ женщинамъ вмѣстѣ, потому что госпожа не ѣздила безъ прислужницъ.

Зимній путь считался удобнѣе и легче лѣтняго, и всѣ иностранцы отдавали честь скорой ѣздѣ зимою. Только съ начала зимы встрѣчались неудобства, когда пролагались вновь зимнія дороги; разъ проложенная тропа оставалась

въ первоначальномъ видѣ на всю зиму. Если мужику случалось проѣхать въ началѣ зимы и онъ выбиралъ непрямую дорогу—колея эта не измѣнялась, потому что искать новыхъ путей по сугробамъ было опасно. При ѣздѣ на ямскихъ, упряжки были очень велики: напримѣръ, шестьдесятъ, семьдесятъ верстъ и болѣе; однако русскіе ямщики бѣжали безъ отдыха, особенно когда возили царскихъ гонцовъ. Чтобъ частному человѣку ѣхать на ямскихъ, нужно было взять подорожную: и его везли скоро и дешево, потому что подорожныя въ старину наводили страхъ. Когда ямщики везли по подорожной, то кричали и свистали въ дудочки, давая этимъ знать, чтобъ всѣ встрѣчные сворачивали съ дороги, а опоздавшимъ отвѣшивали по спинамъ удары кнутомъ. Проѣхавши каждую версту, ямщикъ давалъ объ этомъ знать пронзительнымъ крикомъ: верста! Подъѣзжая къ яму, начиналъ ямщикъ свистать сквозь зубы и этимъ подавалъ знакъ; услыша сигналъ, въ яму начиналась бѣготня: одни выводили лошадей, другіе несли упряжь. Вообще по подорожной ямщики брали до двухъ рублей за 350 верстъ. Что касается до частныхъ лицъ, если они не имѣли протекціи для того, чтобъ пріобрѣсть подорожную, то должны были нанимать частныхъ ямщиковъ, которыхъ вездѣ было много; но тогда ѣзда обходилась дороже.

Лѣтомъ ѣзда была несравненно хуже, ибо русскія дороги представляли во все лѣто не только неудобства, но и опасность для жизни, не говоря уже о веснѣ, во время водоразлитія, когда цѣлыя села казались плавающими. Починка дорогъ возлагалась на жителей по сошному дѣленію, подъ надзоромъ руководителей, называемыхъ вожами, при выборныхъ цѣловальникахъ,—они обязаны были мостить мосты и гати, заравнивать овраги; но повинности эти исправлялись очень небрежно и дороги были до крайности дурны. Проѣзжіе лѣтомъ старались избѣгать сухо-

путныхъ поѣздокъ и чрезвычайно мало ѣздили, особенно съ женщинами; самые ямщики лѣтомъ пренебрегали своими обязанностями, и проѣзжій, достигавшій яма, могъ дожидаться нѣсколько часовъ, пока соберутъ ямщиковъ и приведутъ лошадей изъ табуна или съ полевыхъ работъ. У кого не было своего лѣтняго экипажа, тому давался возъ, покрытый рогожею; коверъ и подушку проѣзжающій долженъ былъ возить съ собою. По причинѣ всѣхъ этихъ неудобствъ, охотнѣе и чаще ѣздили по рѣкамъ на судахъ, которыя можно было найти съ гребцами вездѣ, гдѣ дорога прилегала къ рѣкѣ; съ казенною подорожною можно было пользоваться казенными стругами и гребцами, точно также, какъ ямщиками и ихъ лошадьми. Величина струговъ и количество гребцовъ на нихъ соразмѣрялись съ шириною рѣки и протяженіемъ пути отъ одной пристани до другой. Струги, на которыхъ усаживалось много пассажировъ, напр. человѣкъ пятьдесятъ или шестьдесятъ, дѣлались широкіе, съ одной мачтой и обыкновенно съ шестнадцатью веслами; подъ палубой устраивались клѣтки и перегородки для пассажировъ и ихъ багажа. Къ мачтѣ привязывался огромный холщевой парусъ, распускаемый во время попутнаго вѣтра. Вмѣсто руля употреблялся длинный и широкій шестъ, опущенный въ воду; другой его конецъ прикрѣплялся къ шесту, который утверждался неподвижно на стругѣ. Рулевой шестъ имѣлъ при своемъ окончаніи двѣ рукояти; когда нужно было поворотить стругъ, кормщикъ дѣйствовалъ посредствомъ веревокъ, которыя обвязывались около этихъ рукоятокъ. [1]) На волокахъ, то-есть на переѣздахъ отъ одной рѣки до другой, стояли на-готовѣ ямщики, для найма проѣзжающимъ и для возки тяжестей.

Величайшее неудобство русскихъ дорогъ, какъ зимнихъ

[1]) De Bruins, 76.

такъ и лѣтнихъ, было отсутствіе гостинницъ и всякаго рода пристанищъ для путешественниковъ. Правда, кое-гдѣ при монастыряхъ существовали гостинницы, служившія иногда облегченіемъ для путешественника, но не могли входить въ условія повсемѣстныхъ дорожныхъ удобствъ. Зимою останавливались въ крестьянскихъ избахъ большею частію курныхъ, гдѣ нестерпимый жаръ и вонь приводили въ трепетъ иностранцевъ, но мало безпокоили русскую натуру. Лѣтомъ не заходили въ строенія вовсе, и готовили себѣ пищу на воздухѣ. Какъ зимою, такъ и лѣтомъ, проѣзжій бралъ съ собою большой запасъ хлѣба, сушенаго мяса, рыбы, сала, меду, а другіе припасы набиралъ отъ города до города [1]).

XVI.

Пріемъ гостей.—Обращеніе.

Въ пріемѣ гостей русскіе наблюдали тонкія различія сословныхъ отношеній. Лица высшаго званія подъѣзжали прямо къ крыльцу дома, другіе въѣзжали на дворъ, но останавливались на нѣкоторомъ разстояніи отъ крыльца и шли къ нему пѣшкомъ; тѣ, которые почитали себя гораздо низшими предъ хозяиномъ, привязывали лошадь у воротъ и пѣшкомъ проходили весь дворъ—одни изъ нихъ въ шапкахъ, а другіе, считавшіеся по достоинству ниже первыхъ, съ открытой головою. Въ отношеніи царскаго этикета были подобныя же различія: одни имѣли право только въѣзжать въ Кремль, другіе останавливались у во-

[1]) А. И. П. 25. Ш. 107. 210. IV. 365.—А. А. Э. I. 431. — Доп. III. 99. 103. IV. 13.—С. Г. Гр. II. 61.—Врем. XIII. Расх. кн. Никона.—Русск. Вѣстн. 1851. IX. 606.—Барбер. 38.—Petr. 283. 312. 319.—Olear. 152.—Borrow. 309.—Crull. 154.—De Bruins, 19.

ротъ царскаго двора, и никто, подъ опасеніемъ кнута, не смѣлъ провести черезъ царскій дворъ лошади. Со стороны хозяина, встрѣча гостя также соразмѣрялась съ его сословнымъ достоинствомъ. Важныхъ гостей сами хозяева встрѣчали у крыльца, другихъ въ сѣняхъ, третьихъ въ комнатѣ. Существовалъ обычай дѣлать нѣсколько встрѣчъ прибываемымъ гостямъ. Такимъ образомъ у воротъ гостя встрѣчаетъ лицо низшаго званія въ домѣ; въ другомъ мѣстѣ, напр. у крыльца, другое лицо, выше перваго; въ третьемъ—еще высшее, или самъ хозяинъ. На этомъ обычаѣ устраивали при дворѣ почетныя встрѣчи: въ одномъ мѣстѣ встрѣчалъ гостя стольникъ, въ другомъ сокольничій, въ третьемъ бояринъ. Когда отецъ Михаила Ѳеодоровича, Филаретъ Никитичъ, возвратился изъ плѣна, то ему устроено было три встрѣчи на дорогѣ: первая въ Можайскѣ, вторая въ Вязьмѣ, третья въ Звенигородѣ, гдѣ уже встрѣчалъ его самъ царь. Также точно и по пріѣздѣ его въ Москву къ церкви, у саней встрѣтили его архіепископъ съ двумя архимандритами, у дверей митрополитъ съ архимандритами и двумя игуменами, а въ церкви митрополитъ по степени достоинства выше предъидущаго [1]).

Въ отношеніи права входить во дворецъ—одни, ближайшіе люди, пользовались правомъ входить въ комнату государя; другіе, ниже первыхъ, только въ переднюю; третьи ожидали царскаго выхода на крыльцѣ; а люди меньшихъ чиновъ не смѣли взойти и на крыльцо.

Подобные оттѣнки различія въ пріемѣ гостей наблюдались у частныхъ лицъ. Вообще старшіе не ѣздили въ гости къ младшимъ; на этомъ основаніи и царь никогда не посѣщалъ подданнаго. Но если къ хозяину пріѣзжалъ гость, котораго хозяинъ особенно чествовалъ, и который по служебнымъ, семейнымъ или общественнымъ условіямъ

[1]) Доп. II. 215.—С. Г. Гр. III. 184.

требовалъ уваженія, хозяинъ разставлялъ слугъ встрѣчать гостя: напримѣръ, у воротъ его встрѣчалъ дворецкій, у крыльца сынъ или родственникъ хозяина, а потомъ въ сѣняхъ или передней хозяинъ въ шапкѣ или съ открытой головою, смотря по достоинству гостя. Другихъ же гостей не встрѣчали; напротивъ, сами гости ожидали выхода хозяина въ передней. Вѣжливость требовала, чтобъ гость оставилъ въ сѣняхъ свою палку, и вообще говорить, держа въ рукѣ палку, а тѣмъ болѣе опершись на нее, считалось невѣжествомъ. Снявъ шапку, гость держалъ ее въ рукѣ съ платкомъ въ ней. Вошедши въ комнату, гость долженъ былъ прежде всего креститься, взирая на иконы, и положить три поясныхъ поклона, касаясь пальцами до земли, потомъ уже кланяться хозяину; въ поклонахъ ему соблюдалась также степень уваженія къ его достоинству. Такимъ образомъ, предъ одними только наклоняли голову, другимъ наклонялись въ поясъ, предъ третьими вытягивали руки и касались пальцами до земли; тѣ же, которые сознавали свое ничтожество предъ хозяиномъ или зависимость отъ него, становились на колѣни и касались лбомъ земли: отсюда выраженіе «бить челомъ». Равные и пріятели привѣтствовали другъ друга подачею правой руки, поцѣлуемъ и объятіями, такъ что одинъ другого цѣловали въ голову и прижимали къ груди. Хозяинъ приглашалъ гостя садиться или говорилъ съ нимъ стоя, также соразмѣряя степень его достоинства: на этомъ основаніи, не приглашая гостя садиться, и самъ или стоялъ, или сидѣлъ. Самое почетное мѣсто для гостя было подъ образами; самъ хозяинъ сидѣлъ по правую сторону отъ него. Гость изъ сохраненія приличія воздерживался, чтобъ не кашлять и не сморкаться. Въ разговорѣ наблюдалось тоже отношеніе достоинствъ гостя и хозяина; такъ, привѣтствуя свѣтскихъ особъ, спрашивали о здоровьѣ, а монаховъ о спасеніи; однимъ говорили *вы*, а себя въ отношеніи высшихъ лицъ

называли *мы*; произносили разные записные комплименты, величая того, къ кому обращались, а себя унижая, въ родѣ слѣдующихъ: «благодѣтелю моему и кормилицу рабски челомъ бью; кланяюсь стопамъ твоимъ, государя моего; прости моему окаянству; дозволь моей худости». Въ обращеніи съ духовными въ особенности изливалось тогдашнее риторство: говорившн съ какимъ нибудь архіереемъ или игуменомъ, расточали себѣ названія грѣшнаго, нищаго, окаяннаго, а его величали православнымъ учителемъ, великаго свѣта смотрителемъ, и проч. [1]). Вообще, желая оказать уваженіе, называли лицо, съ которымъ говорили, по отчеству, а себя уменьшительнымъ полуименемъ. Было въ обычаѣ гостю предлагать что нибудь съѣстное во всякое время, а особенно водку и какія нибудь лакомства, какъ напримѣръ орѣхи, фиги, финики, и проч. Прощаясь, гость обращался прежде всего къ образамъ, полагалъ на себѣ троекратно крестное знаменіе съ поклонами, потомъ цѣловался съ хозяиномъ, какъ и при входѣ въ домъ, если хозяинъ его удостоивалъ этимъ по достоинству, и, наконецъ, уходя, опять знаменовалъ себя крестомъ и кланялся образамъ. По мѣрѣ достоинства, хозяинъ провожалъ его ближе или далѣе порога.

Въ обращеніи съ низшими себя, по большей части русскій былъ высокомѣренъ, и часто тотъ, кто унижался и сгибался до земли передъ старшимъ, вдругъ дѣлался надмѣненъ, когда богатство или важная должность отдавали ему въ зависимость другихъ. Въ русскомъ характерѣ было мало искренности; дружба цѣнилась по выгодамъ; задушевные друзья расходились, коль скоро не связывала ихъ взаимная польза, и часто задняя мысль таилась за изліяніями дружественнаго расположенія и радушнымъ гостепріимствомъ. Довольно было любимцу государя пріобрѣсть

[1]) Доп. I. 27, 31.

царскую немилость, чтобъ всѣ друзья и пріятели, прежде низко кланявшіеся ему, не только прекратили съ нимъ знакомство, но не хотѣли съ нимъ говорить и даже причиняли ему оскорбленія. Такъ, заточенную въ монастырь великую княгиню Соломониду оскорбляли не только словами, но и побоями [1]).

Въ русскомъ обращеніи была смѣсь византійской напыщенности и церемонности съ грубостью татарскою. Въ разговорѣ наблюдались церемоніи и крайняя осторожность; нерѣдко случалось, что невинное слово принималось другими на свой счетъ: отсюда возникали тяжбы, которыхъ смыслъ состоялъ только въ томъ, что одинъ про другого говорилъ дурно [2]); съ другой стороны, при малѣйшей ссорѣ не было удержу въ самыхъ грубыхъ изліяніяхъ негодованія. Обыкновенно, первое проявленіе ссоръ состояло въ неприличной брани, которая до сихъ поръ, къ сожалѣнію, составляетъ дурную сторону нашихъ нравовъ; эта брань до того была обыкновенна, что позволяли ее себѣ духовныя лица, даже монахи и притомъ въ самой церкви [3]). Самыя женщины и дѣвицы слѣдовали общему обыкновенію [4]), и даже дѣти,—говоритъ Олеарій,—разсердившись на родителей, повторяли слышанное ими отъ взрослыхъ, а родители не только не останавливали ихъ, а еще и сами бранили ихъ такъ же. Церковь преслѣдовала это обыкновеніе и духовные поучали, чтобъ люди другъ друга не лаяли позорною бранью, отца и матерь блуднымъ позоромъ, и всякою безстыдною, самою позорною нечистотою языки свои и души не сквернили [5]). Неоднократно цари хотѣли вы-

[1]) Olear. 189. 205. — Mejerb. 75. — Herberst. 1[illegible]. — Tuberv. 435. — Барбер. 33.

[2]) Mejerb. 66.—Оп. Шуи. 345.

[3]) Ворон. Акты I. 158.—А. И. Ш. 319.—Стогл. в. 29.

[4]) Москвит. 1843. I. 238.

[5]) А. А. Э. Ш. 404.

вести русскую брань кнутомъ и батогами. При Алексѣѣ Михайловичѣ ходили въ толпахъ народа переодѣтые стрѣльцы и замѣчая, кто бранился позорною бранью, тотчасъ того наказывали [1]). Разумѣется, эти средства были недѣйствительны, потому что сами стрѣльцы въ свою очередь не могли удержаться отъ крѣпкаго словца. Впрочемъ, очень часто вспыхнувшая ссора тѣмъ и ограничивалась, что обѣ стороны поминали своихъ родительницъ, и не доходили до драки; а потому брань сама по себѣ не вмѣнялась и въ брань: «красна брань дракою»—говоритъ пословица. Если же доходило дѣло до драки, тутъ русскіе старались прежде всего вцѣпиться одинъ другому въ бороду, а женщины хватать одна другую за волосы. Поединки на сабляхъ и пистолетахъ, обычные на Западѣ, у русскихъ были совершенно неизвѣстны. У насъ были своего рода дуэли: поссорившись между собою, люди садились на лошадей, нападали другъ на друга и хлестали одинъ другого бичами. Другіе бились палками и часто другъ друга убивали до смерти; но самая обыкновенная русская драка была кулачная: противники старались всегда нанести одинъ другому удары или прямо въ лицо, или въ дѣтородныя части [2]). Смертные случаи были нерѣдки, но уменьшались съ тѣхъ поръ, какъ прекратились судебные поединки на палкахъ и дубинахъ. За то въ XVII вѣкѣ развилось другого рода мщеніе—доносы, средство часто очень удачное. Стоило подать на недруга ябеду, чтобы втянуть его въ разорительную тяжбу; хотя и самому приходилось терпѣть, но за то такая тяжба имѣла нѣкоторымъ образомъ характеръ поединка. Иногда изъ злобы подкладывали къ недругу вещь, потомъ подавали челобитную о пропажѣ этой вещи и изъявляли подозрѣніе, что она у того-то; производился обыскъ и вещь на-

1) Olear. 195.—Crull. 141.

2) Crull. 141.—Olear. 190.—Strauss. 127.

ходилась: тутъ начинался длинный процессъ тяжбы, сопровождаемый пытками [1]). Во всѣхъ классахъ народа было множество ябедниковъ и доносчиковъ. Одни изъ нихъ промышляли собственно для себя. Такимъ образомъ посвящали себя этому занятію служащіе люди и дѣти боярскіе: они разъѣзжали по посадамъ и селеніямъ, заѣзжали къ богатымъ жителямъ, заводили ссоры, потомъ составляли челобитныя о бояхъ, грабежахъ и обидахъ и, запугавъ крестьянъ, брали съ нихъ отступное во избѣжаніе проволочекъ и наѣздовъ приставовъ и разсыльщиковъ [2]). Другіе, напротивъ, работали для другихъ и, точно какъ италіанскіе bravi, кинжаломъ, служили своимъ искусствомъ тѣмъ, которые у нихъ его покупали. Хотя ихъ и преслѣдовали и клеймили позоромъ, но правительство вмѣстѣ съ тѣмъ покровительствовало само доносамъ, когда они касались его интересовъ. Такимъ образомъ служилый человѣкъ, помѣщикъ или вотчинникъ, если открывалъ за своимъ товарищемъ какія нибудь уклоненія отъ обязанностей службы, влекущія потерю помѣстья, то вознаграждался именно тѣмъ самымъ помѣстьемъ, которое отнималось у того, кого онъ уличалъ. Оттого между служилыми людьми не было товарищества; всѣ другъ другу старались повредить, чтобъ выиграть самимъ. Но всего дѣйствительнѣе для ябедника, всего опаснѣе для соперника, было объявленіе слова и дѣла государева, то-есть обвиненіе въ нерасположеніи къ царю. Обвиненнаго подвергали пыткамъ, и когда онъ въ бреду страданія наговаривалъ на себя, то казнили,—что нужды, что онъ могъ быть невиненъ? Дѣло, касавшееся высокой особы, было столь важно, что невелика бѣда, если за него пострадаютъ и невинные. Нигдѣ не было откровенности; всѣ боялись другъ друга; негодяй

[1]) Olear. 187.

[2]) Доп. IV. 349.

готовъ былъ донести на другого:—всегда въ такомъ случаѣ можно было скорѣе выиграть, чѣмъ проиграть; отъ этого въ рѣчахъ господствовала крайняя осторожность и сдержанность. Шпіоновъ было чрезвычайное множество: въ ряды ихъ вступали тѣ бѣдные дворяне и дѣти боярскіе, которые, за уклоненіе отъ службы, тоже по доносу другихъ, лишились своихъ помѣстьевъ; они вторгались всюду: на свадьбы, на похороны и на пиры — иногда въ видѣ богомольцевъ и нищей братіи. И царь, такимъ образомъ, многое зналъ, что говорилось про него подданными.

XVII.

Пиршества. — Пьянство.

Все, что въ настоящее время выражается вечерами, театрами, пикниками и проч., въ старину выражалось пирами. Пиры были обыкновенною формою общественнаго сближенія людей. Праздновала ли Церковь свое торжество, радовалась ли семья или провожала изъ земного міра своего сочлена, или же Русь раздѣляла царское веселіе и славу побѣдъ—пиръ былъ выраженіемъ веселости. Пиромъ тѣшились цари; пиромъ веселились и крестьяне. Желаніе поддержать о себѣ доброе мнѣніе у людей побуждало каждаго порядочнаго хозяина сдѣлать пиръ и созвать къ себѣ добрыхъ знакомыхъ.

Какъ все въ русской жизни, при рѣзкой противоположности знатности и простонародности, богатства и бѣдности, носило одинакія основанія, русскіе пиры у всѣхъ сословій сопровождались одинакими чертами, пріемами и обрядами. Русскія пиршества были двухъ родовъ: собственно пиры и братчины; первые давало одно лицо, вто-

рыя были складчины многихъ хозяевъ и преимущественно существовали между поселянами. Пиры частныхъ лицъ давались въ дни Пасхи, Рождества Христова, Троицы, Николина дня, Петра и Павла и масляницы, при торжественныхъ семейныхъ случаяхъ—бракахъ, рожденіи и крещеніи дѣтей, при погребеніи, поминовеніи усопшихъ, въ день именинъ, по случаю новоселья и при вступленіи служащаго лица въ должность. Царскіе пиры, кромѣ семейныхъ случаевъ и церковныхъ торжествъ, давались по поводу коронаціи, посвященія митрополитовъ и патріарховъ, при объявленіи царевича народу и по случаю пріема иностранныхъ пословъ.

Когда домовитый хозяинъ учреждалъ пиръ и приглашалъ гостей, то звать однихъ посылалъ слугъ, а къ другимъ ѣздилъ самъ, различая тѣхъ, кому онъ дѣлаетъ честь приглашеньемъ, отъ тѣхъ, у которыхъ онъ долженъ искать чести пріѣзда въ его домъ. При семейныхъ и пріятельскихъ пиршествахъ приглашались и жены гостей, но не къ мужскому столу, а къ особенному женскому, который жена хозяина учреждала въ то же время гостямъ своего пола.

Комната, назначенная для пира, заранѣе убиралась, устилалась коврами; на окнахъ висѣли занавѣсы, на карнизахъ клали наоконники, постилали на столы и лавки нарядныя скатерти и полавочники, заправляли свѣчи въ паникадилы и уставляли поставецъ посудою. Для пира избиралась обыкновенно столовая, а иногда назначали для него сѣни, которыя были просторнѣе всѣхъ покоевъ. Столы устанавливались вдоль стѣны передъ лавками, а если было много гостей, то и рядами; мѣсто подъ образами въ углу было для хозяина, дававшаго пиръ.

Каждый изъ приглашенныхъ гостей садился въ шапкѣ на мѣсто, сообразное своему званію и достоинству. Мѣсто по правую руку отъ хозяина считалось самымъ почет-

нымъ. За нимъ другія мѣста нисходили по степенямъ, такъ что одно было ниже другого и, такимъ образомъ, существовало три разряда мѣстъ: высшій, средній и низшій, какъ это выражается въ поэмѣ XVII вѣка «Горе-Злочастіе»:

„А идетъ онъ въ мѣсто середнее,
Гдѣ сидятъ дѣти гостинные!"

Сѣсть выше другого, считавшаго себя выше достоинствомъ, значило нанести ему оскорбленіе; на частныхъ пирахъ наблюдался, какъ въ царскихъ пиршествахъ и въ боярской думѣ, обычай мѣстничества. Скромный и благочестивый человѣкъ, исполняя буквально евангельскія слова, садился нарочно на мѣсто ниже того, какое ему слѣдовало, чтобъ хозяинъ свелъ его оттуда и перевелъ на высшее. Напротивъ, заносчивые люди, встрѣтясь съ соперниками, съ которыми у нихъ давно не ладилось, пользовались случаемъ, чтобъ насолить имъ и садились выше ихъ, заводили споры, поставляли хозяина въ затрудненіе, и нерѣдко доходило до дракъ.

Предъ началомъ пира выходила жена хозяина и била челомъ гостямъ малымъ обычаемъ, то есть кланялась въ поясъ, потомъ становилась у дверей. Господинъ кланялся имъ до земли и просилъ цѣловать жену. Въ отвѣтъ на это, каждый гость также кланялся до земли и цѣловался съ хозяйкой, а отошедши отъ нея, опять дѣлалъ поклонъ. Хозяйка подносила каждому гостю, по очереди, чарку вина. Первый гость получалъ чарку и отдавалъ ее хозяину, прося выпить прежде. Хозяинъ приказывалъ прежде начать женѣ. Та отвѣдывала и отдавала мужу. Мужъ выпивалъ. Тогда уже начинали пить гости, одинъ за другимъ, и всякій разъ какъ только гость пилъ, кланялся ему до земли. Окончивъ эти церемоніи, жена уходила въ свое женское общество. Гости усаживались за столомъ. Тогда

хозяинъ разрѣзывалъ хлѣбъ на кусочки и изъ собственныхъ рукъ подавалъ гостямъ, одному за другимъ, вмѣстѣ съ солью. Этотъ обрядъ символически означалъ радушіе и гостепріимство. Существовало повѣрье, что хлѣбъ-соль прогоняетъ вредное вліяніе злыхъ духовъ. За обѣдомъ получать хлѣбъ-соль отъ хозяина—значило пользоваться его дружелюбіемъ; ѣсть вмѣстѣ хлѣбъ-соль—вообще означало согласіе и любовь. Послѣ раздачи хлѣба-соли, носили кушанье обычнымъ порядкомъ.

Гости ѣли обыкновенно по два человѣка съ одного блюда; хотя передъ ними и становились тарелки, но онѣ не перемѣнялись, какъ уже было сказано. Предъ почетнѣйшими гостями становили опричныя блюда, т.-е. особыя. Хозяину всегда подавали опричное блюдо; онъ раздавалъ съ него куски гостямъ, сидѣвшимъ близко него, а тѣмъ, которымъ не могъ подать, отсылалъ на тарелкахъ съ слугами. Эти куски означали расположеніе. Въ то же время самъ хозяинъ накладывалъ кушанья въ блюда и тарелки и отсылалъ отсутствующимъ, которые почему-нибудь не могли прибыть. Слуга, поднося подачу отъ хозяина, говорилъ: «чтобъ тебѣ, государь, кушать на здоровье!» Отвергнуть подачу считалось оскорбленіемъ.

Когда былъ пиръ во полупирѣ, какъ выражаются пѣсни, и приносили круглые пироги, — кушанье, составлявшее необходимую принадлежность пира,—тогда двери изъ внутреннихъ покоевъ растворялись; изъ нихъ выходили жены сыновьевъ хозяина, братьевъ, племянниковъ и вообще родственниковъ, жившихъ съ нимъ не въ раздѣлѣ, съ виномъ и чарками. Мужья этихъ женщинъ вставали изъ-за стола, становились у дверей и, кланяясь, просили гостей цѣловать ихъ женъ. Гости принимали отъ женщинъ чарки съ виномъ, и цѣловались съ каждой, съ поклонами, какъ прежде съ хозяйкой. У нѣкоторыхъ этотъ обрядъ исполнялся иначе. Жена хозяина не являлась предъ на-

чаломъ пира, а приходила теперь, въ сопровожденiи женскихъ особъ семейства и прислужницъ, несшихъ вино и сосуды. Хозяйка подносила почетнѣйшему гостю вино и немедленно удалялась, потомъ приходила снова въ другомъ уже платьѣ и угощала другого гостя, опять уходила и снова являлась переряженная въ иное платье и потчивала третьяго гостя; то же дѣлалось въ отношенiи всѣхъ гостей по одиночкѣ, и каждый разъ хозяйка являлась въ новомъ нарядѣ. Эти переряживанья служили для показанiя роскоши и богатства хозяина. Обнесши такимъ образомъ всѣхъ гостей, хозяйка становилась у стѣны, при краѣ стола, опустивши голову. Гости подходили къ ней и цѣловались; иногда, послѣ поцѣлуевъ, она дарила гостей ширинками, вышитыми золотомъ и серебромъ. Этотъ обычай цѣлованья съ хозяйскими женами очень древнiй; еще въ XII вѣкѣ не одобрялъ его Іоаннъ Пророкъ [1]); онъ удержался, какъ памятникъ древней славянской свободы женскаго пола, несмотря на то, что влiянiе Византiи и татаръ измѣнило убѣжденiе русскаго народа въ этомъ отношенiи.

Отличительная черта русскаго пиршества была—чрезвычайное множество кушаньевъ и обилiе въ напиткахъ. Хозяинъ величался тѣмъ, что у него всего много на пиру — гостьба толсто-трапезна! Онъ старался напоить гостей, если возможно, до того, чтобъ ихъ отвезти безъ памяти во-свояси; а кто мало пилъ, тотъ огорчалъ хозяина. «Онъ не пьетъ, не ѣстъ,—говорили о такихъ, — онъ не хочетъ насъ одолжать!». Пить слѣдовало полнымъ горломъ, а не прихлебывать, какъ дѣлаютъ куры. Кто пилъ съ охотою, тотъ показывалъ, что любитъ хозяина. Женщины, въ то же время пировавшiя съ хозяйкой, также должны были уступать угощенiямъ хозяйки до того, что ихъ отвозили домой безъ сознанiя. На другой день хозяйка посылала

[1]) Русск. Достоп. I. 98.

узнать о здоровьѣ гостьи.—«Благодарю за угощеніе, отвѣчала въ такомъ случаѣ гостья:—мнѣ вчера было такъ весело, что я не знаю, какъ и домой добрела!». Но съ другой стороны, считалось постыднымъ сдѣлаться скоро пьянымъ. Пиръ былъ въ нѣкоторомъ родѣ война хозяина съ гостями. Хозяинъ хотѣлъ во что бы то ни стало напоить гостя до-пьяна; гости не поддавались и только изъ вѣжливости должны были признать себя побѣжденными послѣ упорной защиты. Нѣкоторые, не желая пить, изъ угожденія хозяину притворялись пьяными къ концу обѣда, чтобъ ихъ болѣе не принуждали, дабы такимъ образомъ въ самомъ дѣлѣ не опьянѣть. Иногда же случалось на разгульныхъ пирахъ, что заставляли пить насильно, даже побоями.

Пиршества были длинны и тянулись съ полудня до вечера, и позже. По окончаніи стола, еще продолжалась попойка. Всѣ сидѣли на прежнихъ мѣстахъ. Хозяинъ наливалъ въ чашу вина, становился посрединѣ съ открытой головою и, поднявъ вверхъ чашу, говорилъ напыщенное предисловіе, а потомъ пилъ за чье-нибудь здоровье: начинали съ царя, а потомъ пили за членовъ царскаго семейства, за бояръ, властей, и за разныхъ лицъ, смотря по цѣли, съ которою давали пиръ. Выпивъ, хозяинъ оборачивалъ чашу вверхъ дномъ надъ головой, чтобъ всѣ видѣли, что въ ней нѣтъ ни капли, и какъ онъ усердно желаетъ добра и здоровья тому, за кого пьетъ. Послѣ того, хозяинъ возвращался на свое мѣсто и подавалъ каждому изъ гостей, по очереди, чашу съ виномъ; каждый гость долженъ былъ выходить изъ-за стола, становиться посрединѣ, пить за здоровье того, за кого предлагалось пить; потомъ всѣ садились на свои мѣста. При этихъ заздравныхъ тостахъ, пѣли многая лѣта тому, за чье здоровье пили. Можно представить, какъ долго тянулась эта

церемонія, когда, напримѣръ, пивши за государя, слѣдовало приговаривать его полный титулъ.

Во время пировъ кормили и слугъ, пріѣхавшихъ съ гостями, и одинъ довѣренный слуга долженъ былъ наблюдать, чтобъ эти низшаго достоинства гости не передрались между собою и не надѣлали чего нибудь вреднаго хозяину.

Въ обычаѣ было послѣ пира подносить хозяину подарки. Нерѣдко русскій дѣлалъ пиръ и щедро поилъ и кормилъ гостей для того, чтобъ потомъ получить отъ нихъ подарковъ гораздо на большую сумму, чѣмъ какой стоило ему угощеніе. Такъ поступали въ городахъ воеводы: они учреждали пиры и зазывали къ себѣ гостей для того, чтобъ выманить подарки. Случалось, что гости, не желая, по-неволѣ, въ угожденіе сильному человѣку, являлись на пиршество. Впрочемъ, существовалъ обычай и хозяину дарить гостей. Воеводы обратили и такой обычай въ свою пользу. Чтобъ болѣе обязать своихъ гостей, воевода созывалъ къ себѣ на пиръ богатыхъ посадскихъ, самъ дѣлалъ имъ подарки, а тѣ должны были отдавать за нихъ вчетверо. Если же бы кто-нибудь былъ невнимателенъ и оставилъ безъ подарка начальственное лицо, учреждавшее пиръ, то у него безъ церемоній вымогали и насильно, потому что требовать подарковъ не считалось предосудительнымъ. Поднося подарокъ, говорилось: «чтобъ тебѣ, государь, здравствовать!». Обычай дарить соблюдался и въ царскихъ пирахъ, приглашенные на пиръ во время царскихъ свадебъ или по поводу коронаціи должны были подносить царю дары, а на праздничныхъ царскихъ столахъ, духовные, приглашенные къ обѣду, получали отъ царя подарки.

Праздничныя и семейныя пиршества у степенныхъ и набожныхъ особъ отличались характеромъ благочестія. Обыкновенно послѣ литургіи духовенство приносило въ

домъ крестъ, иконы, частицы св. мощей, святили воду, мазали ею въ домѣ всѣ иконы, кропили во всѣхъ покояхъ, окуривали весь домъ ладономъ, иногда же приносили святую воду изъ церкви и кропили ею домъ. По окончаніи молитвословія начиналась трапеза. Духовныя лица занимали почетнѣйшія мѣста между гостями. Въ одномъ старинномъ поученіи говорится: «посади ихъ и постави имъ трапезу, якоже самому Христу; самъ же имъ буди во службѣ, и жена твоя, и дѣти твои, аще ли нужда будетъ ти сѣсти, то на нижнемъ мѣстѣ сяди, и твори имъ имя твоя знаемо, да у олтаря Божія молитва за тя, яко темьянъ возносится» [1]. На столѣ, на возвышенномъ мѣстѣ, ставили просфору Пресвятыя Богородицы, какъ это дѣлается въ монастыряхъ. Трапеза начиналась молитвою: «Достойно есть...» При поставкѣ на столѣ перваго кушанья, хозяинъ приглашалъ гостей ласковымъ и благочестивымъ словомъ. Во время всего пира дьячки пѣли духовныя пѣсни, приличныя празднику или событію, по поводу котораго учреждалась трапеза. Въ сѣняхъ и на дворѣ кормили нищихъ. Пируя съ духовенствомъ и гостями, хозяинъ высылалъ своихъ сыновей и родныхъ угощать эту меньшую братію. Нѣкоторые очень благочестивые люди даже сажали нищихъ за одинъ столъ съ собою и съ гостьми. По окончаніи обѣда, возносилась чаша Пресвятыя Богородицы; всѣ пили во славу Божіей Матери, потомъ пили за здоровье царя, бояръ, за воинство, за хозяина и гостей съ пѣніемъ всѣмъ многолѣтія, а также и за упокой усопшихъ, если это согласовалось съ цѣлію пиршества или съ значеніемъ праздника, когда пиршество отправлялось. Послѣ стола хозяинъ раздавалъ нищимъ, у него обѣдавшимъ, милостыню.

Не таковъ былъ характеръ пиршествъ у разгульныхъ

[1]) Погод. Сборн. № 1024.

людей. На этихъ пирахъ иногда не удаляли и женскій полъ; мужчины и женщины подавали другъ другу питье и цѣловались, брались за руки и играли между собою. Хозяинъ приглашалъ гусляровъ и скомороховъ: тутъ-то пѣлись старинныя геройскія пѣсни; потомъ, когда хмѣль далеко заходилъ въ голову, начинали пѣть пѣсни удалыя, срамныя; скоморохи тѣшили компанію непристойными фарсами; часто забавлялись соблазнительными анекдотами, шумѣли, свистали, плескали одинъ въ другого виномъ, а иногда и дрались; и часто хозяинъ вмѣстѣ съ слугой выталкивалъ ихъ, облитыхъ кровью. Случались и убійства, особенно изъ-за мѣстъ. Въ началѣ, когда сходятся на пиръ, говоритъ одно старое обличительное слово: каждому хочется сѣсть на высшее мѣсто, но надобно же кому-нибудь сидѣть и на низшемъ; огорченный не хочетъ и скрываетъ гнѣвъ въ сердцѣ, пока трезвъ; когда же напьется, то въ изступленіи ума начинаетъ словами задирать того, на кого сердится; если тотъ еще не напился, то промолчитъ; — забіяка отпуститъ ему еще что нибудь похуже и доведетъ до того, что тотъ выйдетъ изъ себя, начнется брань и одинъ другого шпырнетъ ножемъ. «Гдѣ бо слышано инако ножеваго убійства, томко въ піяньственныхъ бесѣдахъ и играхъ, паче же о праздницѣхъ», —говоритъ это обличительное слово [1].

Крестьянскія пирушки, даваемыя по поводу семейныхъ праздничныхъ торжествъ хозяевами, назывались *особымъ пивцомъ*, потому что тогда дозволялось имъ варить пиво, брагу и медъ для домашняго питья. Обыкновенно это позволеніе дѣлалось четыре раза въ годъ: на Великій день, Дмитріевскую субботу, на масляницу и на Рождество Христово или въ другой день, вмѣсто какого-нибудь изъ этихъ праздниковъ. Право это крестьянинъ имѣлъ на

[1]) Арх. ист. юр. св. Калач. Кн. II, пол. 2-я. Пиры и братч. 49.

три дни, иногда же и на недѣлю; сверхъ того, такое же разрѣшенiе давалось по поводу крестинъ и свадебъ. Крестьянинъ долженъ былъ каждый разъ испрашивать дозволенiя начальства, и это дозволенiе давалось съ разборомъ—только лучшимъ людямъ. По окончанiи льготнаго времени, кабацкiй голова печаталъ оставшееся питье до другаго праздника.

Братчины носили названiе ссыпныхъ братчинъ или ссыпчинъ и участники въ братчинѣ назывались ссыпцами, вѣроятно оттого, что въ старину каждый жертвовалъ на варенiе пива и браги зерномъ. Такъ какъ ссыпцовъ могло быть много, то для распоряженiя и соблюденiя порядка выбирался староста. На братчинахъ происходили разныя происшествiя и споры, а потому братчинамъ издавна давали право самосуда. Такъ въ Псковской судной грамотѣ говорилось: «и братчины судить, какъ судили». Это право предоставлялось братчинамъ и до конца XVII вѣка. Однако въ послѣднее время уголовныя дѣла не подлежали ихъ домашнему разбирательству. Братчины собирались по большей части въ праздники и потому назывались именами праздниковъ, какъ-то: братчина Никольщина, братчина Покровщина, братчина Рождественская; на Пасху было въ обыкновенiи по селамъ учреждать большую братчину въ понедѣльникъ. Въ этихъ сельскихъ братчинахъ участвовали не только крестьяне, но и владѣльцы вмѣстѣ съ ними за-урядъ. Братчины еще чаще, чѣмъ частные пиры, сопровождались безчинствами и на нихъ нерѣдко происходили драки и убiйства, а потому благочестивые люди не совѣтовали участвовать на этихъ складчинахъ [1]).

[1]) А. И. IV. 340.—А. А. Э. I, 80. 421. III, 199.—Древн. Русс. Вивл. VI.—Доп. I, 195. VI, 99.—Пск. Суд. Гр. 17.—Olear. 193, 205, 260.—Mejerb. 63, 137.—Коших. 49. 119.—А. г. Шуи. 119.—Das Gr. Reich v. Mosc. 196. 203.—Carlisle 148.

Русскій народъ издавна славился любовью къ попойкамъ. Еще Владиміръ сказалъ многознаменательное выраженіе: «Руси веселіе пити: не можемъ безъ того быти!» Русскіе придавали пьянству какое-то героическое значеніе. Въ старинныхъ пѣсняхъ доблесть богатыря измѣрялась способностію перепить другихъ и выпить невѣроятное количество вина. Радость, любовь, благосклонность находили себѣ выраженіе въ винѣ. Если высшій хотѣлъ показать свою благосклонность къ низшему, онъ поилъ его, и тотъ не смѣлъ отказываться: были случаи, что знатный человѣкъ, ради забавы, поилъ простого, и тотъ, не смѣя отказываться, пилъ до того, что падалъ безъ чувствъ и даже умиралъ. Знатные бояре не считали предосудительнымъ напиваться до потери сознанія—и съ опасностью потерять жизнь. Царскіе послы, ѣздившіе за границу, изумляли иностранцевъ своею неумѣренностью. Одинъ русскій посолъ въ Швеціи, въ 1608 г., въ глазахъ чужестранцевъ, обезсмертилъ себя тѣмъ, что напился крѣпкаго вина и умеръ отъ этого. Какъ вообще русскій народъ былъ жаденъ къ вину, можетъ служить доказательствомъ слѣдующее историческое событіе: во время бунта въ Москвѣ, когда были убиты Плещеевъ, Чистовъ и Траханіотовъ, сдѣлался пожаръ. Очень скоро дошелъ онъ до главнаго кабака... народъ бросился туда толпою; всѣ спѣшили черпать вино шапками, сапогами, всѣмъ хотѣлось напиться дарового вина; забыли и мятежъ; забыли и тушить пожаръ; народъ валялся пьяный метрвецки и такимъ образомъ мятежъ прекратился, и большая часть столицы превратилась въ пепелъ. До того времени, какъ Борисъ введеніемъ кабаковъ сдѣлалъ пьянство статьею государственнаго дохода, охота пить въ русскомъ народѣ не дошла еще до такого поразительнаго объема, какъ впослѣдствіи. Простой народъ пилъ рѣдко: ему дозволяли сварить пива, браги и меда и погулять только въ праздники; но когда

вино начало продаваться отъ казны, когда къ слову «кабакъ» приложился эпитетъ—царевъ, пьянство стало всеобщимъ качествомъ. Размножились жалкіе пьяницы, которые пропивались до ниточки. Очевидецъ разсказываетъ, какъ вошелъ въ кабакъ пьяница и пропилъ кафтанъ, вышелъ въ рубашкѣ и, встрѣтивъ пріятеля, воротился снова, пропилъ бѣлье и вышелъ изъ царева кабака совершенно голый, но веселый, некручинный, распѣвая пѣсни и отпуская крѣпкое словцо нѣмцамъ, которые вздумали было сдѣлать ему замѣчаніе. Эти случаи были часты въ Москвѣ, и въ городахъ, и въ деревняхъ—вездѣ можно было видѣть людей, лежащихъ безъ чувствъ, въ грязи или на снѣгу. Воры и мошенники обирали ихъ и часто послѣ того зимою они замерзали. Въ Москвѣ, на масляницѣ и на святкахъ, въ земскій приказъ каждое утро привозили десятками замерзшихъ пьяницъ.

Распространенію пьянства въ народѣ способствовали кабачные головы и цѣловальники, которые прибѣгали ко всевозможнѣйшимъ мѣрамъ, чтобъ избавиться отъ наказанія за недоборы въ царской казнѣ, если они держали кабаки на вѣру, или чтобъ воротить заплаченное въ казну, если брали вино на откупъ. Они давали пьяницамъ въ долгъ какъ можно поболѣе, а между тѣмъ прибавляли счетъ, пользуясь тѣмъ состояніемъ, когда пьяные не въ силахъ уже были ни размышлять, ни считать; потомъ, когда искушенные такимъ легкимъ средствомъ получать хмѣльное даже и безъ наличныхъ денегъ, пьяницы порядочно запутаются въ разставленной на нихъ сѣти, кабацкіе головы объявляютъ, что пора платить; оказывается, что платить нечѣмъ; тогда забирали имущество должниковъ, втрое дешевле настоящей его цѣны; при этомъ страдали и невинные, жившіе не въ раздѣлѣ съ должниками.

Случалось, что люди порядочнаго происхожденія, то-

есть дворяне и дѣти боярскіе, запивались до того, что спускали свои помѣстья и пропивались до-нага. Изъ такихъ-то молодцовъ образовался особый классъ пьяницъ, называемый кабацкіе ярыги. У этихъ удальцовъ не было ни кола, ни двора. Они жили во всеобщемъ презрѣніи и таскались по міру, прося милостыни; они толпились почти всегда около кабаковъ и въ кабакахъ, униженно вымаливая у приходящихъ чарочку винца Христа-ради. Готовые на всякое злодѣяніе, они составляли при случаѣ шайку воровъ и разбойниковъ. Въ народныхъ пѣсняхъ и разсказахъ они представляются искусителями молодыхъ неопытныхъ людей. Нѣкоторые пьяницы оправдывали себя тѣмъ, что они, напившись, ведутъ себя смирно: «то есть не пьяница,—говорили они,—иже упився ляжетъ спати, то есть пьяница, иже упився толчетъ, біетъ, сварится». На это проповѣдники Церкви отвѣчали имъ: «и кроткій упився согрѣшаетъ, аще и спати ляжетъ: кроткій убо пьяница, аки болванъ, аки мертвецъ валяется, многажды бо оскверпився и домочився смердитъ, егда убо кроткій пьяница въ святый праздникъ лежитъ не могій двигнутися аки мертвъ, разслабивъ свое тѣло, мокръ, нальявся яко мѣхъ до горла; богобоязливымъ же, наслаждающимъ сердца въ церквахъ пѣнія и чтенія, аки на небеси мнятся стояще; а пьяница не могій главы своея возвести, смрадомъ отрыгая отъ многа питья, чимъ есть рознь поганыхъ» [1]). Церковные наставники объясняли, что отъ пьянаго человѣка удаляется ангелъ хранитель, и приступаютъ къ нему бѣсы [2]); пьянство есть жертва дьяволу, и отецъ лжи и зла говоритъ, что ему эта жертва милѣе, чѣмъ жертва идолопоклонниковъ:—«николи же тако возвеселихся о жертвѣ поганыхъ человѣкъ, яко отъ пьяныхъ крестьянъ: въ пьяни-

[1]) Злат. мат. рук. л. 341. Сл. о постѣ.

[2]) Румянц. сборн. № 359.

цахъ бо вся дѣлеса моего хотѣнья; лучше ми отъ поганыхъ крестьянъ и запоецъ, нежели отъ поганыхъ идоломолецъ, яко и поганыхъ Богъ соблюдаетъ, а пьяницъ ненавидитъ и гнушается ихъ; азъ же радуюся о нихъ, яко мои суть пьяни» [1]).

Духовенство не только не отличалось трезвостію, но еще перещеголяло другія сословія въ расположеніи къ вину. На свадьбахъ священнослужители до того напивались, что надобно было ихъ поддерживать.

Чтобъ положить границы неистовому пьянству въ кабакахъ, правительство, вмѣсто ихъ, завело кружечные дворы, гдѣ продавали вино пропорціями не менѣе кружекъ, но это не помогло. Пьяницы сходились въ кружечные дворы толпою и пили тамъ по цѣлымъ днямъ. Другіе охотники до питья покупали не только кружками, но ведрами, и продавали тайно у себя въ корчмахъ.

Болѣе всего пристанищемъ самыхъ отъявленныхъ негодяевъ были тайныя корчмы или ропаты. Подъ этимъ названіемъ разумѣлись еще въ XV и XVI вѣкахъ притоны пьянства, разврата и всякаго безчинства. Содержатели и содержательницы такихъ заведеній получали вино въ казенныхъ заведеніяхъ или курили тайно у себя и продавали тайно. Вмѣстѣ съ виномъ въ корчмахъ были игры, продажныя женщины и табакъ. Какъ ни строго преслѣдовалось содержаніе корчемъ, но оно было до того выгодно, что многіе рѣшались на него, говоря: барыши, полученные отъ этого, до того велики, что вознаграждаютъ и за кнутъ, котораго можно было всегда ожидать, коль скоро начальство узнаетъ о существованіи корчмы [2]).

[1]) Румянц. сб. 186.

[2]) Врем. IV. См. 58. V. Лѣт. Норманск. 4.—Доп. I. 55.—А. г. Шуи. 197.—Маржер. 16.—Olear. 194. 195. 258.—Petr. 309.—Fletch. 44.—Crull. 145.—Mejerb. 139.—Strauss. 196. 214.

XVIII.

Увеселенія.—Игры.—Забавы.

У высшихъ классовъ порывы всякой веселости были подчинены правиламъ церковнаго порядка. У тѣхъ, которые хотѣли быть и казаться благочестивыми, церковное пѣніе было единственнымъ развлеченіемъ. Въ старину существовали для него школы: мальчики учились у церковныхъ дьячковъ и составляли пѣвческіе хоры. Нищіе, прося милостыню, и колодники, которыхъ выводили изъ тюрьмы собирать подаяніе, съ жалобными причетами пѣли пѣсни нравственнаго и религіознаго содержанія и приводили въ чувство тогдашнюю публику. Музыка преслѣдовалась Церковью положительно. Самыя народныя пѣсни считались бѣсовскимъ потѣшеніемъ. Православная набожность хотѣла всю Русь обратить въ большой монастырь. Однако, русскій народъ постоянно соблазнялся запрещеннымъ плодомъ; даромъ, что инструментальная музыка возбранялась не только Церковью, но даже и свѣтскою властію, славянская натура вырывалась изъ византійской рамки, въ которую ее старались заключить. Въ поученіи Ефрема Сирина, передѣланномъ на русскій ладъ, говорится, что Христосъ посредствомъ пророковъ и апостоловъ призываетъ насъ, «а дьяволъ зоветъ гусльми и плесцѣ и пѣсньми непріязненными и свирѣльми». Богъ вѣщаетъ: пріидите ко мнѣ вси, и никто не двинется; а дьяволъ устроитъ сборище (заречетъ сборъ), и много набирается охотниковъ. Заповѣдай постъ и бдѣнье — всѣ ужаснутся и убѣгутъ, а скажи «пирове ли, вечеря ли, пѣсни пріязны, то всѣ готовы будутъ и потекутъ, аки крылаты» [1]). У русскихъ были свои національные инструменты: гусли, гудки (ящики

[1]) Рум. муз. рук. 186.

со струнами), сопѣли, дудки, суръмы (трубы), домры, накры (родъ литавръ), волынки, ленки, мѣдные рога и барабаны [1]). Всѣмъ этимъ тѣшили православный людъ скоморохи, составлявшіе у насъ въ нѣкоторомъ смыслѣ особенный ремесленный цехъ, постоянно преслѣдуемый ревнителями благочестія. Иногда они образовывали вольную труппу изъ гулящихъ людей всякаго происхожденія, иногда же принадлежали къ дворнѣ какого нибудь знатнаго господина. Они были не только музыканты, но соединяли въ себѣ разные способы развлекать скуку толпы: одни играли на гудкѣ, другіе били въ бубны, домры и накры, третьи плясали, четвертые показывали народу выученныхъ собакъ и медвѣдей. Между ними были глумцы и стихотворцы-потѣшники, умѣвшіе веселить народъ прибаутками, складными разсказами и краснымъ словцомъ. Другіе носили на головѣ доску съ движущимися куклами, поставленными всегда въ смѣшныхъ и часто въ соблазнительныхъ положеніяхъ; но болѣе всего они отличались и забавляли народъ позорами или дѣйствами, т.-е. сценическими представленіями. Они разыгрывали роли, наряжались въ странное (скоморошное) платье и надѣвали на себя маски, называемыя личинами и харями. Обычай этотъ, любимый народомъ, былъ очень древенъ, и еще въ XIII вѣкѣ митрополитъ Кириллъ осуждалъ «позоры нѣкаки бѣсовскіе со свистаніемъ, и кличемъ, и воплемъ». Въ числѣ такихъ позоровъ было, между прочимъ, вожденіе кобылки, какое-то языческое торжество, называемое благочестивыми лицами бѣсовскимъ. Безъ сомнѣнія, всѣ эти позоры заключали въ своихъ основаніяхъ остатки древней славянской миѳологіи, сильно искаженные въ продолженіе многихъ вѣковъ. Скоморохи ходили большими компаніями, человѣкъ въ пятьдесятъ и болѣе, изъ посада въ посадъ, изъ села въ село

[1]) Рум. муз рукоп. № 374.

и представляли свои позоры преимущественно въ праздники; «лѣнивые безумные невѣгласы дожидаются недѣли (воскреснаго дня), чтобъ собираться на улицахъ и на игрищахъ», — говорится въ предисловіи къ слову о недѣли св. Евсевія [1]), — «и тутъ обрящеши ина гудяща, ина плещуща, ина поюща пустошная, пляшуща, ови борющася и помизающа другъ друга на зло». Въ самый праздничный день гульба начиналась съ самаго утра, народъ отвлекался отъ богослуженія и такъ веселье шло цѣлый день и вечеръ за полночь; мѣстами представленій были улицы и рынки; отъ этого самое слово «улица» иногда означало веселое игрище; и старые, и малые глазѣли на нихъ и давали имъ — кто денегъ, кто вина и пищи. [2]). Скоморохи возбуждали охоту въ зрителяхъ, и послѣдніе сами принимались пѣть, играть, плясать и веселиться. Зимою разгулье скомороховъ было преимущественно на святкахъ и на масляницѣ; тутъ они ходили изъ дома въ домъ, гдѣ были попойки, и представляли свои потѣхи; нѣкоторые, несовсѣмъ разборчивые въ средствахъ возбудить веселіе гостей, приглашали ихъ на свадьбы; когда ѣхали къ вѣнцу, впереди бѣжали смѣхотворцы и глумцы, кричали и кривлялись, а на свадебномъ пиру гудочники и гусельники сопровождали звуками инструментовъ своихъ свадебныя пѣсни. Вообще же пѣсни ихъ были большею частію содержанія, оскорбляющаго стыдливость; ихъ танцы были непристойны; наконецъ ихъ позоры также имѣли предметомъ большею частію что нибудь соблазнительное и тривіальное, какъ это можно видѣть изъ сохраненныхъ Олеаріемъ изображеній скомороха, сидящаго верхомъ на другомъ скоморохѣ и представляющаго, какъ видно, половое совокупленіе животныхъ, и другого скомороха въ самомъ отвра-

[1]) Румянц. Муз. № 182. Злат. мат. 210.

[2]) Слово о Христ. Ж. М. Н. Просв. 1854 г. октябрь.

тительномъ и непристойномъ образѣ. Веселость неразвитого человѣка всегда ищетъ потѣшнаго въ томъ, что образованное чувство находитъ только пошлымъ.

Правительство, слѣдуя внушеніямъ Церкви, не разъ приказывало воеводамъ ломать и жечь ихъ инструменты и хари, и бить батогами тѣхъ, кто созывалъ къ себѣ пѣсенниковъ и глумцевъ. При Михаилѣ Ѳеодоровичѣ однажды въ Москвѣ не только у скомороховъ, но и вообще въ домахъ музыкальные инструменты сожигали; такимъ образомъ ихъ было истреблено пять возовъ. Лишенные всякаго покровительства власти, скоморохи нерѣдко терпѣли и отъ частныхъ лицъ: ихъ зазывали въ дома и, вмѣсто того, чтобъ давать имъ, отнимали у нихъ, что̀ они получали, ходя по міру, да вдобавокъ еще колотили. Эти случаи побуждали ихъ также прибѣгать къ насильственнымъ поступкамъ: принужденные для своей безопасности ходить большими ватагами, они также иногда нападали на проходящихъ и проѣзжихъ, грабили и убивали ихъ. Было повѣрье, что подъ видомъ такихъ весельчаковъ ходили бѣсы: «умысли сатана, како отвратити людей отъ церкви, и собравъ бѣси, преобрази въ человѣки и идяше въ сборѣ велицѣ упестренѣ въ градъ и вси біяху въ бубны, друзіи въ козици и въ свирѣли и иніи, возложьше на яскураты, идяху на злоумысленіе къ человѣкомъ; мнози же оставивши церковь и на позоры бѣсовъ течаху». Прозорливые мнихи видѣли, какъ лукавые бѣсы невидимо били христіанъ желѣзными палицами, отгоняя ихъ отъ Божьяго храма къ играмъ и «ужами за сердце почепивше и влечаху»[1]).

Въ праздничные дни народъ собирался на кулачные и палочные бои. Эти примѣрныя битвы происходили обы-

[1]) Погод. Сборн. № 1288. — Оп. арх. Ив. 296. 298. — Стогл., вопр. 16. 18. — Русск. Достоп. I. 114. — А. И. IV. 125. 355. — Оп. Шуи, 452. — Москв. 1843. 238. — Herberst. 42. — Olear. 93. 302. — Carlisle 206.

кновенно при жилыхъ мѣстахъ, зимою чаще всего на льду. Охотники собирались въ партіи, и такимъ образомъ составлялись двѣ враждебныя стороны. По данному знаку свисткомъ, обѣ бросались одна на другую съ криками; для возбужденія охоты, тутъ же били въ накры и въ бубны; бойцы поражали другъ друга въ грудь, въ лицо, въ животъ — бились неистово и жестоко, и очень часто многіе выходили оттуда калѣками, а другихъ выносили мертвыми. Палочные бои имѣли подобіе турнировъ и сопровождались убійствами еще чаще кулачныхъ боевъ. За то на нихъ-то въ собенности русскіе пріучались къ ударамь и побоямъ, которые вообще были неразлучны со всѣмъ теченіемъ русской жизни и дѣлали русскихъ неустрашимыми и храбрыми на войнѣ. Сверхъ того, молодые люди собирались въ праздники — боролись, бѣгали въ запуски, скакали на лошадяхъ въ перегонки, метали копьемъ въ кольцо, положенное на землѣ, стрѣляли изъ луковъ въ войлочныя цѣли и въ поставленныя шапки. Въ этихъ играхъ побѣдители получали награды и выигрывали заклады. Вѣроятно, въ старину существовалъ обычай увѣнчивать удалыхъ и ловкихъ, какъ это показываетъ старинная поговорка: «безъ борца нѣтъ вѣнца». Церковь карала отлученіемъ предающихся такимъ забавамъ; въ правилѣ митрополита Кирилла, вошедшемъ въ Кормчую и такимъ образомъ постоянно служившемъ церковнымъ закономъ, участники такихъ забавъ изгонялись изъ церквей (да изгнани будутъ отъ сыновъ божьихъ церквей); а убитые въ примѣрныхъ схваткахъ, кулачныхъ и палочныхъ бояхъ и вообще заплатившіе нечаянно жизнію за удовольствіе потѣшиться на этихъ турнирахъ «да будутъ, — сказано въ томъ же правилѣ Кормчей, — прокляти и въ сей вѣкъ и въ будущій; аще ли нашему законоположенію кто противится, ни приношенія изъ нихъ принимати, рекше просфуры и кутіи, свѣчи; аще же умретъ таковъ, къ симъ

іерей не ходитъ и службы за нихъ не творитъ» [1]). Также, конечно, по церковному взгляду предосудительны были и всѣ игрища.

Женщины и дѣвицы, лѣтомъ, въ праздники водили хороводы и собирались для этого обыкновенно на лугахъ близь селеній. Русскія пляски были однообразны: онѣ состояли въ томъ, что дѣвицы, стоя на одномъ мѣстѣ, притопывали, вертѣлись, расходились и сходились, хлопали въ ладоши, выворачивали спину, подпирались руками въ бока, махали вокругъ головы вышитымъ золотомъ платкомъ, двигали въ разныя стороны головою, подмигивали бровями, — всѣ эти движенія дѣлались подъ звуки инструмента какого нибудь скомороха. Въ высшемъ обществѣ пляска вообще считалась неприличною; но господа и госпожи по праздникамъ иногда заставляли предъ собою плясать своихъ рабовъ, особенно литовскихъ и татарскихъ плѣнниковъ. По церковному воззрѣнію, пляска, особенно женская, почиталась душегубительнымъ грѣхомъ: «о, злое проклятое плясаніе! (говоритъ одинъ моралистъ) о, лукавыя жены многовертимое плясаніе! пляшущи бо жена любодѣйца діяволя, супруга адова, невѣста сатанина; вси бо любящіи плясаніе безчестіе Іоанну Предтечѣ творятъ—со Иродьею неугасимый огнь и неусыпаяй червь осудить!» [2]). Даже смотрѣть на пляски считалось предосудительнымъ: «не зрите плясанія и иныя бѣсовскихъ всякихъ игоръ злыхъ прелестныхъ, да не прельщены будете, зряще и слушающе игоръ всякихъ бѣсовскихъ; таковыя суть нарекутся сатанины любовницы» [3]). Любимое препровожденіе времени женскаго пола во всѣхъ классахъ были качели и доски. Качели устраивались двумя способами; перваго рода качели дѣлались очень просто: прикрѣплялась къ веревкѣ

[1]) Публ. Библ. рукоп. № 49.

[2]) Злат. Мат. рук. Публ. Библ., стр. 341.

[3]) Публ. Библ. рукоп. №1. 64.

доска, на нее садились, а другіе веревками качали; другого рода качели строились сложнѣе, какъ и въ настоящее время дѣлаются въ городахъ.

Въ праздникъ пасхи нѣкоторые составляли себѣ изъ этого прибыточный промыселъ: устраивали качели, пускали качаться за деньги и за каждый разъ брали по серебряной деньгѣ съ лица. Женщины простого званія, посадскія и крестьянки качались на улицахъ, а принадлежащія къ зажиточнымъ и знатнымъ семействамъ—у себя въ дворахъ и садахъ. Качанье на доскахъ происходило такъ: на бревнѣ клали доску, двѣ женщины становились по краямъ ея и, подпрыгивая, подкачивали одна другую, такъ-что когда одна подымалась, то другая опускалась. Сверхъ того, женщины качались какъ-то на колесѣ.

Зимнее увеселеніе мужчинъ и женщинъ было кататься на конькахъ по льду: дѣлали деревянныя подковы съ узкими желѣзными полосами, которыя напереди загибались вверхъ, такъ что желѣзо удобно рѣзало ледъ. Русскіе катались на конькахъ съ удивительною легкостію и проворствомъ. Также зимою катались на салазкахъ. Зимніе праздничные вечера проводились въ домашнемъ кругу и съ пріятелями: пѣлись пѣсни, бахары (разсказчики) разсказывали сказки, собесѣдники загадывали загадки, наряжались, смѣшили другъ друга, дѣвушки гадали. Вообще и на эти увеселенія Церковь смотрѣла неблагосклонно: «не есть законъ христіанину всякому баснословити, ибо рече Христосъ во Евангеліи: о всякомъ глаголѣ празднѣ воздадятъ слово человѣци въ день единый» [1]). Цари запрещали народу всякую веселость; но въ то же время и царскія семейства забавлялись пѣснями, которыя пѣли имъ потѣшники, сказками, смотрѣніемъ на пляску и даже разными дѣйствами или сценическими представленіями. Во

[1]) Пог. сборн. Публ. Библ. № 1321.

дворцѣ были веселые гусельники, скрипичники, домрачеи, цымбальники, органисты; штатъ двора составляли, между прочими, дураки-шуты и дурки-шутихи, карлы и карлицы, потѣшавшіе высокихъ особъ своими шалостями. Это дѣлалось даже и при благочестивомъ Θеодорѣ Іоанновичѣ, несмотря на всю монашескую обстановку двора; точно также и у знатныхъ господъ былъ свой подобный придворный штатъ шутовъ, шутихъ, сказочниковъ, пѣсельниковъ, скомороховъ, не знавшихъ никакой другой обязанности, кромѣ той, чтобы въ часы досуга потѣшать господъ и гостей. Изъ такихъ потѣшниковъ были такіе, которыхъ обязанность состояла въ томъ, чтобъ напиваться до-пьяна и дѣлать всякаго рода дурачества въ пьяномъ состояніи [1]). Строгій и набожный царь Алексѣй Михайловичъ, при всемъ своемъ аскетическомъ благочестіи, въ дни рожденія и крещенія дѣтей своихъ устраивалъ на дворѣ музыку изъ инструментовъ того времени, несмотря на то, что духовные называли такіе инструменты бѣсовскими сосудами; а подъ конецъ своего царствованія этотъ государь до того подчинился иноземному вліянію, что допустилъ у себя театръ; сначала играли предметы изъ священной исторіи, а далѣе, узнавши, что другіе монархи увеселяются танцами, царь отважился смотрѣть на балетъ «Орфей».

Игры, имѣвшія цѣлію выигрышъ, были въ употребленіи въ Россіи: зернь, карты, шахматы и тавлеи или шашки. Зернь—были небольшія косточки съ бѣлою и черною стороною. Выигрышъ опредѣлялся тѣмъ, какою стороною упадутъ онѣ, если будутъ брошены; искусники умѣли всегда бросать ихъ такъ, что онѣ падали тою стороною, какою хотѣлось. Эта игра, какъ и карты, считалась самымъ предосудительнымъ препровожденіемъ време-

[1]) De Bruins, 12.

ни, и въ каждомъ наказѣ воеводамъ предписывалось наказывать тѣхъ, кто будетъ ею заниматься. При Алексѣѣ Михайловичѣ, однажды, жадность къ деньгамъ пересилила эту нравственную боязнь власти; въ Сибири, въ 1667 г., зернь и карты отданы были на откупъ, но въ слѣдующемъ году правительство устыдилось такого поступка, и опять уничтожило откупъ и подвергло ихъ преслѣдованію. Игры эти тѣмъ менѣе казалось возможнымъ допустить, что онѣ были любимымъ занятіемъ лѣнтяевъ, гулякъ, негодяевъ, развратныхъ людей; пристанище ихъ было въ корчмахъ или въ кабакахъ, гдѣ имъ для игры отводили тайныя кабацкія бани. Какъ бываетъ всегда со всѣмъ запрещеннымъ, по мѣрѣ большихъ преслѣдованій, зернь и карты болѣе привлекали къ себѣ охотниковъ. Игры эти были повсемѣстны, особенно между служащими людьми. Русскіе распространили употребленіе ихъ между инородцами Сибири: остяками, татарами и другими, и такъ какъ русскіе играли лучше инородцевъ, то оставались всегда въ выигрышѣ и пріобрѣтали отъ нихъ дорогіе мѣха. Карты были въ меньшемъ употребленіи, но, какъ забава, были допущены даже при дворѣ; такъ, при Михаилѣ Ѳедоровичѣ для забавы маленькому Алексѣю Михайловичу съ своими сверстниками куплены были карты. Что касается до шахматовъ, эта игра была любимымъ препровожденіемъ времени царей и бояръ, да и вообще русскіе очень любили ихъ въ старину, какъ и тавлеи или шашки. Однако, благочестіе и эти игры причисляло къ такой же бѣсовщинѣ, какъ зернь, карты, музыку.

На ряду съ зернью и картами, считали непозволительнымъ удовольствіемъ табакъ; но какъ ни строго преслѣдовали это бѣсовское зелье, однако, въ XVII вѣкѣ онъ былъ всенародно распространенъ на Руси. Русскіе получали его отчасти отъ европейскихъ торговцевъ, отчасти съ Востока отъ грековъ, армянъ, персіянъ, турокъ, — отчасти отъ

малороссіянъ. Были такіе охотники до табаку, что готовы были отдать за него послѣднюю деньгу и всегда почти платили за него вдвое и втрое противъ настоящей цѣны, потому что онъ былъ запрещенъ. Табакомъ по Россіи торговали удалыя головы, готовыя рисковать и познакомиться съ тюрьмою и съ кнутомъ, лишь бы копѣйку зашибить. При продажѣ табаку его называли не настоящимъ именемъ, а какимъ нибудь условнымъ названіемъ, напримѣръ: свекольный листъ, толченый яблочный листъ. Табакъ курился не изъ чубука, а изъ коровьяго рога, посрединѣ котораго вливалась вода и вставлялась трубка съ табакомъ большой величины. Дымъ проходилъ чрезъ воду. Курильщики затягивались до того, что въ два или въ три пріема оканчивали большую трубку, и нерѣдко ослабѣвали и падали безъ чувствъ. Нѣсколько такихъ молодцевъ сходились «попить заповѣднаго зелья табаку» и передавали другъ другу трубку. «Ахъ, какое чудесное зелье табакъ! Нѣтъ ничего лучше въ свѣтѣ табаку; онъ мозгъ прочищаетъ!» говорили они, очнувшись отъ одурѣнія, сопровождавшаго излишнее куреніе слишкомъ крѣпкаго табаку. Люди благочестивые и степенные, напротивъ, остерегали, что если «который человѣкъ начнетъ дерзати бѣсовскую и богоненавистную и святыми отреченными табаку, то въ того человѣка мозгъ ускрутитъ и вмѣсто того мозга впадетъ въ главу его тая смердящая воня, изгубитъ въ немъ весь мозгъ его, начнетъ тако смердящая тая воня пребывати во главѣ его и неточію во единой главѣ его, но и во всѣхъ костяхъ его тая смердящая воня вселится вмѣсто мозговъ. И аще ли кій человѣкъ которымъ ухищреніемъ начнетъ творити таковое дѣло бѣсовское, таковому бо человѣку не подобаетъ въ церковь божію входити, и креста и евангелья цѣловати, и причастія отнюдь не давати, свѣщи или просфоры или ефиману и всякаго приношенія, и съ людьми ему не мытися и не ясти, дондеже

престанетъ отъ таковыя дерзости» [1]). Въ одной старинной легендѣ разсказывается, что бѣсъ досталъ сѣмена табачныя изъ глубины ада и посѣялъ ихъ на могилѣ блудницы. Воспитанныя разложившимся ея тѣломъ, адскія сѣмена произвели траву, а бѣсъ научилъ употребленію ея людей, которые, сами того не зная, отдаются въ державу дьявола.

Какъ зернь и карты, табакъ при Алексѣѣ Михайловичѣ однажды нѣсколько времени служилъ корыстолюбію правительства, и въ Сибири былъ отданъ на продажу отъ казны, но вскорѣ опять подвергся запрещенію, по убѣжденію духовенства.

Самою достойнѣйшею высшаго класса забавою считалась охота, хотя благочестивые ригористы и на нее смотрѣли неблагосклонно. У насъ она не была принадлежностію только высшихъ классовъ, какъ на Западѣ, потому что звѣрей было слишкомъ много; но простолюдины занимались ею для выгодъ и какъ повинностью. Въ XVI вѣкѣ тяглые люди обязаны были ходить на волчьи, лисьи и медвѣжьи поля, чтò на тогдашнемъ языкѣ значило гоняться за звѣремъ. Въ XVI и XVII вѣкахъ не разъ государи выѣзжали изъ Москвы охотиться около Можайска, гдѣ было множество зайцевъ и около Переяславля. Въ разныхъ мѣстахъ устроены были дворы для содержанія собакъ и пойманныхъ звѣрей, приготовленныхъ для примѣрной травли. Владѣльцы имѣній сбирали сосѣдей, устраивали поля и приготовляли все необходимое для стола. Государь выѣзжалъ въ поле съ большою свитою князей и бояръ, самъ одѣтый въ золотомъ терликѣ или чугѣ, съ двумя продолговатыми ножами и кинжаломъ за поясомъ и съ кистенемъ за спиною; въ рукахъ у него былъ хлыстъ, длиною въ локоть, съ мѣднымъ гвоздемъ на концѣ; ближ-

[1]) Рум. муз. рукоп. № 374.

ніе люди около него держали сѣкиры и шестоперы. Половина охотниковъ были одѣты въ черномъ, другая половина въ желтомъ платьѣ. Окруживъ рощу, всѣ разомъ вскрикивали и пускали гончихъ собакъ; тѣ выгоняли зайцевъ, а тутъ спускали другихъ собакъ, называемыхъ курцы (борзыя), съ пушистыми хвостами. Когда собаки ловили зайцевъ, охотники кричали: уй! уй! Такимъ образомъ затравляли до трехъ-сотъ зайцевъ заразъ. Послѣ того всѣ отправлялись къ деревянной башнѣ, около которой были раскинуты шатры; шатеръ государя отличался, какъ и слѣдовало, особымъ великолѣпіемъ. Всѣ входили въ свои шатры. Государь перемѣнялъ платье и приглашалъ гостей; подавали закуску, преимущественно изъ лакомствъ; придворные подносили государю кушанье съ подобострастіемъ на колѣняхъ; по обычному столовому этикету, государь подавалъ и посылалъ отъ себя подачи; между закусками подавали напитки. Такъ описывается охота Василія Іоанновича [1]). Это описаніе можетъ подать вообще понятіе о ходѣ охоты и у частныхъ лицъ. Было въ обычаѣ ловить медвѣдей и волковъ живыхъ тенетами, чтобъ потомъ устраивать зрѣлища ихъ травли. Какъ государи, такъ и знатные господа любили эту забаву. По современнымъ извѣстіямъ, такія забавы владѣльцевъ были нерѣдко очень тяжелы для крестьянъ и людей ихъ. Насильно ихъ сгоняли, «неволею было сбираемо людское множество», держали по нѣскольку дней, отбивая отъ земледѣльческихъ работъ; приставники, т.-е. холопы, близкіе къ господину, брали съ нихъ посулы, чтобъ не гонять. И гоняли тѣхъ, кто не могъ или не хотѣлъ дать; во время охоты, придираясь къ чему нибудь, били и истязали ихъ; да вдобавокъ нерѣдко такія увеселенія оканчивались «многообразнымъ человѣкомъ губительствомъ на раз-

[1]) Herberst. 87.

личныхъ игрищахъ и въ ловитвахъ [1]); въ лѣсахъ и въ болотахъ снѣгомъ и студеніемъ померзаеми, дождемы и бурею пореваеми, всяческимъ же гладомъ изнуряеми, и мнози человѣци многими виды живота лишаеми, отъ звѣрей уязвляеми и умерщвляеми, и ины многи напасти содѣвахуся имъ таковыми въ ловитвахъ злыми стремленіи; ихъ же въ грѣсѣхъ непщеваху, о семъ же и вины на ся не полагаху, но паче радовахуся, во утѣшеніе вмѣняху себѣ и глаголаху: вельми утѣшихомся; еще же и покаянія о сихъ не поминаху». Охотники, доставлявшіе живыхъ медвѣдей, всегда получали награжденія кубками и одеждами. Пойманныхъ звѣрей содержали въ клѣткахъ, пока господину не вздумается посмотрѣть на травлю. Заставляли медвѣдей сражаться съ собаками и съ людьми. Въ послѣднемъ случаѣ устраивалась арена, обнесенная стѣною, надъ которою дѣлались мѣста для зрителей. На эту арену входили охотники, потомъ впускали медвѣдя и запирали арену. Звѣрь становился на заднія лапы и ревѣлъ; искусство бойца состояло въ томъ, чтобъ не допустить его броситься на себя: предупреждая нападеніе, онъ самъ бросался на него, поражалъ между переднихъ лапъ рогаткою и упирался въ нее ногою; такимъ образомъ случалось, что медвѣдь погибалъ съ перваго удара. Побѣдителя призывали передъ господъ и давали ему выпить, а потомъ жаловали матеріями или сукномъ [2]). Благочестивые пастыри тщетно вопили противъ такихъ увеселеній и забавъ и грозили эпитиміею не только тѣмъ, которые ихъ устраивали, но и тѣмъ, которые смотрѣли на нихъ: «аще кто медвѣдя или иная животная различная игралища прехищряя, и глумы бья, и на позоры человѣки собираяй, и ловитвамъ прилѣжаяй, и ристанія творяй на

[1]) Рук. Рум. муз., № 380.

[2]) Fletch. 203.—Strauss. 185.—Herberst. 88.—Доп. 1. 199, 205.

коняхъ и колесницахъ, и самоборства, и прочая боренія и всякія скоморошества—и не токмо самъ кто сія творяй, но и слушая, и то сихъ въ слабость едино запрещеніе имать, еже сихъ съ епитиміею каятися и престати отъ таковыхъ» [1]).

Соколиная и кречетная охота издавна считалась благородною забавою князей и царей. Птицы ловились въ Сибири и на берегахъ Печоры посредствомъ сѣтей, къ которымъ привязывали для приманки голубей. Кречеты цѣнились въ особенности; этотъ родъ соколовъ былъ огромнаго роста—до двухъ футовъ, съ необыкновенною легкостію въ полетѣ, цвѣтовъ: бураго, пестраго, сѣраго, красноватаго и бѣлаго; бѣлые кречеты цѣнились выше всѣхъ по достоинству. Птицъ этихъ слѣдовало пріучать и сдѣлать ручными, то-есть, чтобъ они, по желанію охотника, слетали съ его руки, хватали на лету добычу и возвращались къ нему съ нею. Чтобъ довести ихъ до такого состоянія, нѣсколько сутокъ (трое или четверо) не давали имъ спать: для этого надѣвали имъ на ноги путы и сажали на кольцо, повѣшенное на веревку. Какъ только птица начинала засыпать, сокольникъ потрясалъ кольцо; отъ этого безпокойства она забывала прежнюю свободу и впадала въ безпамятство. Однако, послѣ нѣкотораго времени, птица опять дичала и снова надобно было ее пріучать. У царей этимъ занимались сокольники, составлявшіе особый отдѣлъ въ числѣ царской дворни. Званіе это существовало въ-старину при князьяхъ. Еще въ XIV вѣкѣ великіе московскіе князья по договорамъ съ Великимъ Новгородомъ посылали въ Двинскую Землю своихъ сокольниковъ на промыселъ за птицами. Василій Іоанновичъ, любитель охоты, бралъ вмѣстѣ съ собаками на охоту и кречетовъ. При Іоаннѣ Васильевичѣ сокольники получили

[1]) Рум. муз. № 380.

правильную организацію; учреждено было званіе сокольничаго, начальника сокольниковъ. Изъ сѣверовосточной Руси привозили царю каждогодно кречетовъ въ большихъ коробахъ, обитыхъ въ рединѣ овчинами. При царѣ Борисѣ охота съ кречетами и соколами составляла обычную царскую потѣху. Но никогда соколиная охота не была въ такой чести, какъ при Алексѣѣ Михайловичѣ. Этотъ царь любилъ ее до страсти. Сокольники поставлены были по достоинству выше стольниковъ, а сокольничій былъ царевъ любимецъ. У него былъ помощникъ, называемый подсокольничимъ и начальные сокольники; въ вѣдѣніи каждаго изъ нихъ были рядовые сокольники, а при нихъ состояли поддатни или ученики; царь облекалъ возведеніе ихъ въ должности византійскою обрядностію. Каждый изъ царскихъ кречетовъ носилъ особое названіе; изъ такихъ названій нѣкоторыя были и не русскія (Гамаюнъ, Малецъ, Бѣляй, Смѣляй, Уморъ, Ширяй, Промышляй, Мастеръ, Арбачъ, Буянъ, Армачъ, Ардачъ, Казакъ, Алай, Адаръ, Бумаръ, Амаръ, Любава, Людава). Любимое поле охоты у царя Алексѣя было въ Коломенскомъ селѣ; но иногда царь ѣздилъ съ сокольниками по болѣе отдаленнымъ краямъ, напримѣръ, около Твери и Владиміра. Охотились за всѣми птицами; но преимущественнѣе царь любилъ охоту за такими, съ которыми дѣло необходилось безъ боя, и гдѣ его любимые соколы и кречеты одерживали побѣды. Каждая такая стычка называлась ставкою; царь особенно любилъ ставки съ коршунами. Кречеты дѣлали разные маневры: враги то расходились, то сходились; иногда воздушное поле битвы простиралось версты на три, и на этомъ пространствѣ происходило до семидесяти ставокъ въ одну добычь. Случалось, что кречетъ залеталъ далеко и пропадалъ: тутъ наступало время досады и гнѣва; но за то наступало время радости, когда бѣглецъ возвращался. Царь записывалъ время знатныхъ побѣдъ, одержанныхъ

кречетами, челигами и соколами, ихъ полеты къ верху и къ низу. Иногда царь посылалъ своихъ птицъ въ подарокъ постороннимъ государямъ, особенно въ Персію, потому что шахъ персидскій ихъ любилъ. Русскія птицы цѣнились до 1,000 руб. за штуку.

XIX.

Праздники.

Праздники были временемъ отклоненія отъ обычнаго порядка по ежедневной жизни и сопровождались разными обычаями, укоренившимися въ домашней жизни. Благочестивые люди вообще почитали приличнымъ ознаменовать праздничное время дѣлами благочестія и христіанскаго благотворенія. Ходить въ церковь къ установленному богослуженію была первая потребность; кромѣ того, хозяева приглашали къ себѣ духовенство, служили въ домѣ молебны и считали долгомъ кормить нищихъ и подавать милостыню. Такимъ образомъ цари учреждали трапезы на нищихъ въ собственныхъ своихъ хоромахъ и, покормивши ихъ, изъ собственныхъ рукъ раздавали деньги, отправлялись въ богадѣльни, посѣщали тюрьмы и давали милостыню заключеннымъ. Такія благотворительныя путешествія происходили особенно предъ большими праздниками: предъ Пасхою и Рождествомъ Христовымъ, также на масляннице; но совершались и въ другіе господскіе и богородичные праздники. Обычай этотъ наблюдался повсемѣстно знатными господами и вообще зажиточными людьми. Алчныхъ кормить, жадныхъ поить, нагихъ одѣвать, больныхъ посѣщать, въ темницы приходить и ноги умывать—по выраженію времени, составляло самое богоугодное препровожденіе праздничныхъ и воскресныхъ дней. Были примѣры, что за такіе благотвори-

тельные поступки цари повышали въ чины, какъ за службу. Дни праздничные считались приличнѣйшимъ временемъ для пировъ, какъ уже было сказано выше. Законодательство русское помогало Церкви, возбранявшей отправлять житейскія труды въ праздничное время [1]); запрещало судить и сидѣть въ приказахъ въ большіе праздники и воскресные дни, кромѣ, впрочемъ, важныхъ нужныхъ государственныхъ дѣлъ; торговые люди должны были прекращать свои занятія наканунѣ воскреснаго и праздничнаго дня за три часа до вечера; и даже въ будни, по случаю храмовыхъ праздниковъ и крестныхъ ходовъ, запрещалось работать и торговать до окончанія богослуженія; но эти правила исполнялись плохо, и несмотря на строгую подчиненность церковнымъ формамъ въ жизни, несмотря на то, что русскіе даже время считали не иначе какъ праздниками, къ изумленію иностранцевъ, они торговали и работали и по воскресеньямъ и по господскимъ праздникамъ. За то простой народъ находилъ, что ничѣмъ такъ нельзя почитать праздника, какъ пьянствомъ; чѣмъ больше былъ праздникъ, тѣмъ ниже былъ разгулъ, тѣмъ болѣе выбиралось въ казну дохода въ кабакахъ и кружечныхъ дворахъ,—даже во время богослуженія пьяницы уже толпились около питейныхъ домовъ: «кто празднику радъ, тотъ до свѣту пьянъ», говорилъ и говоритъ народъ великорусскій.

Въ XVI и XVII вѣкахъ новый годъ праздновался 1 сентября. Этотъ праздникъ назывался днемъ лѣтопровожденія. Въ Москвѣ все духовенство собиралось въ Кремль, тысячи народа толпились на площади. Патріархъ съ клиромъ и духовенствомъ выходилъ на Красную площадь; выходилъ царь въ сопровожденіи множества бояръ и ближнихъ людей, въ великолѣпныхъ нарядахъ. Патріархъ цѣ-

[1]) Уложеніе X, § 25.

ловался съ царемъ въ церкви, осѣнялъ его благословеніемъ, потомъ осѣнялъ весь народъ на всѣ стороны, призывая благословеніе на предъидущій годъ. Такое же благословеніе торжественно давали и епископы. День этотъ проводился весело русскимъ народомъ.

Въ недѣлю предъ Рождествомъ Христовымъ толпы привлекались на зрѣлище пещнаго дѣйствія, которое отправлялось во многихъ мѣстахъ и долѣе сохранялось въ Новгородѣ. Что оно нѣкогда было и въ Москвѣ, указываетъ существованіе «халдеевъ», которые, по извѣстію Олеарія, дурачились по улицамъ во время святокъ. Зрѣлище происходило въ церкви [1]). Особенностію празднества Рожде-

[1]) Этотъ оригинальный обрядъ совершался въ воскресенье предъ праздникомъ Рождества Христова. Если праздникъ приходился въ понедѣльникъ или во вторникъ, тогда пещное дѣйствіе совершалось въ недѣлю св. праотецъ, а если праздникъ былъ въ одинъ изъ прочихъ пяти дней, то въ недѣлю св. отецъ. Приготовленія къ нему начинались еще за нѣсколько дней, напримѣръ, въ среду. Тогда въ церкви разбирали паникадило надъ амвономъ и приготовляли подобіе печи. Въ субботу, послѣ обѣдни, пономари по приказанію ключаря принимали амвонъ: на его мѣсто ставили пещь и около нея большіе желѣзные *шандалы* съ витыми свѣчами. Начиналась вечерня; благовѣстъ къ ней, ради торжественности, длился цѣлый часъ. Тутъ въ первый разъ появлялись люди, которые должны были представлять дѣйство чуда надъ отроками. Это были: отроческій учитель съ тремя отроками и халдеи. Отроки одѣты были въ стихари съ вѣнцами на головахъ, халдеи въ странномъ одѣяніи, называемомъ халдейскимъ платьемъ, въ шлемахъ, съ трубками, въ которыхъ была вложена плавучая трава, съ свѣчами и съ пальмами. Когда святитель входилъ въ храмъ, впереди его шествовали отроки съ зажженными свѣчами; одинъ халдей шелъ по правую руку, другой по лѣвую. Во время входа въ алтарь святителя, халдеи оставались въ трапезѣ,—отроки входили въ алтарь сѣверными дверьми и пѣли вмѣстѣ съ поддьяками. Въ заутрени, за 6 часовъ до разсвѣта, происходило представленіе. Святитель входилъ въ храмъ также съ отроками и халдеями въ томъ же порядкѣ, какъ и наканунѣ, въ вечернѣ; отправлялась заутреня; отроки все это время находились въ алтарѣ. Но когда оканчивали седь-

ства Христова было славить Христа. Священники ходили изъ дома въ домъ. Въ самый день Рождества было въ обычаѣ печь крупичатые калачи или перепечи и посылать пріятелямъ въ дома. Вечера святокъ, какъ и теперь, были

мую пѣснь канона, посвященную, какъ извѣстно, воспоминанію событія трехъ отроковъ, тогда начинали пѣть особый канонъ въ честь ихъ, гдѣ ирмосы и причеты были составлены примѣнительно къ повѣствованію пророка Даніила объ отрокахъ. На седьмой пѣснѣ этого канона отроческій учитель творилъ по три поклона предъ образами и, поклонившись святителю, говорилъ: „благослови, владыко, отроковъ на уреченное мѣсто предпоставити!“ Святитель благословлялъ его по главѣ, говоря: „благословенъ Богъ нашъ, изволивый тако“! Тогда учитель отходилъ, обвязывалъ отроковъ по шеямъ убрусами и, по знаку святителя, отдавалъ халдеямъ; халдеи, держась за концы убрусовъ, шли: одинъ впереди, другой позади отроковъ; отроки держались другъ друга руками. Дошедши до приготовленной пещи, одинъ изъ халдеевъ, указывая на пещь пальмою, говорилъ: „дѣти царевы!... видите ли сію пещь, огнемъ горящу и вельми распаляему“! Другой добавлялъ: „сія пещь уготовася вамъ на мученіе“. Одинъ изъ отроковъ, представлявшій лицо Ананіи, говорилъ: „видимъ мы пещь сію, но неужасаемся ея; есть бо Богъ нашъ на небеси, ему же мы служимъ,—той силенъ изъяти насъ отъ пещи сея“! Представляющій лицо Азаріи продолжалъ: „и отъ рукъ вашихъ избавитъ насъ“; а Мисаилъ доканчивалъ: „а сія пещь будетъ не намъ на мученіе, но вамъ на обличеніе“. Потомъ протодіаконъ зажигалъ свѣчи отроческія и стоялъ на царскихъ дверяхъ, а отроки пѣли: „и потщимся на помощь“, какъ бы приготовляясь къ мученію. По окончаніи пѣнія, протодіаконъ, стоявшій со свѣчами, вручалъ ихъ святителю; отроки подходили къ нему и каждый получалъ отъ него свѣчу, цѣлуя руку святителя. Учитель развязывалъ каждаго отрока предъ полученіемъ святительскаго благословенія. Послѣ того начинался такой діалогъ между халдеями: „Товарищъ“!—Чево?—„Это дѣти царевы“?—Царевы.—„Нашего царя повелѣнія не слушаютъ“?—Не слушаютъ.—„А златому тѣлу не покланяются?—Не поклоняются.—„И мы вкинемъ ихъ въ пещь“?—И начнемъ ихъ жечь.—Тогда брали подъ руки Ананію и вкидали въ пещь, потомъ говорили Азаріи:—„А ты, Азарія, чево сталъ? И тебѣ у насъ то же будетъ“. Тоже брали Азарію и вели въ пещь. Наконецъ такимъ же образомъ поступали и съ Мисаиломъ. Чередной звонарь являлся съ горномъ, наполненнымъ угольями и ставилъ подъ пещь. Протодія-

временемъ гаданій и дѣвичьихъ забавъ. Въ простонародьи сохранились въ эти дни завѣтные обряды язычества. Въ навечеріе Рождества Христова бѣгали по городу или по селу и кликали коледу и усень или таусень; въ навече-

конъ возглашалъ: „Благословенъ еси Господи Боже отецъ нашихъ! Хвально и прославлено имя твое во вѣки“! Отроки повторяли этотъ стихъ, а халдеи ходили около пещи съ трубкою, со свѣчами и съ пальмами, метали изъ трубокъ плавучую траву, примѣриваясь пальмами, какъ будто раздувая огонь. Протодіяконъ читалъ пѣснь отроковъ: „И прави путіе твои, и судьбы истинны сотворилъ еси“. За нимъ пѣли дьяки; когда же протодіяконъ возглашалъ: „и распаляшеся пламень надъ пещію“,—отроки пѣли: „яже обрѣте о пещи халдейстѣй“. Тогда ключарь принималъ отъ священника благословеніе *ангела спушати въ пещь*. Діаконы брали у халдеевъ трубки съ плавучей травою и огнемъ; протодіаконъ громко возглашалъ: „Ангелъ же Господень сниде купно со Азаріиною чадію въ пещь“, и когда доходилъ до стиха: „яко духъ хладенъ и шумящъ“, тогда являлся ангелъ, держа свѣчу и спускаясь сверху съ громомъ въ пещь; халдеи, державшіе въ это время свои пальмы высоко, падали, а дьяконы опаляли ихъ свѣчами. Отроцы зажигали въ вѣнцы свои три свѣчи ангела. Халдеи между собою вступали въ такой разговоръ: „Товарищъ!“—Чево?—„Видиши ли“?—Вижу.—„Было три, а стало четыре“.... Грозенъ и страшенъ зѣло, образомъ уподобися Сыну Божію.—Отроки въ пещи держали ангела — два за крылья, а одинъ за лѣвую ногу. Потомъ ангелъ подымался и бросалъ отроковъ сверху. Протодіяконъ читалъ пѣснь отроковъ; отроки пѣли ее въ пещи, а вслѣдъ за ними повторяли ее дьяки праваго, потомъ лѣваго клироса; халдеи зажигали вновь потухшія свѣчи и стояли съ поникшими головами; когда же пѣснь доходила до мѣста: „благословите тріе отроцы“, ангелъ снова спускался съ громомъ и трясеніемъ въ пещь, а халдеи отъ страха падали на колѣни. По окончаніи всей пѣсни, ангелъ поднимался вверхъ; халдеи подходили къ пещи, отворяли двери пещи, стояли безъ шлемовъ или туриковъ (которые спадали у нихъ при первомъ появленіи ангела) и вели между собою слѣдующій разговоръ: „Ананія! гряди вонъ изъ пещи“!—„Чево сталъ? Поворачивайся,—неиметъ васъ ни огонь, ни солома, ни смола, ни сѣра“. „Мы чаяли—васъ сожгли, а мы сами сгорѣли“! — Послѣ того халдеи выводили за руки отроковъ изъ пещи, одного послѣ другаго, сами надѣвали на себя турики, брали въ руки свои трубы съ плавучею травою и огнемъ и становились по обѣ стороны отроковъ. Обрядъ

ріе Богоявленія кликали пугу. Эти обычаи наблюдались не только по разнымъ глухимъ мѣстамъ Руси, но и въ столицѣ, у подножія Кремля. Вообще время отъ дня Рождества Христова до Богоявленія проводилось разгульно; пьянство доходило до безчинства, тутъ-то чаще происходили кулачные бои; по улицамъ ходили толпы пѣсельниковъ, а халдеи, отправлявшіе предъ праздникомъ дѣйство чуда надъ отроками, бѣгали въ своихъ нарядахъ по городу и обжигали встрѣчнымъ бороды. На праздникъ Богоявленія нѣкоторые купались въ рѣкѣ, послѣ окончанія водоосвященія; въ особенности подвергали себя такой пыткѣ тѣ, которые во время святокъ позволяли себѣ разныя увеселенія и переряживанья.

На масляницѣ безчинства было еще болѣе; тогда ночью по Москвѣ опасно было пройти чрезъ улицу; пьяницы приходили въ неистовство, и каждое утро подбираемы были трупы опившихся и убитыхъ. Въ воскресенье, предъ постомъ, родные и знакомые посѣщали одинъ другого и прощались. Равнымъ образомъ и встрѣтясь на улицахъ, говорили другъ другу: «прости меня, пожалуй!»—Отвѣтъ былъ: «Богъ проститъ тебя».—Тогда, послѣ обѣдни, вспоминая родителей, ѣздили по церквамъ и монастырямъ и прощались съ гробами усопшихъ. Съ наступленіемъ великаго поста начинались дни воздержанія; тѣ самые, ко-

оканчивался многолѣтіемъ царю и всѣмъ властямъ. Заутреня продолжалась обычнымъ порядкомъ. Послѣ славословія, протопопъ съ отроками входилъ въ пещь и читалъ тамъ Евангеліе. По окончаніи заутрени, пещь принималась и ставился снова амвонъ на прежнее мѣсто (Древ. Русск. Вивліоѳ. VI, 371 и дал.). Новгородская халдейская пещь до нашего времени сохранялась въ главѣ собора св. Софіи и въ настоящемъ (1860) году перевезена въ Императорскую Академію Художествъ. Это, такъ сказать, полукруглый шкафъ безъ крышки, съ боковымъ входомъ, на подмосткѣ. Стѣны ея раздѣлены на части продольными колонками, очень искусно украшенными рѣзьбою. По стѣнкамъ находились нѣкогда изображенія, теперь несуществующія. Рѣзьба была позолочена.

торые въ мясоѣдъ и на масляницѣ позволяли себѣ неумѣренность въ пищѣ и питьѣ, теперь питались однимъ кусочкомъ хлѣба съ водою въ день; мужья убѣгали женъ; встрѣчаясь другъ съ другомъ, знакомые напоминали одинъ другому о христіанскомъ житьѣ и постѣ, въ ожиданіи свѣтлаго праздника. Въ старину, какъ принадлежность поста, существовалъ обычай посылать другъ другу такъ называемые укрухи съ разными фруктовыми лакомствами и виномъ. Это дѣлалось, какъ видно, по праздникамъ и субботамъ, когда Церковь ослабляетъ строгость великаго поста. День вербнаго воскресенья привлекалъ зрителей на оригинальную церемонію веденія осла, принадлежащую къ сферѣ церковныхъ обрядовъ. Пасха праздновалась, какъ и теперь, всю недѣлю, и крашеныя яйца, какъ и теперь, составляли особенность праздника. Всю страстную недѣлю повсюду толпились продавцы красныхъ яицъ; другіе расписывали ихъ золотомъ; нѣкоторыя яйца были гусиныя или куриныя, вареныя, а иныя деревянныя; при христосованіи считали необходимымъ дать яйцо, а если христосовались люди неравнаго достоинства, то яйцо давалъ высшій низшему. Въ этотъ праздникъ существовалъ обычай, по которому бояре, а за ними и другія сословія, являлись къ царю и подносили подарки; точно также подносили дары крестьяне господамъ. Эти подарки назывались великоденскими припасами; съ своей стороны и господа ихъ дарили, когда цѣловали [1]). На святой недѣлѣ по улицамъ городовъ и посадовъ господствовала крайняя пестрота одеждъ и всеобщее удовольствіе; всю недѣлю звонили въ колокола, вѣруя, что этотъ звонъ утѣшаетъ на томъ свѣтѣ усопшихъ. Русскіе, встрѣчаясь между собою, цѣловались: никто не могъ отказаться отъ пасхальнаго поцѣлуя; однако, высшіе не всегда дозволяли это

[1]) De Bruyns, 33.

низшимъ себя; такъ, царь не христосовался ни съ кѣмъ, исключая патріарха, а давалъ цѣловать свою руку. Въ старину существовалъ обычай христосоваться съ мертвыми, теперь почти уже вышедшій изъ употребленія. Въ день пасхи, послѣ заутрени, ходили на могилы родителей и родственниковъ и восклицали: Христосъ воскресе! и бросали яйцо на могилу. Такъ точно и царь христосовался съ усопшими предками въ Архангельскомъ и Вознесенскомъ монастыряхъ. Благочестивые люди старались святые дни воскреснаго праздника провести въ дѣлахъ милосердія и въ эти дни особенно кормили нищихъ, раздавали милостыню, посылали пособіе заключеннымъ. Но въ массѣ простого народа духовное торжество воскресенія Христова уступало мѣсто матеріальной радости: толпы наполняли кабаки, на улицахъ шатались пьяные и также какъ на масляницѣ по ночамъ случались убійства.

Изъ церковныхъ праздниковъ въ простомъ народѣ суббота передъ Троицынымъ днемъ и рождества Іоанна Предтечи сопровождалась полуязыческими обрядами. Троицкая суббота, день всеобщаго поминовенія усопшихъ, была вмѣстѣ съ тѣмъ днемъ забавъ и веселищей. Народъ собирался на кладбищахъ (по жальникомъ): сначала плакали, голосили, причитывали по роднымъ, потомъ появлялись скоморохи и гудцы и причудницы: плачъ и сѣтованіе измѣнялись въ веселіе; пѣли пѣсни и плясали [1]). Въ праздникъ Купала во многихъ мѣстахъ народъ безсознательно праздновалъ языческую ночь, проводя ее въ забавахъ. Мы имѣемъ любопытное описаніе такого народнаго праздника въ Псковѣ, въ 1505 году. Когда наступалъ вечеръ 23 іюня, весь городъ поднимался; мужчины, женщины, молодые и старые, наряжались и собирались на игрище. Тутъ являлись неизбѣжные скоморохи и гудцы съ буб-

[1]) Стогл. вопр. 27.

нами, сопѣлями, дудками и струнными гудками: начиналось, по выраженію современника, *ногамъ скаканіе, хребтамъ вихляніе*. Женщины и дѣвицы плясали, прихлопывая въ ладоши, и пѣли пѣсни, принадлежащія этому празднику. По извѣстію монаха, который считалъ эти забавы угожденіемъ бѣсамъ, въ эту ночь происходило много соблазнительнаго, по поводу сближенія молодыхъ людей обоихъ половъ.

XX.

ДОМАШНІЕ ОБРЯДЫ.

Родины и крестины. — Бракъ. — Новоселье. — Смерть.—Погребеніе.

Пиры и увеселенія сопровождали семейныя событія. Рожденіе младенца ознаменовывалось всегда домашнимъ торжествомъ. Зажиточные люди учреждали родинные столы, а крестьяне приготовляли особое пивцо и брали для того разрѣшеніе отъ начальства [1]). Родильницы получали отъ гостей подарки, обыкновенно деньгами: это соблюдалось и у знатныхъ, но только для исполненія обычаевъ; ибо родильницѣ въ домѣ боярскомъ давали по золотому, хотя такая сумма не могла чего-нибудь составить для тѣхъ, кому дарили [2]). Русскіе спѣшили крестить; и чаще всего крещеніе совершалось въ восьмой день по рожденіи, но иногда въ сороковой, такъ какъ эти числа напоминали въ младенческой жизни Іисуса Христа событія Обрѣзанія и Срѣтенія; имя нарекали чаще всего случайно, по названію святого, котораго память случалась въ день кре-

[1]) А. А. Э. I. 421.

[2]) Mejerb. 159. 161.

щенія. Крещеніе происходило у всѣхъ сословій въ церквахъ и допускалось въ домахъ только въ крайнемъ случаѣ, по болѣзни новорожденнаго, да и тогда соблюдалось, чтобъ обрядъ происходилъ непремѣнно не въ той комнатѣ, гдѣ дитя родилось [1]). Изстари, какъ показываютъ это Вопросы и отвѣты Кирика, комната, гдѣ родился младеиецъ, нѣсколько дней считалась оскверненною. Выборъ воспріемниковъ падалъ чаще всего на духовнаго отца или родственника. При крещеніи, на младенца надѣвали крестъ мѣдный, серебрянный или золотой, который оставался на немъ во всю жизнь, какъ символъ его принадлежности къ христіанскому обществу. Воспріемнику священникъ возлагалъ на шею бѣлый платокъ и связывалъ его обоими концами; а по окончаніи обряда платокъ этотъ снимался и оставался въ церкви [2]). Послѣ обряда, въ тотъ же день учреждался крестинный столъ, и при этомъ, кромѣ гостей, кормили и нищихъ. Царь, въ день крещенія своего дитяти, дѣлалъ торжественный столъ для патріарха, духовныхъ властей и свѣтскихъ сановниковъ; по окончаніи обѣда духовные благословляли новорожденнаго, а прочіе гости подносили ему дары. Въ царскомъ быту это былъ единственный разъ, когда царское дитя показывали до совершеннолѣтія;—съ тѣхъ поръ оно оставалось на долгое время погребеннымъ въ глубинѣ постельныхъ хоромъ. Крещеніе царскаго младенца не ограничивалось однимъ обычнымъ, крестиннымъ столомъ. По городамъ и монастырямъ ѣздили жильцы съ грамотами, возвѣщающими о рожденіи царскаго дѣтища, и всѣ монастыри спѣшили везти новорожденному подарки; тѣмъ, которые мало давали, замѣчалось, что они мало желаютъ добра царскимъ дѣтямъ. Въ свою очередь, однако, по случаю рожденія

[1]) Strauss. 217.

[2]) Стогл. гл. 45.

дитяти, царь прощалъ виновныхъ и оказывалъ различныя милости [1]).

Духовное рожденіе считалось значительнѣе тѣлеснаго и оттого день рожденія оставался незамѣтнымъ, а день ангела или именины во всю жизнь праздновался каждымъ, кому состояніе позволяло. Съ утра именинникъ или именинница разсылали гостямъ именинные пироги; знатность лица, которому посылались пироги, измѣрялась величиною посылаемаго пирога. Гости, по приглашенію, сходились на именинный столъ и приносили именинникамъ подарки; духовные благословляли именинниковъ образами, а свѣтскіе подносили матеріи, кубки или деньги [2]). Въ царскомъ быту, царь, въ день своихъ именинъ, по выходѣ изъ храма отъ обѣдни, раздавалъ изъ своихъ рукъ именинные пироги; то же дѣлала царица у себя на свои именины. Совершеннолѣтніе царевичи сами за себя раздавали пироги, а въ день именинъ царевны или малолѣтняго царевича раздавалъ ихъ за именинниковъ царь; но все-таки почиталось необходимымъ, чтобъ отъ именинника были розданы пироги. Если бояринъ или окольничій былъ именинникъ, то являлся съ пирогами къ царю; царь принималъ пирогъ и спрашивалъ именинника о здоровьѣ, потомъ именинникъ представлялся царицѣ и также подносилъ ей пироги [3]). Съ другой стороны царю, какъ и частнымъ лицамъ, на именины подносили подарки, и эти подарки, какъ и подносимые царю и въ другихъ случаяхъ, уже обратились въ законъ. Всѣ торговые люди необходимо должны были поднести царю подарки, которые отсылались на казенный дворъ и съ казеннаго двора продавались; нерѣдко случалось, что купецъ покупалъ на казенномъ дворѣ ту самую вещь, которую когда-то пода-

1) Доп. I. 119.

2) Доп. I. 141. — Врем. XIII. Расх. кн. Никона 10, 30 и дал.

3) Котоших. 25.

рилъ царю, и теперь подносилъ ее государю въ другой разъ. За именинными столами приглашенные гости пѣли многолѣтіе, а послѣ стола именинникъ, съ своей стороны, иногда отдаривалъ гостей; по крайней мѣрѣ такъ водилось у царей [1]).

Несмотря на предпочтеніе духовнаго рожденія плотскому, у русскихъ долго было въ обычаѣ, кромѣ христіанскаго имени, имѣть еще прозвище или некрестное имя; обычай этотъ водился въ удѣльныя времена между князьями, которые, кромѣ крещенаго имени, всегда имѣли еще княжее старославянское и болѣе были извѣстны подъ послѣднимъ. Въ XVI и XVII вѣкахъ мы встрѣчаемъ множество именъ или прозвищъ, которыя существовали вмѣстѣ съ крещенымъ именемъ и употреблялись чаще послѣдняго, такъ что и въ дѣловыхъ бумагахъ назывался человѣкъ не христіанскимъ своимъ именемъ, а прозвищемъ; напр., Первый, Смирный, Девятый, Злодѣй, Козелъ, Паукъ, Русинъ, Злоба, Шестакъ, Неупокой, Нехорошко, Бѣляница, Дунай, Май, Поспѣлко, Роспута, Мясоѣдъ, Кобякъ [2]). Даже священники носили такія имена [3]). Иногда было три имени: прозвище, и два крещеныхъ имени—одно явное, другое тайное, извѣстное только тому, кто его носилъ, духовнику, да самымъ близкимъ. Это дѣлалось по вѣрованію, что лихіе люди, зная имя человѣка, могутъ дѣлать ему вредъ чародѣйственными способами и вообще иногда легко сглазить человѣка [4]). Поэтому въ глазахъ людей прикрывались чуждымъ именемъ, скрывая настоящее. Случалось, что человѣка, котораго всѣ знакомые знали подъ именемъ

[1]) Дом. Б. Рус. Цар. От. Зап. 1854. Январь, 33.

[2]) А. И. II. 213. III. 192. IV. 19. 75.—Доп. I. 76. 83. 85.—II. 154.—Врем. XVIII. См. 54.

[3]). Доп. I. 392.

[4]) Это свѣдѣніе, какъ кажется нигдѣ не напечатанное, открыто Н. В. Калачовымъ, сообщившимъ его мнѣ.

Дмитрія, послѣ кончины, на погребеніи, духовные поминали Өедотомъ; и только тогда открывалось, что онъ былъ Өедотъ, а не Дмитрій. Случалось, что крещеное имя перемѣнялось на другое, по волѣ царя; напр., дѣвицу Марію Хлопову, взятую въ царскій дворъ въ 1623 г. съ намѣреніемъ быть ей невѣстою государя, переименовали въ Анастасію; но когда государь раздумалъ и не захотѣлъ взять ее себѣ женою, тогда она опять стала Марія [1]). Другіе—особенно бѣглые — самопроизвольно перемѣняли свои имена, прозвища, и оставались навсегда съ новыми и такъ были записываемы [2]). Нерѣдко цари давали почетныя прозвища людямъ, и эти прозвища оставались навсегда и потомъ переходили въ фамильныя прозванія; напримѣръ, въ 1564 году, одного мордвина царь нарекъ Дружиною [3]). Прозвища классическія, столь обыкновенныя впослѣдствіи въ семинаріяхъ, были въ употребленіи еще въ XVII вѣкѣ, ибо въ 1635 году встрѣчается фамилія Нероновыхъ [4]).

Бракъ сопровождался самыми затѣйливыми обрядами, и никогда семейная жизнь не облекалась такимъ блескомъ, какъ въ эти торжественныя минуты жизни.

Русскіе женились вообще очень рано. Бывало, что женихъ имѣлъ отъ 12 до 13 лѣтъ [5]). Русскіе какъ будто спѣшили уйти отъ соблазновъ холостой жизни. Рѣдко случалось, чтобъ русскій долго оставался неженатымъ, если только не болѣзнь была этому причиною, или какое нибудь горе не мыкало имъ въ разныя стороны, или если онъ не расположенъ былъ вступить въ монастырь. При ранней женитьбѣ совершенно было естественно, что же-

[1]) С. Г. Гр. Ш. 261.

[2]) П. С. З. I. 596.

[3]) Врем. V. См. 52.

[4]) А. И. III. 333.

[5]) Jenkins. Hacl. 360.

нихъ и невѣста не знали другъ друга до брака: и тотъ и другая, будучи еще дѣтьми, играли страдательную роль подъ вліяніемъ родителей и удалены были отъ людскаго взора. Вообще нравственныя понятія того времени не позволяли молодымъ людямъ обоихъ половъ видѣться и уговариваться между собою. Женихъ не смѣлъ даже сказать, что желаетъ жениться; родителю предоставлялось распоряжаться его судьбою. Только тогда, когда женихъ вступалъ во второй бракъ, или былъ уже въ зрѣлыхъ лѣтахъ, или не имѣлъ родителей, приступъ къ бракосочетанію дѣлался имъ самимъ лично. Иногда же первый шагъ начинался и со стороны родителей невѣсты. Желая сбыть дочку, родители засылали къ жениху близкаго имъ человѣка сватомъ: онъ обыкновенно начиналъ рѣчь похвалою честному имени рода жениха и невѣсты, говорилъ о взаимной любви двухъ родовъ и представлялъ выгоды, какія могутъ произойти отъ соединенія ихъ родствомъ. Если родители жениха соглашались, то приступали къ сватовству обычнымъ порядкомъ [1]). Сами цари дѣйствовали такимъ образомъ,—Михаилъ Ѳедоровичъ предлагалъ дочь свою за датскаго принца [2]). Иногда браки начинались по волѣ высшихъ лицъ; такъ, цари и великіе князья женили своихъ бояръ и ближнихъ людей и сами выбирали имъ невѣстъ, а господа совершали браки между своими слугами, также не испрашивая ихъ согласія. При царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ правительство, желая умножить народонаселеніе въ Сибири, хотѣло непремѣнно, чтобъ пашенные крестьяне, тамъ поселенные, отдавали дочерей своихъ за ссыльныхъ; но какъ честные поселяне не хотѣли брать себѣ въ зятья мошенниковъ и воровъ, то ихъ принуждали къ тому силою и брали за ослушаніе большую пеню [3]).

[1]) Petr. 321.

[2]) С. Г. Гр. III. 406.

[3]) А. И. IV. 60.

Родители, вознамѣрясь женить сына, совѣтовались съ близкими родственниками и часто не говорили объ этомъ самому жениху ничего. Избравши домъ, съ которымъ не стыдно было породниться, они посылали къ родителямъ невѣсты свата или сваху для предварительнаго объясненія. Если родители невѣсты не желали вовсе отдать дочери за предлагаемаго жениха, то отговаривались обыкновенно тѣмъ, что она еще молода, или подобнымъ предлогомъ. Если же были согласны, то не заявляли объ этомъ тотчасъ, но говорили, что посовѣтуются съ роднею и назначали день рѣшительнаго отвѣта. Когда наконецъ давалось согласіе, сватъ или посредникъ просилъ дозволенія видѣть невѣсту. Случалось, что такое дозволеніе не получалось, иногда отъ гордости, иногда оттого, что невѣста была дурна собою. Но чаще случалось, что родители дозволяли видѣть дѣвицу, и тогда посылалась какая нибудь родственница жениха, или же ѣхала сама его мать: во всякомъ случаѣ эта женщина называлась смотрительницею. Показъ невѣсты происходилъ различнымъ образомъ: иногда смотрительницу вводили въ убранную комнату, гдѣ невѣста стояла въ лучшемъ своемъ нарядѣ съ лицомъ, закрытымъ покрываломъ; иногда же невѣста сидѣла за занавѣсомъ, и занавѣсъ отдергивался, когда приближалась смотрительница. Смотрительница прохаживалась съ нею по комнатѣ, заговаривала съ нею, стараясь выпытать, умна ли она, хороша ли, «не безъязычна ли и рѣчью во всемъ исполнена» [1]). Бывало, если у родителей дочь-невѣста уродъ, то вмѣсто ея приводили меньшую и выдавали смотрительницѣ за невѣсту, а если не было другой дочери, то подставляли служанку. Женихъ не имѣлъ права самъ видѣть невѣсты до брака, и слѣдовательно долженъ былъ довольствоваться тѣми извѣстіями о ней, какія передавала ему

[1]) Котоших. 120.

смотрительница. Онъ узнавалъ обманъ не прежде, какъ послѣ вѣнчанья. Обманутый женихъ могъ жаловаться духовнымъ властямъ; производился розыскъ; спрашивали сосѣдей, знакомыхъ и дворовыхъ людей, и если обманъ открывался, то виновнаго наказывали кнутомъ, и бракъ расторгали; но это случалось очень рѣдко; гораздо обыкновеннѣе подводили дѣло такъ, что женихъ поневолѣ долженъ былъ жить съ своею суженой, и ему тогда говорили позднее нравоученіе: «не провѣдавъ подлинно, не женись!». Зато мужъ, въ такомъ случаѣ, въ утѣшеніе себѣ, колотилъ жену, принуждалъ ее постричься, а иногда тайно умерщвлялъ: поэтому нѣкоторые женихи, чувствуя въ себѣ довольно силы и значенія передъ семьею невѣсты, настаивали, чтобы имъ самимъ дозволено было видѣть невѣсту, и родители дозволяли, если дорожили женихомъ; но тогда уже отдѣлаться жениху было трудно. Правда, если невѣста ему не нравилась, онъ не женился; за то долженъ былъ убѣгать всякаго разговора о своихъ прошедшихъ отношеніяхъ, а иначе родители невѣсты, злясь на него, могли подать жалобу духовнымъ властямъ о томъ, что онъ ихъ безчеститъ: дурно говоритъ о невѣстѣ и отбиваетъ жениховъ; такая жалоба могла послѣдовать даже и въ такомъ случаѣ, когда женихъ вовсе ничего не говорилъ; жениха принуждали жениться, или заплатить безчестье, если онъ уже успѣлъ жениться на другой [1]). Впрочемъ, если женихъ и видѣлъ невѣсту—и тогда онъ не могъ уберечься отъ обмана, ибо онъ ее послѣ того уже не видалъ болѣе до самой свадьбы, и родители невѣсты, если были безчестные люди, могли все-таки подмѣнить невѣсту, какъ и въ томъ случаѣ, когда видѣла ее смотрительница. Одинъ молодой человѣкъ — вѣроятно не имѣвшій родителей—задумалъ жениться и поручилъ свату найти

[1]) Котоших. 126.

ему невѣсту. Пріятель условился съ однимъ посадскимъ обмануть его; у этого посадскаго была кривая на одинъ глазъ дочка. Родитель этой красавицы обѣщалъ пріятелю награду, если онъ сбудетъ ее за охотника. Сватъ отправляется къ жениху и говоритъ, что онъ можетъ увидѣть невѣсту изъ окна, когда она пройдетъ по улицѣ. Дѣвицу провели во всемъ убранствѣ, и женихъ смотрѣлъ на нее изъ окна; дѣвица, идя, держалась такъ, чтобъ жениху видѣнъ былъ одинъ ея здоровый глазъ. Женихъ не замѣтилъ другого и согласился жениться. Плохое житье было и мужу, и женѣ: выигралъ зато одинъ сватъ [1]).

Великокняжескія, а впослѣдствіи царскія свадьбы начинались смотромъ дѣвицъ. Собирали изъ разныхъ сторонъ дѣвицъ дворянскихъ фамилій, и царь смотрѣлъ на нихъ и выбиралъ себѣ по вкусу. Когда великій князь Василій Ивановичъ собирался жениться, то на смотръ къ нему собрали тысячу пятьсотъ дѣвицъ [2]). Иванъ Васильевичъ Грозный приказывалъ князьямъ, дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ отовсюду свозить дочерей своихъ *дѣвокъ*. Въ Новгородской области изъ всѣхъ пятинъ должны были помѣщики свозить ихъ въ Новгородъ къ намѣстнику, а намѣстникъ обязанъ былъ доставлять ихъ къ царю, по требованію. Это была обязанность всѣхъ отцовъ, и кто оказывался виновнымъ въ непослушаніи и медленности, тотъ подвергался опалѣ и казни [3]). Эта честь вообще не слишкомъ соблазняла отцовъ, ибо тогда многіе вяземскіе и дорогобужскіе дворяне получили выговоръ за промедленіе. При второмъ бракосочетаніи царя Алексѣя Михайловича дѣвицы были собраны въ домѣ Артамона Сергѣевича Матвѣева, и царь,—въ противность принятому издавна обычаю не посѣщать домовъ подданныхъ своихъ,—смотрѣлъ

[1]) Strauss. 199.—Колл. 11.

[2]) Herb. 19.

[3]) С. Г. Гр. II. 43.

на нихъ въ окошко изъ потаенной комнаты. Онъ выбралъ трехъ и приказалъ довѣреннымъ женщинамъ освидѣтельствовать ихъ душевныя и тѣлесныя достоинства, а потомъ уже, по рекомендаціи этихъ смотрительницъ, избралъ Наталью Кирилловну. Избранную царскую невѣсту брали во дворецъ, облекали въ драгоцѣнныя одежды, нарекали царевною, и она жила въ совершенномъ отчужденіи отъ царя до самаго брака; ибо и цари, подвергаясь общимъ народнымъ нравственнымъ обычаямъ, дозволяли себѣ только однажды видѣть невѣсту.

Послѣ смотра происходилъ сговоръ—первая часть брачнаго праздника или вступленіе къ торжеству. Сговорный день назначался родителями невѣсты. Родители жениха, самъ женихъ и его близкіе родственники пріѣзжали къ нимъ. Это случалось иногда до обѣда, иногда послѣ обѣда, вечеромъ, смотря по тому, какъ угодно было назначить хозяевамъ. Тутъ родители невѣсты принимали гостей съ почестями, выходили къ нимъ на встрѣчу, кланялись другъ другу до земли, сажали гостей на почетныхъ мѣстахъ въ переднемъ углу, а сами садились подлѣ нихъ. Нѣсколько времени они молчали, глядя другъ на друга: такъ слѣдовало по приличію. Потомъ жениховъ отецъ или его старый родственникъ говорилъ церемоніальную рѣчь и въ ней выражалъ, что они пріѣхали для добраго дѣла, а родители невѣсты отвѣчали, что рады такому пріѣзду. Тогда составлялся уговоръ, писалась рядная запись, гдѣ означалось, что обѣ стороны постановляли: въ такое-то время женихъ обязывался взять себѣ въ жену такую-то, а родственники ея должны были ее выдать и дать за ней такое-то приданое. Сроки были различные, смотря по обстоятельствамъ: иногда свадьбы совершались и черезъ недѣлю послѣ сговора, а иногда между сговоромъ и вѣнчаніемъ проходило нѣсколько мѣсяцевъ. Приданое всегда было важнымъ условіемъ русской свадьбы и состояло въ постелѣ,

платьяхъ, домашней утвари и украшеніяхъ, въ рабахъ, въ деньгахъ и недвижимыхъ имѣніяхъ, если дѣвица была дворянскаго происхожденія. Отъ жениха ничего не требовалось; старинный обычай давать за невѣсту вѣно въ XVI и XVII в. совершенно исчезъ [1]). Обыкновенно, приданое доставлялось въ домъ новобрачнымъ послѣ свадьбы; но недовѣрчивые родители жениха нерѣдко требовали, чтобъ оно было доставлено до свадьбы, держась пословицы: «денежки на столъ, дѣвушку за столъ». Все писалось въ рядныя записи подробнымъ образомъ, и въ обезпеченіе вѣрности условій назначалась неустойка или попятное [2]). Та сторона, которая отступала, обязывалась платить извѣстную сумму: такія суммы были велики, смотря по состоянію, и всегда таковы, что могли быть тягостны для несоблюдающаго обязательство. Рядную запись писалъ подъячій, котораго нарочно при этомъ приглашали [3]), иногда въ той же рядной записи прибавлялось условіе, чтобъ мужу не бить жены своей [4]), и въ случаѣ нарушенія условія, ея родители могли искать судомъ на зятѣ, который безъ того не обязывался къ такой кротости по одному своему званію супруга. Невѣсты не было при сговорѣ. Но по окончаніи условій, одна изъ женщинъ, изъ семейства или изъ родни невѣсты, приносила жениху и его родственникамъ подарки отъ имени невѣсты. Сговоръ имѣлъ юридическую силу. Отказаться послѣ него отъ брака—значило оскорбить семью.

Долго ли, коротко ли было время отъ сговора до свадьбы, только женихъ не видалъ своей невѣсты, какъ выше сказано. Когда день, назначеннный для бракосочетанія,

[1]) Fletch. 240.

[2]) Оп. г. Шуи. 415.

[3]) Petr. 321.

[4]) Колл. 11.

приближался, у жениха и у невѣсты дѣлались приготовленія; собирали поѣзжанъ, снаряжали разные свадебные чины, по духу времени составлявшіе необходимость брачнаго торжества; они должны были исполнять разныя символическія должности какъ со стороны жениха, такъ и со стороны невѣсты. Свадебные обряды изображали вступленіе жениха и невѣсты въ иную жизнь и представляли какъ бы торжественное возведеніе ихъ въ новое достоинство. Они имѣли подобіе съ возведеніемъ старинныхъ князей въ достоинство ихъ власти, а потому-то женихъ носилъ названіе князя, а невѣста—княгини. Главный чинъ со стороны жениха былъ тысячскій, точно также, какъ нѣкогда существовала должность съ подобнымъ названіемъ во времена удѣльно-вѣчевыя. Онъ сопровождалъ повсюду жениха, такъ что безъ него женихъ не ступалъ шагу. Затѣмъ слѣдовали посаженые отцы и матери, если не было родныхъ; въ противномъ случаѣ ихъ должность исполняли настоящіе родители. Отецъ и мать жениха благословляли его на бракъ; отецъ и мать невѣсты выдавали невѣсту. Съ обѣихъ сторонъ выбирались старшіе и меньшіе дружки и двѣ свахи изъ замужнихъ женщинъ: одна сваха женихова, другая невѣстина. Съ обѣихъ сторонъ выбирались сидячіе бояре и боярыни, которые должны были образовывать почетный совѣтъ; также съ обѣихъ сторонъ назначались свадебные дѣти боярскіе или поѣзжане, сопровождавшіе шествіе жениха и невѣсты и во время церемоній представлявшіе второй классъ гостей послѣ бояръ. Наконецъ, къ свадебному чину принадлежали лица, выбранныя изъ прислуги: свѣчники, коровайники и фонарщики. Сверхъ всѣхъ свадебныхъ чиновъ былъ одинъ, очень важный, котораго должность была отпускать свадьбу отъ всякаго лиха и предохранять ее отъ колдовства и порчи, ибо свадебное время считалось особенно удобнымъ для порчъ

и колдовскихъ лиходѣйствъ. Онъ назывался ясельничій или конюшій [1]).

Накануне свадьбы собирались къ жениху его гости, а къ невѣстѣ гости, составлявшіе ея поѣздъ; и тѣ, и другіе пировали. Въ царскихъ свадьбахъ царь сидѣлъ съ невѣстою за однимъ столомъ и всѣ приносили поздравленіе. У простыхъ же въ эти дни выбранные свадебные чины съ обѣихъ сторонъ находились отдѣльно. У посадскихъ и у крестьянъ велось въ обычаѣ, что женихъ въ то время посылалъ невѣстѣ въ подарокъ шапку, пару сапоговъ, ларецъ, въ которомъ находились румяна, перстни, гребешокъ, мыло и зеркальцо [2]); а нѣкоторые (XVI вѣка, а можетъ быть также и въ XVII) посылали еще принадлежности женскихъ работъ: ножницы, нитки, иглы, а вмѣстѣ съ ними лакомства, состоявшія въ изюмѣ и фигахъ, и розгу. Это было символическимъ знакомъ того, что если молодая жена будетъ прилежно работать, то ее станутъ за это кормить сладостями и баловать, а иначе будутъ сѣчь розгами [3]).

Вѣнчаніе происходило большею частію вечеромъ. Утромъ въ день торжества (иногда же наканунѣ), сваха невѣсты отправлялась въ домъ жениха приготовлять брачное ложе. Существовало вѣрованіе, что лихіе колдуны и колдуньи могутъ внести порчу и нагнать злыхъ духовъ въ тотъ домъ, гдѣ *рядятъ свадьбу*. Противъ этого наблюдали разныя средства. Между прочимъ, сваха обходила кругомъ хоромину, гдѣ устраивалось брачное торжество, и кровать, гдѣ постилалось брачное ложе, съ рябиною въ рукахъ, на которой нарѣзывались символическіе знаки [4]). Ея шествіе совершалось церемонно. За свахою человѣкъ пять-

[1]) Оп. г. Шуи 456.

[2]) Olear. 215.—А. г. Шуи. 63.

[3]) Дженк. 560.

[4]) Буслаева. О нар. поэз. 32.

десятъ, а иногда и до ста прислужниковъ несли на головахъ разныя принадлежности брачнаго ложа и брачной комнаты. Брачною комнатою избирался сѣнникъ, часто нетопленый. Необходимо было, чтобъ на потолкѣ не было земли, чтобъ, такимъ образомъ, брачная спальня не имѣла никакого подобія съ могилою. Сѣнникъ обивался по стѣнамъ и устилался по помосту коврами; подъ стѣнами всегда были лавки съ полавочниками; по четыремъ угламъ комнаты втыкалось по стрѣлѣ, а на стрѣлы вѣшали соболей, въ княжескихъ и царскихъ свадьбахъ по сороку, а въ другихъ по одному соболю; да сверхъ того на оконечности стрѣлы втыкался калачъ. На лавкахъ по угламъ ставили по оловянику питейнаго меда; надъ дверьми и надъ окнами, какъ внутри, такъ и снаружи, на стѣнахъ прибивали по кресту. Когда въ этотъ покой вносили постель, то впереди несли образа Спаса и Богородицы и большой крестъ. Постель приготовлялась на кровати или на широкой скамьѣ такимъ образомъ: сперва настилали снопы (въ царскихъ свадьбахъ число ихъ было тридевять, то-есть двадцать-семь, а въ обыкновенныхъ свадьбахъ по сороку: то и другое число имѣли символическія значенія и вѣроятно употреблялись по произволу); на снопы клали коверъ, а на него перины: на свадьбѣ Михаила Θеодоровича положено было семь перинъ, одна на другую [1]); у простыхъ клали иногда по двѣ перины и болѣе, по желанію. На перины клали изголовье и двѣ подушки; на подушки натягивались шелковыя наволоки; постель была застлана шелковою простынею, на нее сверху постилали холодное одѣяло; въ довершеніе всего клали на подушку шапку, а въ ногахъ теплое одѣяло, соболье или кунье съ оторочкою изъ болѣе богатой матеріи, чѣмъ самое одѣяло,— шубу и коверъ, и закрывали простынею [2]). Вокругъ по-

[1]) Др. Русск. Вивл. XIII. 169.

[2]) Оп. г. Шуи. 187. 403.

стели устраивались тафтяныя занавѣсы. Надъ постелью ставились образа и крестъ, тѣ самые, которые предшествовали при вносѣ постели. Образа были задернуты убрусами или застѣнками, смотря по ихъ величинѣ. Возлѣ самой постели ставили кади или открытыя бочки съ пшеницею, рожью, овсомъ и ячменемъ. Это означало обиліе, котораго желали новобрачнымъ въ ихъ новомъ домоводствѣ [1]). На царскихъ свадьбахъ сѣнникъ устраивался во дворцѣ. Между тѣмъ, и у жениха, и у невѣсты пекли свадебные хлѣбы или короваи и готовили столъ.

Когда время вѣнчанія приближалось, невѣсту начинали одѣвать въ самое лучшее платье и навѣшивали на нее сколько возможно болѣе украшеній; въ это время дѣвицы пѣли ей свадебныя пѣсни. Между тѣмъ въ парадно-убранной комнатѣ ставили столы, накрывали ихъ брачными скатертьми, уставляли уксусницами, солоницами и перечницами, устраивали поставецъ, какъ водилось вообще на пирахъ, и убирали мѣсто для жениха и невѣсты на возвышеніи или рундукѣ. На этомъ мѣстѣ клали бархатныя или камчатныя золотныя изголовья, а сверху покрывали ихъ соболями; подлѣ самаго мѣста становилось одно лицо изъ свадебныхъ чиновъ: это лицо держало въ рукѣ пукъ соболей; его должность была *опахиватъ* новобрачныхъ. Передъ мѣстомъ ставили столъ, накрытый тремя скатертьми, одна на другой; на нихъ клали соль въ солоницѣ, калачъ или перепечу и сыръ. Надъ мѣстомъ прибивали икону, и, кромѣ того, въ комнатѣ, назначенной для торжества, ставили во всѣхъ четырехъ углахъ по одной иконѣ.

Въ то же время женихъ въ домѣ своихъ родителей собирался съ своими поѣзжанами. Убравшись въ вѣнчальный нарядъ, онъ ожидалъ, какъ ему дадутъ знать, что пора ѣхать за невѣстою. Съ гостьми его находился непремѣнно и священникъ, который долженъ былъ вѣнчать.

[1]) Olear. 211.

Послѣ того, какъ въ домѣ невѣсты все было готово и сама невѣста одѣта, ей на голову возлагали вѣнецъ — символъ дѣвичества, и вели съ торжественнымъ шествіемъ въ залу, гдѣ было устроено мѣсто для нея съ женихомъ. Впереди шли женщины-плясицы, которыя плясали и пѣли пѣсни. За ними коровайники несли на полкахъ, обшитыхъ богатыми матеріями, короваи. На короваяхъ лежали золотыя монеты, называемыя въ описаніи царскихъ свадебъ пѣнязями. Потомъ слѣдовали свѣчники съ свѣчами и фонарщики съ фонярями для свѣчъ. Какъ у жениха, такъ и у невѣсты было по свѣчѣ; два свѣчника несли одну свѣчу, потому что онѣ были массивны, напримѣръ, женихова въ три пуда, невѣстина въ два пуда. На свѣчахъ надѣвались серебрянные или серебряно-вызолоченные обручи и бархатные или атласные кошельки. Возлѣ свѣчъ несли обручальныя свѣчи и богоявленскую (водокрещенную) свѣчу, которою зажигали брачныя свѣчи. Въ царскихъ свадьбахъ, отправляемыхъ во дворцѣ, свѣчи жениха и невѣсты несли разомъ предъ будущею царицею. Въ частныхъ свадьбахъ, жениховы короваи, свѣчи и фонари несли передъ нимъ, когда онъ прибывалъ къ невѣстѣ. За коровайниками, свѣчниками и фонарниками невѣсты шелъ дружка и несъ опахало: то была большая металлическая миса; въ ней лежали на трехъ углахъ хмѣль, собольи и бѣличьи мѣха, платки шитые золотомъ, червонцы и деньги. Двое по сторонамъ предшествовали княгинѣ или невѣстѣ и *держали путь*, чтобы никто не перешелъ дороги. За ними двѣ свахи вели невѣсту въ вѣнцѣ, подъ покрываломъ. За невѣстой слѣдовали сидячія боярыни, составлявшія ея свадебный чинъ: двѣ изъ нихъ держали по мисѣ или по блюду. На одномъ лежала кика — головной уборъ замужней женщины съ принадлежностями, какъ-то: подубрусникомъ или волосникомъ, гребешкомъ и чаркою съ медомъ, разведеннымъ въ водѣ или винѣ. На дру-

гомъ лежали убрусы, назначенные для раздачи гостямъ. Блюдо съ осыпаломъ и съ убрусами ставилось на столѣ передъ главнымъ мѣстомъ, гдѣ лежала перепеча съ сыромъ. По бокамъ становились коровайники, свѣчники и фонарники. Невѣсту сажали на мѣсто, а возлѣ нея сажали какое нибудь лицо, чаще всего брата или родственника, иногда мальчика возрастомъ. Всѣ, составлявшіе чинъ невѣсты, садились по своимъ мѣстамъ, каждый по своему чину.

Когда всѣ усаживались, отецъ и мать невѣсты, дѣйствительные или нареченные, посылали дружку къ жениху. Приходя, онъ извѣщалъ, что время ему идти по невѣсту.

Священникъ первый вставалъ съ мѣста и провозглашалъ: «Достойна есть!» Вставали родители, брали по образу и становились рядомъ. Женихъ кланялся имъ въ ноги, цѣловалъ образъ и получалъ родительское благословеніе. Вслѣдъ затѣмъ поѣздъ отправлялся; въ такомъ торжественномъ шествіи впереди шли коровайники съ короваями, свѣчники и фонарники съ своими принадлежностями, потомъ священникъ съ крестомъ, потомъ бояре, а за ними женихъ, котораго велъ подъ руки тысячскій, за ними поѣзжане, то-есть всѣ, составлявшіе чинъ жениха. Они садились на лошадей верхами или въ сани. Когда такимъ образомъ шествіе достигало двора невѣсты, родители невѣсты выходили къ нимъ на-встрѣчу. Они входили въ приготовленный покой, гдѣ уже сидѣла невѣста. Женихъ молился, знаменуясь крестомъ, и кланялся образамъ на всѣ четыре стороны, потомъ вмѣстѣ въ дружкомъ подходилъ къ своему мѣсту; слѣдовало выкупать это мѣсто у того мужчины или мальчика, который сидѣлъ подлѣ невѣсты; послѣдній, получивъ нѣсколько монетъ, уступалъ свое мѣсто и женихъ садился подлѣ невѣсты на одну подушку съ нею. Въ царскихъ свадьбахъ лицо, сидѣвшее подлѣ невѣсты, сводили съ мѣста, взявши подъ руки.

Эти обычаи сходки жениха съ невѣстою были одинаковы и въ царскихъ свадьбахъ, съ тою разницею, что на свадьбѣ у царей все это происходило въ одномъ и томъ же дворцѣ. Царь собирался въ одной изъ палатъ, царица въ другой; сначала царица шла въ Грановитую палату; ей предшествовалъ священникъ и кропилъ святою водою мѣсто, гдѣ она садилась. На этомъ мѣстѣ лежало сорокъ соболей, которые были подняты, когда она садилась: возлѣ нея садился какой нибудь изъ знатныхъ князей. Когда все было устроено, посылали дать знать царю. Царь отправлялъ прежде своего нареченнаго отца; тотъ, вошедши въ царицыну палату, кланялся на всѣ стороны, ударялъ челомъ будущей государынѣ и садился на большомъ мѣстѣ возлѣ жены своей, если она была здѣсь. Посидѣвъ немного, этотъ нареченный отецъ посылалъ къ царю одного боярина съ рѣчью: «государь царь и великій князь всея Россіи! бояринъ такой-то велѣлъ говорити: прося у Бога милости, время тебѣ идти, государю, къ своему дѣлу». Государь вставалъ, принималъ благословеніе митрополита и со всѣмъ своимъ поѣздомъ шелъ въ Грановитую палату. Впереди его шли двое духовныхъ особъ: благовѣщенскій протопопъ съ крестомъ и крестовый недѣльный священникъ. Священники кропили водою путь, тысячскій велъ царя подъ руку, за нимъ слѣдовали стольникъ съ колпакомъ и стряпчіе. Прибывши въ палату и благословившись, царь подходилъ къ своему мѣсту, большой дружка подымалъ посаженное близъ невѣсты лицо, а царь садился на его мѣсто возлѣ будущей жены.

Когда такимъ образомъ усаживались, начинали разносить кушанье и ставить на столы. Гости ѣли, но, впрочемъ, какъ говоритъ Котошихинъ, не для того, чтобъ наѣсться, а только для чина. Едва ставили на столъ всѣ блюда перваго кушанья, какъ священникъ прочитывалъ: «Отче Нашъ», потомъ молитву покровенія главы. По окончаніи

послѣдней молитвы, сваха подходила къ отцу и матери невѣсты и просила благословенія невѣсту чесать и крутить. «Благослови Богъ!» отвѣчали родители. Зажигались свадебныя свѣчи богоявленскими свѣчами; свѣчники, поставивъ свои свѣчи, держали протянутый между женихомъ и невѣстою большой кусокъ тафты съ нашитымъ крестомъ, такъ что женихъ и его поѣзжане, которые сидѣли на одной съ нимъ сторонѣ, не могли видѣть невѣсты. Сваха снимала съ невѣсты покрывало, потомъ вѣнокъ; другая женщина подносила мису съ кикой и гребнемъ. Сваха омочала гребень въ чарку съ медомъ и расчесывала невѣсту, потомъ свивала или скручивала ей волосы и надѣвала волосникъ, кику и подзатыльникъ и наконецъ закрывала иногда тѣмъ же покровомъ, который раздѣлялъ ее отъ жениха. Вѣнокъ отдавался на сохраненіе на память о дѣвичествѣ. Послѣ того подносили свахѣ мису съ осыпаломъ; она осыпала невѣсту и жениха и опахивала сорока соболями, которые держалъ, какъ выше сказано, одинъ изъ свадебныхъ чиновъ, называемый держальникомъ. У посадскихъ людей во время расчесыванія былъ такой обычай: когда женихъ и невѣста сидѣли, отдѣленные другъ отъ друга покровомъ. имъ приказывали приложить щеки къ покрову. Передъ ними держали зеркальцо, и женихъ здѣсь могъ увидѣть въ зеркалѣ лицо своей будущей жены и дружелюбно ей улыбнуться; въ то же время одинъ изъ гостей подходилъ къ нимъ въ вывороченномъ шерстью вверхъ тулупѣ и желалъ невѣстѣ столько дѣтей, сколько было шерстинокъ въ тулупѣ.

Во все продолженіе обряда укручиванія невѣсты, сидячія боярыни и дѣвицы пѣли свадебныя пѣсни, а дружка, взявъ ножъ, подходилъ къ отцу и матери невѣсты и говорилъ: «благословите рѣзать перепечу и сыръ». «Благослови Богъ!» отвѣчали тѣ. Дружка рѣзалъ перепечу и сыръ на мелкіе куски, клалъ на большое блюдо, накладывалъ

туда же множество ширинокъ, и отдавалъ поддружему или меньшему дружкѣ; самъ получалъ отъ невѣсты вышитый ея руками убрусъ и подносилъ его жениху, а меньшой дружка разносилъ и раздавалъ всѣмъ гостямъ куски перепечи и ширинки, также посылалъ отцу и матери жениха, остававшимся въ своемъ домѣ. Въ то же время сваха осыпала свадебныхъ бояръ и гостей, то-есть бросала въ толпу ихъ горстями все, что̀ было на осыпалѣ—серебрянныя деньги, хмѣль, куски матеріи и проч., и всякъ на лету хваталъ, что̀ успѣвалъ схватить.

Между тѣмъ, подавали другую яству, за нею подавали третью: какъ только она появлялась на столѣ, сваха подходила къ родителямъ невѣсты и просила благословенія—*молодыхъ везти къ вѣнцу*. «Благослови Богъ!» отвѣчали тѣ. Всѣ вставали. Родители брали по образу, обыкновенно въ окладахъ, съ драгоцѣнными украшеніями. Подлѣ нихъ становился священникъ. Новобрачные кланялись и принимали благословеніе. Отецъ и мать размѣнивали ихъ кольцами, и взявъ дочь за руку, отдавали ее жениху, взаимно кланяясь другъ другу. Наконецъ, отецъ бралъ плеть и ударялъ ею свою дочь, говоря: «по этимъ ударамъ ты, дочь, знаешь власть отца; теперь эта власть переходитъ въ другія руки; вмѣсто меня, за ослушаніе тебя будетъ учить этою плетью мужъ!». Съ этими словами онъ передавалъ плеть жениху, а тотъ, принявъ плеть, говорилъ: «я не думаю имѣть въ ней нужды, но беру ее и буду беречь, какъ подарокъ». Онъ закладывалъ ее за кушакъ.

Между тѣмъ, въ продолженіе этого обряда, коровайники и свѣчники выходили. За ними выступали свадебные гости. Устилался путь кусками матеріи, и новобрачные шли по этимъ кускамъ къ дверямъ. Женихова и невѣстина свахи вели невѣсту за руки, все еще закрытую. Тысячскій устраивалъ порядокъ шествія. Между тѣмъ, тѣ, которые держали сорокъ соболей, взятыхъ съ мѣста, гдѣ сидѣли но-

вобрачные, клали ихъ опять на то же мѣсто, а скатерть, на которой рѣзали перепечу и сыръ, складывали и отдавали ключнику.

На дворѣ, передъ крыльцомъ стояло множество осѣдланныхъ лошадей и колымагъ или каптановъ. Когда свадьба происходила у бояръ, близкихъ особъ царя, то имъ на этотъ торжественный день давались царскіе лошади и экипажи.

Сани невѣсты убирались какъ можно понаряднѣе, поволакивались атласомъ, а на сѣдалищѣ клалась бархатная подушка; богатый коверъ спускался со спинки; подъ дугою привѣшивались, какъ водилось, лисьи и волчьи хвосты. Къ такимъ санямъ подводилась невѣста; въ саняхъ сидѣло другое лицо: его слѣдовало свести, точно такъ, какъ сводился сидѣвшій подлѣ невѣсты вмѣсто жениха. Невѣста садилась въ сани вмѣстѣ съ двумя свахами. Надъ нею держали соболей. Подобный обрядъ наблюдался и въ отношеніи жениха: у крыльца стоялъ его аргамакъ, а на аргамакѣ сидѣлъ другой; и когда являлся женихъ, тотъ вставалъ и шелъ пѣшкомъ, а женихъ садился на аргамака и ѣхалъ къ вѣнчанью. Если же, по причинѣ непогоды, нельзя было ѣхать верхомъ, то женихъ садился съ тысячскимъ въ сани или въ коляску, а тотъ, кто прежде сидѣлъ въ саняхъ, шелъ пѣшкомъ. Женихъ долженъ былъ ѣхать съ своимъ поѣздомъ впередъ и прибыть въ церковь ранѣе невѣсты. Въ самыхъ простыхъ свадьбахъ новобрачные ѣздили, а не ходили пѣшкомъ. Въ царскомъ бракосочетаніи путь до церкви устилался камками, и двадцать человѣкъ дѣтей боярскихъ царицыныхъ наблюдали, чтобъ никто не переходилъ пути между женихомъ и невѣстою. Въ простонародныхъ свадьбахъ, впереди поѣзда пѣли свадебныя пѣсни, и забавники отпускали шутки. Это не одобрялось Церковью, и духовные называли вообще свадебныя пѣсни нелѣпымъ крикомъ и козлогласованіемъ.

Когда молодые входили въ церковь, ясельничій съ своими двумя помощниками стерегъ коня и сани, чтобъ кто нибудь не перешелъ дороги между верховымъ конемъ жениха и саньми невѣсты, и чтобы вообще лихіе люди не надѣлали чего нибудь дурного колдовствомъ.

Путь отъ церковныхъ дверей до налоя устилался кусками матеріи; самое мѣсто передъ налоемъ также устилалось и, сверхъ того, на немъ клали соболей. Когда свадьба была вечеромъ, то женихъ и невѣста, тотчасъ послѣ прихода въ церковь, становились на свои мѣста; но иногда свадьбы бывали послѣ обѣдни: тогда женихъ и невѣста становились у церковныхъ столбовъ, слушали литургію, и по окончаніи ея подходили къ налою. Въ царскихъ свадьбахъ XVI вѣка вѣнчаніе происходило послѣ обѣдни, а въ XVII — вечеромъ, и тогда высокая чета вѣнчалась тотчасъ по прибытіи въ храмъ. Послѣ вѣнчанія, невѣсту раскрывали, и священникъ читалъ новобрачнымъ поученіе: въ немъ обыкновенно наставлялъ ихъ ходить часто въ церковь, слушаться своихъ духовниковъ, хранить посты и праздники, подавать милостыню, а мужу повелѣвалъ учить жену палкою, какъ подобаетъ главѣ. Потомъ онъ бралъ жену за руку, вручалъ мужу и приказывалъ имъ поцѣловаться. Жена иногда въ знакъ повиновенія припадала къ ногамъ супруга и касалась челомъ его сапога, мужъ же покрывалъ ее полою платья въ знакъ будущаго покровительства и защиты [1]). Наконецъ, священникъ давалъ новобрачнымъ деревянную чашу съ виномъ; мужъ принималъ, отпивалъ и давалъ женѣ; та отвѣдывала и передавала опять мужу. Такимъ образомъ оба пили три раза, наконецъ мужъ допивалъ, бросалъ подъ ноги чарку и топталъ ее, разомъ съ женою, приговаривая: «пусть такъ подъ ногами нашими будутъ потоптаны тѣ, которые станутъ

[1]) Fletch. 247.

посѣвать между нами раздоръ и нелюбовь». Существовало повѣрье, что кто изъ супруговъ прежде успѣетъ наступить ногою на чашу, тотъ надъ другимъ будетъ сохранять первенство; но какъ ни старались воспользоваться этимъ жены, однако, рѣдко имъ удавалось. Подходили свадебные гости и поздравляли обвѣнчавшихся, а между тѣмъ, тысячскій уже посылалъ дружку впередъ къ отцамъ жениха и невѣсты и къ оставшимся въ домѣ свадебнымъ чинамъ извѣстить, что молодые обвѣнчались въ добромъ здоровьѣ. Въ то же время дружка разрѣзывалъ коровай, и священникъ отсылалъ его (вѣроятно, черезъ того же дружку) отцамъ обоихъ семействъ, какъ символъ будущаго ихъ свойства и родственной пріязни [1]), и оба рода давали обѣтъ быть людьми одного стола и одного хлѣба—*хлѣбосолами* и жить дружно, какъ зёрна одного колоса. Объ этомъ обычаѣ разсказываетъ Флетчеръ, какъ о происходившемъ въ церкви, но, какъ извѣстно, родители въ церкви не бывали, слѣдовательно, обычай соблюдался черезъ посылку. Впрочемъ, вѣроятно, онъ не всегда наблюдался, а въ царскихъ свадьбахъ никогда, ибо тамъ равенства между семьями не было и быть не могло.

При выходѣ изъ церкви, сваха осыпала новобрачныхъ сѣменами льна и конопли, желая имъ счастья; другіе дергали жену за рукавъ, показывая видъ, будто хотятъ разлучить ее съ женихомъ, а жена тѣсно прижималась къ своему суженому. На знатныхъ свадьбахъ существовалъ обычай бросать окружающимъ монеты [2]). Изъ церкви весь поѣздъ отправлялся въ домъ мужа, у простаго народа съ свадебными пѣснями, криками и плясками.

Послѣ вѣнчанія весь поѣздъ отправлялся въ домъ мужа, а на царской свадьбѣ въ тотъ покой, гдѣ было окручи-

[1]) Fletch. 247.

[2]) Паэрле 50.

ваніе; но когда въ XVI вѣкѣ свадьбы происходили послѣ обѣдни, то царица отправлялась въ свои покои; свѣчи и короваи уносили въ сѣнникъ къ постелѣ, а царь ѣздилъ по монастырямъ и, возвращаясь домой, посылалъ звать жену и всѣхъ гостей къ обѣду. Вѣроятно, на свадьбахъ частныхъ людей, если вѣнчаніе было послѣ обѣдни, новобрачные разъѣзжались по своимъ домамъ, а уже къ вечеру жену привозили въ домъ мужа, и тамъ происходило брачное торжество. Если же, какъ чаще случалось, вѣнчаніе было вечеромъ, то всѣ, какъ выше сказано, ѣхали прямо къ жениху. Когда поѣздъ прибывалъ въ его домъ, на встрѣчу выходили отецъ и мать жениха съ образомъ и съ хлѣбомъ-солью и благословляли новобрачныхъ. При входѣ въ домъ, потѣшники, по распоряженію ясельничаго, играли въ сурьмы и бубны «чинно, немятежно, благолѣпно, доброгласно». Тогда новобрачные садились за столъ; всѣ также садились на свои мѣста. Невѣста была уже открыта, и должна была непремѣнно плакать, выражая разлуку съ родителями и страхъ новаго образа жизни, а женщины и дѣвицы пѣли печальныя пѣсни. Ни женихъ, ни невѣста ничего не должны были ѣсть, хотя передъ ними и ставили кушанья. Когда гостямъ подавали третью перемѣну — лебедя, передъ новобрачными ставили жареную курицу; дружка бралъ эту жареную курицу и обвертывалъ скатертью, второю изъ трехъ скатертей, положенныхъ на столѣ передъ новобрачными до вѣнчанья. Онъ обращался къ отцу и матери и говорилъ: «благословите вести молодыхъ опочивать». Тѣ отвѣчали: «благослови Богъ!» и шли къ дверямъ; отецъ останавливался у дверей, а мать уходила къ сѣннику. Тогда дружка уносилъ символическую курицу въ сѣнникъ, за нимъ шли свѣчники и коровайники и ставили свѣчи въ кадь съ пшеницею, стоявшую у изголовья брачнаго ложа. Тысячскій, дружка, свахи вставали. Вставали женихъ и невѣста и подходили къ дверямъ; отецъ

бралъ за руку невѣсту и говорилъ жениху: «Сынъ нашъ! Божіимъ повелѣніемъ» (если же свадьба устраивалась по приказанію царя, то прибавлялось: и царскимъ жалованьемъ) «и благословеніемъ нашимъ и матери твоей велѣлъ тебѣ Богъ сочетатися законнымъ бракомъ и понять *такую-то*; пріемли ее и держи, какъ человѣколюбивый Богъ устроилъ въ законѣ нашей истинной вѣры, и святые апостолы и отцы предаша». Сынъ бралъ свою жену за руку, выходилъ съ нею изъ дверей и шелъ до сѣнника; тутъ встрѣчала ихъ мать или сваха въ вывороченной вверхъ шерстью шубѣ и осыпала новобрачныхъ. Такимъ образомъ новобрачные входили въ сѣнникъ. Гости уходили въ покой, откуда вышли, и продолжали пировать, а дружка и сваха вступали съ новобрачными въ сѣнникъ и раздѣвали ихъ: дружка жениха, сваха невѣсту, и сами потомъ уходили къ гостямъ.

Тогда въ-старину между женихомъ и невѣстою происходилъ обрядъ разуванія, очень древній обрядъ, дошедшій къ русскимъ отъ временъ язычества. Онъ состоялъ въ томъ, что жена, въ знакъ покорности, должна была снять съ мужа сапоги. Въ одномъ изъ сапоговъ была монета. Если ей удавалось снять прежде тотъ сапогъ, въ которомъ была монета — это значило, что ей будетъ счастье; въ противномъ случаѣ значило, что ей придется угождать мужу и разувать. При этомъ, мужъ, въ знакъ своей власти, ударялъ будущую сопутницу своей жизни по спинѣ плетью, полученною отъ тестя.

Когда молодые были въ сѣнникѣ, а гости пировали въ комнатѣ, около сѣнника ходилъ или ѣздилъ ясельничій съ обнаженнымъ мечемъ для предохраненія отъ всякаго лиходѣйства. По прошествіи нѣкотораго времени, отецъ и мать посылали дружку узнать о здоровьѣ новобрачныхъ; если женихъ черезъ дверь отвѣчалъ, что онъ въ добромъ здоровьѣ, это значило, что между ними *доброе совершилось*,

и тысячскій тотчасъ посылалъ къ родителямъ невѣсты сказать, что новобрачные въ добромъ здоровьѣ; дружка за то получалъ подарки, и всѣ свадебные гости отправлялись въ сѣнникъ кормить новобрачныхъ. Какъ женихъ, такъ и невѣста ничего не ѣли въ тотъ день; теперь пищею для нихъ была та самая курица, которую дружка прежде ихъ уносилъ въ сѣнникъ, обернувши скатертью; кромѣ этого символическаго блюда, давали еще и другія кушанья. На царскихъ свадьбахъ, государя кормили передъ сѣнникомъ въ сѣняхъ, а царицу въ самомъ сѣнникѣ. Взявши курицу, новобрачный долженъ былъ, по старинному обряду, отломить у ней ножку и крыло и бросить черезъ плечо назадъ. По другимъ извѣстіямъ, этотъ обрядъ совершался предъ положеніемъ въ постель. Во время кормленія новобрачныхъ, мужъ подавалъ гостямъ вино и всѣ пили съ поздравленіями. Потомъ новобрачныхъ снова укладывали въ постель, а гости возвращались въ прежнюю комнату и продолжали веселиться: тогда веселіе часто переходило въ оргію и нерѣдко забывались всякія приличія. Музыки не было; только трубили въ сурьмы, били въ бубны и накромы.

На другой день новобрачныхъ вели, при звукѣ сурьмъ и литавръ и пѣніи пѣсенъ, въ отдѣльныя мыльни. Въ мыльняхъ ихъ мыли виномъ и медомъ. Жена шла въ мыльню съ свахою и матерью жениха и показывала знаки своего дѣвства; съ нее снимали сорочку и вмѣстѣ съ простынею прятали, какъ свидѣтельство цѣломудреннаго поведенія. Мужъ мылся съ тысячскимъ и дружкою; тогда молодая жена присылала ему въ мыльню сорочку, обыкновенно унизанную жемчугомъ. На царскихъ свадьбахъ цари кушали въ мыльнѣ, а царицы въ избушкѣ. По выходѣ изъ мыльни, новобрачный шелъ впередъ въ сѣнникъ, за нимъ приходила новобрачная. Тутъ являлись женщины, а впереди ихъ сваха несла горшечекъ, или два горшечка,

поставленные на одномъ блюдѣ и обернутые соболями; въ этихъ горшкахъ была каша; сваха кормила ею и мужа и жену; передъ мужемъ держалъ горшечекъ дружка, передъ женою сама сваха; этотъ обычай наблюдался и у царей и у крестьянъ. На царскихъ свадьбахъ происходилъ въ это время обрядъ раскрыванья; бояринъ, нареченный отецъ царскій, раздвигалъ стрѣлою покровъ, заслонявшій царицу; до того времени даже и послѣ вѣнчанія, ее никто не видалъ; только послѣ этого обряда всѣ подходили къ ней и могли имѣть счастіе увидать ея свѣтлыя очи. Послѣ этого всѣ шли къ столу. Въ частныхъ свадьбахъ этотъ послѣдній обрядъ не наблюдался; и послѣ кормленія кашею, женихъ, вмѣстѣ съ своимъ родителемъ, съ тысячскимъ, дружкою и со всѣми свадебными поѣзжанами, ѣхалъ къ родителямъ невѣсты. Вступая къ нимъ въ домъ, новобрачный билъ челомъ и благодарилъ за то, что они вскормили и вспоили дочь свою, его жену, и ласково приглашалъ ихъ къ себѣ на обѣдъ, со всѣми гостьми невѣстина чина. Тогда у жениха былъ торжественный пиръ, называемый княжимъ: это названіе было и у крестьянъ, которые никогда не равнялись князьямъ, и у царей, которые всегда были выше всѣхъ князей. Когда, въ концѣ пира, подавали на столъ овощи и разныя лакомства, отецъ и мать благословляли новобрачныхъ образами и всѣ гости дарили ихъ разными вещами и тканями. Всѣ ѣли, пили въ изобиліи и веселились. Но если бы случилось, что невѣста не сохранила своего дѣвства—общее веселіе омрачалось. Посрамленіе ожидало бѣдныхъ родителей новобрачной. Отецъ мужа подавалъ имъ кубокъ, проверченный снизу, заткнувъ отверстіе пальцемъ; когда сватъ бралъ кубокъ, отецъ жениха отнималъ палецъ и вино проливалось на одежду при всеобщемъ поруганіи и насмѣшкахъ, и тогда самая печальная участь ожидала въ будущемъ ихъ дочь въ чужой семьѣ. Впрочемъ, этого избѣгали,

если бы и такъ случилось. Котошихинъ говоритъ, что въ подобныхъ случаяхъ новобрачный тайно пенялъ тестя и тещу. Вѣроятнѣе, что такіе случаи не только въ высшихъ кругахъ, но даже и между посадскими, были очень рѣдки, тѣмъ болѣе, что дѣвицъ отдавали молодыми.

Въ этотъ день новобрачный, если онъ имѣлъ къ царю доступъ, послѣ посѣщенія родителей невѣсты, являлся во дворецъ со всѣмъ поѣздомъ, состоявшимъ обыкновенно изъ лицъ, имѣвшихъ право являться къ царской особѣ. Государь принималъ ихъ сидя, и въ шапкѣ. Всѣ кланялись въ землю. Государь милостиво спрашивалъ ихъ о здоровьѣ (такой вопросъ считался большою милостью), поздравлялъ жениха съ законнымъ бракомъ, благословлялъ его съ женою образами и жаловалъ подарками, состоявшими обыкновенно въ соболяхъ и разныхъ матеріяхъ или серебрянныхъ сосудахъ, а въ заключеніе приказывалъ подать всѣмъ по кубку романеи, да по ковшу вишневаго меда: всѣ выпивали и уѣзжали домой. Новобрачная не ѣздила съ мужемъ къ царю, а посылала къ царицѣ и царевнамъ подарки, шитые золотомъ и серебромъ тафтяные убрусы. Царица и царевны, принимая эти знаки челобитья, спрашивали ихъ о здоровьѣ. Если же бы случилось, что невѣста не сохранила дѣвства, то мужъ, имѣвшій несчастіе взять за себя такую жену, не смѣлъ явиться царю на глаза.

На слѣдующій день, т.-е. на третій день послѣ брака, было пиршество у родителей невѣсты. При окончаніи стола отецъ и мать невѣсты благословляли новобрачныхъ, а гости дарили ихъ. На свадьбахъ рѣдко дарили деньгами, а по большей части вещами, также скотомъ и лошадьми. По окончаніи пировъ, дары отсылались на рынокъ и оцѣнивались, потомъ женихъ долженъ былъ отдаривать за нихъ подарками равнаго достоинства. Герберштейнъ говоритъ, что, по обычаямъ, женихъ долженъ былъ въ теченіе года непремѣнно отдарить всѣхъ, которые ему поднесли

подарки послѣ свадьбы; иначе же, если онъ въ продолженіе этого времени не исполнилъ своего долга, то долженъ былъ дарить вдвое. Если же онъ не отсылалъ принятыхъ вещей къ цѣновщикамъ, то отдаривалъ по желанію тѣхъ, которые ему дарили. Въ эти послѣсвадебные дни пиршествъ невѣста почти ничего не говорила, кромѣ формальныхъ обрядныхъ рѣчей. Ея малословность считалась достоинствомъ. За то всѣ другія женщины, приглашенныя на свадебное торжество, пользовались большею свободою, чѣмъ когда-либо, и часто случалось, что доходили до безумія; женщины, въ обыкновенное время скромныя и цѣломудренныя, тогда напивались, позволяли себѣ смѣлыя выходки и даже невольно впадали въ грѣшки среди общаго смятенія. Въ эти-то минуты разгула, по народнымъ вѣрованіямъ, всего удобнѣе колдуны могли портить людей, не огражденныхъ молитвою и богомысліемъ отъ ихъ навѣтовъ. Тогда вдругъ на кого нибудь находила скорбь. На одной посадской свадьбѣ, въ XVII в., мать жениха, а потомъ и сноха вдругъ начали кликать безъ ума и памяти. Явился знахарь, взялся ихъ поставить на прежнюю степень, но, набравши за это денегъ, не сдѣлалъ ничего хорошаго, и они подали на него челобитную.

Царскія свадебныя торжества продолжались нѣсколько дней. На другой день отправлялся княжій столъ, на третій—столъ отъ царицы: нареченные родители благословляли высокую чету, а гости подносили дары; на четвертый день царь дѣлалъ столъ духовенству, и при окончаніи обѣда патріархъ и власти благословляли новобрачныхъ образами и всѣ гости дарили имъ кубки и ковши, а потомъ царь отдаривалъ ихъ деньгами, тканями и чествовалъ подачами. Въ слѣдующіе дни дѣлались столы другимъ сословіямъ: стольникамъ, стряпчимъ, дворянамъ, гостямъ, иноземнымъ людямъ и выборнымъ посадскимъ, которые нарочно къ царскому торжеству пріѣзжали съ поздравле-

ніями. Всѣ подносили царю дары. За то и царь, въ эти свѣтлые въ его жизни дни, изливалъ обильно щедроты: нѣсколько дней кормилъ простое духовенство на дворѣ, раздавалъ ему деньги, посылалъ въ города деньги и молебныя грамоты, ѣздилъ съ молодою царицею по монастырямъ, кормилъ и дарилъ чернецовъ; вездѣ чернецы привѣтствовали царя и царицу окладными образами и подносили хлѣбъ и соль. Царь не забывалъ угнетенныхъ и нищихъ, посѣщалъ богадѣльни и тюрьмы, и отпускалъ на свободу узниковъ, посаженныхъ за долги или за неважныя преступленія. Не всегда, впрочемъ, подносимые царямъ дары принимались; такъ, при бракосочетаніи царицы Натальи Кирилловны царь ихъ не принялъ.

Свадебные обряды были одинаковы какъ у первобрачныхъ, такъ и у тѣхъ, которые женились или выходили замужъ въ другой и третій разъ; но второй бракъ не имѣлъ уже той святости, какою облекался первый. Если оба изъ супруговъ были вдовцы, то на нихъ не возлагали вѣнцовъ на голову, а держали на плечахъ. Церковный обрядъ третьяго брака состоялъ въ одномъ молитвословіи, безъ вѣнчанія, и вообще третій бракъ ве одобрялся Церковью. Фотій, въ одномъ изъ своихъ посланій, писанныхъ въ началѣ XV вѣка, приказываетъ священникамъ вообще не допускать мірянъ до третьяго брака, приводя слова Григорія Богослова: «первый бракъ законъ, вторый по нужи прощеніе слабости ради человѣчьскыя, третьи—законопреступленіе, четвертый — нечестье, понеже свиньское есть житіе» [1]). Несмотря на воспрещеніе четвертыхъ браковъ Церковью, они случались, и правительство дозволяло дѣтямъ, рожденнымъ отъ четвертаго брака, пользоваться правами законныхъ дѣтей въ отношеніи наслѣдства [2]).

1) Доп. I. 329.
2) П. С. З. I. 828.

Нѣкоторые сходились для брачнаго сожитія безъ всякаго благословенія Церкви [1]), и жены такихъ назывались невѣнчанными. Эти браки были въ обычаѣ у козаковъ [2]). Встарину нѣкоторые, вопреки кореннымъ основаніямъ христіанскихъ понятій о семейной нравственности, имѣли у себя двѣ жены разомъ, вѣроятно. по языческому обычаю [3]).

Новоселье въ старой русской жизни было торжественнымъ событіемъ; хозяинъ, входившій въ новопостроенный домъ, приглашалъ духовенство освящать его и созывалъ родныхъ и знакомыхъ. Гости являлись непремѣнно съ хлѣбомъ и солью—символами желанія обилія и благополучія; русскіе вѣрили, что приносимый хлѣбъ съ солью въ новомъ домѣ изгонялъ вліяніе злаго духа [4]). Люди, не чуждавшіеся колдовства и ворожбы, напротивъ, являлись на новоселье съ черною кошкою, съ чернымъ пѣтухомъ, тащили растворенную квашню и катали три хлѣба, а потомъ замѣчали, какъ эти хлѣбы ложились, и записывали «на хартіяхъ, и ключи въ псалтырь вложатъ, оттуду ложная вѣщующе» [5]). Надобно было умѣючи выбирать самое мѣсто, на которомъ хотятъ строить новый домъ; для узнанія хорошо или дурно мѣсто, наблюдались разныя гаданья: напримѣръ, клали дубовую кору и оставляли ее на три дня; на четвертый поднимали и замѣчали, что́ подъ корой; если тамъ находили паука или муравья—то считали мѣсто лихимъ; напротивъ, если находили червяковъ или черную мурашку, то можно было ставить домъ безопасно. Гадали еще о томъ же посредствомъ трехъ хлѣбовъ, которые спускали на землю изъ-подъ пазухи: «если всѣ три хлѣбца лягутъ кверху коркою верхнею, то мѣсто добро;

1) А. А. Э. I. 462.

2) А. И. III. 43. 1615 года.

3) Р. Дост. 91.

4) D. Gr. R. v. Mosc. 200.

5) Рум. Муз. рукоп. № 374.

тутъ съ Божіею помощію, ничего не боясь, ставить избу и всякія хоромы; если же лягутъ вверхъ исподнею коркою, тутъ не ставь и то мѣсто покинь. Когда же только два хлѣбца лягутъ кверху верхнею коркою, еще ставь—добро, а когда же падетъ одинъ хлѣбецъ кверху своимъ верхомъ, а два къ исподу, то не вели ставить на томъ мѣстѣ» [1]). Во время пиршества на новосельѣ, комната устилалась травою, и на большомъ столѣ, покрытомъ скатертью, клали принесенные хлѣбы и ставили въ солоницахъ соль. Послѣ пиршества, каждый изъ гостей долженъ былъ что-нибудь подарить хозяевамъ.

Смерть человѣка сопровождалась завѣтными обычаями. По понятію русскихъ, умирать среди семейства въ полной памяти, считалось благодатью небесною для человѣка. Чувствуя приближеніе смерти, русскій составлялъ завѣщаніе, распредѣлялъ свое состояніе и вмѣстѣ съ тѣмъ назначалъ для успокоенія своей души какія-нибудь добрыя дѣла. Богоугодными дѣлами, достойными великой минуты смерти, почиталось раздаваніе милостыни, надѣленіе монастырей и въ особенности освобожденіе рабовъ [2]). Предъ смертію вспоминалось увѣщаніе Церкви, которая, хотя и терпѣла рабство, но въ сущности не одобряла его, и поучала, что «вси есми созданіе Господне, вси плоть едина, и вси мѵромъ единѣмъ помазани, и вси въ руцѣ Господни, его же хощетъ обнищаваеть» [3]). Такъ въ завѣщаніяхъ князей нашихъ всегда почти есть распоряженія объ отпускѣ рабовъ [4]). То же соблюдалось до позднѣйшихъ временъ господами. Нерѣдко господинъ не только отпускалъ на волю всѣхъ холоповъ, но еще раздавалъ отпущеннымъ по нѣ-

[1]) Буслаевъ, о Нар. Поэз. 35.
[2]) Herberst. 30.
[3]) Доп. I. 361.
[4]) С. Г. Гр. I. 51. 82.

скольку рублей, что называлось выдѣлкою [1]). Также благочестивымъ дѣломъ считалось платить и прощать долги [2]). Иногда умирающій учреждалъ послѣ себя монастырямъ кормы и кормы на нищую братію, самъ раздавалъ попамъ разныя вещи и суммы на церкви [3]), назначалъ по себѣ чтеніе псалтиря. Все это называлось строить душу. Все это соединялось съ вѣрованіемъ, что человѣкъ будетъ осуждаемъ послѣ кончины по тѣмъ поступкамъ, съ которыми застанетъ его смертный часъ: «въ коемъ бо дѣлѣ въдосить тя смерть, въ томъ же осужденъ будеши, ли въ постѣ, ли въ бдѣніи, ли въ лѣности» [4]). Около умирающаго собиралось семейство, слуги и близкіе знакомые; ему подносили образа и онъ каждаго благословлялъ особымъ образомъ; въ числѣ окружавшихъ его смертную постель непремѣнно находился духовный отецъ [5]). Многіе для большей вѣрности спасенія души облекались предъ смертію въ монашескую одежду, а иные принимали и схиму, какъ это дѣлали цари. Если больной послѣ того жилъ нѣсколько времени, то уже ничего не вкушалъ, и на землѣ находился какъ бы за предѣлами земной жизни; и если бы случилось ему выздоровѣть, то непремѣнно долженъ былъ поступить въ монастырь [6]). Когда начиналось предсмертное томленіе, тогда читалась отходная. Когда умиралъ царь или особа изъ царской семьи, звонили въ колокола и пѣли великій канонъ; бояре, думные и ближніе люди являлись во дворецъ въ черныхъ платьяхъ.

Какъ только человѣкъ испускалъ дыханіе, на окнѣ ставили чашу съ святой водой и мису съ мукой или съ

1) А. отн. до юр. б. I. 551. 556. 565.—А. г. Шуи, 136.

2) С. Г. Гр. I. 272. 303.

3) С. Г. Гр. I. 32.

4) Погод. Сборн. № 1298.

5) А. А. Э. II. 86.

6) Mejerъ. 483.

кашей [1]) (вѣроятно съ кутьей). Это былъ какой-то остатокъ язычества, существовавшій не у однихъ русскихъ, но и у татаръ. Мертвеца обмывали теплою водою, надѣвали сорочку и завертывали въ бѣлое покрывало или саванъ, обували въ сапоги или башмаки, а руки складывали крестообразно. На царя надѣвали царское одѣяніе, на голову ему возлагали корону. Толпы знакомыхъ и незнакомыхъ стекались въ домъ умершаго; начинался плачъ и причитаніе. Жена покойника обыкновенно заводила первая, причитывая: «ахъ ты, мой милый, мой ненаглядный! Какъ же ты меня покинулъ! На кого меня, сироту, оставилъ? Али я тебѣ не хороша была; али не хорошо наряжалась и убиралась? али мало тебѣ дѣтей народила?» Другіе вопили: «зачѣмъ тебѣ было умирать? Ты былъ такой добрый, щедрый! Али у тебя не было чего съѣсть и спить? али у тебя женушка некрасива была? Али царь тебя не жаловалъ?» Посылали собирать духовенство, и при этомъ обычай требовалъ каждому духовному лицу, приглашаемому на погребеніе, послать въ подарокъ водки, меда и пива. Тѣло лежало на столѣ, пока изготовлялся гробъ. Обыкновенно гробъ дѣлался деревянный, какъ у богатыхъ, такъ и у бѣдныхъ, съ тою разницею, что у богатыхъ обивался внутри и снаружи матеріями разнаго цвѣта: напримѣръ, внутри червчатымъ, а снаружи вишневымъ бархатомъ. Когда мертвеца клали въ гробъ, нѣкоторые, по какому-то повѣрью, привѣшивали къ гробу кафтанъ покойника, а въ ротъ ему клали нѣсколько мелкихъ монетъ, какъ будто для издержекъ въ дальней дорогѣ на тотъ свѣтъ. Лѣтомъ русскіе хоронили очень скоро—обыкновенно въ теченіе двадцати-четырехъ часовъ по смерти, и нѣрѣдко скончавшійся утромъ былъ уже погребенъ при захожденіи солнца. Если по какому-нибудь случаю, напр.,

[1]) Колл. 7.—Strauss. 207.

ожидая прибытія родныхъ, погребеніе откладывалось, то трупъ вносили въ ледникъ, для предупрежденія зловонія. Мертвеца выносили изъ дома закрытымъ гробовою крышкою, сверху покрытою покровомъ или же шубою; такъ, на погребеніе князьямъ Черкасскимъ выдавались изъ казны собольи шубы [1]). Гробъ не везли, а несли на рукахъ, обыкновенно шесть человѣкъ, и, если покойникъ или покойница успѣвали принять монашество, то непремѣнно монахи или монахини. Въ такомъ случаѣ обыкновенно хоронили въ монастыряхъ. Для эффекта нанимались плакальщицы, которыя шли впереди и по бокамъ похороннаго шествія съ распущенными волосами и нарочно искаженными лицами. Онѣ кривлялись и вопили, то громко вскрикивали и заливались плачевными причетами, то заводили тихимъ, пискливымъ голосомъ, то вдругъ умолкали и потомъ заводили снова; въ своихъ причетахъ онѣ изображали заслуги покойника и скорбь родныхъ и близкихъ. Всѣ, сопровождавшіе гробъ, шли съ зажженными свѣчами, обвязавъ платками головы. Мертваго иногда вносили въ церковь и оттуда, по совершеніи панихиды, выносили на кладбище.

Когда гробъ готовились опустить въ могилу, крышу приподнимали и всѣ должны были подходить къ тѣлу и цѣловаться съ мертвымъ, впрочемъ позволялось прикладываться и къ гробу. Жена должна была вопить и причитывать, а плакальщицы показывали свое искусство хоромъ. Священникъ давалъ въ руки мертваго отпустительную грамоту, которую иностранцы, по невѣдѣнію, почитали рекомендательнымъ письмомъ—сами не знали къ кому, кто думалъ къ св. Петру, а кто къ св. Николаю. Послѣ опущенія гроба въ могилу всѣ цѣловали образа, а потомъ ѣли кутью, непремѣнно каждый три раза, наблюдая такой

[1]) А. И. IV. 300.

порядокъ, что прежде всего подходила къ кутьѣ жена, за нею дѣти, потомъ родственники, наконецъ гости, слуги и всѣ посторонніе.

Зимою не спѣшили хоронить, и особенно знатныхъ и богатыхъ предавали землѣ не въ первый день послѣ смерти. Тѣло выносили въ холодную церковь и ставили тамъ иногда дней на восемь; въ это время духовенство служило каждодневно литургію и панихиды. Уже на восьмой день предавали мертваго землѣ. Для людей бѣднаго и даже средственнаго состоянія было чрезвычайно дорого нанимать копать могилу зимою; поэтому мертвецовъ ставили въ усыпальницы или притворы при колокольняхъ, и тамъ держали до весны. Весною семейства разбирали своихъ мертвецовъ и хоронили на кладбищахъ. Должность эту исправляли особые рабочіе, которые назывались гробокопателями. Они получали плату съ каждаго погребенія. Бѣдняки, которымъ не на что было похоронить своихъ родныхъ, просили милостыни на погребеніе, и благочестивые зажиточные люди считали богоугоднымъ дѣломъ похоронить бѣдняка; также изъ христіанской благотворительности отправляли погребеніе содержавшимся въ тюрьмахъ преступникамъ.

Кладбища располагались отдѣльно за городомъ, но часто хоронили близь церквей въ селеніяхъ и посадахъ. По понятію русскихъ, мѣсто для кладбища было свято, и тревожить прахъ мертвыхъ считалось преступленіемъ. Такъ, когда Іоаннъ III перестроилъ Москву и переставляли церкви и монастыри, его поступокъ возбудилъ негодованіе архіепископа Геннадія. «А вѣдь тое для—писалъ онъ—что будетъ воскресеніе мертвыхъ не велѣно ни съ мѣста двинути, опричь тѣхъ великихъ святыхъ.» Ограды около церкви и кладбища были лишены деревьевъ. Это считалось нечестіемъ, на основаніи словъ Второзаконія: «не насадиши садовъ, ни древа подлѣ требника Господа Бога тво-

его» [1]). Неприкосновенность кладбищъ долго наблюдалась свято, и въ 1672 г., когда до свѣдѣнія царя дошло, что въ Архангельскѣ на мѣстѣ, гдѣ было кладбище, паставили торговые амбары, царь велѣлъ ихъ снести [2]). Въ самой Москвѣ повсюду при церквахъ были могилы, и земля подъ кладбищами считалась церковною; духовные, пользуясь этимъ, строили на ней свои лавки и амбары; но въ 1681 г., опять велѣно прекратить такія постройки [3]).

Издавна могилы родителей и предковъ были святыней для русскато народа, и князья наши, заключая договоръ между собою, считали лучшимъ знаменіемъ его крѣпости, если онъ будетъ произнесенъ на отцовскомъ гробѣ [4]).

Утопленниковъ и удавленниковъ не хоронили на кладбищахъ; напротивъ, существовало даже вѣрованіе, что если гдѣ-нибудь похоронятъ утопленника или удавленника, то за это весь край постигаетъ бѣдствіе; на этомъ основаніи встарину народъ, приведенный въ волненіе какимъ-нибудь несчастіемъ, напр. неурожаемъ, выгребалъ такихъ мертвецовъ изъ могилы [5]). Но вообще ихъ хоронили въ убогомъ домѣ, если они не были самоубійцы. Убогіе домы были не только въ Москвѣ, но и въ другихъ мѣстахъ. Въ нихъ хоронили вообще отверженныхъ, которые не считались достойными быть погребенными на кладбищѣ. Такъ и воровъ и разбойниковъ, казненныхъ или умершихъ отъ ранъ, хоронили въ убогомъ домѣ [6]) безъ отпѣванія. Самоубійцъ зарывали въ лѣсу или въ полѣ, но даже и не въ убогомъ домѣ [7]).

1) Посл. Генн. А. А. Э. I. 481.
2) Доп. VI. 208.
3) А. И. V. 117.
4) С. Г. Гр. I. 35.
5) Поѣздка въ Кирил. Б. монаст. 2. 37.
6) Врем. XI. См. 35.
7) Врем. XI. См. 34.

Царское погребеніе совершалось черезъ шесть недѣль послѣ смерти. Тѣло государя шесть недѣль стояло въ домовой церкви въ гробу: крестовые дьяки денно и нощно читали надъ нимъ псалтирь, и попеременно дневали бояре, окольничіи и стольники надъ усопшимъ. Между тѣмъ по всему государству посылались гонцы, которые во всѣ монастыри и церкви возили деньги для служенія панихидъ; въ праздники при служеніи панихиды ставили кутью; эти панихиды по всѣмъ церквамъ и монастырямъ царства русскаго служились въ теченіе шести недѣль, каждый день, исключая воскресеньевъ. Въ сороковой день послѣ кончины совершалось погребеніе царственной особы, Отовсюду стекались въ Москву духовныя власти, архимандриты и игумены. Въ погребальной процессіи впереди шло духовенство; наблюдалось, чтобъ важнѣйшія особы, архіереи и патріархъ, шли сзади прочаго духовенства, а за духовными слѣдовали свѣтскіе сановники, бояре и окольничіе, за ними царское семейство, а за нимъ боярыни. Множество народа толпилось за гробомъ, безъ чиновъ и различія достоинства. Прощанія съ царственными особами не происходило при опущеніи гроба; съ ними прощались ближніе прежде, при вносѣ въ домашнюю церковь послѣ кончины. Опустивъ тѣло въ могилу, не засыпали его землею, а закрывали каменною доскою. Пышность и издержки на погребеніе соразмѣрялись съ значеніемъ усопшей особы, такъ что погребеніе царя производилось великолѣпнѣе, чѣмъ царевичей, а погребеніе царевичей великолѣпнѣе погребенія царевенъ.

Вообще у всѣхъ классовъ сорокъ дней послѣ смерти опредѣлялись на поминовеніе. Семейные нанимали духовныхъ читать псалтирь по усопшимъ. Чтеніе это у иныхъ происходило въ двухъ мѣстахъ разомъ: въ домѣ, гдѣ умеръ покойникъ, и на могилѣ; для этого устраивался на могилѣ деревянный голубецъ, покрытый сверху рогожею; тамъ

стоялъ образъ, и каждое утро при зажженной свѣчѣ монахъ или церковный дьячекъ читалъ псалтирь. [1]). Семейные носили скорбное платье цвѣта чернаго или синяго, и непремѣнно худое и изодранное; быть одѣту опрятно и прилично въ это время считалось неуваженіемъ къ памяти усопшаго. Вмѣстѣ съ молитвами объ усопшихъ отправляли кормы, или поминальные обѣды: такихъ было, смотря по обстоятельствамъ и желанію семейныхъ, не менѣе двухъ и не болѣе четырехъ — въ третій, девятый и двадцатый и, наконецъ, очистительный въ сороковой день, такъ называемый сорочины: тогда снимался трауръ. Чаще всего поминали три раза; толковали, что троекратное поминовеніе совпадаетъ съ перемѣнами, какія испытываетъ тѣло покойника въ гробу: въ третій день измѣняется его образъ, въ девятый распадается тѣло, въ сороковой истлѣваетъ сердце. Это троекратное поминовеніе совпадаетъ съ вѣрованіемъ о путешествіи души на томъ свѣтѣ: въ третій день ангелъ приводитъ душу на поклоненіе Богу. «Яко жь бо отъ царя земнаго послани будутъ воини привести нѣкоего и связавше его повѣдаютъ ему повелѣніе царево, трепещетъ же и держащихъ и ведущихъ его немилостивно къ путному шествію, аще и ангелы отъ Бога послани будутъ пояти душу человѣчу». Если въ этотъ третій день совершаются приношенія памяти усопшаго въ церкви, то душа получаетъ «утѣшеніе отъ скорби прежь бывшія ей отъ разлученія тѣлеснаго, и разумѣетъ отъ водящаго ю ангела, яко память и молитва ея ради въ церкви Божіей принесена, и такъ радостна бываетъ». Съ тѣхъ поръ начинаются путешествія ея съ ангеломъ, который показываетъ ей блаженство рая и муки ада. Въ девятый день ей дается отдыхъ. Душа, сохраняя еще земныя привязанности, слетаетъ то къ дому, гдѣ жила съ тѣломъ, то къ

[1]) Olear. 316.

гробу, гдѣ лежитъ тѣло, въ которомъ была заключена; душа добродѣтельная посѣщаетъ мѣсто, гдѣ она «имѣяше обычай дѣлать въ правду». Тогда душѣ грѣшной указываетъ ангелъ мѣста, гдѣ она согрѣшала, и ей необходима для ободренія молитва Церкви. Наконецъ, въ сороковой день, ангелъ приводитъ ее снова къ Богу и тогда ей назначается мѣсто по заслугамъ: «добрѣ держитъ святая церковь въ четыредесятый день, память сотворяя о мертвомъ»[1]). Кутья была главною принадлежностію постнаго обѣда. О кутьѣ говорилось такъ: «кутья благовѣрная святымъ воня; святіи бо не ядять не пьють, но вонею и благоуханіемъ тѣмъ сыти суть»[2]). Обычай поминовенія былъ и во времена язычества и потому къ нему примѣшивались посторонніе обряды, неодобряемые Церковью. Такъ преподобный Ѳеодосій запрещаетъ ставить по усопшимъ обѣды и ужины, класть на кутью яйца и ставить воду; безъ сомнѣнія, яйца и вода были символами древняго языческаго поминовенія.

XXI.

Вѣрованія.

Въ нашихъ лѣтописяхъ принятіе христіанства выставляется какъ бы безъ борьбы; кажется, будто Русь, омывшись въ купели крещенія, тотчасъ же забыла свой прежній языческій міръ со всѣми твореніями его вымысла. Не совсѣмъ такъ было на дѣлѣ. Къ сожалѣнію, намъ остались такіе отрывки духовнаго противодѣйствія остаткамъ язычества со стороны духовныхъ пастырей, что мы по нимъ не можемъ себѣ уяснить теперь ни сущности языческихъ вѣрованій, ни степени ихъ перерожденія, ни исто-

[1]) св. Макарія. Погод. Сборн. Публ. Библ. № 1321.

[2]) Публ. Библ. рукоп., стр. 203.

ріи ихъ измѣненій, ни приложенія къ разнымъ видамъ внутренней и внѣшней жизни. Духовные равнымъ образомъ порицали и преслѣдовали все, что носило на себѣ память язычества — были ли то дѣйствительныя вѣрованія и убѣжденія, или только наружные обряды, игрушки, забавы, потерявшіе уже прежній смыслъ и серьезное значеніе, такъ точно какъ теперь купальный огонь, вожанье козла на масляницѣ, или малороссійское колядованье. Изъ многаго, что осталось и теперь, мы не знаемъ, то ли значеніе оно имѣло въ XVI и XVII вѣкѣ, какъ въ XIX. Выше было показано, что въ XVI вѣкѣ купальское празднество, какъ народная забава, съ примѣсью таинственнаго вѣрованія, отправлялось во всей силѣ. Точно также и языческое веселье: призываніе мертвыхъ выразилось въ обрядѣ жечь солому и кликать мертвыхъ, осуждаемомъ «Стоглавомъ». Въ XVII вѣкѣ во многихъ мѣстахъ отправлялись разныя увеселенія—остатки язычества. Въ 1620 г. царь Михаилъ Ѳедоровичъ велѣлъ кликать кличъ чрезъ бирючей, чтобъ люди не ходили съ кобылками, не сходились на игрища мірскія «и коледы бъ и овсеня и плуги не кликали» [1]). Но соединялся ли съ этими забавами какойнибудь смыслъ для народа, и въ какой степени—неизвѣстно. Долѣе и полнѣе всѣхъ языческихъ вѣрованій сохранялись, кажется, остатки поклоненія роду и рожаницамъ. По свидѣтельству «Домостроя», въ XVI вѣкѣ еще вѣрили *въ родословіе*, рекше въ *рожаницы* [2]). По толкованію въ словѣ св. Григорія въ сборникѣ, хранящемся въ Кирилло-Бѣлозерскомъ монастырѣ [3]), видно, что ученые люди стараго времени признавали родъ и рожаницъ божествами славянъ-язычниковъ наравнѣ съ упырями и берегинями (извѣстными намъ изъ чешскихъ памятниковъ), Перуномъ,

[1]) А. И. Ш. 96.

[2]) Врем. I. Домостр. 43.

[3]) Поѣздка въ Кирилло-Бѣлоз. мон. 2. 93.

Хорсомъ, Мокошью (о которыхъ упоминаетъ намъ Несторова лѣтопись) и вилами, нимфами, о которыхъ фантастическія преданія сохранились у сербовъ. Обряды, сопровождавшіе поклоненіе роду и рожаницамъ, состояли въ приношеніи этимъ фантастическимъ существамъ въ жертву хлѣба, сыра, меда, куръ и какого-то смѣшаннаго питья (Вопросы Кириковы изъ парамейнаго списка XV вѣка). Обряды эти имѣли смыслъ какъ для рожденія, такъ и для смерти человѣка. Бабы (воспринимавшія младенцевъ) варили кашу *на собраніе рожаницамъ*; въ честь имъ стригли первые волосы съ дѣтей; а въ память умершихъ ставили роду и рожаницамъ особую трапезу. Эта трапеза долго считалась необходимою, хотя въ то же время готовили кутейную трапезу, принятую Церковью. Трапеза называлась трапезою роду и рожаницамъ [1]). Изъ слова Христолюбца, хранящагося въ Румянцевскомъ музеѣ (№181), можно заключить, что поклоненіе роду и рожаницамъ сопровождалось разными увеселеніями: пляскою, музыкою, пѣснями, зажиганіемъ огней; по крайней мѣрѣ, объ этомъ говорится разомъ: «не подобаетъ крестьянамъ игоръ бѣсовскихъ играти: иже есть плясьба, гудьба, пѣсни бѣсовскія, и жертвы идольскія, иже огневи молятся и виламъ, и Мокоши и Симу реглу и Перуну и роду и рожаницамъ и всѣмъ тѣмъ, иже суть имъ подобна». Что при поклоненіи роду и рожаницамъ дѣйствительно пѣли пѣсни, видно изъ Троицкаго сборника XVI вѣка, гдѣ въ укоръ говорится: «а вы поете пѣснь бѣсовскую роду и рожаницамъ». Въ одномъ старинномъ переводѣ пророка Исаіи, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ еврейскій народъ порицается за поклоненіе идоламъ, эти идолы нѣсколько разъ названы родомъ и рожаницами, съ очевиднымъ намѣреніемъ переводчика примѣнить мѣсто пророка къ современнымъ заблужденіямъ: это

[1]) Ст. Срезневск. въ „Архивѣ Калачова“ II. 1. 102. 103.

показываетъ, что вѣрованіе роду и рожаницамъ держалось долго и сильно. Что собственно разумѣлось въ языческія времена подъ этими именами, объяснить трудно и было бы здѣсь неумѣстно, еслибъ существованіе этого остатка язычества не удерживалось въ описываемое нами время. Подъ родомъ, кажется, слѣдуетъ понимать вообще судьбу или участь—долю (греческое слово Ειμαρμενη переведено словомъ *рожденіе*). Родъ употребляется всегда въ единственномъ числѣ, и, слѣдовательно, по древнему вѣрованію существовалъ одинъ родъ для всѣхъ; напротивъ, рожаницы всегда въ множественномъ числѣ, и это показывветъ, что для каждаго полагалась своя рожаница. Существовало вѣрованіе, что въ тотъ день, когда рождался младенецъ, по вліянію рожаницы, давался ему *норовъ* и *осудъ*. Это вѣрованіе совпало вмѣстѣ съ астрологическими вѣрованіями о вліяніи планетъ на рожденіе человѣка; ибо въ одномъ азбуковникѣ о рожаницахъ говорится, что «рожаницами еллины называли семь звѣздъ, называемыхъ планиты, и кто въ какую планиту родился, тотъ по той планите любопрятся предвозвѣщати нравъ младенца». Несомнѣнно, что рожаницы были геніи—хранители жизни. Ихъ изображали кумирами, какъ это видно изъ выраженія: «служатъ Богу и волю его творятъ, а не рожаницамъ — кумирамъ суетнымъ». Передъ этими-то кумирами отправлялись празднества и трапезы роду и рожаницамъ.

Что поклоненіе частнымъ семейнымъ, языческимъ божествамъ оставалось долѣе другихъ вѣрованій язычества, это понятно и естественно, потому что человѣкъ изъ сферы миѳологіи долѣе удерживаетъ то, что относится къ его личности и къ тѣсному кругу жизни, и, напротивъ, легко забываетъ преданія и складъ понятій о существѣ міра, твореніи земли, исторію боговъ и героевъ. Мы, однако, не знаемъ, въ какой степени и гдѣ именно и между кѣмъ

въ XVI и XVII в. удержались эти поклоненія старымъ божествамъ.

Полнѣе обрисовываются для насъ языческіе обычаи у финскихъ народовъ, населявшихъ сѣверную Русь. Такимъ образомъ, въ XVI вѣкѣ въ Водской пятинѣ (нынѣшней Санктпетербургской губерніи) сельскіе жители были только по имени христіане. Они совершали моленія деревьямъ и каменьямъ, и приносили жертвы, сопровождаемыя пированьемъ. Вмѣсто священниковъ, они призывали къ себѣ чудскихъ колдуновъ *арбуевъ*: рождался ли младенецъ — прежде позовутъ арбуя, тотъ наречетъ новорожденному имя, а потомъ уже родители зовутъ христіанскихъ духовныхъ. Не носили хоронить мертвыхъ на кладбища, а погребали ихъ на курганахъ и коломищахъ (?). Эти полухристіане не соблюдали постовъ и въ особенности не терпѣли Петрова поста,—вѣроятно потому, что тутъ у нихъ было время языческихъ празднествъ, — убѣгали христіанскаго брака и предпочитали жить съ женщиною по взаимной любви, безъ вѣнчанія. Архіепископъ Макарій обратилъ вниманіе на такія уклоненія отъ Церкви, приказывалъ священникамъ сожигать мольбища, вѣнчать тѣхъ, которые соединились бракомъ безъ обряда, освящать ихъ святою водою, какъ бы возобновляя утраченную благодать, принятую нѣкогда въ таинствѣ крещенія, и увѣщевать арбуевъ, а непослушныхъ изъ нихъ отправлять въ Новгородъ. Дѣти боярскіе, поселенные въ этихъ мѣстахъ, были обязаны наблюдать, чтобъ народъ не убѣгалъ отъ церковныхъ обрядовъ. Въ Пермской землѣ въ XVI вѣкѣ [1]) люди ходили на поклоненіе истукану золотой бабѣ; когда кого постигало бѣдствіе или болѣзнь, передъ истуканомъ колотили въ бубны и этимъ думали помочь своей бѣдѣ. Такимъ образомъ, финскіе народы на пространномъ сѣверѣ

[1]) Chensl. Hacl. 213.

тогдашней Россіи были въ такомъ же положеніи, какъ теперь чуваши и черемисы или какъ въ прежніе, болѣе отдаленные вѣка, были крещеные русскіе, когда, по свидѣтельству Іоанна Пророка, приносили жертвы болотамъ и колодцамъ, и безъ благословенія пастырей сходились и расходились съ женами [1]). Около Казани и во всѣ стороны въ ея окрестностяхъ, въ XVI вѣкѣ, такъ называемые новокрещенные чуваши, черимисы и вотяки не ходили въ церковь, не соблюдали постовъ и призывали къ родильницамъ не поповъ, а бабъ; хоронили на кладбищахъ татарскихъ; по необходимости повѣнчавшись въ церкви, совершали еще разъ брачные обряды дома, или, вмѣсто женъ, держали у себя плѣнныхъ ливонокъ. [2]).

Въ описываемое нами время русскій народъ, если и потерялъ старыя формы язычества, но сохранялъ его духъ въ самыхъ христіанскихъ вѣрованіяхъ. Безъ знанія законовъ, безъ малѣйшаго понятія о существованіи ихъ, неразвитый человѣкъ находится подъ вліяніемъ таинственныхъ силъ и во всемъ окружающемъ ищетъ чего-то такого, на что̀ хочетъ опереться въ своемъ безсиліи. Обычныя явленія природы наводили страхъ: явленіе кометы, затмѣніе солнца, падающіе камни производили волненіе умовъ и уныніе [3]). Въ народномъ воображеніи существовали разныя фантастическія существа, помѣщаемыя въ природѣ. Обыкновенно, отдаленныя страны служили для воображенія мѣстопребываніемъ такихъ существъ и сценою чудесныхъ событій. Такъ, на сѣверѣ Россіи, мрачномъ, лѣсистомъ, суровомъ, народная фантазія помѣщала пещеру змѣи аспиды, змѣи крылатыя съ птичьимъ носомъ и съ двумя хоботами,—эта пестрая змѣя живетъ въ отдаленныхъ печорскихъ горахъ, не садится на землю, а на камень, а куда полетитъ, можетъ

[1]) Прав. Іоан. 94.

[2]) А. А. Э. I. 436.

[3]) А. И. IV. 331.

всю землю опустошить. Но есть заклинатели-знахари—обаянники, которые умѣютъ ее заговаривать [1]).

Пустынные берега широкой Волги также представлялись въ народномъ воображеніи въ чудесномъ свѣтѣ. Говорили, что выше Саратова есть гора Зміева, гдѣ обиталъ шестиглавый драконъ, налетавшій на Русь и причинявшій опустошенія; но богатырь убилъ его, а драконъ превратился въ камень [2]). Русскіе увѣряли иностранцевъ, что на низовьяхъ Волги растетъ животно-растеніе—баранецъ; оно приноситъ плодъ,похожій на ягненка. Стебель его идетъ черезъпупокъ и возвышается на три пяди; ноги мохнатыя, роговъ нѣтъ, передняя часть какъ у рака, а задняя совершенное мясо. Оно живетъ, не сходя съ мѣста, до тѣхъ поръ, пока имѣетъ вокругъ себя пищу. Показывали мѣховыя шапки и увѣряли удивленныхъ западныхъ европейцевъ, что эти шапки изъ мѣха «баранца».

Съ утратою миѳологическихь образовъ, съ потерею антропоморфическихъ представленій силъ природы, еще долго остается прежній взглядъ на природу, и народъ ищетъ въ окружающихъ его явленіяхъ таинственнаго, относительно къ себѣ, смысла, не давая уже себѣ отчета, откуда исте-

[1]) Аспидъ, змія крылата, носъ имѣетъ птичей и два хобота, и въ коей землѣ вселится—ту землю пусту учинитъ; живетъ въ горахъ каменныхъ, не любитъ ни трубнаго гласа: пришедше же обаянницы обаяти ю и копаютъ ямы и садятся въ ямы съ трубами и покрываются дномъ желѣзнымъ и замазываются сунклитомъ и ставятъ у себе угліе горящее: да разжигаютъ клещи, и егда вострубятъ, тогда она засвищетъ яко горѣ потрястися, и прилетѣвши къ ямѣ, ухо свое приложитъ на землю, а другое заткнетъ хоботомъ, и нашедъ диру малу, начнетъ битися; человѣцы же ухвативши ю клещами горящими держатъ крѣпце; отъ ярости же ея сокрушаются клещи не едины, не двои и не трои, и тако сожжена—умираетъ; а видомъ она пестра всякими цвѣты и на ‘земли не садится, только на камень. Погод. Сбор. Пуб. Биб. 1344).

[2]). Olear. 361.

каетъ этотъ смыслъ, или привязывая его къ новымъ вѣрованіямъ. На этомъ основаніи удерживаются въ народѣ примѣты и гаданья. Можно сказать, что жизнь каждаго русскаго, по мѣрѣ бо̀льшей или меньшей личной наклонности къ мистической созерцательности, вся была управляема примѣтами. Предвѣщательность и знаменательность явленій для него была такъ широко развита, что обратилась въ систему. Въ числѣ запрещенныхъ книгъ ходили по рукамъ волховники или сборники примѣтъ и гаданій, въ назиданіе людямъ. Вотъ, напримѣръ, какого рода примѣты имѣли знаменательность для воображенія: храмъ трещитъ (трескъ въ стѣнѣ), ухозвонъ, кости подъ колпиками свербятъ—путь будетъ; длани свербятъ—пѣнязи имать; очи свербятъ—плакать будутъ; вороноград, куроклинъ (пѣніе курицы)—худо будетъ; утица крякнетъ, гусь гогочетъ, окомигъ (дрожь въ рѣсницахъ), огнь бучитъ (трескъ дровъ), песъ воетъ, мышепискъ (пискъ мышей), мышь порты (платье) грызетъ, кошка въ окнѣ мышьца держитъ, сонъ страшенъ, слѣпца встрѣтить—изгоритъ нѣчто; огонь пищитъ, искра изъ огня, кошка мяукаетъ—падетъ человѣкъ; свѣща угаснетъ, конь ржетъ, волъ реветъ, трава шумитъ, древо скрипитъ, сорока поцекочетъ, дятелъ желна (долбитъ дерево), стѣнощелкъ (червячки въ стѣнахъ), жаба воркуетъ [1]). Нѣкоторыя примѣты служили къ предузнанію погоды и физическихъ явленій: дымъ высоко въ избѣ ходитъ (въ курной)—къ погодѣ; мышь въ жильѣ высоко гнѣздо совьетъ—снѣгъ великъ будетъ, и погода будетъ. Другія служили признаками войны, голода и другихъ народныхъ бѣдствій; наприм. «берегъ подымается и море дичится, и вѣтры сухіе или мокрые тянутъ, и облака дождевыя и снѣжныя и вѣтряныя, и громъ гремитъ, и буря вѣетъ, и лѣсъ шумитъ, и древо о древо скрипаетъ, и волки воютъ,

[1]) Русск. Вѣстн. 1842. 2. 259.

и бѣлки скачютъ—моръ будетъ, и война возстанетъ, и вода пребудетъ, и плодовъ въ лѣтѣ въ коемъ не будетъ или умалится» [1]). Вотъ сколько примѣтъ, и сверхъ того втрое было больше, чѣмъ здѣсь означено; а изъ нихъ многія сохранились до сихъ поръ. Вѣрили въ сонъ и составляли обширную систему знаменательныхъ истолкованій; вѣрили въ чохъ, въ полазъ (вѣроятно насѣкомыхъ,—выводъ предвѣщаній изъ различныхъ ихъ движеній), вѣрили въ встрѣчу [2]), то есть считали встрѣчу съ одними предметами счастливымъ, съ другими несчастнымъ предзнаменованіемъ. Къ несчастнымъ въ древности принадлежали: встрѣча съ монахомъ, съ лысымъ конемъ, съ свиньею. Преподобный Өеодосій въ XII вѣкѣ укорялъ [3]) тѣхъ, которые при такихъ встрѣчахъ ворочались назадъ. Эти примѣры изъ XII вѣка безъ сомнѣнія, существовали въ XVI и XVII вѣкахъ, потому что сохранились и въ наше время. Кромѣ множества гаданій, которыя и теперь служатъ святочной забавой, въ-старину были цѣлыя системы гаданій, записанныя въ книгахъ и гадальныхъ тетрадяхъ. Онѣ носили общее названіе Рафли [4]). Къ такимъ книгамъ принадлежали «Аристотелевы врата», «Шестокрылъ» и астрологическія гаданья, занесенныя къ намъ съ Запада: «Острономы», «Зодѣй», «Альманахъ», «Звѣздочетье»,—сущность послѣднихъ состояла въ отысканіи вліянія, какое имѣли на судьбу человѣка и на обстоятельства его жизни небесныя свѣтила, дни и часы: «о злыхъ часѣхъ и о нарожденіи человѣчестѣмъ въ которую звѣзду или часъ, добръ или золъ, и получая счастковъ и богатству и нищеты и въ нарожденіи добродѣтелемъ, и злобамъ, и долголѣтству житія и скращенія смер-

[1]) Рум. Сбор. рукоп. № 374.

[2]) А. И. IV. 125. С. Р. Барбер. 43.

[3]) Изв. Акад. VI. 278.

[4] А. А. Э. III. 259. Стогл., вопр. II. 22.

ти—и сія вся кощуны и басни суть»[1]). Въ этихъ разнообразныхъ учебникахъ волшебства заключались, по выраженію одного іерарха [2]), такія вещи, «ихъ же не подобаетъ не точію описывати, но ниже помышляти, ради хулы, и многія скверности и отступничества». Къ этой категоріи гаданій относились такъ называемыя *рождественныя волхвованія*, которыя производили чародѣи по призыву матерей надъ младенцами, узнавали и опредѣляли ихъ судьбу [3]). Смѣлая и суевѣрная женщина, будучи беременна и желая узнать, кого она родитъ, давала изъ рукъ своихъ медвѣдю (конечно, ручному, которыхъ часто водятъ скоморохи на потѣху людямъ) хлѣбъ и прислушивалась къ голосу, какой издастъ звѣрь: если онъ рыкнетъ—значитъ, она родитъ дѣвицу, а если замычитъ, то мальчика [4]). Объ образованіи младенца составились полуязыческія, полухристіанскія вѣрованія. Одно писаніе говоритъ, что человѣкъ состоитъ изъ восьми частей: «сердце отъ камени, тѣло отъ персти, кости отъ облакъ, жилы отъ мглы, кровь отъ Чермнаго моря, теплота отъ огня, очи отъ солнца, духъ отъ свята Духа» [5]). Другое писаніе объясняетъ, что во время беременности женщины ея ангелъ-хранитель беретъ части «у земли, или у воды, или у желѣза, или у камени, или у древа, или у огня, или у всякія вещи смертныя, и возметъ отъ того ангелъ материнъ и кинетъ на отроча то, и отъ того зараждается въ немъ духъ» [6]). Человѣческія свойства зависятъ отъ преобладанія какой нибудь изъ восьми частей состава его тѣла: «отъ земли—тѣло: тотъ человѣкъ теменъ, неговорливъ; отъ моря—кровь въ человѣцѣ и тотъ человѣкъ про-

[1]) Пог. Сборн. № 1294.

[2]) Прав. Собесѣдн. 1855. Кн. 11. 64

[3]) Ст. Срезн. Арх. Калач. II. 1. 105.

[4]) Рукоп. Румян. Муз. № 374.

[5]) Рукоп. Румян. Муз. № 358,

[6]) Погод. Сборн. Публ. Библ. № 1315.

хладенъ; отъ огня—жаръ: тотъ человѣкъ сердитъ; отъ камени—кость: тотъ человѣкъ скупъ, немилостивъ; отъ солнца—очи: тотъ человѣкъ богатыреватъ и безстрашенъ; отъ вѣтра—дыханіе: тотъ человѣкъ легкоуменъ; отъ облака—мысль: тотъ человѣкъ похотливъ; отъ свѣта—свѣтъ: тотъ человѣкъ святъ, не мыслитъ земнаго, но мыслитъ небесная» [1]). Къ другимъ гаданьямъ прибѣгали въ разныхъ предначинаніяхъ, чтобы узнать, удачно ли они пойдутъ, въ разныхъ неудачахъ и бѣдствіяхъ, чтобъ узнать, чѣмъ помочь. Одинъ изъ старинныхъ родовъ гаданій назывался *получай* [2]). Какъ онъ совершался—неизвѣстно,—но его названіе заставляетъ думать, что цѣль его была—отысканіе средствъ къ пріобрѣтенію.

Самое распространенное вѣрованіе было въ могущество человѣческой воли и выражающаго ее слова. Все собственно такъ называемое наше старое чародѣйство основывалось главнымъ образомъ на убѣжденіи въ силѣ воли и слова. Волшебникъ или чародѣй въ обширномъ смыслѣ былъ человѣкъ, который силою своего слова могъ производить желаемое, узнавать будущее, измѣнять направленіе обстоятельствъ, властвовать надъ судьбою другихъ людей и даже повелѣвать силами природы. Заговоръ или *примолвленіе* игралъ главную роль въ волшебствѣ. Правда, волшебники дѣйствовали и посредствомъ разныхъ вещей; но народное понятіе приписывало силу не самымъ вещамъ, а слову, которое имъ сообщало эту силу. Сила исходила не изъ природы, а изъ человѣка, изъ его души. То была сила духовная. Даже самое леченіе или отрава людей посредствомъ травъ приписывались не цѣлебному или вредоносному свойству самыхъ растеній по ихъ природѣ, а человѣку, который сообщалъ имъ это свойство своею волею, и потому леченіе травами преслѣдовалось Церковью наравнѣ со всякими другими волшебствами, подъ именемъ

[1]) Тамъ же.

[2]) Врем. I. Домострой, 43.

зелейничества. Полагали, что растенiе, совершенно безвредное, можетъ быть убiйственно, если волшебство сообщитъ ему злокачественную силу. Въ 1632 году, во время войны съ Литвою, запрещено ввозить въ Московское Государство хмѣль, потому что лазутчики донесли, что какая-то *баба вѣдунья* наговариваетъ на хмѣль, чтобы тѣмъ хмѣлемъ, когда онъ будетъ ввезенъ въ Московiю, произвести моровое повѣтрiе [1]). Волшебники носили разныя наименованiя, которыя имѣли свои особые оттѣнки, хотя часто значенiе ихъ смѣшивалось. Между такими видами волшебниковъ были волхвы, чародѣи, чаровницы, зелейщицы, обаянники, кудесники, сновидцы, звѣздочеты, облако-прогонники, облако-хранительники, вѣдуны, вѣдуньи, лихiя бабы [2]). Обаянниками назывались фокусники, которыхъ призывали или посѣщали, «хотяще нѣкая отъ нихъ увидѣти неизреченная» [3]). Они же заклинали змѣй и злыхъ животныхъ. Кудесникъ совершалъ разныя заклинанiя и чародѣйственные обряды (кудесы бьютъ) и предвѣщалъ будущее. Сновидцы разсѣвали въ народѣ разныя предзнаменованiя на основанiи видѣнныхъ ими сновъ и увѣряли, что они приняли извѣщенiе свыше. Иногда они толковали сны другимъ, приходившимъ къ нимъ. Иногда разсказывали о собственныхъ видѣнiяхъ. Во время народныхъ бѣдствiй, они толковали народу причины несчастiя, часто указывали на какiя нибудь лица, называя ихъ виновниками, и обрекали ихъ народному мщенiю. Облакопрогонники, какъ ихъ называетъ «Домострой», были волшебники, которые, по народному понятiю, повелѣвали дождемъ и ведромъ, и черезъ то самое могли насылать урожай или неурожай. Вѣрованiе это очень древнее, какъ видно изъ нашихъ лѣтописей по разсказу о избiенiи въ

[1]) А. А. Э. III. 283.

[2]) Доп. къ Суд. Д. И. I. 252.

[3]) Врем. I. Домострой, 43.

Ростовѣ въ XI вѣкѣ и въ Суздалѣ въ 1124 году женщинъ за то, что будто бы онѣ спрятали въ себя хлѣбное жито и съѣстные запасы. Въ XVI вѣкѣ разсказывали, что во время осады Казани, въ 1552 году, татарскіе колдуны и колдуньи, стоя на стѣнахъ города, махали одеждами на русское войско и насылали вѣтеръ и дождь. Столь же древнее было вѣрованіе въ волшебниковъ, снѣдающихъ солнце и луну («погибе солнце и бысть яко мѣсяцъ, его же глаголитъ невѣгласи снѣдаемое солнце». Ип. Лѣт.). Въ Кормчей книгѣ эти волшебники называются волкодлаками («влъкодлаци луну изѣдоша или слънце». Арх. II, стр. 48). Вѣдунами и вѣдуньями назывались вообще лица обоего пола, вѣдавшія тайную силу управлять обстоятельствами жизни. Всѣ лица, занимавшіяся волшебствомъ, составляли въ иныхъ мѣстахъ какъ бы особые цехи, передавали одни другимъ свое искусство и промышляли имъ, помогая тѣмъ, которые къ нимъ прибѣгали въ житейскихъ нуждахъ. Иногда этимъ занимались и мужчины [1]), но чаще пожилыя и старыя женщины. Во всѣхъ мѣстахъ Россіи можно было отыскать ихъ. Особенное уваженіе существовало къ тѣмъ, которые жили на сѣверѣ въ Корельской Землѣ. Тамъ искалъ ихъ великій князь Василій Іоанновичъ, когда, женившись въ другой разъ на молодой Глинской, хотѣлъ имѣть дѣтей и прибѣгалъ къ чародѣямъ, чтобъ они помогли ему къ плодотворенію. Въ самой Москвѣ жило множество колдуній и преимущественно въ Замоскворѣчьи. Такъ въ первой половинѣ XVII вѣка тамъ были извѣстны жонки: Улька, Наська Черниговка, Дунька, Ѳеклица, Машка Козлиха, какъ видно изъ дѣла, возникшаго въ 1638 году по поводу подозрѣнія въ порчѣ царицы Евдокіи [2]). Эти чаровницы предлагали свои услуги посредствомъ наговоровъ надъ какою ни-

[1]) Правосл. Собес. 1855. кн. II. 64,

[2]) О ворожбѣ, Забѣлина. Ком. 491—492.

будь вещію. Такимъ образомъ, къ московской чародѣйкѣ Наськѣ Черниговкѣ прибѣгали женщины, страдавшія отъ побоевъ, которыми надѣляли ихъ мужья. Колдунья должна была *отымать серцо и ревность у мужьевъ*; а когда жены жаловались на холодность мужьевъ, приворожить ихъ и отнять *серцо и умъ*. Она наговаривала на соль, мыло и бѣлила, приказывала женщинѣ умываться мыломъ и бѣлиться бѣлилами, а соль давать въ питье и въ ѣству мужьямъ, брала у женщины воротъ рубашки и сжигала его, наговаривала на пеплѣ и приказывала также сыпать его въ питье мужу. Завораживая соль, чародѣйка говорила: «какъ тое соль люди въ ѣствѣ любятъ, такъ бы мужъ жену любилъ». Надъ мыломъ говорилось: «сколь скоро мыло съ лица смоется, столько бы скоро мужъ жену полюбилъ»; когда сжигался воротъ рубашки, колдунья говорила: «какова была рубашка на тѣлѣ, таковъ бы мужъ до жены былъ». Сожженный воротъ рубашки служилъ также слугамъ для умилостивленія господъ: надобно было этого пепла насыпать на слѣдъ, когда господинъ или госпожа будутъ идти. Одна изъ такихъ жертвъ обмана наивно сознавалась, что послѣ того, каъ она исполнила надъ своимъ мужемъ все, чему научила ее колдунья, мужъ ея, вмѣсто ожидаемой перемѣны поведенія и ласки, чуть не убилъ ее; тогда она, увидя, что нѣтъ помочи отъ чародѣйства, бросила съ досады наговорныя вещи. Ревнивые мужья хотѣли отъ ворожей узнавать о невѣрности своихъ женъ. Ворожею призывали въ домъ: она присматривалась къ сердцу женщины, которую мужъ подвергалъ испытанію; если ворожея замѣчала, что у жены сердце трепещетъ, то укоряла ее въ невѣрности и отдавала невинную на произвольную расправу мужа. Если въ домѣ случилась пропажа, призванная ворожея пристально присматривалась къ брюху. Другія колдуньи своими наговорами помогали купцамъ, когда у нихъ заляжется товаръ. Тогда колдунья наговаривала на медъ, приговаривая: «какъ пче-

лы ярося роятся, такъ бы къ такому-то торговому человѣку купцы для его товару сходились». Потомъ она приказывала торговому человѣку умываться этимъ медомъ. Мужчины-колдуны заговаривали ратнымъ людямъ отъ стрѣльбы и отъ меча, когда тѣ шли на войну, «къ ласковости отъ человѣкъ», когда подначальный хотѣлъ расположить своего начальника; охотникамъ на ловленіе звѣрей, а охотникамъ до прекраснаго пола на блудъ [1]). Если на кого царь или князь гнѣвъ держитъ—надобно при себѣ носить подъ лѣвою пазухою правое око орла, *завязавъ въ ширинку*. Этого орла нужно поймать непремѣнно на Ивановъ день о вечернѣ, понести на распутье между дорогъ и заколоть острою тростію. Лѣвый глазъ того же орла, смѣшанный съ коровьею кровью, рекомендовался охотникамъ и рыболовамъ: «лѣвое око его добро смѣшать съ коровьею кровію и селезеневою, да все то изсуши, да завяжи въ синій платъ чистый. И когда хочешь ловить рыбу, и ты привяжи къ цѣпу и наловишь рыбы много. Та же вещь ко многимъ ловушкамъ годна—ко звѣринымъ и птичьимъ и ко всякой ловлѣ» [2]). Начинавшій судиться или позванный черезъ пристава или недѣльщика къ судебному отвѣту спѣшилъ къ колдуну, который заговаривалъ языкъ и сердце противной сторонѣ [3]). Идя на судъ, надобно снять съ березки *переперъ*, который трясется, и говорить: «такъ какъ сей переперъ трясется, такъ бы мой супостатъ (имрекъ) и его языкъ трепетался» [4]). Когда еще въ обычаѣ были судебные поединки, чародѣи являлись на помощь; нерѣдко спорщики готовы были помириться, но чародѣи начинали предъ ними *бить кудесы* и разжигали снова [5]). Ча-

1) Прав. Собес. 1855. кн. II. 64.

2) Бусл. о Нар. Поэз. 31.

3) Арх. Калач. II. 2. Отд. шестое. 50.

4) Бусл. о Народ. Поэз. 30.

5) Стогл., вопр. 17.

родѣи совѣтовали такимъ образомъ запасаться силою для судебнаго поединка: «убей змѣю черную саблею или ножемъ, да вынь изъ нея языкъ, да вверти въ тафту зеленую и въ черную, да положи въ сапогъ въ лѣвой, а обуй на томъ же мѣстѣ. Идя прочь назадъ, не оглядывайся. А кто тебя спроситъ, гдѣ былъ ты, и ты съ нимъ ничего не говори. А когда надобно и ты въ тотъ сапогъ положи три зубчика чесноковые, да подъ правую пазуху привяжи себѣ утиральникъ, и бери съ собою, когда пойдешь на судъ или на поле битвы». Когда холопъ обкрадывалъ господъ и бѣжалъ, призывали ворожею и она произносила заклятіе надъ бѣжавшимъ.

Невозможно перечислить всѣхъ вещей, надъ которыми вѣдуны и вѣдуньи совершали свои таинственныя заклинанія и примолвленія, но между прочимъ онѣ совершались надъ кореньями, зельями, водою, огнемъ, костьми, громовыми стрѣлами, каменьями, надъ медвѣжьимъ ноготкомъ, надъ мертвою рукою, надъ рубашкой мертвеца, надъ выбраннымъ изъ-подъ человѣческой ноги слѣдомъ, надъ вѣтромъ, надъ зеркаломъ, надъ узлами, и проч. Вѣра въ чудодѣйственную силу кореньевъ была распространена въ Россіи повсемѣстно. Цари и сильные міра боялись отъ кореньевъ не только вреда своему здоровью, но даже политическихъ перемѣнъ. Влюбленные и охотники до прекраснаго пола прибѣгали къ колдуньямъ просить приворотнаго корешка или приворотныхъ зелій, собираемыхъ, какъ думали, въ таинственную ночь Купала. Приворотный корень назывался «обратимъ», т.-е. обращающій [1]). Колдунья давала этотъ корень женщинѣ; та должна была положить его на зеркало и смотрѣться въ него. «Какъ смотрюсь въ зеркало да не насмотрюсь (приговаривалось при этомъ), такъ бы такой-то на меня не насмотрѣлся». Въ одномъ изъ

[1]) Доп. 1. 18.

травниковъ XVII в. подобное приворотное свойство приписывается нѣсколькимъ травамъ, напримѣръ, травѣ *кукоосъ*: «въ ней корень на двое, одинъ мужичекъ, а другая женочка: мужичекъ бѣленекъ, а женочка смугла. Когда мужъ жены не любитъ, дай ему женской испить въ винѣ, и съ той травы станетъ любить.» То же приписывалось травѣ *одоленъ*: «кто тебя не любитъ, то дай пить, — не можетъ отъ тебя до смерти отстать; а когда пастухъ хочетъ стадо пасти и чтобъ у него скотъ не расходился— держать при себѣ, то не будетъ расходиться; похочешь звѣрей пріучить,—дай ѣсть, то скоро пріучишь» [1]). Къ числу вѣрованій о приворотныхъ средствахъ принадлежитъ очень странное о травѣ «симтаринѣ», которую называли во травахъ царь трава, о шести листахъ: «первый синь, другой червленъ, третій желтъ, а четвертый багровъ; а брать вечеромъ на Ивановъ день, сквозь золотую гривну или серебрянную; а подъ корнемъ той травы человѣкъ, и трава та выросла у него изъ ребръ. Возьми человѣка того, разрѣжь ему перси, вынь сердце. Если кому дать сердца того человѣка, изгаснетъ по тебѣ. Если мужъ жены не любитъ, возьми голову его и поставь противъ мужа,— только что увидитъ, будетъ любить пуще прежняго. Десная рука его—добро; если которая жена мужу не вѣрна или мужъ женѣ, стерши мизиннымъ перстомъ, дай пить» [2]). Насылка на вѣтеръ и выборъ слѣда были чародѣйства злыя: они производились съ цѣлію сдѣлать зло человѣку, и потому ихъ боялись особенно. Въ подкрестныхъ записяхъ на вѣрность царю вѣрноподданный присягалъ, между прочимъ: *вѣдомствомъ по вѣтру никакого лиху не насылати, на слѣду не вынимати*. Насылка по вѣтру состояла въ томъ, что лихой колдунъ, знавшій искусство воз-

[1]) Арх. Кал. 1858. I. 78. 81.

[2]) Буслаева, о Народн. Поэз. 31.

буждать вѣтры и направлять ихъ куда угодно своими заговорами, производилъ вѣтеръ, потомъ бросалъ по вѣтру пыль и примолвлялъ, чтобъ такъ по вѣтру понесло пыль на такого-то человѣка, чтобъ его корчило, мяло, раздувало, сушило и проч., и проч. Если обреченная жертва попадалась подъ такой вѣтеръ, то съ ней сбывалось все, чего желалъ ей колдунъ. Выборъ слѣда изъ-подъ ноги сохраняется до сихъ поръ. Выбранный слѣдъ замазывали въ печи или сожигали, и оттого изсыхалъ тотъ, изъ-подъ чьей ноги былъ взятъ слѣдъ. Впрочемъ, выбирали слѣдъ и не для злой цѣли, а для того, чтобъ приворожить къ себѣ. Заговоры надъ мертвыми человѣческими костями, рукою и зубами, совершались на воровство: *на татьбу мертваго зубы волшеніемъ* [1]). Тогда, какъ и теперь, воры употребляли руку трупа для усыпленія хозяевъ въ домѣ, когда хотѣли ихъ обокрасть. Встарину также наговаривали на просфору. Приносили просфору къ ворожеѣ, которая произносила надъ ней примолвленія, и этой просфорѣ сообщалась сила давать успѣхъ въ дѣлахъ тому, кто ее держитъ у себя [2]). Одинъ изъ самыхъ обычныхъ способовъ передачи волшебной силы были наузы или узлы; надъ ними наговаривали и отдавали желающему: имъ приписывали силу предохранять отъ разныхъ несчастій. Матери брали отъ волшебниковъ чародѣйственные узлы и навязывали ихъ на дѣтей («Баба начнетъ на дѣти наузы класти, смѣривати, плюющее на землю, рекше бѣса проклинать»). Этотъ древній обычай высказанъ въ нашей старой лѣтописи, въ повѣствованіи о Всеславѣ, котораго мать даже родила при участіи волшебства (отъ волхвованія); ему волхвы навязали наузъ на голову; онъ носилъ его всю жизнь, и вліянію этого чародѣйствен-

[1]) Прав. Собес. 1855. кн. II. 64.

[2]) А. А. Э. I. 228—229.

наго узла приписывались его воинственность и жестокость («того ради немилостивъ на кровопролитіе»). Многіе приходили къ ворожеямъ и брали отъ нихъ наузы для предохраненія отъ всякаго рода опасностей («нѣкая бѣсовская обаянія наюзы»).

Встарину узлы навязывали на оружіе и думали сообщать ему твердость и уничтожать силу противнаго оружія, какъ это видно изъ стариннаго заговора: «завяжу я по пяти узловъ всякому стрѣльцу немирному, невѣрному на пищаляхъ, на лукахъ, и всякомъ ратномъ оружіи. Вы, узлы, заградите стрѣльцамъ всѣ пути и дороги, замкните всѣ пищали, спутайте всѣ луки, повяжите всѣ ратныя оружія; въ моихъ узлахъ сила могуча!». На этомъ основаніи вѣрили, что нѣкоторые изъ ратныхъ людей умѣли такъ завязывать чужое оружіе, что ихъ самихъ не брали ни пули, ни сабли. Такое мнѣніе существовало и сохранилось въ преданіи о Стенькѣ Разинѣ. Наузы давались отъ вліянія злыхъ чародѣевъ, и отъ зломыслія враговъ вообще, какъ видно изъ заклятій: «завяжи, Господи, колдуну и колдуньѣ, вѣдуну и вѣдуньѣ, и упирцу, на раба Божія (такого-то) зла не мыслити отъ чернца, отъ черницы, отъ красной дѣвицы, отъ бѣловолосаго, отъ черноволосаго, отъ рыжеволосаго, отъ русоволосаго, отъ одноглазаго, разноглазаго и отъ упирца» [1]). Конечно, отъ этого стариннаго вѣрованія во всемогущество наузовъ осталось выраженіе: *завязать*, въ мысль не допустить, преградить. Это особенно видно въ малороссійскомъ языкѣ, въ выраженіяхъ въ родѣ слѣдующихъ: «завязанный світъ!» «Мині якъ завязано» (т.-е. неудается). Видно, что наузы давались не столько для того, чтобъ сообщить какую-нибудь силу тому, кому давались, сколько для того, чтобъ предохранить отъ враждебнаго дѣйствія и уничтожить его силу.

[1]) Арх. Калач. кн. II. полов. 2.Отд. шестое. 53.

Чаще всего наузы давались противъ болѣзней не какъ лекарство, а какъ предохранительное средство.

Народное воображеніе всегда старалось отыскивать фантастическія причины болѣзней. Вообще болѣзни происходили отъ вліянія злыхъ духовъ или даже сами были злыми духами, или отъ злаго умысла и силы слова, которое можетъ управлять природою человѣка какъ на добро, такъ и на зло. Лихорадка, обкыновенная болѣзнь, представлялась бѣсомъ-трящею («недуги лѣчатъ чарами и наузы, нѣкотораго бѣса глаголемаго трящю прогоняюще». Арх. Кал. II. полов. 2). Этому бѣсу трясцѣ подвластны выходящія изъ огненнаго столба двѣнадцать (по другимъ семь) простоволосыхъ дѣвицъ, дщерей Иродовыхъ (Невѣя, Синя, Легкая, Трясуница, Желтуница, Мученица, Огненная, Аки-ледъ, Временная, Безымянная, Вешняя, Листопадная). Имена семи—не русскія: Лилія, Хорторія, Зыгрѣя, Невея, Тухія, Нешія, Жыднѣя, еще старшая Трясавица; «а иньшіи всѣ повинны насъ слушати» (вѣроятно каждая изъ насъ). Ихъ прогоняли заговорами, завязывали наузами и отписывали письменами. Въ этихъ письменахъ писались еллинскія имена лихорадокъ; записочки давали носить больнымъ; другіе писали имена лихорадокъ на яблокѣ и яблоко клали въ церкви во время литургіи. Множество разныхъ болѣзней приписывались урокамъ, призорамъ и сглазамъ. Подъ уроками разумѣлись злодѣйственныя рѣчи; подъ послѣдними недобрые взоры [1]). Леченіе состояло въ томъ, чтобъ отогнать и уничтожить дѣйствіе враждебной губительной силы. Ворожеи употребляли наузы, примолвленія, разныя манипуляціи и зелья [2]). Наузы, какъ выше сказано, были болѣе предохранительное средство; они не допускали враждебную силу дѣйствовать, когда придетъ случай («Хо-

[1]) Арх. Калач. II. 2. Отд. шестое. 56.

[2]) А. А. Э. I. 462.

тя мало поболимъ, или жена, или дитя, то оставльше Бога, врача душамъ и тѣламъ, ищемъ проклятыхъ бабъ чародѣйницъ наузовъ... глаголюще нань наузы навязывати»). Примолвки и заговоры употреблялись какъ для предотвращенія болѣзней, такъ еще болѣе какъ прямое средство противъ недуга, уже поразившаго болящаго. Иногда заговоры говорились безъ особенныхъ обрядовъ и безъ посредства вещей, но чаще ворожеи наговаривали на какіе нибудь предметы, особенно съѣдомые и испиваемые, и сообщали имъ силою своего желанія цѣлительное свойство. Вода играла въ этихъ случаяхъ главнѣйшую роль, особенно въ тѣхъ болѣзняхъ, когда признавалось, что онѣ постигли болящаго отъ призора или сглаза: тогда надобно было смыть или обрызнуть прочь призоръ, то есть вліяніе дурнаго взора. Бросивъ въ ковшъ съ водою три угля, ворожея въ своемъ примолвленіи уговаривала воду обмыть съ хвораго «хитки и притки, уроки и призоры, скорби и болѣзни, щипоты и ломоты, злу худобу, и понести за сосновый лѣсъ, за осиновый тынъ». Кромѣ цѣлящаго свойства, водѣ, употребляемой съ знаменательными обрядами, приписывали также и предохранительное; волхвы и бабы-вѣдуньи совѣтовали купаться въ рѣкахъ и озерахъ во время грозы и въ новолуніе, умываться съ серебра, а потомъ встрѣчать молодой мѣсяцъ, и этими средствами хотѣли предохранить отъ недуговъ на будущее время [1]). Время предъ восходомъ солнца считалось особенно знаменательнымъ: тогда ходили купаться, мыли платье, ткали и пряли, вертѣли масло и дѣлали другія домашнія работы, думая, что дѣланное до солнечнаго восхода имѣетъ что-то особенно важное [2]). Кромѣ воды, очень часто ворожеи наговаривали на вино, на чеснокъ, на уксусъ, на соль;

[1]) А. И. IV. 125.—Арх. Кал. II. 2. 51.

[2]) Рум. Муз. рук. № 374.

а когда заговаривали грыжу, то употребляли медвѣжій ноготокъ и громовую стрѣлу, обмывали ихъ и приговаривали: «какъ старой женкѣ дѣтей не раживать, такъ бы у такого-то грыжи болѣзни не было». Громовыя стрѣлки [1], то есть камышки на подобіе стрѣлъ, которые почитались упавшими съ неба во время удара молніи, служили у ворожей средствомъ при многихъ леченіяхъ; но Церковь преслѣдовала ихъ, какъ и всякія другаго рода средства. «Стрѣлкы, топоры громовныи — нечестивая, богомерзская вещь; аще недугы и подсыванія и огненныя болести лѣчитъ, аще и бѣсы изгоняетъ, и знаменія творитъ—проклята есть, и ти исцѣляеми ею» [2]. Если у кого нибудь случалась жаба въ горлѣ, ворожея лечила тогда *придавливаніями* съ примолвленіями; когда больной жаловался на боль въ желудкѣ, ворожеи называли это вообще *нутряною* болѣзнію и лечили разными манипуляціями, между которыми самый обыкновенный способъ былъ накидывать горшки съ примолвленіями. Для всякихъ болѣзней были свои особыя примолвки и свои обряды, по правиламъ патологіи знахарей. Наружное обмываніе или мазаніе больнаго тѣла было обычнымъ пріемомъ волхвовъ: для мазанія употреблялись всевозможнѣйшія вещи, какія только могли прійти необузданной фантазіи: «мастію, коею либо мажутъ или скипидаромъ, или нефтью, или мышьякомъ, или кровію человѣческою, или млекомъ женскимъ и скотскимъ, или медомъ, или росою, или сѣрою, или дегтемъ, или хмѣлемъ» [3].

Къ симпатическимъ средствамъ принадлежали въ XVII вѣкѣ орловъ камень, рога единорога и змѣиные рожки. Орлову камню, по современному суевѣрію, «Богъ далъ дивныя угодья таковы, что несвѣдущимъ людямъ нельзя

[1]) Врем. I. Домостр. 38.

[2]) Румян. рук. № 231. Кормч.

[3]) Румян. Муз. Рукоп. № 374.

про него и вѣры взять». Воображали, что этотъ камень находятъ въ орловомъ гнѣздѣ. «А держитъ орелъ тотъ камень въ своемъ гнѣздѣ для обереганья дѣтей своихъ, потому что тотъ камень оберегаетъ отъ всякихъ притчей, отъ повѣтрія и отъ всякихъ золъ» [1]). Рогъ единорога считался рѣдкимъ и драгоцѣннымъ средствомъ не только для исцѣленія отъ тяжелыхъ болѣзней, но и для поддержанія цвѣтущаго здоровья вообще на всю жизнь. Это вѣрованіе о рогѣ единорога распространили иностранцы въ XVII вѣкѣ, и самъ царь Алексѣй Михайловичъ въ 1655 г. соглашался за три такіе рога заплатить десять тысячъ рублей соболями и мягкою рухлядью [2]). Говорили, что онъ длиною до шести пядей и свѣтелъ, какъ свѣтло [3]). Небогатые не могли доставать такихъ дорогихъ средствъ и употребляли такъ называемые змѣиные рожки. Ихъ толкли въ порошокъ и давали пить въ случаѣ какой-нибудь «нутряной» болѣзни. Эти змѣиные рожки очень часто (и вѣроятно всегда) были ничто иное, какъ простыя кости [4]). Нѣкоторыя предохранительныя симпатическія средства назначались для скотины: «около скота волхвуетъ: и съ каменемъ, и желѣзомъ, и сковородою, и съ иконами спускаютъ скоты свои» [5]). «Если хочешь скота много держать, то медвѣжью голову пронеси сквозь скотъ на Ивановъ день до солнца и вкопай посреди двора, и скотъ будетъ вестися; а если у кого скотъ мретъ, и ты съ умерлаго вели кожу содрать и продать, и что возьмешь за кожу и ты вели на тѣ деньги купить сковороду желѣзную и вели на ней печь что хочешь, мясо или рыбу, и ѣшь съ той сковороды что хочешь, а скотъ твой съ тѣхъ мѣстъ не мретъ и здравъ бу-

[1]) Буслаева о Народн. поэзіи, стр. 28.

[2]) А. И. IV. 242.

[3]) Рум. Муз. рук. № 374.

[4]) А. И. II. 46.

[5]) Рум. Муз. рук. № 374.

детъ. Кто животину купитъ приводную, мерина или корову, и приведши ко двору велѣть растянуть поясъ женскій отъ вереи до вереи, да замокъ положить къ вереѣ, а колоду замочную къ другой вереѣ, и проведши животину сквозь замокъ, замкнуть и поясъ взять опоясаться, и черезъ мужской поясъ животину водятъ же отъ вереи до вереи растянувши» [1]).

Къ числу чародѣевъ принадлежали, какъ выше было сказано, и зелейщики—знатоки силы травъ и кореньевъ: у нихъ былъ свой травникъ, который они передавали другъ другу. Эти травники переходили изъ рукъ въ руки въ спискахъ. Травы собирались *знаючи*, то есть съ таинственнымъ умѣньемъ доставать ихъ: въ какихъ мѣстахъ, въ какое время и какимъ способомъ. Купальская ночь признавалась лучшимъ временемъ для этого; нѣкоторыя травы считались цѣлительными въ извѣстныхъ болѣзненныхъ припадкахъ. По приказанію Алексѣя Михайловича, одинъ сибирскій знахарь сообщилъ чрезъ воеводу правительству подмѣченныя имъ свойства нѣкоторыхъ травъ. Изъ этихъ извѣстій и изъ другихъ мы узнаемъ, что у знахарей были травы на всѣ болѣзни и на всѣ случаи. Изъ донесенія упомянутаго выше знахаря видно, что въ грыжѣ давали сѣмя травы, называемой зелейщиками—*елкій*, настоенное для взрослыхъ въ винѣ, а для дѣтей въ молокѣ; другіе совѣтовали пить въ уксусѣ траву *ушко*; въ болѣзняхъ застоя мочи и въ трудныхъ родахъ давали въ окуневой теплой ухѣ или въ молокѣ траву *колунъ*. Корень девясила употреблялся для жеванія отъ зубной боли; ирной корень настаивался на водкѣ и давался оть удушья; отъ запоровъ давали губку лиственницы, называемую *кимана*, въ винѣ или въ горячей водѣ; отъ той же болѣзни сибирскій знахарь рекомендовалъ корень травы, называемой *земляная*

[1]) Бусл. о Нар. поэзіи 35.

свѣчка. Изъ травы подъ названіемъ *пѣтушковы пальцы* дѣлали припарку противъ желваковъ и другихъ затвердѣній. Отъ побоевъ и ранъ лечили питьемъ изъ звѣробоя на водкѣ; въ тѣхъ же случаяхъ употребляли винный настой травы *излюдинъ* и травы *мартя*. По другому травнику, отъ побоевъ и ранъ рекомендовали травы: *девятисилъ* (или девясилъ), *хмѣльникъ*, *ужикъ*, и *папутникъ* [1]). Настой последней травы давали пить внутрь и примачивали имъ больныя мѣста снаружи. Иногда знахари лечили микстурою изъ разныхъ травъ, кореньевъ и животныхъ веществъ; вотъ, напримѣръ, образчикъ знахарскаго рецепта: «знаетъ (онъ) около Якутска масло, ростомъ кругло, что яблоко большое и малое, ходитъ живо, а живетъ въ глухихъ и глубокихъ озерахъ; будетъ какой человѣкъ боленъ нутряною красною грыжею или ломъ въ костяхъ, или мокрота бываетъ нутряная, и сидѣти въ банѣ и послѣ того баннаго сидѣнья сдѣлать составъ: часть того масла, бо́льшую часть нефти, часть скипидару, часть деревяннаго масла, да добыти полевыхъ кузнечиковъ зеленыхъ, что по травамъ скачютъ, да наловить коростеликовъ красныхъ, что летаютъ въ поляхъ, и тѣ статьи положить въ горячее вино, и дать стоять день одиннадцать или тринадцать; и послѣ того баннаго сидѣнья велѣть того больнаго человѣка тѣмъ составомъ тереть по всему тѣлу, и велѣть быть въ теплой хороминѣ, пока тотъ составъ войдетъ; а дѣлать такъ не по одно время; и то масло ѣдятъ и пьютъ отъ многихъ нутряныхъ болѣзней» [2]). Нѣкоторымъ травамъ приписывалось чародѣйственное вліяніе противъ душевныхъ недуговъ и вредоноснаго дѣйствія зависти одного человѣка къ другому. Тотъ же сибирскій знахарь совѣтуетъ настаивать на винѣ или на уксусѣ земляныя груши и ѣсть ихъ сырыя въ

[1]) Арх. Кал. 1858. I. 82.

[2]) Доп. VI. 364.

случаѣ тоски или сердечной болѣзни; а противъ испуга или дурнаго вліянія, оставленнаго осужденіемъ завистливаго человѣка, указываетъ, какъ на цѣлительное средство, на траву, называемую *ероя*: слѣдуетъ болящаго окуривать этой травой, тереть его по лицу и, намоча въ водѣ, давать ѣсть [1]). Были травы, которымъ приписывали значеніе универсальныхъ лекарствъ; такъ, въ одномъ травникѣ XVII вѣка [2]) о травѣ *излюдинъ* (растетъ по старымъ росчистямъ, ростомъ въ пядь, собою мохната и листочки мохнаты) говорится: «кто тое траву ѣстъ, и тотъ человѣкъ, живучи, никакая скорбь не узритъ тѣлу и сердцу». Трава *кудрявой купырь* имѣла силу предохранять отъ отравы того, кто ее ѣлъ натощакъ. О травѣ *плакунъ* говорится, что ее надобно заранѣе пріобрѣсть для того, чтобъ искать всякую другую траву, «а безъ тое травы никакой травы не рветъ, потому что отъ нихъ помощи не будетъ». Существовало повѣрье о разрывѣ-травѣ, съ помощію которой узники ломали свои оковы и воры отпирали замки. Такая трава въ травникѣ, о которомъ упомянуто выше, называется *бѣлъ*: растетъ въ водѣ, а коренья добры; возьми и положи въ замокъ, то отомкнется. Другимъ травамъ приписывали предохранительную силу; о травѣ *Петровъ крестъ* говорится, что отъ нея «никакая скорбь не вважется, помилуетъ Богъ отъ всякія пакости; а въ пиръ поѣдешь, возьми ее съ собою отъ еретика и напрасныя смерти». То же думали о *папертѣ*, которую доставать слѣдовало только въ Купальскую ночь и потомъ носить всегда при себѣ; «гдѣ пойдетъ—на того человѣка никто сердитъ не бываетъ, хотя и не другъ, а на зло и не помыслитъ». О травѣ *полотой нивѣ* существовало такое наставленіе: «надобно кинуть золотую или серебрянную

[1]) Ibid, 361. 364.

[2]) Арх. Кал. 1858. I. 78—83.

деньгу, а чтобъ желѣзнаго у тебя ничего не было; а какъ будешь рвать ее, и ты пади на колѣно, да читай молитвы, да стоя на колѣнѣ хватать траву ту, обвертѣвъ ее въ тафту, въ червчатую или бѣлую, и беречь ту траву отъ мерзскаго часа; а хочешь идти на судъ, или на бой, ино никто тебя не переможетъ» [1]). Траву *осотъ* рекомендовали держать торговымъ людямъ: «хочешь богатъ быть—носи на себѣ; гдѣ ни поѣдешь, и во всякихъ промыслахъ Богъ поможетъ, а въ людяхъ честно вознесешися». Зелье *попутникъ*, повѣшенное на дворѣ, отгоняло всякихъ гадовъ и вредныхъ насѣкомыхъ. Травѣ *переносъ*, кромѣ такихъ же предохранительныхъ свойствъ отъ укушенія гадовъ и дѣйствія нечистыхъ духовъ, приписывалась такая сила, что если изъ нея «сердечко положи въ ротъ и поди въ воду, то отъ него вода разступитца»; а трàвы *прострѣлъ* (сонъ трава) и *укрой* предохраняли домà, гдѣ ихъ держали, отъ нечистыхъ духовъ. Когда рвать прострѣлъ, то слѣдовало положить на то мѣсто, откуда взятъ корень, великоденское яйцо. Подобныя средства употреблялись противъ порчи: подъ этимъ именемъ въ обширномъ смыслѣ разумѣлось вообще нанесеніе вреда человѣческому здоровью отъ злоумышленія или зложелательства, при участіи нечистой силы; но въ тѣсномъ смыслѣ сюда относились по преимуществу тѣ нервныя болѣзни, которыя внезапностію и исключительнымъ ужасомъ припадковъ потрясаютъ воображеніе, настроенное къ таинственнымъ толкованіямъ. Не только вѣрили, но даже избѣгали сомнѣнія въ томъ, что причины такихъ явленій надобно искать исключительно во вліяніи злыхъ духовъ, а не въ обыкновенной природѣ. Очень часто въ разныхъ мѣстностяхъ появлялись бѣснующія и кликуши; въ особенности онѣ толпились тамъ, гдѣ была какая нибудь чудотворная икона

[1]) Бусл. о Нар. поэз. 30.

или мощи святаго, —вообще мѣста, прославленныя религіозною святостію. Кликушами они назывались оттого, что выкликали или кликали на кого нибудь, то есть указывали, что такой-то ихъ испортилъ. Припадки ихъ усиливались во время литургіи: тутъ, по выраженію вѣка, они *мечтаются всякими казнодѣйствы.* Женщины страдали этимъ преимущественно. О такихъ бѣснующихся ходили изустныя и письменныя исторіи самыя мрачныя и вмѣстѣ самыя затѣйливыя. Въ одномъ изъ сборниковъ XVII вѣка есть замѣчательная повѣсть въ этомъ родѣ объ одной священнической дочери, въ первую ночь своего брака подвергнувшейся власти бѣсовъ, потому что мужъ ея неосторожно вышелъ, оставивъ дверь отворенную и неосѣненную крестнымъ знаменіемъ. Бѣсы таскали ее на болото, терзали и мучили. Она дѣлалась беременною и раждала чудовищъ, на подобіе змѣй, которыя сосали ее до крови. Послѣ несказанныхъ мученій, эта страдалица исцѣлилась спасительнымъ вліяніемъ чудотворной иконы Пресвятой Богородицы. Независимо отъ несчастныхъ, которые дѣйствительно страдали нервными недугами, несравненно болѣе было такихъ, которые или усвоили себѣ эти припадки отъ воображенія, или же притворялись; выкидывая разные фарсы, показывали толпѣ видъ, будто пророчествуютъ. Стоглавый соборъ просилъ царя, чтобъ онъ повелѣлъ жителямъ гонять отъ себя лукавыхъ пророковъ и пророчицъ, которые являлись тогда во множествѣ. То были преимущественно старыя дѣвки: онѣ бѣгали босыя, съ распущенными волосами, тряслись, падали, коверкались, бились, и такимъ образомъ предсказывали будущее и возвѣщали народу разныя заповѣди, въ родѣ слѣдующихъ: «бабы, не прядите и печей не топите по средамъ и по пятницамъ: святые апостолы и святая пятница намъ являлись и не велѣли». Другія же подущали людей на всякіе пороки. Поялёніе кликушъ въ городахъ было истиннымъ наказаніемъ для всего общества;

ихъ указанія часто принимались и преслѣдовались судомъ. По одному клику бѣснующейся женщины брали обвиняемаго ею человѣка и подвергали пыткамъ; иногда притворныя кликуши служили орудіемъ корыстолюбивымъ воеводамъ и дьякамъ; послѣдніе нарочно подъущали ихъ обвинять богатыхъ хозяевъ, чтобъ потомъ придираться и обирать послѣднихъ; а если кто нибудь, обезумленный страданіями пытки, наскажетъ на себя, что онъ дѣйствительно колдунъ, того сжигали въ срубѣ. Между тѣмъ правительство, получивъ извѣстіе о распространеніи порчи и появленіи кликушъ въ какомъ нибудь краѣ, посылало туда нарочныхъ сыщиковъ отыскивать и выводить вѣдуновъ и вѣдуній: всеобщее зло удвоивалось. Часто обыкновенная болѣзнь человѣка служила началомъ дѣла о колдовствѣ [1]. Больное воображеніе искало причинъ болѣзни и тотчасъ нападало на ту мысль, что болѣзнь происходитъ отъ супостатъ [2]. Томитъ сухота сердечная, ѣсть-пить не хочется, свѣтъ бѣлый не милъ,—вѣрно напустили, можетъ быть изъ-подъ вѣтру, или со слѣда, а можетъ быть зелія чревоотравнаго дали, что чаровница собирала въ ночь Купала. Домашніе придумывали, отъ кого бы могла случиться бѣда. Они имѣли право указывать на вѣдуна и просить сыску; а нужно, чтобъ только заподозрили въ вѣдовствѣ—до пытки не далеко, особенно если у истцовъ есть средства расположить въ свою пользу правосудіе. Въ 1606 году, въ Перми производилось дѣло о томъ, что нѣкоторые вѣдуны напускали на людей икоту. Обвиняемыхъ жгли, давали на пыткахъ по три встряски, потомъ сажали въ тюрьму. Если послѣ всѣхъ операцій подсудимый не признавался, то наряжали обыскъ: священники, посадскіе, старосты и цѣловальники съ выборными обывателями по-

[1]) А. г. Шуи. 95.—Опис. Шуи. 337. 340.

[2]) С. Г. Гр. III. 264.

давали голоса для окончательнаго обвиненія или оправданія. И обвинители и обвиняемые равно не безполезны были для воеводъ и дьяковъ. Самый ничтожный фактъ, если его не могли объяснить, былъ достаточенъ, чтобъ обвинить человѣка въ колдовствѣ. Такимъ образомъ, во время пожара въ Москвѣ при Михаилѣ Ѳедоровичѣ, хотѣли сжечь, какъ колдуна, одного нѣмца живописца за то, что нашли у него черепъ и никакъ не могли объяснить себѣ, для чего онъ его держитъ [1]).

Порча сообщалась черезъ разные предметы. Выше было упомянуто о томъ, какъ наносили порчу здоровью человѣка, посредствомъ вѣтра и выимки слѣда. Равнымъ образомъ, колдуны пересылали свое зложелательство черезъ *подметъ* разныхъ вещей, къ которымъ случайно могъ прикоснуться тотъ, на кого обращалось злое намѣреніе. Вотъ напримѣръ, въ Шуѣ въ 1672 году производилось уголовное дѣло о колдовскомъ подметѣ: одинъ посадскій подалъ челобитную, что въ углу на краю своего огорода онъ нашелъ куски печенаго хлѣба, калачи и нѣсколько меда [2]). Волшебство также легко переходило черезъ все, что́ принадлежитъ къ конской упряжи и вообще къ ѣздѣ. Отъ этого къ царскимъ лошадямъ не допускали никого, чтобъ «лихой человѣкъ не положилъ зелья и коренья лихова въ ихъ государевы сѣдла, и въ узды, и въ войлокъ, и въ рукавки, и въ наузы, и въ кутазы, и въ возки, и въ сани, и въ полость санную, и въ коверъ, и въ попонку». Въ 1598 году, русскіе присягали Борису, своему государю «въ ѣствѣ и въ питьѣ, и въ платьѣ или въ иномъ въ чемъ лиха напасти не учиняти; людей своихъ съ вѣдовствомъ, да и со всякимъ лихимъ кореньемъ не посылати, и вѣдуновъ и вѣдуней не добывати, на слѣду всякимъ вѣдов-

[1]) Olear. 134.

[2]) Оп. Гор. Шуи. 341.

скимъ мечтаніемъ не испортити, ни вѣдовствомъ по вѣтру никакого лиха не насылати», и проч. [1]. Во время войны боялись, чтобы чужіе государи не подослали волшебницъ испортить государеву семью [2]), и успѣхи Самозванца всеобщее мнѣніе ничему другому не могло приписать, кромѣ вѣдовства [3]). Опасеніе, чтобъ лихіе люди не нанесли порчи царю и царскому семейству, не имѣло границъ. Чуть только случилось прихворнуть государынѣ или кому нибудь изъ царскихъ дѣтей, сейчасъ подозрѣвали, что ихъ испортили, сглазили или напустили на нихъ худобу. Женщины, составлявшія дворню царицы, жили, по большей части, въ непріязни между собою, соперничали одна съ другой и взаимно одна на другую доносили. Если въ домашнемъ царскомъ быту возникалъ какой нибудь споръ между супругами—и этому искали причины въ вѣдовствѣ и порчѣ [4]). Болѣзнь царскаго младенца приписывалась сглазу и порчѣ, и оттого маленькихъ царевичей и царевенъ старательно оберегали отъ человѣческихъ взоровъ, полагая, что дурное дѣйствіе недобраго глаза легче подѣйствуетъ на малолѣтняго, чѣмъ на взрослаго [5]). То же господствовало и въ домахъ знатныхъ господъ; господа, заболѣвши, подозрѣвали слугъ, что они нанесли имъ вредъ вѣдовствомъ, а слуги, разсердившись на господъ, дѣйствительно прибѣгали къ вѣдунамъ и вѣдуньямъ, чтобъ съ помощію ихъ знаній отомстить господамъ. Между тѣмъ, волхвы, знахари, ворожеи, вѣдуны пользовались всеобщимъ легковѣріемъ и дѣлались повѣренными въ житейскихъ дѣлахъ всѣхъ классовъ народа; одни портили, другіе снимали порчу, предохраняли отъ нея или отгадывали,

[1]) А. А. Э. II. 58.

[2]) О ворожбѣ, Забѣл. 485.

[3]) Доп. I. 255.

[4]) О ворожбѣ, Забѣл. Ком. 490.

[5]) Котоших. 14.

кто испортилъ. Такимъ образомъ, между чародѣями происходили своего рода поединки, гдѣ оружіемъ было ихъ искусство. Они соперничали другъ съ другомъ; одинъ думалъ своимъ вѣдовствомъ уничтожить вѣдовство другаго, а между тѣмъ, кто нибудь доказывалъ на нихъ, и обѣ стороны попадались въ руки блюстителей порядка и правосудія, собиравшихъ равные плоды и съ злаго, и съ добраго колдовства, а еще болѣе съ тѣхъ, кто прибѣгалъ къ тому и другому роду колдовства. Церковь строго преслѣдовала всякое вѣдовство, не щадя даже и леченія, принадлежавшаго вообще къ зелейничеству. Въ монастырскихъ имѣніяхъ волхвовъ и бабъ ворожей считали наравнѣ съ ворами и разбойниками. Правительство въ XVI в. опредѣлило, слѣдуя внушеніямъ Церкви, преслѣдовать волхвовъ, чародѣевъ и звѣздочетовъ, какъ клятвопреступниковъ, хулителей и подстригателей усовъ [1]. Не только преступниковъ подвергали кнуту и лишенію имущества, но цѣлая община, гдѣ жили чародѣи и волхвы, облагалась денежною пенею [2]. Въ XVII вѣкѣ повсемѣстно преслѣдовали вѣдуновъ, вѣдуній и зелейниковъ [3], сажали подъ стражу проѣзжихъ людей за то единственно, что находили у нихъ корешокъ [4], заточали въ монастырь того, кто вздумалъ бы попробовать поучиться заговорнымъ словамъ [5]; сожигали и тѣхъ, кто имѣлъ ихъ при себѣ [6]. Народная месть преслѣдовала колдуновъ и колдуній въ эпохи общественныхъ бѣдствій, напр. засухи или излишней мокроты, вредной для хлѣба; тогда дѣлали заключеніе, что несчастіе происходитъ отъ вѣдуновъ, умѣющихъ владѣть обиліемъ

[1]) Доп. къ судеб. А. И. I. 252.

[2]) А. А. Э. I. 267.

[3]) Доп. III. 79.

[4]) А. И. III. 225.

[5]) А. А. Э. IV. 31.

[6]) Дѣло о Ст. Раз. А. И. IV.

и скудостію, и обрекали на сожженіе тѣхъ, къ которымъ рѣдкій изъ народа не прибѣгалъ прежде въ своихъ нуждахъ [1]). Вообще преслѣдовавшіе чародѣйство, какъ зло, часто уступали всеобщему суевѣрію и обращались къ нему за помощію. Самъ благочестивый царь Алексѣй Михайловичъ, столь преслѣдовавшій вѣдовство, какъ богопротивное дѣло, въ 1650 году приказывалъ стольнику Матюшкину высылать крестьянъ въ Купальскую ночь искать сераборниннаго цвѣта, инпериковой и мятной травъ и дягилу [2]), а предъ концемъ своей жизни, въ 1675 году, приказывалъ [3]) воеводамъ въ Сибири, которая по своей отдаленности представлялась въ народномъ воображеніи страною таинственныхъ силъ и чудесъ, собирать знахарей, узнавать отъ нихъ о травахъ и самыя травы присылать въ Москву.

Благочестивые люди не только гнушались обращаться къ чародѣямъ, но вообще считали грѣхомъ искать въ чемъ бы то ни было помощи отъ несчастій, кромѣ молитвы, и приписывать ихъ чему бы то ни было, кромѣ Божія гнѣва.

Во время мороваго повѣтрія при Алексѣѣ Михайловичѣ многіе полагали, что бѣдствіе это происходитъ «отъ звѣздъ тлетворныхъ, и воздымленій, и воспареній земныхъ и морскихъ, и праховъ, и зловонія мертвечинъ, и дождевъ лѣтнихъ»; другіе же укоряли такихъ толкователей и доказывали, что другой причины, кромѣ кары Божіей за грѣхи, не слѣдуетъ искать. Патріархъ Никонъ, не отвергая послѣдняго толкованія, допускалъ, однако, и толкованія перваго рода [4]), и на этомъ основаніи доказывалъ, что тотъ не грѣшитъ, кто уклонится изъ города, гдѣ свирѣпствуетъ зараза, что, напротивъ, тотъ, кто подвергаетъ себя явной

[1]) Поѣздка въ Кирилл. Бѣлоз. мон. П. 37.

[2]) Доп. III. 254.

[3]) Доп. VI. 375.

[4]) П. С. З. I. 395—399.

опасности, равняется тому, кто самъ на себя наложитъ оружіе. Но такъ какъ въ-старину, даже въ «Стоглавѣ» объяснено, что Богъ наказываетъ страну, человѣковъ и скотовъ падежемъ и тлетворными вѣтрами, иногда же пожарами, иногда же голодомъ и войною за тяжелые пороки и, въ томъ числѣ, за содомскій грѣхъ [1]), то старые благочестивцы вооружались противъ подобныхъ умствованій и совѣтовали, по примѣру святыхъ мужей, Бога ради переносить съ благодареніемъ многоразличные недуги и болѣзни [2]).

Убѣгая чародѣйства, набожные люди вѣрили его силѣ въ простотѣ ума, и если случалось кому заболѣть, то хотя и приписывали свое несчастіе напуску или волхвованію, однако, не прибѣгали къ добрымъ колдунамъ, а искали помощи въ религіозныхъ обрядахъ и всегда были подъ страхомъ вліянія таинственныхъ силъ; вездѣ видѣли бѣсовъ, которые очень часто въ ихъ воображеніи походили больше на шалуновъ, чѣмъ на искусителей къ пороку. Духовныя лица, благочестивые старики и старухи сами боялись бѣсовъ, а другихъ ими пугали и требовали, чтобъ человѣкъ былъ всегда на сторожѣ противъ враговъ человѣческаго рода, вооруженный молитвою и крестнымъ знаменіемъ. Иногда бѣсы поселялись во дворахъ и домахъ, производили стукъ, пугали привидѣніями и вообще дѣлали разныя шалости. Вѣрившіе знахарству употребляли противъ этого различныя симпатическія средства, напр. «сожечь совиныя кости и тѣмъ дымомъ храмину свою кадить и дворъ курить—и исчезнетъ бѣсъ, а потомъ ослинымъ саломъ назнаменуй двери, и всякое зло, которое найдетъ на дворъ, исчезнетъ. Для того же хорошо держать корольковое каменье: отъ него нечистый духъ бѣгаетъ, потому

[1]) Стогл. гл. 15.

[2]) Врем. I. Домостр. 41.

что тотъ камень крестообразно растетъ». Набожные люди прогоняли изъ домовъ своихъ бѣсовъ внесенiемъ чудотворныхъ иконъ, какъ о томъ гласитъ надпись на оградѣ церкви Гребенской Божiей Матери въ Москвѣ. Ангелъ хранитель всегда стоитъ на стражѣ ввѣренной ему души противъ дѣйствiя злаго духа, и потому къ нему нужно поминутно обращаться. Каждый день, въ первый часъ дня, ангелъ хранитель является на поклоненiе Богу и объявляетъ всѣ дѣла и мысли человѣческiя. Поэтому надобно всегда прилежно молиться и благодарить Бога въ конецъ дня и въ конецъ ночи, именно когда ангелы являются для поклоненiя Богу [1]). Этою молитвою человѣкъ предохраняетъ себя отъ навѣтовъ злыхъ духовъ. Приступая къ какому нибудь дѣлу, слѣдовало прежде всего помолиться и осѣнить себя крестнымъ знаменiемъ; иначе бѣсы сдѣлаютъ какую нибудь пакость. Готовится ли женщина топить печь или варить ѣству, или садится она за пяльцы,—слѣдовало прежде всего умыть руки, сдѣлать три земныхъ поклона, проговорить: «*достойно есть*», перекреститься и, принимаясь за самую работу, еще разъ призвать Божiе благословенiе, сказавши: «Господи благослови!» Если это исполняется, тогда сами ангелы помогаютъ невидимо, и дѣло спорится и хорошо дѣлается, и ѣства и питье выйдутъ въ прокъ, и шитво крѣпко сошьется. Напротивъ, если при работѣ начнутся смѣхи, игры и празднословiе, тутъ нечистые духи—бѣсы радуются и посмѣиваются, а ангелы отойдутъ въ сторону и тоскуютъ: тогда и ѣство плохо сварится, и хлѣбъ дурно спечется, и шитво сошьется не крѣпко и не ладно [2]). Идя по воду къ источнику или рѣкѣ, женщина должна была, опуская въ воду ведра, сказать молитву, а иначе бѣсы какъ разъ испортятъ

[1]) Рукоп. Рум. Муз. № 358.

[2]) Врем. I. Домостр. 27. 28.

воду. Многіе освящали свою посуду и, принося въ церковь, просили священниковъ окропить ее святою водою, прочитать надъ ней молитву и пропѣть духовную пѣснь. Послѣ этого надѣялись, что кушанье, сваренное и поданное въ такой посудѣ, будетъ и лучше, и неприступнѣе для шалостей бѣса. Ложась спать, слѣдовало окрестить кругомъ ложе и всѣ углы, чтобъ не допустить бѣсовъ до какихъ нибудь проказъ надъ спящимъ. Существовали особыя молитвы, которымъ приписывали бѣсоизгонительную силу. Между прочимъ, обращались и въ этомъ къ святому врачу Никитѣ, такимъ образомъ: «за шесть дней бѣгайте отъ меня бѣсы молитвами святаго, славнаго мученика, врача Никиты. Благословенъ Богъ во вѣки, аминь. Самъ Господи блюди раба своего (имрекъ) на пути, на постели, у воды, на встрѣчѣ и на всякомъ мѣстѣ владычествія Его; отпусти сатана и отъ сего дома, и отъ всего созданія, и отъ всѣхъ сихъ четырехъ стѣнъ и отъ четырехъ угловъ. Здѣ святая Богородица Христа рожаетъ, здѣ четыре евангелиста почиваютъ, здѣ святые апостолы Петръ и Павелъ, здѣ святый Кириллъ крестъ держитъ и хранитъ ложеніе раба Божія (имрекъ) во имя Отца и Сына и святаго Духа. Крестъ на мнѣ, крестъ у меня, крестъ надо мною, крестомъ ся ограждаю, крестомъ діавола побѣждаю и отъ 4-хъ стѣнъ, отъ 4-хъ угловъ; здѣ тебѣ, окаяннный діаволе, ни части, ни мѣста, всегда нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ аминь» [1]). Передъ посѣвомъ приносили хлѣбное зерно въ церковь и святили его; такъ дѣлали и послѣ жатвы [2]). Во время ѣства или питья благочестивые крестились чуть не за каждымъ глоткомъ, прогоняя дьявола [3]). При выѣздѣ изъ дома, непремѣнно нуж-

[1]) Рук. Рум. м. 359.

[2]) Fletch. 217. 251.

[3]) Petr. 317.

но было призвать священника и отслужить молебенъ; иначе бѣсы чего нибудь настроятъ въ дорогѣ. Когда дворянинъ отправлялся въ дальній путь на воеводство, тогда ужъ недостаточно было моленія простаго священника; онъ отправлялся къ архіерею и получалъ отъ него благословенную икону [1]). Нѣкоторые были столь благочестивы, что носили въ рукахъ четки и, при всякомъ свободномъ случаѣ, перебирали ихъ, ходя и сидя, шептали сряду шесть сотъ разъ: «Господи Іисусе Христе, помилуй мя грѣшнаго», а потомъ сряду сто разъ: «Владычица моя Богородица, помилуй мя грѣшнаго!» Грамотные объясняли, что если кто такъ дѣлаетъ три года сряду, то въ первый годъ въ него вселится Христосъ, во второй годъ Духъ святый, а въ третій годъ самъ Богъ отецъ [2]). Такимъ образомъ, при всякомъ начинаніи дѣла, и важнаго, и неважнаго, русскій благочестивый человѣкъ всегда прибѣгалъ къ религіозному обряду. Одно старинное поученіе о крестномъ знаменіи говоритъ: «безъ него ни начинай, ни кончай ничтоже, но и спя, и вставая, и дѣлая, и путемъ шествуя, аще или по морю плаваеши, или рѣкою возишися—вся своя узы животворящимъ крестомъ утверди и не причинитъ тебѣ зло» [3]). Быть благочестивымъ, по понятію большинства значило: знаменоваться крестомъ, класть земные поклоны, почитать образа, ходить въ церковь съ приношеніями, слушаться духовенства и хранить посты.

Чѣмъ кто былъ благочестивѣе, тѣмъ больше у него было въ домѣ образовъ, тѣмъ наряднѣе они были украшены. Иконы были первою необходимостію; гдѣ не было иконъ, тотъ домъ для русскаго не могъ показаться христіанскимъ. Украшенія образамъ давались часто въ бла-

[1]) Расх. кн. Ник. Врем. XIII.

[2]) Врем. I. Домостр. 19.

[3]) Рук. Рум. м. 186.

годарность за оказанную помощь: напримѣръ, русскій купецъ молится предъ образомъ св. Николая и проситъ успѣха въ торговлѣ; если ему повезетъ, онъ, въ знакъ признательности, дѣлаетъ угоднику золотой или серебрянный окладъ. Были и противные случаи.

Если у хозяина дурно идутъ дѣла, несмотря на его усердныя молитвы, онъ, помогая себѣ въ житейскихъ нуждахъ, сниметъ съ образа окладъ. Повсюду было множество чудотворныхъ образовъ. Они являлись гдѣ нибудь на поляхъ и въ лѣсахъ, производили чудеса; о нихъ доносили правительству, а правительство установляло празднество [1]). Кромѣ такихъ св. иконъ, которыхъ чудотворенія признавались Церковью, были въ частныхъ домахъ иконы, которыя почитались чудотворными въ тѣсномъ кругу семейныхъ знакомыхъ. Молельщикъ замѣчалъ, что желаніе его исполняется, когда онъ молится особенно такому-то образу. Дѣйствіе приписывалось не только заступничеству святаго, котораго ликъ изображался на образѣ, а силѣ, заключающейся въ самой иконѣ. Поэтому, если, напримѣръ, русскій былъ съ кѣмъ нибудь въ ссорѣ или тяжбѣ, то боялся, чтобъ соперникъ его не помолился этому образу и чтобъ такимъ образомъ не получилъ успѣха противъ него самого. Изъ уваженія къ св. иконамъ считалось грѣхомъ прикоснуться рукою къ лику святаго, и это вѣрованіе было, между прочимъ, поводомъ къ тому, что иконы обкладывались одеждою [2]). Когда образъ несли, то изъ благоговѣнія держали надъ головою высоко, и всякъ, кто встрѣчался, долженъ былъ креститься и кланяться [3]). Если въ комнатѣ совершалось что нибудь непристойное— образа задергивали пеленою. Уваженіе къ иконамъ не

[1]) А. И. IV. 52.

[2]) Дженк. 359.

[3]) Herberst. 28.

дозволяло выражаться, что образа покупаются; говорили же: мѣняются; хозяинъ, желая промѣнять свой старый образъ на новый, приносилъ его въ иконную лавку, оставлялъ и клалъ деньги; если купецъ находилъ, что даютъ дешево, то, ни слова не говоря, отодвигалъ отъ себя деньги, и покупатель долженъ былъ прибавлять, пока купецъ находилъ достаточнымъ. Если образъ сгоритъ, непристойно было сказать: онъ сгорѣлъ, а слѣдовало выразиться: *онъ выбылъ*, какъ и о сгорѣвшей церкви говорилось: *она вознеслась*, а не сгорѣла. Впрочемъ, старые образа позволялось бросать въ рѣку, сказавши *прости* [1]); но тотъ, кто находилъ образъ на водѣ, почиталъ такую находку знакомъ благодати. Поруганіе св. иконъ, по русскимъ понятіямъ, наводило гнѣвъ Божій на цѣлый край; въ 1642 году многіе подавали царю совѣтъ начать войну съ турками на томъ основаніи, что турки овладѣли въ Азовѣ образомъ св. Іоанна Предтечи; это внушало опасность навлечь на всю Россію месть святаго [2]). Въ равной степени русскіе чествовали книгу св. Евангелія, хотя бы и въ частномъ домѣ. Св. Евангеліе слѣдовало брать въ руки не иначе, какъ съ благоговѣніемъ, съ поникшею главою и послѣ крестнаго знаменія [3]).

Св. крестъ считался знаменіемъ мира и союза. Всякій договоръ или обѣщаніе по своей важности подтверждались цѣлованіемъ креста, а нарушеніе такого договора называлось преступленіемъ противъ крестнаго цѣлованія. Каждый имѣлъ на себѣ непремѣнно крестъ; духовные запрещали снимать крестъ съ шеи, когда человѣкъ идетъ купаться въ рѣку или мыться въ мыльнѣ [4]). Коль скоро приводилось что нибудь важное обѣщать или утвердить

[1]) Колл. 9.

[2]) С. Г. Гр. III. 389.

[3]) Relig. des. Moscov. 13.

[4]) Румянц. Сборн. 359.

истину сказаннаго, снимали его съ себя и цѣловали. Въ-старину было въ обычаѣ мѣняться грудными крестами; сдѣлавшіе такую мѣну, считали себя обязанными быть задушевными друзьями и помогать одинъ другому во всѣхъ случаяхъ жизни.

Св. мощи были всеобщимъ предметомъ поклоненія; къ нимъ стекались болящіе и искали исцѣленій. Независимо отъ поклоненія мощамъ, хранившимся въ церквахъ и монастыряхъ, многіе богатые люди имѣли у себя въ домѣ частицы мощей въ крестахъ или на образахъ; возбранялось носить крестъ съ мощами на шеѣ [1]). Вода, которою обмывали мощи, считалась цѣлительною и употреблялась набожными людьми въ разныхъ недугахъ. Въ-старину очень часто появлялись мощи, и кромѣ тѣхъ, которыя были открыты и признаны Церковью, возникало въ разныхъ мѣстахъ поклоненіе памяти усопшихъ, которые, по образу жизни, заслуживали уваженія народа. Такъ, въ 1626 году въ Пошехонскомъ уѣздѣ народъ сталъ собираться около рябины, которая выросла на могилѣ убитаго разбойниками инока Адріана, и народный говоръ гласилъ, что многіе страждущіе получали на этомъ мѣстѣ исцѣленіе [2]).

Съ этими вѣрованіями соединялось уваженіе къ храму Божію. Строить церковь считалось дѣломъ христіанской добродѣтели и лучшимъ средствомъ къ спасенію и отпущенію грѣховъ. Нельзя было пройти мимо церкви, не сдѣлавши троекратнаго знаменія съ поклономъ.

Благочестивый человѣкъ считалъ большимъ грѣхомъ не пойти въ церковь въ праздникъ не только къ литургіи, но къ вечернѣ и къ заутрени. «Когда вы услышите клепаніе въ церкви—говоритъ одно духовное поученіе—оставляйте всякое дѣло и идите въ церковь» [3]). Слѣдовало

[1]) Румянц. муз. рукоп. № 359.

[2]) А. И. III. 229.

[3]) Рум. Муз. рукоп. № 359.

въ церкви стоять со тщаніемъ и трепетомъ, не обращая взоровъ, потупивъ глаза и сложивъ крестообразно руки, и не вести другъ съ другомъ пустошныхъ рѣчей: «велико милосердіе Божіе (говоритъ то же поученіе), что огонь,— не сойдетъ съ неба и не пожретъ ведущихъ разговоры во время божественнаго пѣнія». Склоняться на стѣну и переступать съ ноги на ногу отъ усталости считалось грѣхомъ; равнымъ образомъ, считалось недостойно славы Божіей уходить изъ церкви прежде окончанія служенія [1]). Палку оставляли внѣ церкви. Во избѣжаніе сходства съ католиками, въ-старину православные не становились на колѣни, но благочестивые люди усердно клали поклоны и отъ этого на лбу у нихъ были шишки [2]). Женщины входили въ особыя двери и стояли въ особомъ притворѣ; знатныя госпожи становились въ церквахъ за рѣшетками, стояли, потупя глаза въ землю, и старались особенно показывать видъ скромности, когда мимо нихъ проходилъ священникъ. Простыя женщины не такъ часто ходили въ церковь, какъ мужчины, и обыкновенно на короткое время, чтобъ поклониться иконамъ [3]). Всякому сколько нибудь достаточному человѣку вмѣнялось въ благочестивую обязанность явиться въ храмъ Божій съ приношеніемъ, напримѣръ со свѣчею, съ просфорою, ѳиміамомъ, ладономъ, кутьею или милостынею [4]). По толкованію набожныхъ людей, даръ тогда только принимался Богомъ, когда было приношеніе отъ праведнаго имѣнія [5]), и когда богомолецъ не таитъ въ душѣ ни къ кому ни злобы, ни гнѣва. «Аще кто идетъ къ церкви со страхомъ Божіимъ, со всѣмъ сердцемъ, гнѣва не имѣетъ, но сіяетъ душа его

1) Рум. Муз. рукоп. № 359.

2) Колл. 26.—Дженкинс. 338.

3) Mejerb. 169.—Olear. 348.

4) Злат. Матица. Публич. Биб. стр. 203.

5) Врем. I. Домостр. 9.

яко солнце, и восходитъ молитва его яко темьянъ: тогда ангелъ мой исходитъ изъ алтаря, нося кисть въ руку своею и знаменаетъ его на челѣ и тако почіетъ на немъ Духъ святый» [1]). Давать въ монастыри считалось особенно спасительнымъ дѣломъ: «что имате потребно—несите къ намъ, то бо все въ руцѣ Божіи влагаете» [2]). Кромѣ денежныхъ вкладовъ и недвижимыхъ имѣній, нѣкоторые дарили одежды [3]) и посылали братіи кормы, то есть съѣстные припасы. Нѣкоторые знатные люди доставляли въ монастыри каждогодныя пропорціи. Во время болѣзни или предъ кончиною страждущіе думали уменьшить тяжесть грѣховъ вкладами въ церковь, и завѣщали иногда въ разныя церкви и монастыри особые вклады [4]) и кормленія на братію [5]). Если умирающій не успѣвалъ распорядиться формально, то наслѣдники, зная его волю, считали долгомъ поскорѣе исполнить ее для успокоенія души усопшаго [6]). Нерѣдко старый человѣкъ, чувствуя истощеніе силъ, поступалъ въ иноческій чинъ и при этомъ всегда давалъ даръ или доходъ; въ такихъ случаяхъ богатые помогали бѣднымъ, давая имъ на постриженіе [7]). По народнымъ понятіямъ, сдѣлать вкладъ по душѣ значило проложить душѣ вѣрный путь къ спасенію, и это вѣрованіе было причиною большихъ богатствъ монастырскихъ.

Но уже распространилось достаточно ученіе о томъ, что давать на монастыри недвижимое имѣніе не только не спасительно, а даже вредно. Въ книгѣ «Златой Мати-

[1]) Рум. Муз. рук. 182.

[2]) Поуч. всяк. христ. рукоп.

[3]) С. Г. Гр. I. 342.

[4]) А. отн. до Юр. Б. I. 557.

[5]) Доп. I. 186.

[6]) Доп. I. 5.

[7]) Врем. XIII. Расх. кн. 39.

цѣ»[1]), въ одномъ поученіи разсказывается, что нѣкій святый отецъ имѣлъ видѣніе объ одномъ умершемъ, котораго считали всѣ спасеннымъ, потому что онъ записалъ въ монастырь имѣніе, и который, въ самомъ дѣлѣ, за то самое былъ осужденъ: «и осуждена бысть душа его мучитися свіатого ради, и молящися святѣй Богородицѣ и предтечѣ Іоанну о душѣ той и слышахъ гласъ глаголющъ:—кто дастъ село, да отпустятъ то село отъ монастыря, тогда душа отпущена будетъ отъ муки».

Священники и монахи были лучшими совѣтниками и друзьями благочестивыхъ людей. Каждый имѣлъ у себя духовника, къ которому прибѣгалъ въ своихъ житейскихъ нуждахъ: приглашалъ для совѣта и утѣшенія во время какой нибудь печали, болѣзни или царской опалы. Для духовника не было скрытой домашней тайны. Онъ былъ наставникомъ и другомъ, занималъ въ домѣ всегда первое мѣсто; для него не щадили приношеній; ему кланялись до земли [2]). Осуждать духовныхъ считалось, по нравственному ученію, большимъ грѣхомъ: «нѣсть вамъ подобно на священники хулы возвѣщати», говоритъ одно поученіе [3]), «ибо по вся дни за тя, и за твою братью, и за вся вѣрныя службу творятъ и заутра, и въ полудни, и въ вечеръ молятъ Бога въ церкви и въ домѣхъ, и у креста молитвы творятъ.... Ученія его (священника) слушай, и аще право учитъ, не пытай его ученія и не укоряй его, добре бо за тя Бога молитъ. Клеветы же не пріимай ни на единаго чернца глаголъ; аще видиши согрѣшивша, послушай Бога рекшаго: не осужайте, да не осужени будете; минувшу же тя на пути не стыдися главы своея поклонити». Другое благочестивое размышленіе о судномъ

[1]) Погод. Сб. № 1024.

[2]) Врем. І. Домостр. 21.

[3]) Пог. Сбор. Публ. Библ. № 1313.

днѣ [1]) восклицаетъ: «о горе тому человѣку въ день судный, аще кто станетъ попа укоряти: не попа укоряетъ, но Церковь Божію». Государи, столь неприступные, преклонялись предъ духовннми властями, и Алексѣй Михайловичъ обращался съ патріархомъ Іосифомъ столь почтительно, что кланялся ему до земли [2]). Конечно, этотъ обрядъ смиренія не мѣшалъ царямъ поступать иногда очень самовластно съ духовными лицами. Съ своей стороны, духовенство, котораго было чрезвычайное множество, не пропускало случая, чтобъ не получить выгодъ отъ своихъ совѣтовъ. На большой дорогѣ и на берегу рѣкъ всегда можно было встрѣтить духовныхъ, которые, зивидя проѣзжаго, спѣшили благословить его крестомъ, чтобы получить награду за свое благословеніе [3]).

Послѣ духовныхъ, благочестіе обращалось къ такъ называемымъ юродивымъ и нищимъ. Въ какомъ почетѣ были въ-старину юродивые, видно изъ того, что самъ Иванъ Васильевичъ Грозный терпѣливо выслушалъ горькія рѣчи юродиваго, приглашавшаго его въ постъ поѣсть мяса, на томъ основаніи, что царь ѣстъ человѣческое мясо. Кромѣ юродивыхъ мужчинъ были также юродивыя жонки, ходившія со двора на дворъ, уважаемыя хозяевами и вмѣстѣ забавлявшія хозяйскихъ дѣтей. Иногда юродивые жили при домахъ, особенно при архіерейскихъ; такъ, Никонъ, когда выѣзжалъ въ дорогу, то бралъ съ собой какого-то юродиваго Василія Босаго.

Вѣра, что подача нищему есть достойное христіанское дѣло и ведетъ къ спасенію, пораждала толпы нищенствующихъ на Руси. Не одни калѣки и старицы, но люди здоровые прикидывались калѣками. Множество нищихъ ходило по міру подъ видомъ монаховъ и монахинь и стран-

[1]) Сборн. XVII в. принадл. професс. Буслаеву.

[2]) А. А. Э. IV. 79.

[3]) Карл. 32.

ствующихъ богомольцевъ, съ иконами, — просили какъ будто на сооруженіе храма, а въ самомъ дѣлѣ обманывали. Въ каждомъ зажиточномъ домѣ поношеное платье раздавалось нищимъ [1]). Въ большихъ городахъ на рынкахъ каждое утро люди покупали хлѣбъ, разрѣзывали на куски и бросали толпѣ оборванныхъ и босыхъ нищихъ, которые такимъ образомъ выпрашивали себѣ дневное пропитаніе. Случалось, что эти самые нищіе, напросивши кусковъ, засушивали ихъ въ печкѣ и послѣ продавали сухарями [2]), а потомъ снова просили. Часто дворяне и дѣти боярскіе, пострадавшіе отъ пожара или непріятельскаго нашествія, просили милостыни, стыдясь заняться какою нибудь работой. Если такому попрошаю скажутъ, что онъ здоровъ и можетъ работать, дворянинъ обыкновенно отвѣчалъ: «я дворянинъ, работать не привыкъ; пусть за меня другіе работаютъ! Ради Христа, Пресвятыя Дѣвы и святаго Николая чудотворца, и всѣхъ святыхъ, подайте милостыню бѣдному дворянину!» Часто такія лица, наскуча просить милостыню, перемѣняли нищенское ремесло на воровское и разбойничье [3]). Вообще, прося милостыни, нищіе возбуждали состраданіе унизительными причетами, напримѣръ: «дайте мнѣ и побейте меня. Дайте мнѣ и убейте меня!» Другіе читали нараспѣвъ духовные стихи жалобнымъ голосомъ. Благочестивые люди приходили въ умиленіе отъ этого рода пѣсенъ. Между нищими вообще было множество злодѣевъ, способныхъ на всякія беззаконныя дѣла. Въ XVII вѣкѣ они крали дѣтей, уродовали ихъ, калѣчили руки и ноги, выкалывали глаза, и если жертвы умирали, то ихъ хоронили въ погребахъ, а если переживали муку, то возили по селеніямъ, чтобъ возбуждать видомъ ихъ страданій участіе. Случалось, что вдругъ пропадетъ дитя,

[1]) Врем. I. Домост. 51.

[2]) Olear. 317.

[3]) Petr. 314.

игравшее гдѣ нибудь на улицѣ: его сманивали нищіе, соблазняя яблоками и орѣхами. Въ XVII вѣкѣ разсказывали одинъ ужасный случай. Пропало у матери дитя. Черезъ нѣсколько времени въ толпѣ нищихъ мать услышала жалобный крикъ: «мама! мама!». Открылось, что эти нищіе, числомъ четверо, отправляли уже семнадцать лѣтъ такую спекуляцію и много дѣтей украли и изуродовали [1]). Несмотря на такіе случаи, расположеніе къ нищимъ отъ этого не охладѣвало. Русскій, видя несчастнаго, который проситъ подаянія во имя Христа и святыхъ, не считалъ себя вправѣ судить его, а полагалъ, что долгъ христіанина помочь тому, кто проситъ; справедливо ли, или несправедливо онъ проситъ, и куда бы ни употребилъ то, что ему дано—въ этомъ судитъ его Богъ. На такомъ основаніи русскіе также сострадательны были къ колодникамъ, преступникамъ, содержавшимся въ тюрьмахъ, которыхъ посылали съ сторожами просить милостыни для пропитанія. Благочестивые люди отправляли въ тюрьмы кормы и раздавали колодникамъ передъ праздниками одежды. Самъ царь въ урочные святые дни, когда ради вселенскихъ церковныхъ воспоминаній кормили нищихъ и раздавали имъ подаяніе, отправлялся лично въ тюрьмы къ заключеннымъ и подавалъ имъ милостыню изъ собственныхъ рукъ. Даже иногда *тюремные сидѣльцы* получали сравнительно болѣе, чѣмъ содержавшіеся въ богадѣльняхъ раненые воины [2]). Иностранцамъ казалось странно, что люди наказанные кнутомъ не только не отмѣчались народнымъ презрѣніемъ, но еще возбуждали къ себѣ участіе и внушали даже нѣкотораго рода уваженіе къ своимъ страданіямъ. Никто не стыдился не только ласково говорить съ ними, но даже вмѣстѣ съ ними ѣсть и пить [3]). Съ другой

[1]) Mejerb. 166—167.

[2]) Дом. Б. Р. Ц. О. З. 1853, янв. 58.

[3]) Olear. 175.

стороны, и палачи не были въ презрѣніи [1]); это званіе отдавалось иногда торговымъ людямъ и такъ было выгодно, что его перебивали другъ у друга. Такимъ образомъ всеуравнивающее сострадательное чувство заставляло въ несчастномъ видѣть одно несчастіе и подходить къ нему съ добрымъ движеніемъ сердца, а не съ осужденіемъ.

Храненіе поста было для всѣхъ безусловною обязанностію. Начиная отъ царя и доходя до послѣдняго бѣдняка, всѣ строго держались употребленія пищи по предписаніямъ Церкви въ извѣстныя времена. Великій постъ и успенскій, среды и пятки соблюдались съ бо́льшею строгостію, а прочіе два: петровъ и рождественскій (филиппово заговѣнье) слабѣе [2]); лицамъ, находящимся въ супружескомъ союзѣ, не предписывается тѣлеснаго воздержанія въ эти посты; многія благочестивыя семейства въ продолженіе четыредесятницы ѣли только въ опредѣленные недѣльные дни, а въ другіе совсѣмъ не вкушали пищи. Послѣдніе два дня передъ Пасхою почти повсемѣстно проводились безъ пищи, по церковному уставу. Постъ считался средствомъ умилостивленія Божія гнѣва и въ случаяхъ общественныхъ бѣдствій, и въ частныхъ несчастіяхъ. Въ эпоху Смутнаго времени, въ 1611 г., наложили постъ на недѣлю: въ понедѣльникъ, вторникъ и среду не ѣсть ничего, а въ четвергъ и пятницу сухояденіе [3]). Въ 1650 году, по поводу съѣденія хлѣба саранчею, наводненій, пожаровъ и скотскаго падежа, положено въ рождественскій постъ поститься строже обыкновеннаго и ходить каждый день къ заутренѣ, литургіи и вечернѣ [4]). Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ всеобщій постъ налагался на жителей въ предупрежденіе бѣдствій, о которыхъ носились слухи со стороны; такъ

[1]) Strauss, 25.

[2]) Румянц. Муз. рук. 359.

[3]) А. А. Э. II. 247 (337).

[4]) С. Г. Гр. III. 459.

въ 1668 году, по случаю разнесшейся вѣсти о землятрясеніи въ Шемахѣ, въ Астрахани и Теркѣ, наложили строгій постъ. Если въ какой нибудь общинѣ, посадской или сельской, случалась болѣзнь, скотскій падежъ, неурожай или какое нибудь другое несчастіе, жители думали избавиться отъ него наложеніемъ строгаго поста на всѣхъ членовъ своей общины. Такъ, напримѣръ, налагались обѣтныя *пятницы*, то есть столько-то пятницъ проводить безъ пищи. Другіе, по благочестію, сверхъ установленныхъ Церковью каждонедѣльныхъ постныхъ дней—середы и пятницы,—постились постоянно по понедѣльникамъ. Но если по понятіямъ маломыслящаго постъ достаточно достигался соблюденіемъ воздержанія отъ пищи и неотступленіемъ отъ налагаемыхъ обычаемъ правилъ, то для истинно благочестиваго наружный постъ былъ безполезенъ безъ дѣлъ христіанской любви. Въ одномъ старинномъ словѣ «о Хлѣбѣ» говорится: «кій успѣхъ убо человѣку алкати плотію, а дѣлы разоряюще; кій успѣхъ человѣку отъ яди воздержатися, а на блудъ совокуплятися; кая убо польза немыющемуся, а нагого не одѣжуще. Кая польза есть плоть свою изсушающему, а не кормящему алчнаго; кій успѣхъ есть уды съкрушати, а вдовицъ не миловати; кій успѣхъ есть самому томитися, а сиротъ томимыхъ не избавляти» [1]). Другое поученіе съ такою рѣзкостію выражается о безплодіи соблюденія наружнаго поста безъ внутренняго благочестія: «аще кто не пьетъ питья, ни мясъ ястъ, а всяку злобу держитъ, то не хуже есть скота; всякъ бо скотъ не ястъ мясъ, ни питья пьетъ; аще ли кто на голѣ земли лежитъ, а зломыслитъ на друга, то ни тако хвалися; скотъ бо постели не требуетъ, ни постелющаго имать» [2]).

Несмотря на глубоко-нравственное значеніе, какое вооб-

[1]) Погод. Сборн. № 1024.
[2]) Рум. Муз. рук. № 186.

ще придавали строгому подчиненію Церкви, русское благочестіе основывалось больше на вниманіи къ внѣшнимъ обрядамъ, чѣмъ на внутреннемъ религіозномъ чувствѣ. Духовенство почти не говорило проповѣдей, не было училищъ, гдѣ бы юношество обучалось закону Божію.

Русскіе вообще рѣдко исповѣдывались и причащались; даже люди набожные ограничивались исполненіемь этихъ важныхъ обрядовъ только однажды въ годъ—въ великую четыредесятницу. Другіе не исповѣдывались и не подходили къ святымъ дарамъ по нѣскольку лѣтъ. Притомъ исповѣдь для толпы не имѣла своего высокаго значенія: многіе, чтобъ избѣжать духовнаго наказанія отъ священниковъ, утаивали свои согрѣшенія и послѣ даже хвалились этимъ, говоря съ насмѣшкою: «что мы за дураки такіе, что станемъ попу сознаваться» [1]. Часто владыки жаловались на холодность къ религіи и обличали міряпъ въ уклоненіи отъ правилъ Церкви. Въ XVI вѣкѣ митрополитъ Макарій замѣчалъ, что въ Новгородской Землѣ простолюдины не ходятъ въ церковь, избѣгаютъ причащенія; а если и приходятъ когда нибудь въ храмъ, то смѣются и разговариваютъ между собою, не показывая вовсе никакого благочестія [2]. Въ XVII вѣкѣ до свѣдѣнія патріарха Филарета дошло, что въ Сибири русскіе, сжившись съ некрещеными народами, забыли даже носить на себѣ кресты, не хранятъ постныхъ дней и сообщаются съ некрещеными женщинами [3]. Нѣкоторые русскіе въ восточныхъ провинціяхъ Московскаго Государства, живя въ наймахъ у татаръ, соблазнялись увѣщаніями ихъ хозяевъ и принимали татарскую вѣру [4]. Коль скоро нѣтъ внутренняго благочестія, наружное соблюдается только до тѣхъ поръ,

[1]) Mejerъ. 181—182.

[2]) А. И. I. 287. Доп. I. 27—30.

[3]) С. Г. Гр. III. 245.

[4]) А. А. Э. I. 436—438.

пока дѣйствующія извнѣ обстоятельства поддерживаютъ привычку; въ противномъ случаѣ и самые обряды не тверды, и человѣкъ гораздо легче ихъ нарушаетъ, нежели какъ кажется, судя по той важности, какую онъ придаетъ имъ. Сообщники Стеньки Разина ѣли въ постъ мясо, безчинствовали во время богослуженія, кощунствовали надъ святынею и убили архипастыря, несмотря на его священный санъ; а при Михаилѣ Ѳедоровичѣ Иванъ Хворостининъ, какъ только познакомился съ литературными трудами Запада, тотчасъ началъ вести такую жизнь, что навлекъ на себя укоръ патріарха въ томъ, что противъ Свѣтлаго Воскресенія былъ пьянъ, до свѣта за два часа ѣлъ мясную ѣству и пилъ вино [1]).

Отдѣленные отъ прочихъ народовъ, съ своей особой вѣрой, русскіе составили себѣ дурное понятіе о другихъ христіанскихъ народахъ, а долгое страданіе подъ игомъ нехристіанъ укоренило въ нихъ непріязненность вообще къ иновѣрцамъ. Русскіе считали только однихъ православныхъ въ цѣломъ мірѣ христіанами и въ отношеніи вѣры смотрѣли съ презрѣніемъ на всѣхъ иноземцевъ [2]); хотя они мало-по-малу сближались съ ними, принимали начала ихъ жизни въ свою жизнь, но вмѣстѣ съ тѣмъ, чувствуя, что они многому должны отъ нихъ учиться, вознаграждали это непріятное сознаніе національнымъ высокомѣріемъ. Греція передала намъ къ мусульманамъ свою антипатію, которая еще болѣе усилилась на русской почвѣ, соединившись съ воспоминаніями татарскаго ига. Всѣ западные христіане являлись въ понятіи русскаго подъ именемъ нѣмцевъ; ихъ признавали некрещеными [3]). По понятію строгаго благочестія не только дружба съ нѣмцами, но самое прикосновеніе къ нимъ оскверняло православнаго. На этомъ осно-

[1]) С. Г. Гр. III. 331.

[2]) Olear. 189.

[3]) Доп. III. 250.

ваніи, когда великіе князья и цари принимали пословъ и допускали ихъ къ рукѣ, то обмывали руку, чтобъ стереть съ нея оскверняющее прикосновеніе еретика [1]). Духовные постоянно остерегали православныхъ отъ кумовства и братства съ латинами и армянами [2]) и побуждали правительство къ мѣрамъ, преграждавшимъ сближеніе съ иностранцами. Въ 1620 году, духовенство просило не допускать нѣмцевъ покупать дворы и держать у себя русскихъ людей, потому что отъ этихъ нѣмцевъ бываетъ православнымъ оскверненіе [3]). Такъ патріархъ Никонъ, человѣкъ, возвысившійся по образованію надъ своимъ вѣкомъ, выпросилъ у царя изгнаніе изъ Бѣлаго-города въ Москвѣ купцовъ иностранной вѣры [4]). Въ особенности сильна была въ XVI и XVII вѣкѣ ненависть къ католичеству. Католическая вѣра называлась не иначе, какъ еретическая, проклятая [5]), и католики считались погибшими для царствія Божія людьми [6]). Послѣ Смутной эпохи ненависть эта усилилась. Русскіе хотя и считали нехристями протестантовъ, но терпѣли ихъ въ своемъ отечествѣ, а на католиковъ не могли ни смотрѣть, ни слышать объ нихъ; имъ не позволялось жить въ предѣлахъ Московскаго Государства [7]). Эту ненависть подерживали еще поступки католиковъ въ Западной Руси и событія въ Малороссіи, въ которыя втянулась Московія. Русскіе видѣли въ нихъ прямыхъ враговъ своей вѣры, покушающихся ее истребить. Когда царь Алексѣй Михаиловичъ завоевалъ Вильну, то почиталъ себя въ правѣ выгонять всѣхъ уніатовъ, и

1) Herbesrt. 83.
2) А. А. Э. I. 463.
3) А. И. III 115.
4) Библ. для Чтен. XV, отд. III, стр. 101.
5) Дѣло Башкина А. А. Э. I. — С. Г. Гр. III. 19.
6) Контор. III.
7) Olear. 317.

требовалъ, чтобъ тѣ, которые захотятъ остаться въ городѣ, возвратились къ православію [1]); а когда завоеванъ былъ Могилевъ, то запретили католикамъ и евреямъ быть въ немъ чиновниками [2]). Народъ ненавидѣлъ также наравнѣ съ католиками и жидовъ [3]): ни одному жиду не позволено было жить въ Петербургѣ; а духовные и благочестивые люди остерегали народъ не принимать отъ евреевъ, занимавшихся медициною, лекарствъ.

Съ непріязнію къ иноземцамъ соединялось и отвращеніе ко всему, что̀ составляло для русскихъ достояніе чужеземщины. Такимъ образомъ, русское благочестіе почитало преступленіемъ учиться наукамъ, искусствамъ или чужеземнымъ языкамъ: на это смотрѣли какъ на колдовство или навожденіе дьявола [4]). Самые вельможи обращались съ иностранцами холодно и всегда старались показать, что они себя считаютъ выше ихъ [5]). Простой народъ вѣрилъ, что все, что не русское, пропитано дьявольскою силою, и когда иностранцы ѣхали при посольствѣ въ Москвѣ, то мужики, увидя ихъ, крестились и спѣшили запираться въ свои избы, «какъ будто бы—говоритъ одинъ англичанинъ—мы были зловѣщія птицы или какія нибудь пугалы» [6]); только смѣльчаки выходили смотрѣть на иноземцевъ, какъ на рѣдкое произведеніе природы [7]).

Правительство хотя поддавалось постоянно невыгодному взгляду на иноземщину, взгляду, который поддерживало духовенство, но въ то же время пользовалось услугами иностранцевъ и привлекало ихъ въ свою страну. Этой

1) А. И. IV. 261.
2) А. И. IV. 227.
3) Olear. 317.
4) Crull. 143.
5) Olear. 189.
6) Карл. 205.
7) Olear. 346.

системѣ слѣдовали всѣ государи, одинъ за другимъ. Іоаннъ Васильевичъ Грозный былъ расположенъ къ иностранцамъ, считалъ ихъ открыто выше и лучше своего народа, производилъ себя отъ нѣмецкой крови [1]), и оправдывалъ передъ ними свои злодѣйства тѣмъ, что, по его выраженію, царствовалъ не надъ людьми, а надъ звѣрьми [2]). При Алексѣѣ Михайловичѣ, несмотря на его правовѣріе, большая часть военныхъ начальниковъ была изъ иностранцевъ, и наконецъ при дворѣ начали входить иноземные обычаи. Останавливая ненависть народа, правительство неоднократно издавало указы, чтобъ народъ не бранилъ нѣмцевъ и вообще всякихъ иностранцевъ, въ томъ числѣ и малороссіянъ, поносными словами [3]); а въ отношеніи нехристіанскихъ народовъ, входившихъ въ систему Русскаго государства, удерживало фанатизмъ прозелитизма, запрещая инородцевъ крестить насильно [4]) и покупать мальчиковъ для крещенія. Время показывало, что и въ народѣ вообще непріязнь къ иноземщинѣ не такъ была крѣпка, какъ чрезвычайна. Собственно въ русскомъ народѣ не существовало національной непріязни къ иностранцамъ: она была только религіозная, какъ къ иновѣрцамъ, и потому иностранецъ, принявшій русскую вѣру, пользовался всегда особеннымъ расположеніемъ [5]). Множество плѣнниковъ входило въ число домашнихъ слугъ [6]). Такикъ образомъ разныя народности на Руси смѣшивались съ русскою народностію, вливая въ нее чуждые элементы. Въ числѣ служилыхъ людей повсемѣстно были нѣмцы, поляки, литовцы. Сначала сближала съ иноземцами торговля: въ Архангельскѣ, главномъ

[1]) Флетч. 15.

[2]) Das. Gr. Reich v. Mosc. 152—153.

[3]) С. Г. Гр. IV. 469.

[4]) А. И. IV. 109.

[5]) Herberst. 31.

[6]) А. отн. до Ю. Б. I. 556.

торговомъ пунктѣ, браки между иностранцами и русскими женщинами сдѣлались уже не рѣдкимъ исключеніемъ [1]). Какъ ни казалась велика непріязнь ко всему польскому— въ Смутное время едва только объявлено было о воцареніи Владислава, многіе великорусскіе дворяне начали въ письмахъ своихъ и оффиціальныхъ бумагахъ писать полурусскимъ языкомъ, сбиваясь на ладъ западнорусской рѣчи [2]).

[1]) Доп. V. 285.
[2]) А. И. II. 357.

СТАРИННЫЕ ЗЕМСКІЕ СОБОРЫ.

I.

Въ древности, когда народъ не сплотился еще въ политическія общества, каждое поселеніе управлялось сходомъ хозяевъ жилищъ и выбранными отъ нихъ, изъ ихъ же среды лицами. Такой порядокъ былъ общимъ всѣмъ народамъ, стоявшимъ на первобытныхъ ступеняхъ гражданственности. И у насъ было то же. «Живяше кождо съ родомъ своимъ», выразился древній лѣтописецъ о бытѣ нашихъ предковъ въ отдаленныя невѣдомыя времена. Наша историческая жизнь въ послѣдовательномъ повѣствованіи источниковъ является со времени возникновенія единаго княжескаго рода и съ усвоенія за нимъ права имѣть своихъ членовъ правящими лицами у всѣхъ народцевъ, составлявшихъ славяно-русское племя. Русь въ это время дѣлится на земли и въ каждой землѣ долженъ быть князь, какъ правитель, судья и предводитель военныхъ силъ по признанію въ такомъ достоинствѣ всею землею, которая по отношенію къ нему, какъ къ властвующей силѣ, называлась его «волостью». Главнымъ пунктомъ въ землѣ былъ городъ, укрѣпленное поселеніе, гдѣ пребывалъ князь и гдѣ обыкновенно сходились на совѣтъ съ нимъ объ общихъ дѣлахъ жители земли; совѣтъ этотъ назывался вѣчемъ. Но земли, въ свою очередь, дѣлились на бо-

лѣе мелкія земли и въ такихъ мелкихъ земляхъ возникали города, называемые по отношенію къ главному городу пригородами; они вмѣстѣ съ послѣднимъ составляли одну единицу общей земли, а потому и были подчинены главному городу. Однако, при стеченіи благопріятныхъ для пригородовъ обстоятельствъ, пригороды иногда пріобрѣтали самобытность и даже полную независимость и тогда призывали къ себѣ особыхъ князей. Дробились такимъ образомъ земли, дробились и княженія. Въ древней Руси все отличалось неопредѣленностью: не было ни точнаго раздѣленія жителей на сословія, ни законности въ пріобрѣтеніи княженія для лицъ княжескаго рода, ни правилъ составленія вѣчь, ни условій состоятельности вѣчевыхъ приговоровъ; во всемъ господствовала личная свобода и все направлялось по стеченію событій. Г. Сергіевичъ превосходно изобразилъ этотъ характеръ нашей старинной политической жизни въ своей книгѣ «*Вѣче и князь*», которая, будучи лучшимъ изслѣдованіемъ въ нашей наукѣ, должна надолго остаться настольною книгою для всякаго желающаго уразумѣть нашу древнюю жизнь, хотя едва ли можно согласиться съ почтеннымъ авторомъ ея въ томъ, что будто [1]) племенное различіе не имѣло рѣшительнаго вліянія на образованіе волостей. Это утверждаетъ авторъ на томъ основаніи, будто славянскія племена, заселявшія Россію, не отличались рѣзкими особенностями, которыя бы могли надолго обусловить особый для каждаго племени ходъ политическаго развитія. При увеличивавшемся дробленіи русско-славянскаго міра, издавна, однако, свѣтилось сознаніе, что Русская Земля есть едина, отлична отъ дру-

[1]) Мнѣніе г. Сергіевича справедливо только до извѣстной степени. Несмотря на долгое пребываніе народныхъ частей въ одномъ политическомъ единеніи, и теперь еще можно замѣтить въ нравахъ, образѣ жизни, вѣрованіяхъ и въ языкѣ народа нѣкоторыхъ губерній и уѣздовъ отмѣны, соотвѣтствующія древнему дѣленію на земли и волости.

гихъ, нерусскихъ странъ и всѣ части Русской Земли составляютъ одно общее для всѣхъ отечество. Такая идея еще въ темныя для насъ времена привела къ единству княжескаго рода; эта идея высказалась и въ томъ вниманіи, какое оказывали къ ней лѣтописцы, охватывая въ своихъ повѣствованіяхъ всѣ русскія земли разомъ. Эта идея выразилась и въ поэтической скорби о раздробленіи русскихъ силъ пѣвца Игорева. Но болѣе всего эту идею проводила и поддерживала православная церковь, которая при всѣхъ политическихъ дробленіяхъ пребывала всегда единою для цѣлаго русско-славянскаго міра, какъ въ своемъ іерархическомъ строѣ, такъ и въ единообразіи богослуженія и церковнаго вѣроученія. Древняя дотатарская Русь не додумалась до соединительнаго органа всѣхъ земель своихъ; попытки нѣкоторыхъ князей устроить княжескіе съѣзды остались неудавшимися и притомъ сами по себѣ были недостаточными для цѣли. Удѣльно-вѣчевой строй представлялъ такое броженіе, въ которомъ ощутительными были противорѣчивыя стихіи: изъ него могла выработаться и федерація свободныхъ земель, и строгая монархія, смотря по тому, куда событія повернутъ судьбу русско-славянскаго міра. Татарское завоеваніе повернуло его къ тому, что въ ея историческомъ ходѣ явился перевѣсъ къ единовластію.

Справедливо можно усматривать первичные зачатки единовластія въ Ростовско-суздальской Землѣ уже въ XII вѣкѣ, но они, безъ сомнѣнія, не пустили бы такихъ ростковъ, если бы не явилось на содѣйствіе ихъ развитію иноплеменное завоеваніе. Въ XIV вѣкѣ возникло ясное и опредѣлительное стремленіе къ единовластію надъ всею Русью въ Москвѣ, прямой отрасли Владиміра на Клязьмѣ, взявшей надъ нимъ первенство подобно тому, какъ Владиміръ нѣкогда захватилъ первенство надъ старѣйшими городами своей земли—Суздалемъ и Ростовомъ. Въ Москвѣ

развилось это стремленіе, въ Москвѣ окрѣпло оно въ XV вѣкѣ, а въ XVI Москва стала центромъ Московскаго Государства, подчинившаго всѣ русскія области, за исключеніемъ тѣхъ, которыя отошли къ иному, образовавшемуся изъ русскихъ же стихій государству — Великому Княжеству Литовскому. Признаками московскаго владычества было поглощеніе земской областной жизни, уничтоженіе вѣчевого строя, стѣсненіе личной свободы и порабощеніе народныхъ массъ волѣ великаго князя и его намѣстниковъ и волостелей. Здѣсь не мѣсто вспоминать, какъ русскія земли одна за другою подпадали подъ власть Москвы: фактъ былъ для всѣхъ неизбѣжный и необходимый, но вездѣ онъ возбуждалъ горькія жалобы привыкшихъ къ прежнему свободному строю. Дошли до потомства и стенанія ростовцевъ, потерявшихъ свою областную самобытность еще при Иванѣ Даниловичѣ Калитѣ [1]), и стенанія псковичей, лишившихся своей свободы уже при Василіѣ Ивановичѣ, въ началѣ XVI вѣка [2]). Господство великокняжескихъ намѣстниковъ дѣлалось сноснѣе только тогда, когда присланный изъ Москвы намѣстникъ былъ самъ по себѣ человѣкъ добраго нрава, но вообще приходило въ званіи намѣстниковъ больше такихъ, которыхъ управляемые жители находили «лихими». Но мало-по-малу нача-

[1]) „Увы, увы тогда граду Ростову, паче же и княземъ ихъ, яко отъяся отъ нихъ власть и имѣніе, и честь, и слава, и потягнуша къ Москвѣ... егда внидоста во градъ Ростовъ, тогда возложиста велику нужу на градъ и на вся живущая въ немъ и не мало отъ ростовецъ москвичемъ имѣнія своя отдаваху съ нужею, а сами противу того раны на тѣлеси своемъ съ укоризною взимающе“ (Карамз. IV, прим. 303).

[2]) „И начаша намѣстники надъ псковичами силу велику чинити... и отъ ихъ насилства и налоговъ многіе разбѣгошася по чюжимъ городомъ, а кои иноземцы жили во Псковѣ и ти розыдошася во свои земли, ано не мочно во Псковѣ жити, толко одны псковичи осташа, ано земля не разступится, а вверхъ не взлетѣть“. (П. С. Р. Л., т. IV, стр. 288).

лись дѣлаться шаги къ возвращенію покореннымъ областямъ если далеко не полной былой свободы, то, по крайней мѣрѣ, нѣкотораго участія жителей въ ихъ мѣстномъ управленіи. При великомъ князѣ Василіи Ивановичѣ велѣно было въ Новгородѣ выбрать изъ улицы лучшихъ людей сорокъ восемь человѣкъ и къ цѣлованію привести, а по государеву великаго князя Іоанна Васильевича слову «оставили судити съ намѣстники старосту купецкого, а съ тіуны судити цѣловальникомъ по четыре на всякій мѣсяцъ» [1]). Въ малолѣтство Іоанна Васильевича, когда государствомъ управляли бояре, начались подаваться отъ жителей разныхъ областей жалобы на злоупотребленія и насилія намѣстниковъ, и бояре стали давать грамоты, дозволявшія участіе выборныхъ отъ народа лицъ въ судѣ и расправѣ. Такъ, въ управленіе Шуйскаго даны грамоты каргопольцамъ [2]) и бѣлозерцамъ [3]). Сущность этихъ грамотъ, выданныхъ въ 1559 году, состояла въ томъ, что довѣрялось въ волости избрать трехъ или четырехъ лицъ изъ дѣтей боярскихъ, а при нихъ быть старостамъ, десятскимъ и лучшимъ людямъ изъ крестьянъ, человѣкъ по пяти и по шести, и передать имъ судъ и расправу по уголовнымъ дѣламъ. Въ послѣдовавшее затѣмъ управленіе Бѣльскаго воз-

[1]) Это свѣденіе Карамзинымъ заимствовано изъ извѣстной ему архивной ростовской лѣтописи. Оно сбивчиво: установленіе 48 цѣловальниковъ приписывается великому князю Василію Ивановичу, о введеніи же въ судъ съ намѣстниками старосты купецкаго и съ тіунами цѣловальниковъ говорится, что это совершилось по слову великаго князя Іоанна Васильевича. Изъ этого мы предполагаемъ, что собственно это учрежденіе въ его исполненіи относится въ государствованію сына Василія Ивановича, великаго князя Іоанна Васильевича и, вѣроятно, къ его младенчеству или отрочеству такъ какъ онъ въ юности принялъ уже титулъ царскій, а не назывался только великимъ княземъ (Карамз. Ист. Госуд. Росс., т. VII, прим. 362).

[2]) Допол. къ Акт. Истор., 1, стр. 32.

[3]) А. Арх. Эксп., 1, стр. 164.

вращено было псковичамъ ихъ старинное право «по всѣмъ городамъ большимъ и по пригородамъ и по волостямъ лихихъ людей обыскивать самимъ крестьянамъ между собою по крестному цѣлованію и казнить ихъ смертною казнію, не водя къ намѣстникамъ и ихъ тіунамъ». «Намѣстники, сообщаетъ лѣтописецъ, были этимъ очень недовольны, а крестьянамъ была великая радость и облегченіе, и судъ перешелъ въ руки псковскихъ цѣловальниковъ и сотскихъ, которые стали производить судъ въ «судницѣ» (судной избѣ) на княжемъ дворѣ, надъ рѣкою Великою» [1]). Въ короткій періодъ управленія Бѣльскаго не только во Псковѣ, но и въ другихъ мѣстностяхъ дано или, правильнѣе сказать, возвращено было жителямъ участіе въ судѣ. Такъ, въ Сольгаличѣ дано обывателямъ право избрать десятскихъ, пятидесятскихъ и сотскихъ и предоставить имъ вмѣстѣ съ городовымъ приказчикомъ (такіе были въ дворцовыхъ волостяхъ, а Сольгаличъ былъ волостію дворцовою) творить судъ и казнить смертію преступниковъ [2]). Такое же право дано крестьянамъ селъ Прилуцкаго монастыря. То же произошло на сѣверѣ, въ Двинской Землѣ, гдѣ керетчанамъ и ковдянамъ дано право выбирать цѣловальниковъ, которые должны быть на судѣ съ великокняжескими деньщиками и слободчиками, посылаемыми въ эти края, а послѣднимъ запрещалось безъ цѣловальниковъ творить судъ и расправу [3]).

Есть основаніе думать, что извѣстными намъ актами не ограничивалась тогдашняя дѣятельность правительства, и что эти акты стали намъ извѣстны только потому, что попались въ Сборникъ Археографической Комиссіи случайно; но въ оное время дано было еще не мало такихъ

[1]) Пск. первая лѣт. П. С. Р. Лѣт., IV, 305.

[2]) А. Арх. Эксп., I, 169—170.

[3]) ibid., стр. 176.

грамотъ и въ другія мѣста, и при Бѣльскомъ положено основаніе того самоуправленія областнаго, которое распространилось такъ широко впослѣдствіи подъ вліяніемъ избранныхъ совѣтниковъ, окружившихъ на нѣкоторое время молодаго царя Ивана Васильевича. Не даромъ Курбскій, одинъ изъ такихъ совѣтниковъ, съ сочувствіемъ и похвалами отзывается объ этомъ Бѣльскомъ [1]). Но туго на Руси могли прививаться подобные начатки свободной жизни, не согласные съ утвердившимся уже господствомъ произвола власти.

Въ 1547 году пріѣхали въ Москву псковичи жаловаться на намѣстника государева. Московскій государь, уже достигшій тогда совершеннолѣтія, опалился на нихъ, безчествовалъ ихъ, обливалъ горячимъ виномъ, жегъ имъ бороды и волосы на головѣ и приказалъ разложить ихъ нагишомъ на землѣ съ тѣмъ, чтобъ истязать. Къ счастію псковичей, въ это время нежданно московскій «колоколъ благовѣстникъ отпаде», государь ускакалъ въ Москву по такой вѣсти и «жалобщиковъ не истеря́» [2]). Скоро затѣмъ случился въ Москвѣ страшный пожаръ, а за пожаромъ и страшный народный бунтъ, въ которомъ не оказывалось пощады государевымъ родственникамъ, а затѣмъ произошло многознаменательное по послѣдствіямъ явленіе священника Сильвестра передъ царемъ. Молодой царь впалъ въ ребяческую боязнь и подпалъ подъ вліяніе умныхъ людей, на которыхъ указалъ овладѣвшій совѣстью царя Сильвестръ. Тогда царь приказалъ собрать со всего государства земскихъ людей на соборъ. Явленіе новое и никогда не бывалое. Прежде, какъ мы выше привели, существовали вѣча, собранія народныя по землямъ, но общаго вѣча, такъ сказать, вѣча вѣчъ, не было и никто даже не подавалъ объ этомъ мысли.

[1]) Карамзинъ, Ист. Гос. Рос. VIII, прим. 117.

[2]) Пск. первая лѣт. П. Собр. Р. Л. IV, 307.

На прежнихъ вѣчахъ не было никакого выбора, никакого представительства отъ мѣстностей или сословій, каждый какъ свободный человѣкъ шелъ самъ за себя, и дѣла рѣшались на вѣчѣ не большинствомъ, а общимъ желаніемъ, выражаемымъ тѣмъ, что кто сильнѣе духовно и матеріально, тотъ и беретъ верхъ. Это было возможно въ каждой изъ земель, да и то иныя были до того пространны, что затруднительно было изъ отдаленнаго пригорода идти на вѣче въ главный городъ, и это, между прочими другими побужденіями, содѣйствовало отложеніямъ пригородовъ и образованію отдѣльныхъ земель и княженій. Теперь, когда Москва подчинила себѣ такія широкія пространства русскихъ земель, немыслимо было уже сходиться на общій совѣтъ людямъ за какихъ-нибудь триста или пятьсотъ верстъ. Неизбѣжно вытекало отсюда, что, если призывать на совѣтъ Русскаго государства людей, то надобно въ областяхъ выбирать нѣсколькихъ и отправлять въ столицу въ качествѣ пословъ или представителей своей области. Такъ и возникли земскіе соборы—сходки выборныхъ людей всего Московскаго Государства по призванію верховной власти—явленіе, въ первый разъ возникшее при царѣ Иванѣ Васильевичѣ и нѣсколько разъ повторявшееся по разнымъ важнымъ случаямъ вплоть до царствованія Петра Великаго, начавшаго преобразовывать весь строй своего государства на западноевропейскій образецъ того времени. Что̀ побудило царя Ивана Васильевича вызвать такое явленіе къ жизни? Мы едва ли ошибемся, когда, принимая во вниманіе нравственныя свойства этого государя, скажемъ, что его побудила къ этому трусость, составлявшая отъ юности до старости отличительную черту его характера. Царя Ивана Васильевича перепугалъ народный бунтъ. Онъ трепеталъ отъ страха не только за свою родню, которую москвичи стали истреблять, но и за собственную жизнь. Шелъ вопросъ о томъ, какъ спасти себя и свою

царскую власть. Онъ тогда слушался совѣтовъ и совершенно отдался въ руки Сильвестра и людей, на которыхъ послѣдній указалъ ему, какъ на умныхъ и полезныхъ помощниковъ. На это есть указанія источниковъ того времени и собственное признаніе царя Ивана Васильевича въ его письмахъ къ Курбскому. Тутъ-то, вѣроятно, и подали ему совѣтъ обратиться ко всему русскому народу, покаяться передъ всѣмъ міромъ въ своихъ ошибкахъ, въ дурномъ управленіи государствомъ и приступить къ усовершенствованію законодательства гражданскаго и церковнаго. Въ такихъ-то видахъ былъ созванъ въ Москву земскій соборъ изъ выборныхъ людей всего Русскаго государства. Къ большому сожалѣнію, мы не знаемъ не только подробностей, но и главныхъ чертъ этого перваго земскаго собора. Не дошло до насъ ни царской грамоты о созваніи выборныхъ людей, ни дѣяній соборныхъ. Знаемъ только, что царь, благословившись у митрополита и духовныхъ властей, вышелъ на лобное мѣсто передъ толпу собравшихся изъ городовъ русскихъ выборныхъ людей, проговорилъ предъ ними рѣчь, каялся въ томъ, что до сихъ поръ управленіе государствомъ велось дурно, просилъ у всѣхъ прощенія, но приписывалъ все бывшее зло боярамъ, правившимъ государствомъ во время его малолѣтства, увѣрялъ, что самъ онъ отъ всего чистъ, кланялся на всѣ стороны, сознавалъ, что уже воротить того, что́ было прежде сдѣлано, нельзя, убѣждалъ до срока оставить всѣмъ свою вражду другъ къ другу и прекратить ссоры и распри, кромѣ важныхъ дѣлъ, и обѣщалъ самъ быть всѣмъ судіею, неправды раззорять и похищенное возвращать. Въ заключеніе царь поручилъ Алексѣю Адашеву принимать отъ всѣхъ и разсматривать челобитныя и назначилъ изъ бояръ верховныхъ судей [1]). Послѣ этого собора принялись

[1]) Карамз. Ист. Гос. Росс. т. VIII, примѣч. 182, 183, 184.

за работу: составленъ былъ новый судебникъ, составлены уставныя грамоты, въ силу которыхъ по всѣмъ городамъ, пригородамъ, волостямъ и погостамъ велѣно выбрать старостъ и цѣловальниковъ, сотскихъ и пятидесятскихъ: судъ и мѣстное управленіе передавались отъ царскихъ намѣстниковъ и волостелей народу въ лицѣ выбранныхъ послѣднимъ должностныхъ лицъ. Затѣмъ занялись церковною реформою, слѣдствіемъ чего былъ Стоглавъ. Не только церковныя законоположенія обсуждались и утверждались духовенствомъ; самый судебникъ, касавшійся исключительно гражданскихъ или мірскихъ дѣлъ, и уставныя грамоты— все это было представлено на обсужденіе духовенства, для разсмотрѣнія: согласно ли оно съ правилами Церкви и съ прежними законами царскихъ прародителей [1]. Царь просилъ духовныхъ, собранныхъ на церковный соборъ, побесѣдовать, посовѣтовать и извѣстить его на счетъ обычаевъ, которые въ послѣднее время «поиспаталися или что въ самовластіи учинено по своимъ волямъ, или преданія законы нарушены» [2]. Духъ новыхъ законодательныхъ преобразованій былъ въ высшей степени консервативенъ и даже, такъ сказать, ретроградeнъ: идеалъ правды былъ позади, а не впереди, и не даромъ все отдавалось подъ окончательный контроль Церкви, которая всегда привыкла мыслить такъ, что вообще лучшимъ надобно признавать то, что̀ было старѣе. Если въ новомъ устроеніи является свобода для областной народной жизни, то это потому, что дѣйствительно была у русскаго народа свобода въ-старину; хотя уже она и не могла воскреснуть въ прежнемъ видѣ, но теперь, однако, она должна была отзываться въ жизни поколѣній не твердыми,—какъ показало будущее—чертами. Духовенство не могло не одо-

[1]) Стогл. стр. 39.

[2]) ibid. стр. 40.

брить такихъ измѣненій, когда усматривало, что они дѣлались на томъ основаніи, что такъ было въ-старину. Такое подчиненіе царя духовенству было только временное, совершившееся подъ вліяніемъ трусости; впослѣдствіи, когда царь Иванъ Васильевичъ удостовѣрился, что власть его тверда, онъ въ письмѣ къ Курбскому указывалъ, что никакъ «не подобаетъ священникомъ царская творити», что каждое царство, обладаемое попами, подвергается раззоренію, и ссылался на примѣръ Византійской державы, подчинявшейся духовенству [1]). О томъ, кто все это дѣлалъ и кто всѣмъ тогда заправлялъ, мы находимъ достаточное указаніе въ повѣствованіи Курбскаго [2]), который сообщаетъ, что Сильвестръ и Адашевъ «собрали къ царю мужей разумныхъ и совершенныхъ, стариковъ, украшенныхъ благочестіемъ и страхомъ божіимъ, а также и такихъ, которые были еще не стары, но искусны въ военныхъ и земскихъ дѣлахъ, и до такой степени усвоилъ ихъ къ нему въ дружбу, что онъ безъ ихъ совѣта ничего не устраивалъ и даже не мыслилъ». Согласно съ этимъ извѣстіемъ самъ царь сознается, что отъ него тогда «отнята была власть, данная отъ прародителей, все дѣлалось такъ, какъ захотятъ бояре, которые утвердились между собою дружбою и даже у царя ничего не спрашивали, какъ бы его вовсе не было» [3]). Такимъ образомъ, слѣдствіемъ перваго земскаго собора было ограниченіе царской воли и отдача власти въ руки кружка бояръ, указанныхъ царю Адашевымъ и Сильвестромъ. Имѣлъ ли бывшій соборъ прямое вліяніе на такое явленіе—мы не знаемъ, такъ какъ объ этомъ соборѣ намъ извѣстно только очень немногое. Впрочемъ, ограниченіе царской воли было только фактическое, а не ле-

1) Сказ. кн. Курбск. II, стр. 33—39.

2) ibid. I, стр. 11—12.

3) ibid. т. II, стр. 57.

гальное, и потому временное, продолжавшееся только до той поры, пока самому царю угодно будетъ находиться въ возложенныхъ на него путахъ.

И такъ, первый земскій соборъ, о которомъ мы такъ мало знаемъ, не оставилъ непосредственно отъ себя какихъ нибудь прочныхъ плодовъ, потому что законодательныя преобразованія хотя и явились тотчасъ послѣ него, однако нѣтъ никакихъ доказательствъ, чтобъ они исходили изъ него и не могли бы возникнуть и быть приведены въ исполненіе, еслибъ выборныхъ на земскій соборъ не было вовсе присылаемо въ Москву. Замѣчательно, что этотъ соборъ происходилъ на площади, по крайней мѣрѣ, тамъ говорилъ съ нимъ царь, тогда какъ о многихъ другихъ земскихъ соборахъ, бывшихъ въ Московскомъ Государствѣ, намъ извѣстно, что они отправлялись въ царскихъ палатахъ. Никакихъ законоположеній о созывѣ выборныхъ для земскаго собора не начертывалось ни тогда, ни послѣ; важнымъ почитали тогда не форму земскаго собора, не способъ, какимъ онъ отправлялся, а только главную цѣль, для которой онъ собирался; цѣль эта была потребность верховной власти говорить съ народомъ, объявить ему свою волю, узнать отъ него общій взглядъ Земли на какое-нибудь важное событіе. Достигалась ли эта цѣль созваніемъ собора или какимъ-либо инымъ путемъ—все равно, лишь бы цѣль была достигнута. Отъ этого цари по надобности созывали соборы неполные, то есть изъ нѣкоторыхъ только сословій или мѣстностей, причастныхъ къ вопросамъ, о которыхъ будетъ идти рѣчь, или даже безъ призыва выборныхъ обращались къ массамъ сословій и жителей. Въ 1565 г. тому же царю Ивану Васильевичу оказалась надобность говорить съ народомъ. Было это по поводу опричнины. Хотѣлось царю Ивану Васильевичу заручиться народнымъ согласіемъ на совершеніе казней, которыя онъ задумывалъ надъ тѣми, которыхъ не любилъ, или, по крайней мѣрѣ,

народнымъ равнодушіемъ къ такимъ казнямъ. Царь прибѣгнулъ къ такой выходкѣ. Онъ уѣхалъ въ Александровскую слободу и оттуда послалъ сказать митрополиту, что отходитъ вонъ изъ царства и отправилъ къ нему списокъ измѣнамъ бояръ, воеводъ и приказныхъ людей, обвинялъ ихъ, что захватили царскія земли и пораздавали своей роднѣ, что они не хотятъ оборонять государство отъ иноземныхъ непріятелей, удаляются отъ службы и творятъ насилія крестьянамъ; жаловался и на то, что духовные заступаются за виновныхъ, когда царь замыслитъ кого нибудь изъ нихъ подвергнуть суду и расправѣ. Царь извѣщалъ, что по этой причинѣ онъ удаляется отъ престола и намѣренъ поселиться тамъ, гдѣ ему Богъ извѣститъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ отправлена была грамота къ купцамъ и московскимъ посадскимъ людямъ; грамоту эту велѣно было прочесть дьякамъ; въ ней говорилось, чтобъ жители Москвы не держали никакого сомнѣнія, что на нихъ нѣтъ царскаго гнѣва и царской опалы. Царь образовывалъ между своими подданными въ Москвѣ какъ бы два враждебные одинъ другому стана: въ одномъ—бояре и служилые, въ другомъ —торговые и черные люди. Но общее недоразумѣніе соединило тѣхъ и другихъ вмѣстѣ, хотя, быть можетъ, по разнымъ побужденіямъ. Отправилась къ царю депутація съ челобитною отъ всѣхъ: править какъ ему угодно и казнить измѣнниковъ [1]). Царь послѣ того учредилъ опричнину и возвратился въ Москву: оба чина, и служилый и неслужилый (beide Stände) явились къ нему, и потомъ всѣ чины государства изъявили ему благодарность за его заботливость (von allen Ständen für solche vorwilligte Sorgfeltigkeit Dank gesagt. [2]). Это, конечно, не былъ земскій соборъ въ его формѣ,

[1]) см. Александроневск. лѣтоп. Русск. Истор. библіот. III, стр. 247—255.

[2]) Taube und Kruse. Ewers, Beiträge zur Kenntniss Russlands und seiner Geschichte. 196.

но цѣль, въ глазахъ верховной власти, была достигнута та же, для которой долженъ былъ, повидимому, созываться земскій соборъ: царь объяснился съ народомъ и услышалъ отъ него мнѣніе. Полнаго собора царь, какъ видно, созывать не рѣшался, но тутъ было заявлено мнѣніе и духовныхъ, и служилыхъ, и неслужилыхъ, правда только московскихъ и тѣхъ, которые случайно находились въ Москвѣ. Но и въ другихъ соборахъ не отовсюду непремѣнно вызывали выборныхъ людей.

Но черезъ годъ, въ іюлѣ 1566 года, тѣмъ же царемъ былъ созванъ земскій соборъ, уже по формѣ болѣе имѣющій права на это названіе, хотя все-таки неполный. Еще въ 1558 году началась война у царя съ Ливонскимъ Орденомъ. По поводу начатія этой войны разстроилось согласіе въ боярскомъ кружкѣ, овладѣвшемъ царскою волею: одни были за войну, другіе противъ войны. Съ нѣмцами война велась чрезвычайно удачно для Московскаго Государства, но оно втянулось въ войну съ другимъ государствомъ — польско-литовскою Рѣчью Посполитою, которой отдался въ подданство бывшій гросмейстеръ Ордена, снявшій съ себя рыцарскій санъ. Тогда война пошла съ попемѣннымъ счастіемъ. Успѣхъ царя Ивана Васильевича былъ великъ: онъ завоевалъ Полоцкъ съ его территоріею, но потомъ князь Радзивиллъ, военачальникъ силъ литовскихъ, разбилъ при Оршѣ московское войско. Король Сигизмундъ-Августъ предложилъ перемиріе. Царю не легко было вести эту войну, такъ какъ она длилась уже восемь лѣтъ и стоила государству большихъ издержекъ. И вотъ царь собралъ земскихъ людей на совѣтъ. Соображая тогдашнія обстоятельства, можно открыть побужденія, руководившія царемъ при созывѣ этого собора. При самомъ начатіи войны онъ слыхалъ мнѣнія, не одобрявшія эту войну, и хотя тѣ, которые тогда были противъ войны, служили царю добросовѣстно въ этой же войнѣ, но на искренность ихъ

онъ не могъ положиться. По справедливому замѣчанію историка Соловьева [1]), царю хотѣлось знать, что думаютъ о войнѣ другія сословія, а при раздѣленіи на опричнину и земщину, совершонномъ въ прошломъ передъ тѣмъ году, онъ не могъ узнать этого ни черезъ опричниковъ, стоявшихъ враждебно къ остальному народонаселенію, ни чрезъ опальныхъ земскихъ бояръ, которые бы никакъ не посмѣли сказать ему правды, какъ сами думаютъ. Притомъ отъѣздъ Курбскаго сильно тревожилъ его и онъ безпрестанно боялся, чтобъ и другіе бояре и военачальники не послѣдовали примѣру Курбскаго. Ему хотѣлось поставить на видъ всѣмъ, что война ведется по общему хотѣнію всей Русской Земли.

На созванномъ тогда соборѣ было девять архіереевъ, двадцать два монаха, изъ которыхъ пятнадцать были настоятелями монастырей съ титулами архимандритовъ и игуменовъ; были бояре, окольничьи и всѣ думные люди, были дворяне, дѣти боярскіе, гости и купцы изъ Москвы и Смоленска. Духовенство одно услышало лично отъ государя изустно вопросы, предложенные къ обсужденію; боярамъ и другимъ членамъ царской думы дали такіе же вопросы — на письмѣ. Главный вопросъ заключался въ томъ: стоять ли противъ недруга короля польскаго или согласиться на предлагаемое примиреніе? Польская сторона уступала царю Полоцкъ и занятіе въ Ливоніи московкими силами мѣста; царь уступалъ съ своей стороны Курляндію и нѣсколько городовъ по сю сторону Двины, но требовалъ уступить ему Ригу. Соглашеніе на томъ не состоялось и польско-литовскіе послы предлагали государю съѣхаться съ ихъ королемъ на границѣ. Вотъ, что̀ слѣдовало обсудить и по всему этому подать мнѣніе.

Духовенство дало въ такомъ смыслѣ коллективный отвѣтъ: велико смиреніе государево, что онъ уступаетъ ко-

[1]) Ист. Россіи. VI, стр. 259.

ролю пять городовъ въ Полоцкомъ повѣтѣ, да въ Задвиньѣ земли верстъ на 60 или на 70 въ стороны, да Озерище и волость Усвятскую, а въ Ливонской Землѣ и въ Курляндской за Двиною шестнацать городовъ, да на сей сторонѣ Двины пятнадцать ливонскихъ городовъ съ уѣздами и со всѣми угодьями, принадлежащими къ этимъ городамъ, и вдобавокъ отпускаетъ взятыхъ въ плѣнъ въ Полоцкѣ Довойну съ товарищами и съ семьями ихъ безъ окупа, своихъ же плѣнныхъ дѣтей боярскихъ выкупаетъ за деньги. Болѣе уже ничего нельзя уступать и за тѣ городы, что хочетъ забрать къ себѣ король: Ригу, Кесь (Венденъ), Володимерецъ (Вольмаръ), Ровно (по латышски Раунасъ-Пильлисъ, по нѣмецки Раненбургъ) и Куконосъ (Кокенгузенъ)—слѣдуетъ стоять, потому что эти городы близко подошли къ Юрьеву (Дерпту) и Пскову. Иначе изъ тѣхъ городовъ будетъ происходить разореніе церквамъ, построеннымъ въ тѣхъ городахъ, что отошли подъ власть великаго государя, да не мало тѣсноты станетъ и Пскову и Новгороду. При этомъ замѣчали, что царь началъ войну по правдѣ, магистра (Фюрстенберга) и епископа (дерптскаго Германа) взяли въ плѣнъ, многіе городы царь покорилъ и православіемъ просвѣтилъ. Остальные же, видя свое изнеможеніе, отдались королю. Еслибъ великій государь не наступилъ на Ливонскую Землю, то король не могъ бы ни одного города ливонскаго себѣ взять. Не по правдѣ король беретъ эти городы: они — вотчина великаго государя отъ прародителей, начиная съ великаго князя Ярослава Владимировича. У короля съ великимъ государемъ перемирье было, а война началась отъ короля: его люди напали на городъ Тарвастъ, уже покоренный царскимъ оружіемъ, и взяли его. Предлагаетъ король Полоцкъ, и земли къ нему даетъ по сей сторонѣ Двины на пятнадцать верстъ и на пять верстъ внизъ, а за Двиною земли не даетъ, чтобъ Двина была рубежемъ.

Можно ли городу стоять безъ уѣзда и селъ? И деревня не живетъ безъ полей и угодьевъ. Какъ же городу-то быть безъ уѣзда?

Видно, что духовные говорили такъ, какъ было угодно государю. Бояре и всѣ думные люди сказали отъ себя то же, что̀ и духовные, но въ прибавку къ тому указали, что на сей сторонѣ Двины мѣста, уступаемыя королемъ къ Полоцку, все дурныя по своимъ качествамъ, а лучшія мѣста остались за рѣкою Двиною, и если въ такомъ положеніи принять условія и постановить перемиріе, то какъ только пройдетъ перемирный срокъ, Полоцкъ неволею долженъ будетъ сдаться королю; сверхъ того, если оставить ливонскіе городы королю, то король пополнитъ въ нихъ свои военныя силы и тѣ будутъ угрожать не только Юрьеву, но и Пскову. Лучше, коли такъ, не мириться, а биться. Насчетъ съѣзда московскаго государя съ польскимъ королемъ на границѣ всѣ думные люди предоставляли это волѣ государя, но замѣтили, что литовскіе послы нарочно выдумываютъ предлоги, чтобъ имѣть время укрѣпить ливонскіе городы, заключить договоръ Литвы съ Польшею и усилиться. Теперь—соображали они,—у короля съ цесаремъ не согласно, а какъ начнется у ляховъ съ цесаремъ война, тогда ляхи не подадутъ уже помощи литовцамъ. Этого король опасается, а потому и хочетъ скорѣе съ нами замириться. Не пригоже намъ поэтому теперь съ королемъ мириться, а возложимъ надежду на Бога: онъ гордымъ противникъ. Будемъ класть головы свои за великаго государя.

Дворяне и дѣти боярскіе, прибывшіе на соборъ по выбору, дѣлились на двѣ статьи: первой статьи было 97, второй съ дѣтьми боярскими 99. Они представили тѣ же доводы, что и думные люди и выразились такъ: вѣдаетъ то Богъ и великій государь: его государская воля, а мы, холопи государевы, готовы на государское дѣло. Спро-

шенные особо торопецкіе и великолуцкіе помѣщики (первые въ числѣ трехъ, послѣдніе въ числѣ шести), какъ ближайшіе тогда участники въ войнѣ, сказали то же, что и прежніе и, кромѣ того выразились такъ о земляхъ належащихъ къ Полоцку, въ такихъ словахъ: За одну десятину земли Полоцкаго и Озерищинскаго повѣтовъ лучше головы положимъ, чѣмъ намъ быть запертыми въ Полоцкѣ!

Дьяки и приказные люди въ числѣ двадцати восьми были такого же мнѣнія, что лучше отважиться на войну, чѣмъ согласиться на перемиріе, предлагаемое королемъ.

Гости, въ числѣ двѣнадцати, московскіе торговые люди въ числѣ тридцати восьми и смольняне въ числѣ двадцати двухъ, изложивши мысль о невозможности мириться на предлагаемыхъ условіяхъ, сказали: мы люди не служилые, службы не знаемъ, вѣдаетъ Богъ да государь, мы же не токмо за свои животы не стоимъ, но и головы свои кладемъ за государя, чтобъ государева рука была вездѣ высока. Смольняне прибавили: и село безъ земли стоитъ покинуть, и черезъ улицу лихой сосѣдъ лихо, а городу безъ земли какъ быть! Только будетъ около Полоцка королевская земля, король около Полоцка городъ поставитъ и дороги отниметъ и Полоцкъ будетъ тѣснить [1]).

Соборъ этотъ былъ не полный, потому что выборныхъ отъ посадовъ и уѣздовъ изъ неслужилыхъ людей, кромѣ Москвы и Смоленска, не было.

II.

Въ 1580 году при томъ же царѣ Иванѣ Васильевичѣ, былъ соборъ еще болѣе предыдущаго не полный, такъ какъ на немъ были только духовные и думные люди: и тѣ и

[1]) Собр. госуд. грам. и договор. I. 554.

другіе всегда на соборахъ участвовали по ихъ сану, а не по выбору. Велась тогда тяжелая для Московскаго Государства война противъ польскаго короля Стефана Баторія. Предложено было на обсужденіе то обстоятельство, что государству угрожаютъ и угры, и поляки, и литовцы, и нѣмцы ливонскіе и свейскіе, и татары крымскіе, и ногайцы, всѣ они «образомъ дивіяго звѣря распыхахуся, гордостію дмящеся, хотяху истребити православіе»; между тѣмъ во владѣніи епархій и монастырей состоятъ принесенныя нѣкогда въ даръ Богу села и пожни, они «въ пустошъ изнуряются на пьянственные и иные проторы,... а воинственному чину оскудѣніе приходитъ веліе». По этому предложенію митрополитъ Антоній и духовныя власти вмѣстѣ съ царскимъ синклитомъ уложили: всѣ недвижимыя имущества, села, пожни и сѣножати, данныя Богу и состоящія въ вѣдѣніи митрополита, архіереевъ и монастырей, не должны исходить изъ-подъ ихъ вѣдѣнія, никакимъ судомъ и тяжбою не могутъ быть отчуждены, и если бы какое либо имущество стояло за монастыремъ безъ крѣпости, должно за нимъ оставаться, а впередъ не тягаться съ монастырями о вотчинахъ. Затѣмъ на будущее время, начиная съ 15-го января 1580 года, вотчинники не должны по душамъ отдавать своихъ вотчинъ въ монастыри, но могутъ давать деньги по цѣнѣ вотчинъ, самыя же вотчины должны переходить къ наслѣдникамъ, за неимѣніемъ же наслѣдниковъ вотчины эти будутъ отбираемы на государя, а монастырямъ будетъ выплачиваемо изъ государевой казны. Затѣмъ архіереямъ и монастырямъ вотчинъ не покупать, и въ залоги не брать, а что послѣ этого уложенія будетъ поступать къ нимъ покупкою или залогомъ, то отбирать безденежно; все же, состоящее въ залогѣ у архіереевъ и монастырей въ настоящее время, слѣдуетъ отобрать на великаго государя, а въ деньгахъ вѣдаетъ Богъ и государь, какъ пожалуетъ своихъ богомольцевъ.

Впередъ вообще владыкамъ и монастырямъ не прибавлять своихъ земель, а довольствоваться тѣми землями, которыя теперь у нихъ остались, бѣдные же монастыри пусть бьютъ челомъ великому государю и государь, по совѣту съ освященнымъ соборомъ и съ боярами, приговоритъ какъ устроить тѣ монастыри [1]).

По смерти царя Ивана Васильевича, очень скоро послѣ вступленія на престолъ его преемника или быть можетъ въ самое время этого вступленія, былъ въ Москвѣ земскій соборъ, который по недостаточности остается еще какъ бы загадкою. Въ ночь, послѣдовавшую за днемъ смерти царя Ивана Васильевича, по извѣстію русскихъ источниковъ, въ царскомъ дворцѣ происходили между боярами какія-то смуты. Нагіе, родственники послѣдней изъ женъ царя Ивана Васильевича, были взяты подъ стражу и разосланы по городамъ, а ихъ имущества были отписаны на государя. Потомъ—отправлена была въ Угличъ сама царица Марія съ малолѣтнимъ сыномъ Димитріемъ. По объясненіямъ, сообщаемымъ иностранцами Горсеемъ и Петреемъ, въ пользу Димитрія былъ тогда изъ бояръ Богданъ Бѣльскій, которому царь Иванъ поручилъ въ опеку Димитрія; подобравши на свою сторону людей, Бѣльскій заперся въ Кремлѣ и хотѣлъ овладѣть правленіемъ, но бояре, поднявши толпу народа, пошли на него съ пушками и провозгласили царемъ Ѳедора Ивановича [2]). И въ русскихъ источникахъ есть намеки на эту смуту, но чрезвычайно разнорѣчивые, неясные и сбивчивые [3]), сходящіеся только въ томъ, что въ концѣ концовъ Богданъ Бѣльскій былъ отправленъ именемъ царя Ѳеодора Ивановича въ Нижній-Новгородъ. Такъ какъ несомнѣнно извѣстно, что Богданъ Бѣльскій

[1]) Собр. госуд. грам. и договор. I. 584—585.

[2]) Сказ. иностр. о Рос. т. I, стр. 148.

[3]) Ник. лѣт. VIII, стр. 6.—Арцыбыш. Повѣств. о Россіи, т. III, стр. 2.

былъ отъ покойнаго государя назначенъ опекуномъ Димитрію, а ссылка Богдана совпадаетъ съ отправкою самого Димитрія съ матерью въ Угличъ, то кажется вѣроятнымъ, что смута, происходившая въ то время, имѣла тотъ смыслъ, что Богданъ Бѣльскій пытался объявить государемъ Димитрія.

По извѣстію англичанина Горсея, 4-го мая, собрался земскій соборъ, состоявшій изъ духовныхъ, бояръ, дворянъ, дѣтей боярскихъ и вообще служилыхъ, составлявшихъ въ государствѣ какъ бы высшій классъ народа (and all the nobility whatsoever). Этотъ соборъ призналъ царемъ Ѳеодора Ивановича. Съ этимъ извѣстіемъ иностраннаго источника совпадаетъ, по смыслу, русское извѣстіе о томъ, что «придоша къ Москвѣ изъ всѣхъ городовъ Московскаго Государства и молиша со слезами царя Ѳедора Ивановича, чтобъ не мѣшкая, сѣлъ на Московское Государство и вѣнчался царскимъ вѣнцомъ» [1]). Справедливо замѣтилъ Соловьевъ, что, вѣроятно, въ царской думѣ возникъ вопросъ: кому изъ двухъ оставшихся сыновей умершаго царя передать престолъ и тогда созвали земскій соборъ рѣшить, кто будетъ государемъ [2]). Вопросъ былъ, дѣйствительно, запутанъ и рѣшить его могла только воля всей Земли. Изъ этихъ двухъ сыновей Ивана Васильевича оба не обладали тогда качествами, пригодными къ принятію на себя верховной власти: одинъ былъ малолѣтокъ, другой слабоуменъ. Къ большому сожалѣнію, въ современныхъ документахъ не отыскано до сихъ поръ даже упоминовенія объ этомъ соборѣ. Быть можетъ, этотъ соборъ совпадаетъ съ извѣстнымъ намъ по актамъ [3]) соборомъ, происходившимъ 1584 года въ іюнѣ, составленнымъ изъ духовенства, бояръ и

[1]) Ник. лѣтоп., т. VIII, стр. 5.

[2]) Ист. Росс., т. VII, стр. 251.

[3]) Собр. госуд. грам. и догов. т. I, стр. 594—595.

синклита (подъ послѣднимъ могла разумѣться не только постоянная царская дума, но и привлеченные къ ней выборные дворяне и дѣти боярскіе, тѣмъ болѣе, что вопросъ, разрѣшаемый тогда на соборѣ, ихъ особенно касался) объ уничтоженіи тарханъ, то-есть, грамотъ на изъятіе нѣкоторыхъ имѣній отъ общихъ всѣмъ другимъ повинностей. Наибольшая часть такихъ имѣній принадлежала архіереямъ и монастырямъ; тарханныя владѣнія не платили никакой царской дани, не несли никакихъ розметовъ; при такой льготѣ вся тягость того, отъ чего тарханныя владѣнія были освобождены, падала на земли, розданныя служилымъ людямъ. Отъ этого крестьяне съ земель, принадлежавшихъ служилымъ, уходили на тарханныя земли и «великая тощета воинскимъ людямъ пріиде». Митрополитъ Діонисій со всѣмъ освященнымъ соборомъ, съ боярами и синклитомъ приговорили тогда: всѣ тарханы отставить и платить всякія царскія подати и земскіе розметы тарханамъ, какъ духовныхъ лицъ, такъ и боярскихъ и княжескихъ владѣній, а всякимъ людямъ изъ тархановъ, которые станутъ торговать, платить таксу государеву. Это постановлялось въ тѣхъ видахъ, «чтобъ не было оскуденія воинству и убытку царской казнѣ». Тотъ же соборъ подтвердилъ приговоръ собора, бывшаго въ 1580 году при царѣ Иванѣ Васильевичѣ, о вотчинахъ архіерейскихъ и монастырскихъ [1]).

Смерть царя Ѳедора Ивановича прекращала царственную линію. Предстоялъ вопросъ: кто теперь будетъ царемъ и откроетъ собою дорогу новому царскому роду въ Русскомъ государствѣ. Рѣшить его могла только сама Русская Земля. Главное лицо въ государствѣ, оставшееся послѣ кончины царя и послѣ отхода его вдовы въ монастырь, былъ патріархъ Іовъ. Онъ созвалъ земскій соборъ для вы-

[1]) Собр. госуд. гр., ibid.

бора новаго государя, но самъ, расположенный къ Борису Годунову, уже на дѣлѣ правившему всею Россіею при покойномъ царѣ, слабоумномъ Θедорѣ Ивановичѣ, патріархъ думалъ заранѣе устроить выборъ такъ, чтобы престолъ достался Годунову. Было даже намѣреніе не созывать выборныхъ людей изо всѣхъ городовъ Московскаго Государства, а ограничиться спросомъ московскихъ жителей и тѣхъ съ ними пріѣзжихъ изъ городовъ, которые на ту пору случайно очутились въ столицѣ; но самъ Борисъ тогда объявилъ, что не приметъ вѣнца безъ воли людей, выбранныхъ отъ всей Земли Русской. На этотъ соборъ собралось до ста духовныхъ особъ, бояръ, окольничихъ и прочихъ думныхъ людей сорокъ пять, стольниковъ сорокъ пять, дьяковъ по приказамъ двадцать семь, стряпчихъ девятнадцать, ключниковъ тринадцать, барашей два, жильцовъ тридцать восемь, дворянъ (по подписямъ включая тѣхъ, которые за другихъ подписывались) сто девятнадцать, головъ стрѣлецкихъ пять, гостей двадцать одинъ, гостиной сотни два, суконной сотни три; изъ жилецкихъ торговыхъ людей тридцать четыре принадлежали Москвѣ, а изъ городовъ только двое изъ новгородскихъ пятинъ и одинъ изо Ржева. Соборъ былъ не полный и вообще все дѣло заранѣе было рѣшено, такъ что всѣ были настроены въ большинствѣ избрать Годунова. Духовные не смѣли противорѣчить представленіямъ патріарха, которому были подчинены, служилыхъ большинство располагалось въ пользу Годунова надеждами на его щедрость и обѣщаніями. Московскіе торговцы ожидали отъ его царствованія милостей и льготъ. Борисъ, какъ извѣстно, игралъ роль не желающаго принимать царскаго вѣнца, и удалился въ Новодѣвичій монастырь и на всякія просьбы отвѣчалъ отказомъ, пока, наконецъ, патріархъ Іовъ не поднялъ на ноги московскаго народа и не устроилъ крестнаго хода въ монастырь съ цѣлію умолить упрямаго Бориса сдѣлаться госу-

даремъ. Есть извѣстіе (хотя передаваемое Татищевымъ, которому нельзя во всемъ вѣрить, однако, тѣмъ не менѣе, принятое историкомъ Соловьевымъ за достовѣрное), что князья Шуйскіе стали было говорить, что если Борисъ не хочетъ принимать престола, то не надобно его къ этому приневоливать, а слѣдуетъ выбирать кого нибудь другого [1]) и что тогда именно рѣшился патріархъ устроить крестный ходъ. Наканунѣ того дня, какъ долженъ былъ совершиться этотъ крестный ходъ, патріархъ Іовъ, показывая видъ недовольства упрямствомъ Бориса, говорилъ, что если на этотъ разъ не упросятъ они его принять престолъ, то онъ, патріархъ и съ нимъ всѣ русскіе архіереи снимутъ съ себя свои святительскія облаченія, за ослушаніе Бориса не будетъ въ Москвѣ отправляться литургіи и тогда взыщетъ Богъ на Борисѣ Ѳедоровичѣ Годуновѣ. Это было средство, съ одной стороны, понудить Годунова поступить по желанію избиравшихъ его, а съ другой возбудить народъ поступать такъ, какъ хотѣлось патріарху. Для русскаго человѣка того времени страшнымъ дѣломъ было прекращеніе богослуженія и можно было на все уговорить его, лишь бы избѣжать ему такой бѣды. Собственно просить Бориса должны были только выборные люди, собравшіеся избирать государя, но, при ничтожномъ числѣ въ числѣ выборныхъ неслужилыхъ для городовъ, ихъ мѣсто пополняла московская чернь, увлеченная въ крестный ходъ. Современники, описывая, какъ народъ во дворѣ Новодѣвичьяго монастыря умолялъ Бориса принять русскій вѣнецъ, сообщаютъ, что сторонники Бориса сгоняли туда московскихъ посадскихъ людей и приказывали имъ плакать, вопить и просить Бориса вступить на престолъ, и заранѣе угрожали пенею въ два рубля тому, кто не отправится съ крестнымъ ходомъ въ Новодѣвичій мона-

[1]) Сол. Ист. Росс. т. VIII примѣч. 12.

стырь; когда же толпа стояла на монастырскомъ дворѣ у келіи, гдѣ сидѣлъ Борисъ и гдѣ его упрашивали духовные сановники и бояре, то изъ оконъ этой келіи подавались знàки, приставы побуждали стоящихъ на дворѣ кланяться и вопить со слезами, а не охотно кланявшихся ободряли пинками; многіе, за недостаткомъ слезъ, натирали себѣ глаза слюною, и хоть не хотѣли, но по неволѣ выли по волчьи, а патріархъ и архіереи, упрашивавшіе въ келіи Бориса, указывали ему на трогательное зрѣлище плачущаго народа [1]). И такое зрѣлище, наконецъ, до того привело Бориса въ умиленіе, что онъ изъявилъ согласіе принять вѣнецъ.

Этотъ земскій соборъ былъ не полонъ и поставленъ былъ въ такое положеніе, что долженъ былъ дѣлать угодное патріарху, но трудно рѣшить: слѣдуетъ ли поэтому назвать его неправильнымъ, такъ какъ ни до того времени, ни послѣ не было начертано правилъ для отправленія земскихъ соборовъ и, слѣдовательно, нельзя было опредѣлить законности или незаконности пріемовъ, съ которыми они происходили. При ихъ созываніи была, какъ мы уже выше сказали, одна руководящая мысль — говорить съ Землею, съ народомъ; но если мы видимъ, что призывались одни служилые, а неслужилыхъ не было, или послѣднихъ было мало, то это только показываетъ, что такой неполный созывъ признавался достаточнымъ, чтобы говорить власти съ Землею и слышать голосъ народный.

Были примѣры, что считалось возможнымъ не созывать вовсе выборныхъ, а извѣщать народъ, что извѣстное государственное дѣло свершилось по единодушному желанію народа, хотя никто въ самой Москвѣ изъ народа не показывалъ такого желанія.

[1]) Врем. общ. моск. ист. и древн. т. XVI. Иное сказаніе о Самозванцахъ, стр. 8.

Такой случай произошелъ въ Московскомъ Государствѣ скоро.

Царь Борисъ, какъ извѣстно, умеръ скоропостижно, оставивъ престолъ въ крайней опасности. На Московское Государство шелъ претендентъ, угрожавшій отнять власть у династіи Годуновыхъ. Сынъ Бориса Өедоръ объявленъ былъ царемъ, но патріархъ Іовъ, зная, что новая династія еще не укрѣпилась и соображая, что противъ нея ополчается врагъ, который можетъ склонить на свою сторону чувство и совѣсть народа, счелъ полезнымъ издать грамоту, въ которой воцареніе Борисова наслѣдника изображалъ дѣломъ народнаго избранія и извѣщалъ въ ней всѣхъ русскихъ людей, будто «всенародное множество народа Россійскаго царствія» молило со слезами Өедора Борисовича, чтобы онъ принялъ послѣ отца власть, а его мать царицу Марію Григорьевну просило благословить сына на царство [1]). Не зная хорошо событій того времени, по этой грамотѣ можно было бы предположить, что тогда съѣзжались выборные люди изъ всѣхъ областей Русской Земли, потому что только такимъ способомъ могъ бы въ Москвѣ услышаться голосъ «всенароднаго множества народа Россійскаго царствія и молить Өедора Борисовича о принятіи на себя царской власти. Ничего подобнаго не было, и въ то время, когда въ однихъ оффиціальныхъ актахъ старались показать видъ, будто власть принята Өедоромъ Борисовичемъ по единодушному моленію всего народа, въ другихъ высказывается недовѣріе къ народу и опасеніе сопротивленій. Такъ, въ окружной грамотѣ, посланной отъ имени молодого царя и его матери въ разныя стороны, приказывалось воеводамъ и приказнымъ людямъ беречь на-крѣпко, чтобы не оставалось ни единаго человѣка, ко-

[1]) Акты Арх. Эксп. II. 87.

торый бы не цѣловалъ креста [1]). Названый Димитрій предъ прибытіемъ своимъ въ Москву извѣщалъ окружною грамотою всю Россію, что его признали и приглашали всѣ сословія на прародительскій престолъ [2]). И здѣсь показывалось дѣло такъ, какъ будто былъ тогда созванъ земскій соборъ, но его не было. Впрочемъ, Димитрій сдѣлался царемъ по волѣ народа болѣе, чѣмъ кто иной.

Существовала издавна идея, что въ важныхъ случаяхъ самъ народъ устраиваетъ судьбу свою и земскій соборъ является только одной изъ формъ, въ которой стала выражаться эта идея. Однако, эта форма еще не установилась, не освятилась долговременнымъ обычаемъ и многими примѣрами, не вошла въ государственное законодательство, и та идея, которой выраженіемъ эта форма служила, могла высказываться равносильно и другими способами. При воцареніи названаго Димитрія она такъ и явилась: бояре и думные люди представлялись ему въ Тулѣ и принесли челобитную отъ всего Московскаго Государства [3]). Когда послѣ того онъ слѣдовалъ къ Серпухову, по дорогѣ встрѣчали его собранныя толпы народа и привѣтствовали новаго государя. Въ Серпуховѣ въ богато-убранномъ шатрѣ молодой царь угощалъ думныхъ людей, прибывшихъ къ нему снова изъ Москвы встрѣчать его и ударить челомъ. Подъ Москвою въ селѣ Коломенскомъ опять привѣтствовала его огромная толпа: тутъ были и духовные, и мірскіе люди всякаго чина, тутъ были и посадскіе, и уѣздные люди, прибывшіе изъ разныхъ городовъ и селъ. Всѣ люди Московскаго Государства были тогда въ восторгѣ отъ радости, что найденъ законный царь, считавшійся погибшимъ; всѣ несли ему, по обычаю, и дары, и хлѣбъ-соль.

[1]) Собр. госуд. грам. и догов. т. II, стр. 187.

[2]) Собр. госуд. грам. и догов. т. II, стр. 200.

[3]) Костомаровъ, Смутн. время М. Г. I, стр. 207—209. Изд. 1868.

20-го іюля онъ въѣхалъ въ Москву при громадномъ стеченіи ликующаго народа. Не только москвичи, не только прибывшіе изъ близкихъ городовъ и селъ, привѣтствовали его, пріѣхало туда не мало изъ далекихъ русскихъ краевъ смотрѣть на невиданный праздникъ Руси, по случаю чуднаго обрѣтенія царя, о которомъ давно уже служились панихиды. Это было истинное всенародное признаніе, гораздо искреннѣйшее и дѣйствительнѣйшее, чѣмъ то, которое совершилось бы при посредствѣ съѣзда выборныхъ отъ всей Земли Русской. При названомъ Димитріѣ земскій соборъ не собирался; но по поводу суда надъ Василіемъ Шуйскимъ было какое-то собраніе изъ всѣхъ сословій; къ сожалѣнію мы не знаемъ, какъ и изъ кого оно составлялось. Названый царь Димитрій, хотя не истинный сынъ царя Ивана Васильевича, но тѣмъ не менѣе талантливѣйшій и симпатичнѣйшій изъ московскихъ государей, погибъ жертвою собственнаго добродушія и легкомысленности. Его низложила и умертвила шайка злоумышленниковъ при содѣйствіи подущенной толпы пьяницъ и отъявленныхъ негодяевъ, нарочно выпущенныхъ изъ тюремъ. Воцареніе Шуйскаго было дѣломъ кружка бояръ и толпы подкупленныхъ сторонниковъ, между тѣмъ хотѣли придать ему видъ законности и разослали во всѣ предѣлы Московскаго Государства грамоту, въ которой увѣряли русскихъ, будто всѣ духовные сановники, такъ называемый освященный соборъ, всѣ бояре и думные люди, всѣ дворяне и дѣти боярскіе, гости, торговые и всякихъ чиновъ люди Московскаго Государства били челомъ князю Василію Шуйскому, чтобъ онъ принялъ престолъ [1]). И теперь дѣлался видъ, какъ будто, по поводу этого событія созываемо было всенародное собраніе чиновъ Московскаго Государства, но его отнюдь не было. При низложеніи

[1]) Собр. госуд. гр. и дог. II. 304.

Шуйскаго Захаръ Ляпуновъ съ Салтыковымъ и Хомутовымъ да съ кружкомъ единомышленныхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ за Серпуховскими воротами собрали «всенародное множество», пригласили туда духовныхъ и мірскихъ сановниковъ и дали этому сборищу видъ земской думы московскихъ людей всякихъ чиновъ. Тутъ, послѣ недолгихъ возраженій патріарха Гермогена, хотя не любившаго Шуйскаго, но считавшаго долгомъ поддерживать его, какъ лицо, облеченное верховною властію, это сборище порѣшило бить челомъ Шуйскому, чтобъ онъ оставилъ царство. И здѣсь голосъ этого сборища имѣлъ или хотѣлъ имѣть значеніе земскаго собора; оно хотя имъ никакъ не было, но, какъ мы выше сказали, не все только въ этой послѣдней формѣ могла, по народному воззрѣнію того вѣка, выражаться воля Земли; въ этомъ сборищѣ за Серпуховскими воротами такая воля выразилась даже правильнѣе, чѣмъ при восшествіи Шуйскаго на престолъ. За Шуйскаго никто не хотѣлъ стоять на этомъ сборищѣ, а во все продолженіе четырехлѣтняго царствованія царя Василія Ивановича вся земля Московскаго Государства относилась къ нему такъ, что сборище за Серпуховскими воротами смѣло могло говорить, что Русская Земля не хочетъ, чтобъ онъ оставался долѣе на престолѣ [1]).

Признаніе царемъ вмѣсто низложеннаго Василія Шуйскаго королевича Владислава было дѣломъ партіи, состоявшей изъ бояръ и дворянъ. Но по приглашенію старѣйшаго изъ бояръ князя Мстиславскаго, они собирались за городомъ и такому сборищу придано было значеніе собранія всей Земли Русской. Вслѣдъ затѣмъ 17 августа 1610 года бояре, князья Мстиславскій, Голицынъ и Мезецкій и двое думныхъ дьяковъ заключили съ польскимъ

[1]) Собр. госуд. грам. и догов. I. 607.

военно-начальникомъ Жолкѣвскимъ договоръ, по которому, отъ лица всей Земли: духовныхъ и мірскихъ властей, служилыхъ и неслужилыхъ, жилецкихъ людей всего Московскаго Государства, изъявлялось желаніе имѣть на московскомъ престолѣ польскаго королевича, съ тѣмъ чтобы онъ принялъ православную вѣру [1]). Здѣсь была ложь; но она объяснялась тогда крайнею необходимостію, потому что Москву окружали враги, собравшіеся съ двухъ сторонъ терзать Россію и требовавшіе отъ русскихъ покорности.

III.

Въ годы междуцарствія русскій народъ оставался безъ руководящей верховной власти, долженъ былъ самъ собою выбиваться отъ многихъ постигшихъ его напастей и устраивать свою судьбу. Тогда политическая его дѣятельность проявилась въ частныхъ собраніяхъ по городамъ и ихъ уѣздамъ. Народныя сходки составляли постановленія, города сносились съ городами, гонцы бѣгали изъ одного города въ другой съ отписками, толковали повсюду о томъ, какъ спасти православную вѣру отъ насилія и Русское государство отъ иноземнаго покоренія, составлялись въ областяхъ ополченія, соединялись съ ополченіемъ другихъ областей и такимъ образомъ поднимались народныя возстанія съ цѣлью изгнать враговъ, засѣвшихъ тогда въ столицѣ. Такъ составилось первое ополченіе неудавшееся отъ преждевременной гибели Ляпунова. Такъ, впослѣдствіи, составилось другое ополченіе, нижегородское, избравшее предводителемъ князя Пожарскаго. Находясь еще въ Ярославлѣ на пути къ Москвѣ, руководители возстанія разсылали грамоты въ разные города и приглашали

[1]) Собр. госуд. грам. и догов. II. стр. 406.

избрать и прислать къ нимъ выборныхъ земскихъ людей, которые бы могли обсудить и рѣшить, что́ дѣлать далѣе и какъ устроить отечество. Пожарскій, въ виду разнородныхъ мнѣній и попытокъ, не бралъ на себя слишкомъ многаго, а просилъ присылать выборныхъ по два человѣка изъ всякаго чина людей и отписать вмѣстѣ съ присланными свой совѣтъ объ избраніи государя [1]). Послѣ освобожденія Москвы была разослана другая грамота о томъ, чтобъ вездѣ по городамъ выбирали лучшихъ и разумныхъ людей для избранія государя на государство Владимірское, Московское, Новгородское, на царство Казанское, Астраханское и Сибирское и на всѣ государства русскія кого Богъ дастъ, чтобъ такое избраніе было отъ Бога, а не отъ человѣка [2]). По оставшимся намъ извѣстіямъ онаго времени было два съѣзда выборныхъ людей подъ Москвою: одинъ въ декабрѣ 1612 года, о которомъ мы почти не имѣемъ свѣдѣній [3]), второй въ январѣ 1613 года, и тогда открытъ былъ земскій соборъ. Но и здѣсь показалось, что по тогдашнимъ воззрѣніямъ, главное состояло не въ формѣ собора, какъ способа выраженія народной мысли, а въ самой цѣли, для которой соборъ созывался, хотя бы такая цѣль была достигнута и инымъ путемъ. Хотя подъ Москвою были уже выборные люди, съѣхавшіеся съ цѣлью избранія царя, но сочли нужнымъ еще послать «вѣрныхъ и богобоязненныхъ людей, во всякихъ людяхъ мысли ихъ про государское обиранье провѣдывать» во всѣхъ городахъ и уѣздахъ [4]) и кажется избраніе Романова рѣшили полученные на соборѣ отзывы болѣе, чѣмъ согласіе выборныхъ лицъ, находившихся тогда подъ Московою въ качествѣ членовъ самаго собора. Изъ этого видно, что хотя

[1]) Акты. Арх. Эксп. II. 256 (346).

[2]) Собр. госуд. грам. и догов. III. 9.

[3]) Времен. моск. общ. ист. и др. III. стр. 292.

[4]) Собр. госуд. грам. и договор., т. I. стр. 613.

русскій народъ по необходимости избралъ присылку выборныхъ лицъ изъ всѣхъ мѣстностей своего жительства способомъ заявленія всеобщей народной воли, но не могъ еще усвоить себѣ такого способа вполнѣ, какъ бы чувствовалъ его недостаточность и возвращался по возможности къ прежнему, давнему способу вѣчевого строя, когда общее мнѣніе всѣхъ выражалось на самомъ дѣлѣ всѣми, а не довѣренными отъ всѣхъ немногими лицами, которыя, по человѣческому естеству, не всегда могли быть вѣрными носителями чужихъ мнѣній. То же народное воззрѣніе просвѣчиваетъ въ грамотѣ объ избраніи Михаила, когда разсказывается, что приходили просить на царство Михаила Θеодоровича Романова не только выборные люди, прибывшіе отъ земскаго собора, но и все православное христіанство всея Русскія земли съ женами и дѣтьми, и тогда «жены сущихъ своихъ младенецъ на землю пометаху» [1]).

Когда на земскій соборъ привезено было изъ Костромы согласіе избраннаго въ цари Михаила Θеодоровича Романова, тогда была составлена утвержденная грамота за благословеніемъ владыкъ и за подписомъ духовныхъ и мірскихъ особъ, участвовавшихъ на соборѣ [2]). Всѣхъ подписей насчитать можно 262, но сколько именно было тогда участниковъ на этомъ соборѣ—теперь рѣшить невозможно, такъ какъ и въ грамотѣ, созывавшей выборныхъ, не указывалось сколько прислать ихъ, а предоставлялось всѣмъ выбрать ихъ «сколько пригоже» [3]). При томъ же подъ Москвою была тогда вся вооруженная земская сила и никого нельзя было изъять отъ права заявлять гласно свою мысль объ избраніи, да и въ видахъ

[1]) Собр. госуд. грам. и догов. т. I, стр. 627.

[2]) Собр. госуд. грам. и догов. т. I, стр. 636.

[3]) Акты Арх. Эксп. т. III, стр. 105.

руководившихъ дѣломъ было, напротивъ, предоставлять русскимъ людямъ какъ можно шире и свободнѣе объ этомъ важномъ вопросѣ высказаться: доказательствомъ тому служитъ упомянутая посылка по разнымъ городамъ съ цѣлью узнать о всеобщемъ народномъ мнѣніи. Въ самой грамотѣ лица, прилагавшія тамъ свои подписи, прилагали ихъ не только за себя, но и за своихъ земляковъ находившихся тогда вмѣстѣ съ ними, а сколько такихъ земляковъ было на лицо съ тѣми, которые подписывались—неизвѣстно. Выборные были не отъ сословій, а отъ мѣстностей, отъ городовъ и уѣздовъ, и оттого за нѣкоторые города подписывались мѣстные духовные, хотя духовенство выставляло за свое сословіе подписи впереди.

По мнѣнію Бѣляева [1]) соборъ, избравшій Михаила, оставался при царѣ до конца 1615 или до начала 1616 года. Это мнѣніе основано на томъ, что въ періодъ этого времени были издаваемы грамоты отъ земскаго собора, но мы собственно не знаемъ всѣ ли избравшіе царя оставались членами остававшагося собора или только изъ всѣхъ удержаны немногіе, а также неизвѣстно — не были ли они всѣ распущены тотчасъ, а потомъ вмѣсто нихъ выбирались и присылались иные. Акты онаго времени не даютъ на счетъ этого свѣденій, но что земскій соборъ въ первые годы царствованія Михаила Ѳеодоровича сильно дѣйствовалъ—это не подлежитъ сомнѣнію. Земскій соборъ занимался устроеніемъ разоренной Русской Земли и охранялъ царское самодержавіе, которое при молодости и неопытности царя совсѣмъ было пошатнулось: бояре, писавшіе условія Василію Ивановичу Шуйскому при его воцареніи и избиравшіе на условіяхъ въ цари Владислава, думали-было и новоизбраннаго царя Михаила Ѳеодоровича

[1]) Рѣчь, читанная 12-го января 1867 года на торжественномъ актѣ московскаго университета стр. 269.

опутать выгодными для нихъ ограниченіями самодержавной власти. По извѣстію Котошихина [1]), всѣ цари послѣ царя Ивана Васильевича, вплоть до Алексѣя Михайловича, и въ числѣ ихъ Михаилъ Ѳеодоровичъ давали на себя обязательство не казнить никого безъ суда и безъ вины, совѣтоваться во всѣхъ дѣлахъ съ боярами и безъ вѣдома ихъ ничего ни явно, ни тайно не дѣлать. По извѣстію записанному въ Псковской лѣтописи, бояре, пользуясь молодостію Михаила Ѳеодоровича, взяли съ него подъ присягою грамоту, которою царь обязывался никого изъ людей знатнаго происхожденія не казнить смертію, а въ случаѣ преступленій отсылать виновныхъ въ заточеніе, но если кому нибудь изъ нихъ приходилось быть отправленнымъ въ заточеніе, то они за виновнаго ходатайствовали, пока не успѣвали въ своемъ ходатайствѣ [2]). Они высокомѣрно обращались съ своимъ государемъ, не хо-

[1]) Какъ прежніе цари, послѣ царя Ивана Васильевича, обираны на царство: и на нихъ были иманы писма, чтобъ имъ быть не жестокимъ и неопалчивымъ, безъ суда и безъ вины никого не казнити ни за что, и мыслити о всякихъ дѣлахъ съ бояры и съ думными людми собча, а безъ вѣдомости ихъ тайно и явно никакихъ дѣлъ не дѣлати... А блаженныя памяти царь Михайло Ѳеодоровичь, хотя самодержцемъ писался, однако безъ боярского совѣту не могъ дѣлати ничего (Котоших. О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича. Гл. VIII, стр. 100).

[2]) Сему благочестивому и праведному царю, смиренія его ради, не безъ мятежа сотвори ему державу врагъ діяволъ древній, возвыся паки владущихъ на мздоиманіе, наипаче же насиловаху православнымъ, емлюще въ работу силно собѣ... а царя нивочтоже вмѣниша и не боящеся его, понеже дѣтескъ сый. Еще же и лестію уловивше: первіе егда его на царьство посадиша, и къ ротѣ приведоша, еже отъ ихъ велможска роду и болярска, аще и вина будетъ преступленію ихъ, не казнити ихъ, но разсылати въ затоки; сице окаянніи умыслиша, а въ затоцѣ коему случится быти, и онѣ другъ о другѣ ходатайствуютъ ко царю и увѣщаютъ и на милость паки обратитися (Полн. собр. русск. лѣтоп., т. V, стр. 64).

тѣли покоряться ему и слушаться его, отнюдь его не боялись, надѣясь на то, что онъ былъ милостивъ къ нимъ, любилъ ихъ и все дѣлалъ по ихъ прошеніямъ. Не даромъ они еще прежде хотѣли себѣ государя взять изъ чужихъ странъ, много разъ просили себѣ на царство изъ Польши, изъ Швеціи, а своего государя Василія задали въ Литву, возлюбили-было литовскаго короля, но отъ него же были разорены и Богъ воздалъ имъ по ихъ же хотѣнію. Къ счастію премилосердый Господь не изволилъ отдать христіанской вѣры въ разореніе латинамъ и вложилъ православнымъ въ умъ избрать и посадить на царство отъ своихъ единовѣрныхъ христіанъ царя, а окаянный злой совѣтъ (бояръ) отвергли [1]).

Лѣтописецъ, знавшій событія своего времени, ясно показываетъ, что въ эпоху избранія на царство Михаила Ѳеодоровича Романова желанія и виды бояръ и думныхъ людей стояли въ разрѣзъ съ желаніемъ большинства народа и содѣйствіе земскаго собора въ правленіи, въ первые годы царствованія молодого и неопытнаго государя,

[1]) Гнушахуся своего государя и гордяхуся, не хотяще въ покореніи и въ послушаніи пребывати и не боящеся отнюдъ, понеже милостивъ бѣ, и любяше и миловаше ихъ и вся подаваше имъ, яже они прошаху, и своеволни бѣша, якоже и преже рѣхъ; издавна бо похотѣша собѣ государя взяти отъ чюждихъ странъ, просиша многажды изъ Полши и изъ Свеи, а своего государя царя Василія въ Литву отдаша и литовского короля возлюбиша, отъ него же и разорени быша, Богъ имъ воздалъ по ихъ желанію. Но и еще премилостивый Владыка Господь не изволи разорити вѣры христіанскія отъ латинъ, и вложи во умъ православнымъ избрати и посадити на царство отъ своихъ единовѣрныхъ христіянъ царя въ Русіи, а ихъ окаянный и злый совѣтъ отвергоша и не восхотѣша; аще бы и попустилъ Богъ по ихъ повелѣнію тако быти, то не бы такъ обладали Русскою землею и насиловали христіяномъ, но и сами бы до конца погублени были отъ любимыхъ ими. (Пол. Собр. русск. лѣтоп., т. Ѵ, стр. 66).

было очень полезно, потому что сдерживало боярскія козни. Къ сожалѣнію, мы знаемъ только въ общихъ чертахъ и только по оффиціознымъ памятникамъ о дѣятельности земскаго собора въ тогдашніе смутные годы; мы ничего не знаемъ въ подробностяхъ объ отношеніяхъ и бывшихъ столкновеніяхъ выборныхъ земскихъ лицъ съ боярствомъ, а если опираться на исходившіе тогда акты, то можно заключить, что у выборныхъ съ боярствомъ все обстояло согласно. Земскій соборъ послѣ избранія царя послалъ во всѣ городы Московскаго Государства грамоты о томъ, чтобы всѣ принесли присягу [1]), и грамоту къ польскому королю о несоблюденіи имъ данныхъ обѣщаній, объ отказѣ королевичу Владиславу въ московскомъ престолѣ, съ требованіемъ вывести изъ предѣловъ Московскаго Государства польскія войска и отпустить задержанныхъ въ плѣну пословъ [2]). Грамоты эти были запечатаны красною печатью казанскаго митрополита и черною печатью земскаго собора, изъ чего видно, что въ это время созванное собраніе земскихъ людей считало себя какъ бы уже правильнымъ государственнымъ учрежденіемъ, съ собственнымъ порядкомъ дѣлопроизводства. Въ 1613 и 1614 годахъ издавались указы о сборѣ денегъ на содержаніе ратныхъ людей не только отъ имени царя, но и «по приговору духовныхъ и мірскихъ всякихъ чиновъ людей» [3]). Къ атаману Заруцкому, волновавшему юго-востокъ Россіи вмѣстѣ съ Мариною Мнишекъ, отправлена была увѣщательная грамота отъ собора всѣхъ духовныхъ и земскихъ людей, хотя другая такая же грамота къ тому же Заруцкому послана отъ имени государя [4]). Въ томъ же 1614 году, въ сентябрѣ, земскій соборъ послалъ такую же увѣ-

[1]) Собр. госуд. грам. и договор., т. III, стр. 14.

[2]) Ibid. стр. 22—31.

[3]) Акты Арх. Эксп., т. III, стр. 70.

[4]) Акты Арх. Эксп., т. III, стр. 64.

щательную грамоту въ Ярославль атаманамъ и казакамъ, убѣждая отстать отъ воровства и идти на службу царю противъ нѣмецкихъ людей къ Тихвину, а если они будутъ упрямиться, то поручалось мѣстной власти, собравши охочихъ боярскихъ людей, монастырскихъ слугъ и даточныхъ съ посадовъ и уѣздовъ, промышлять надъ ворами [1]).

IV.

Въ теченіе 1615 года не видно грамотъ по приговору земскихъ людей, но тѣмъ не менѣе значительно то, что въ актахъ того года различаются между собою дѣла государскія отъ дѣлъ земскихъ. Такъ, въ наказѣ князю Куракину, посланному съ товарищи въ Тулу, говорится, что имъ поручаются дѣла государскія и земскія [2]). Тоже въ наказѣ, данномъ въ іюлѣ 1615 года князю Пожарскому, отправленному въ Карачевъ и Брянскъ противъ шайки Лисовскаго, сказано, что государь посылаетъ его для своего государскаго и земскаго дѣла [3]). И въ наказѣ Ѳедору Шереметеву, посланному во Псковъ для защиты этого города отъ шведовъ, говорится, что онъ посылается «для государева и земскаго дѣла» [4]). Въ 1616 году въ январѣ послѣдовала царская грамота въ Пермь о томъ, чтобы прислано было въ Москву для государева «и земскаго дѣла на совѣтъ пермичъ посадскихъ лучшихъ и середнихъ трехъ человѣкъ добрыхъ и разумныхъ и постоятельныхъ» [5]). Это было уже вторичное требованіе, въ которомъ сказано было, чтобъ они по прежней и по настоящей грамотѣ при-

[1]) Собр. госуд. грам. и догов. т. III, стр. 102.
[2]) Ibid. т. III, стр. 125—130.
[3]) Ibid. стр. 131—136.
[4]) Ibid. стр. 141—145.
[5]) Акт. Арх. Эксп. т. III, стр. 111.

слали выборныхъ людей, чтобъ затѣмъ государское и земское дѣло не стало. Этотъ земскій соборъ установилъ налогъ съ посадскихъ, съ ихъ торговъ и промысловъ пятую деньгу, то-есть пятый процентъ, а съ уѣздныхъ, съ поселянъ по 120 рублей съ сохи. Этотъ налогъ опредѣлялся на жалованье ратнымъ людямъ. По разсчету, основанному на опредѣленіи такого налога, слѣдовало взять со Строгановыхъ, богатѣйшихъ въ то время гостей и солепромышленниковъ, шестнадцать тысячъ рублей [1], и о взысканіи съ нихъ такой суммы состоялся царскій указъ отъ 20 апрѣля, но въ указѣ отъ 23-го того жъ мѣсяца [2] говорится, что по всемірному приговору съ нихъ, Строгановыхъ, слѣдовало получить сорокъ тысячъ рублей по ихъ вотчинамъ и промысламъ. Изъ этого оказывается, что сначала на соборѣ составили приговоръ въ одномъ смыслѣ, а потомъ обсуждали вопросъ снова и пришли къ другому приговору. Налогъ на Строгановыхъ былъ для нихъ обременителенъ и это сознавалъ самъ царскій указъ, въ которомъ уговаривали Строгановыхъ заплатить эту сумму, хотя бы имъ пришлось разориться, потому что иначе, если не будетъ средствъ содержать ратную силу, то постигнетъ разореніе все православное государство и тогда у самихъ Строгановыхъ животовъ и дворовъ не будетъ. Положеніе государства было критическое: шла война разомъ и со шведами, и съ Рѣчью Посполитою и внутри еще не вполнѣ улеглось броженіе; нужны были чрезвычайныя усилія, которыя только и были возможны при единомысліи всей Русской Земли; а чтобъ достичь такого единодушія, необходимы были земскіе соборы.

Въ 1618 году угрожалъ Московскому Государству королевичъ Владиславъ, предъявлявшій свои права на мо-

[1]) Акты Арх. Эксп., т. III, стр. 113—114.

[2]) Ibid. стр. 114—116.

сковскій престолъ по избранію, состоявшемуся послѣ низложенія Шуйскаго. Въ августѣ этого года польскій королевичъ распустилъ грамоту, въ которой хотѣлъ обольстить московскихъ людей обѣщаніемъ хранить всѣ права и обычаи и прибавить народу новыя права и льготы «по приговору съ боярами и со всею Землею» [1]). Въ противодѣйствіе врагу царь Михаилъ Ѳедоровичъ въ сентябрѣ того же года созвалъ земскихъ выборныхъ на соборъ и объявилъ «митрополитамъ, архіереямъ и всему освященному собору, боярамъ и прочимъ думнымъ людямъ, стольникамъ, стряпчимъ, дворянамъ московскимъ, дворянамъ городовымъ, дѣтямъ боярскимъ и всякихъ чиновъ людямъ, что идетъ на Москву королевичъ Владиславъ съ польскими и литовскими людьми и съ нѣмцами, хочетъ Москву взять, церкви разорить, вѣру попрать и учинить свою проклятую еретическую латинскую вѣру». Царь, изъявляя намѣреніе защищаться противъ врага, убѣждалъ всѣхъ противъ него биться и не поддаваться на непріятельскія прелести. Всѣ обѣщали, и тогда соборъ приговорилъ боярамъ (которые поименованы въ приговорѣ) и другимъ думнымъ людямъ заняться обороною столицы, ставши со ввѣренными ихъ начальству ратными отрядами по разнымъ частямъ Москвы—на Замоскворѣчьѣ, у Чертольскихъ, у Арбатскихъ, у Никитскихъ, у Срѣтенскихъ воротъ и за Яузою: поименовывалось, сколько войска числомъ должно стоять въ каждомъ мѣстѣ и изъ какихъ городовъ служилые будутъ составлять каждый отрядъ. Кромѣ служилыхъ въ войскѣ, назначенномъ для обороны столицы, значились торговые люди гостиной, суконной и черныхъ сотенъ и даточные люди съ пищалями и рогатинами [2]), а по городамъ назначены были бояре съ ратными силами въ Нижній-Новгородъ, во Влади-

[1]) Собр. госуд. грамотъ и договор., т. III, стр. 168.

[2]) Собр. госуд. грам. и договор., т. III, стр. 169—177.

міръ, въ Рязань и въ украинные города на югъ отъ столицы [1]) съ правомъ, предоставленнымъ этимъ боярамъ, верстать служилыхъ людей помѣстьями, назначать имъ жалованье, сыскивать и наказывать непослушныхъ и уклоняющихся отъ службы. Кромѣ служилыхъ опредѣлено было взять на ратную службу даточныхъ съ посадовъ и съ уѣздовъ по десяти человѣкъ съ сохи и ополчить татаръ, мордву и черемисъ, чтобы воспрепятствовать шедшимъ на содѣйствіе королевичу черкасамъ перейти рѣку Оку [2]).

Послѣ заключенія мира, который, по выраженію царской грамоты, «царь общимъ совѣтомъ прія» [3]), созванъ былъ снова земскій соборъ. Въ грамотѣ, посланной по этому поводу въ Новгородъ, заранѣе излагались вопросы, предлежавшіе къ обсужденію на этомъ соборѣ земскихъ людей. Царь, совѣтуясь съ возвратившимся изъ плѣна своимъ родителемъ, возведеннымъ теперь въ санъ патріарха, Филаретомъ Никитичемъ, со всѣмъ освященнымъ соборомъ, и съ боярами, усмотрѣли, что Московское Государство разорилось во время прошедшихъ войнъ отъ непріятелей и своихъ воровъ и вездѣ возникъ безпорядокъ; подати берутся неправильно то по писцовымъ, то по дозорнымъ книгамъ, и выходило, что инымъ приходилось тяжело, другимъ легко; дозорщики, отправляемые для осмотра пострадавшихъ отъ разоренія областей, дѣлали свое дѣло неправильно. Изъ замосковныхъ и украинныхъ городовъ посадскіе люди, льготя себѣ, наѣхали въ Москву и жили у своихъ родныхъ и друзей, а назадъ возвращаться не хотятъ, чтобы въ своихъ городахъ имъ податей не платить, иные заложились за монастыри и за бояръ и

[1]) Собр. гос. грам. и догов. III. 177—184.

[2]) Ibid. 182.

[3]) Ibid., стр. 184—185.

также не хотятъ платить въ тѣхъ посадахъ и уѣздахъ, куда были приписаны, оставшіеся же на прежнихъ мѣстахъ жалуются на тягость и просятъ о льготахъ, иные молятъ, чтобъ ихъ оборонить отъ сильныхъ людей. Тогда на съѣхавшемся соборѣ приговорено было въ неразоренные города и уѣзды послать писцовъ, а въ разоренные дозорщиковъ, приведя напередъ тѣхъ и другихъ къ присягѣ. Посланные съ такимъ порученіемъ должны будутъ сыскивать посадскихъ и высылать въ ихъ прежніе города и уѣзды, а разореннымъ мѣстностямъ давать льготы, сообразно степени разоренія; также закладчиковъ отъ владыкъ, монастырей, бояръ и другихъ чиновъ особъ, за которыми они заложились, вернуть въ ихъ прежнія мѣста жительства, а на тѣхъ, за которыми они, самовольно заложась, проживали, доправить всякія подати, слѣдуемыя съ закладчиковъ за прошлые годы, и наконецъ, сыскивать просильныхъ людей, на которыхъ послѣдуютъ жалобы, указъ же о такомъ сыскѣ учинить князьямъ Черкасскому и Мезецкому. Наконецъ, поручалось посылаемымъ узнать и выписать: сколько съ какихъ городовъ слѣдуетъ по окладу всякихъ доходовъ денежныхъ и хлѣбныхъ, сколько въ дѣйствительности въ послѣднихъ годахъ было дохода и расхода, и что осталось не добраннаго, что уцѣлѣло отъ бывшаго разоренія, что гдѣ роздано въ помѣстья и вотчины, и сколько затѣмъ доходовъ и расходовъ указано, и что останется за расходами. Число выборныхъ на этомъ соборѣ было заранѣе опредѣлено: изъ духовнаго чина по одному, изъ дворянъ и дѣтей боярскихъ по два, да изъ посадскихъ по два человѣка добрыхъ и разумныхъ, которые бы съумѣли разсказать про всѣ бывшія обиды, насильства и разоренія, и подать бы могли совѣтъ—чѣмъ полниться Московскому Государству, чѣмъ ратныхъ людей пожаловать и какъ устроить Московское Государство,

чтобы все въ немъ пришло въ достоинство [1]). Царская грамота о созваніи этого собора прочитывалась вслухъ всѣмъ въ соборной церкви города, куда приходила, потомъ производился выборъ; воеводы брали выборные списки и отправляли выборныхъ людей въ столицу.

Въ 1621 году былъ созванъ опять земскій соборъ [2]) по поводу угрожавшей снова войны съ Польшею. Соборъ этотъ открылся 12-го октября въ Золотой большой грановитой палатѣ въ присутствіи царя и патріарха. На этомъ соборѣ были: духовные сановники, владыки, настоятели монастырей и протоіереи, бояре и думные люди, стольники, стряпчіе, дворяне московскіе, жильцы, дворяне и дѣти боярскіе, выборные изъ городовъ, дьяки и приказные люди, головы, сотники стрѣлецкіе, донскіе атаманы и казаки, и разныхъ городовъ гости, и торговые и всякихъ чиновъ люди Московскаго Государства.

Царь и патріархъ объявили всему собранію, что «отъ польской стороны нарушается постановленное перемиріе, порубежные люди пишутъ своего королевича Владислава московскимъ царемъ, чинятъ задоры въ пограничныхъ мѣстахъ Московскаго Государства, присвоиваютъ государевы земли, строятъ на нихъ свои слободы и остроги, въ Путивльскомъ уѣздѣ дѣлаютъ селитру, въ уѣздахъ Брянскомъ, Луцкомъ и Торопецкомъ грабятъ помѣстья дворянъ и дѣтей боярскихъ, бьютъ ихъ самихъ и сгоняютъ изъ помѣстій. Кромѣ того — полоняниковъ русскихъ всѣхъ оставшихся въ Польшѣ не отпускаютъ и государево имя пишутъ съ укоризною; въ прошломъ (1620) году присылали въ Москву посланниковъ и тѣ отзывались о государѣ непригоже: будто царя Ивана Васильевича не слѣдуетъ писать дѣдомъ, а царя Ѳедора Ивановича дядею нынѣш-

[1]) Собр. госуд. грам. и договор., т. III, стр. 208—210.—Акт. Арх. Эксп., т. III, стр. 143—145.

[2]) Собр. госуд. грам. и договор. т. III, стр. 227.

нему государю. Поэтому царь, съ благословенія отца своего патріарха, желаетъ стоять противъ польскаго короля. Турскій султанъ уже десятый годъ ведетъ войну съ поляками и въ апрѣлѣ присылалъ въ Москву грека Кантакузина и двухъ чаушей, съ подарками къ царю: желаетъ онъ быть въ братской любви съ великимъ государемъ и проситъ, чтобы великій государь помогалъ ему въ войнѣ противъ поляковъ и свои города отобралъ бы у поляковъ; крымскій царь къ великому государю пишетъ, что польскій король подущалъ его воевать Московское Государство, но онъ воевать не пошелъ, а пошелъ вмѣстѣ съ турками на поляковъ, и онъ, крымскій царь, проситъ, чтобъ Московскаго Государства ратныя силы пошли на поляковъ. Еще и свейскій король присылалъ къ великому государю пословъ не разъ, съ тѣмъ, чтобъ заодно воевать противъ польскаго короля. Великій государь уже посылалъ въ Польшу къ панамъ-радѣ свои грамоты объ исправленіи и грозилъ, что если не исправятся, то пойдетъ войною. Теперь поляки въ тѣснотѣ отъ свейскаго короля, отъ турокъ и татаръ; если намъ смолчать польскому королю, а они отъ тѣсноты избавятся и съ непріятелями своими помирятся, тогда будутъ больше зломыслить на Московское Государство. Съ другой стороны, если намъ теперь съ туркомъ и съ Крымомъ за одно, по ихъ прошенію, не воевать противъ поляковъ, то какъ бы намъ черезъ то не войти въ большую недружбу съ турскимъ салтаномъ и съ крымскимъ царемъ, да еще и со свейскимъ королемъ».

На это заявленіе всѣ участвовавшіе на соборѣ отвѣчали, что надобно стоять противъ враговъ. Духовные обѣщали молить Бога о побѣдѣ и одолѣніи, бояре, думные и служилые люди сказали, что рады биться, не щадя головъ своихъ. Гости и торговые люди изъявляли готовность въ помочь государевой казнѣ давать деньги, «какъ кому мочно по ихъ прожиткамъ».

Тутъ дворяне и дѣти боярскіе били челомъ, чтобъ ихъ въ городахъ разобрать кому лично государеву службу служить, чтобъ изъ нихъ никакой человѣкъ «въ избылыхъ не былъ».

На основаніи этого собора указано было послать бояръ, дворянъ и дьяковъ въ города: Ярославль, Кострому, Галичъ, Вологоду, Нижній, Великіе Луки, Новгородъ, Псковъ, Тверь, Кашинъ, Торопецъ, Брянскъ, Владиміръ, Муромъ, Рязань, Шацкъ, Тулу, Калугу, Бѣлевъ, Мценскъ, Путивль и въ такъ называемые тогда польскіе города: Бѣлгородъ, Осколъ, Курскъ, Елецъ, Воронежъ, Казань, Ливны,—разбирать дворянъ и дѣтей боярскихъ въ уѣздахъ тѣхъ городовъ и въ другихъ сопредѣльныхъ уѣздахъ, нарочно для того по разбору служилыхъ, приписанныхъ къ этимъ указаннымъ поименно городамъ [1]). Посланные по приговору земскаго собора бояре и дворяне, прибывши въ назначенный каждому городъ, должны были созывать для пересмотра дворянъ и дѣтей боярскихъ изъ мѣстностей, указанныхъ по росписи, но не всѣхъ вдругъ, чтобы лишняго скопа людей въ городѣ не было, потомъ надлежало прибывшихъ пересмотрѣть и произнести къ нимъ рѣчь по данному наказу, въ которой излагалась предыдущая исторія неправдъ съ польской стороны, и необходимость снова начать съ поляками войну, если они не исправятся. Послѣ того посланные, сообразно земскому приговору, должны были выбрать изъ тѣхъ же дворянъ и дѣтей боярскихъ окладчиковъ, и привести ихъ къ крестному цѣлованію. Окладчики обязаны были по правдѣ показать за кѣмъ состоятъ какія помѣстья, сколько получается дохода и какова можетъ быть каждому помѣщику служба, сообразно съ своимъ помѣстьемъ, но слѣдовало также разспрашивать и самыхъ помѣщиковъ, о которыхъ будутъ показывать оклад-

[1]) Собр. госуд. грамотъ и договор. т. III, стр. 227—233.

чики, и если между окладчиками и окладываемыми помѣщиками возникнетъ споръ, то разспрашивать цѣлымъ городомъ, а если и тогда произойдетъ споръ, то посылать дозирать такія помѣстья дворянъ и дѣтей боярскихъ иныхъ городовъ. Затѣмъ молодыхъ дѣтей дворянъ и дѣтей боярскихъ, годныхъ къ службѣ, верстать помѣстьями и денежнымъ окладомъ по статьямъ, а также и тѣхъ, которые хотя уже отставлены, но еще могутъ нести служебныя обязанности, обратить на службу. Нужно было произвести дознаніе о запустѣвшихъ помѣстьяхъ и вотчинахъ отъ чего онѣ запустѣли: отъ военнаго ли разоренія или отъ собственнаго «воровства» ихъ владѣльцевъ, и сдѣлать тѣмъ и другимъ списки особыми статьями, а у тѣхъ помѣщиковъ, о которыхъ окладчики покажутъ, что они уклоняются отъ службы воровствомъ, отбирать и отписывать на великаго государя помѣстья и вотчины; указано также поступать и съ тѣми, которые бы явились на службу не въ томъ надлежащемъ видѣ, въ какомъ показали о нихъ окладчики. Но самихъ окладчиковъ за неправду, если сыщется,—бить кнутомъ. Наконецъ, слѣдовало сыскивать тѣхъ помѣщиковъ, которые покинули свои помѣстья и, не сдавши ихъ другимъ, живутъ въ закладчикахъ или холопяхъ [1]).

Ожидаемой войны противъ Польши тогда не послѣдовало, потому что у Московскаго Государства разомъ отнялись союзники, предлагавшіе дѣйствовать заодно противъ поляковъ. Султанъ Османъ, воевавшій съ Польшею, былъ умерщвленъ своими янычарами, а съ шведскимъ королемъ польскій король успѣлъ заключить перемиріе; отважиться одному Московскому Государству на войну при тогдашней своей слабости, не оправившись еще отъ недавнихъ ранъ, нанесенныхъ ему тѣми же поляками, было невозможно.

[1]) Собр. госуд. грам. и договор. т. III, стр. 235—245.

Черезъ одиннадцать лѣтъ, однако, въ 1632 году вспыхнула война съ Польшею, гдѣ уже воцарился сынъ короля Сигизмунда III, Владиславъ, нѣкогда избранный московскимъ царемъ. Тогда въ ноябрѣ собранъ былъ земскій соборъ, на которомъ были созваны духовные сановники, бояре и думные люди, стольники, стряпчіе, дворяне, приказные люди, гости и торговые люди и всякихъ чиновъ люди Московскаго Государства. Вопросъ шелъ о деньгахъ на жалованье ратнымъ людямъ и на содержаніе ихъ во время войны. На торговыхъ людей во всемъ Московскомъ Государствѣ наложена была пятая деньга съ ихъ животовъ и промысловъ, какъ дѣлалось прежде, но распространялся ли соотвѣтствующій налогъ на сошныхъ людей, земледѣльцевъ —неизвѣстно. Съ бояръ же, думныхъ людей, стольниковъ, стряпчихъ, дворянъ, дьяковъ и приказныхъ людей въ городахъ положено взять на жалованье ратнымъ людямъ кто что дастъ. По этому приговору всѣ означенныя лица приносили пожертвованія на вспоможеніе ратнымъ людямъ, по составленнымъ росписямъ и отдавали назначенному для пріема такихъ денегъ князю Пожарскому съ товарищами [1]), а для сбора пятой деньги съ торговыхъ людей посылали въ города архимандритовъ и игуменовъ и дворянъ добрыхъ, которые получали деньги отъ выборныхъ самыми посадскими людьми лицъ. Въ 1634 г. января 29 созванъ былъ опять земскій соборъ, отправлявшійся въ столовой избѣ царскихъ палатъ. Указано быть на этомъ соборѣ духовнымъ сановникамъ, боярамъ и другимъ думнымъ людямъ, стольникамъ, стряпчимъ, дворянамъ, гостямъ, торговымъ и всякихъ чиновъ людямъ Московскаго Государства.

Отъ имени царя было объявлено, что за многія неправды была объявлена война польскому королю и послано

[1]) Акты Арх. Эксп., т. III, стр. 313—314.

было царское войско съ бояриномъ Шеинымъ, который многіе городы литовскіе повоевалъ и осадилъ Смоленскъ. Но польскій король Владиславъ «накупилъ» крымцевъ и тѣ украинные царскіе городы повоевали, и дворяне, и дѣти боярскіе, у которыхъ помѣстья въ тѣхъ городахъ, услышавши объ этомъ, ушли изъ-подъ Смоленска, оставя Шеина съ небольшимъ числомъ ратныхъ людей. Польскій король пришелъ съ своимъ войскомъ къ Смоленску, чтобъ удержать этотъ городъ за Польшею и Литвою и чтобы, «по умышленію проклятаго папы римскаго, въ Московскомъ Государствѣ истинную нашу православную вѣру христіанскую греческаго закона превратить въ свою еретическую проклятую папежскую вѣру». Вспоминалось затѣмъ разореніе, какое прежде претерпѣла Русская Земля отъ поляковъ и литовцевъ. Извѣщалось, что государь послалъ на выручку войска своего къ Смоленску боярина своего кн. Черкасскаго Димитрія Мамстрюковича съ ратными людьми, но государева казна, собранная прежде на жалованье и на кормъ ратнымъ людямъ, была истрачена и ей «безъ прибыльныя казны быть не умѣть». Въ прошломъ году, по приговору властей, бояръ и всѣхъ чиновъ людей выборныхъ Московскаго Государства, посылались въ городы архимандриты, лучшіе дворяне и приказные люди собирать пятую деньгу съ животовъ и промысловъ торговыхъ людей. Но въ Москвѣ и въ городахъ гости и торговые люди многіе давали ту пятую деньгу не по соборному уложенію и не по своимъ промысламъ, а неправдою. Въ прежнее же время, когда воцарился государь Михаилъ Ѳедоровичъ, въ казнѣ денегъ не было, а со всей Земли Московской на ратныхъ людей были поборы, и было тогда собрано денегъ больше чѣмъ въ послѣднее время, хотя въ то время было скуднѣе, теперь же «Московское Государство въ тишинѣ пополнилось гораздо. И вамъ бы, властямъ духовнымъ и боярамъ, и окольничимъ, и думнымъ людямъ, стольни-

камъ, дворянамъ, которые на Москвѣ, и которые въ городахъ воеводами, дать денегъ на жалованье ратнымъ людямъ, что съ боярами и воеводами подъ Смоленскомъ, а торговымъ людямъ дать пятую деньгу по животамъ и промысламъ».

Всѣ бывшіе тогда на соборѣ отвѣчали, что готовы дать денегъ; тѣ, которымъ не назначенъ былъ размѣръ взноса, обѣщали сколько можно, торговые люди обязались платить пятую деньгу [1]). Однако и на этотъ разъ сборъ шелъ также не совсѣмъ охотно, какъ и въ началѣ войны. Въ мартѣ того же года посланъ былъ указъ Печерскаго нижегородскаго монастыря архимандриту: ему поручено было въ Нижнемъ-Новгородѣ собрать запросныя деньги съ духовныхъ властей, монастырей, бояръ, воеводъ, дьяковъ, губныхъ старостъ, городовыхъ приказчиковъ и со всѣхъ приказныхъ людей, а съ гостей и торговыхъ людей пятую деньгу по ихъ животамъ и промысламъ. Но архимандритъ прислалъ денегъ скудно и теперь снова указывалось ему прислать своихъ монастырскихъ и келейныхъ денегъ и обложить своихъ монастырскихъ служекъ, смотря по ихъ животамъ и промысламъ [2]).

Въ 1637 году былъ созванъ опять земскій соборъ по поводу нападенія на украинные города крымцевъ въ отмщеніе за взятіе донскими казаками Азова. На этомъ соборѣ были духовныя власти, бояре и думные люди, стольники, стряпчіе, дворяне и всякаго чина люди. Приговорили боярамъ, стольникамъ, стряпчимъ, жильцамъ, городовымъ дворянамъ, дѣтямъ боярскимъ, стрѣльцамъ, казакамъ, всякимъ ратнымъ людямъ идти на службу противъ непріятеля, съ дворцовыхъ селъ взять ратныхъ даточныхъ по человѣку съ двадцати дворовъ, а съ земель и вотчинъ

[1]) Собр. гос. гр. и догов. т. III, стр. 345—347.

[2]) Собр. госуд. гр. и догов., т. III, стр. 348—349.

митрополитовъ, архіереевъ и большихъ монастырей по человѣку съ десяти дворовъ, съ помѣстій же и вотчинъ бояръ и думныхъ людей, стольниковъ, стряпчихъ, дворянъ, дьяковъ и всякихъ иныхъ чиновъ по человѣку съ двадцати дворовъ, съ середнихъ и меньшихъ монастырей съ десяти дворовъ по четыре лошади; а съ городовъ, посадовъ и съ уѣздовъ съ черныхъ волостей съ десяти дворовъ вмѣсто даточнаго человѣка двадцать рублей, по два рубля съ двора, но разверстывали бы межъ себя такъ, чтобы людямъ бѣднымъ передъ прожиточными людьми тягости не было [1]).

V.

Въ 1642 году созванъ былъ соборъ, о которомъ сохранились полнѣе свѣденія, чѣмъ о другихъ, происходившихъ въ царствованіе Михаила Ѳедоровича. Этотъ соборъ былъ созванъ по случаю завоеванія турецкаго города Азова донскими казаками. Шелъ вопросъ: отдавать ли Азовъ туркамъ или удержать его и отважиться на войну съ бусурманами? Царь указалъ быть на соборѣ: «крутицкому митрополиту, владыкамъ и всему освященному собору, боярамъ и всѣмъ думнымъ сановникамъ, стольникамъ, стряпчимъ, дворянамъ, московскимъ жильцамъ, головамъ и сотникамъ стрѣлецкимъ, дворянамъ изъ городовъ и дѣтямъ боярскимъ, гостямъ, торговымъ людямъ сотенъ: гостиной, суконной и черныхъ, и всякимъ служилымъ и жилецкимъ людямъ». Указано было выбрать по городамъ «людей разумныхъ и свѣдущихъ изъ всякихъ чиновъ и лучшихъ, и середнихъ, и меньшихъ людей: изъ большихъ статей человѣкъ по 20, и по 15, и по 10, и по 7, а не изо многихъ людей человѣкъ по 5, и по 6, и по 4, и по 3 и по

[1]) Акты Арх. Эксп., т. III, стр. 419.

два». Вѣроятно, подъ большими статьями разумѣлись крупныя собирательныя числа, изъ которыхъ собирали выборныхъ людей на соборъ и предоставлялась по мѣстностямъ свобода, сколько гдѣ ихъ выбрать. Въ столовой избѣ, куда вошли прибывшіе въ Москву выборные, были уже царскіе бояре и прочіе члены царской думы: тамъ было всѣмъ вслухъ прочтено дѣло о взятіи казаками Азова и сдѣланы были вопросы: разрывать ли миръ съ турками и Крымомъ и принимать ли Азовъ отъ казаковъ? Если разрывать миръ и принимать Азовъ, то нужно будетъ много войска и много денегъ на жалованье ратнымъ людямъ и на хлѣбные и пушечные запасы не на одинъ годъ. Гдѣ взять денегъ и запасовъ?

По прочтеніи всего этого, выборнымъ розданы были списки всего прочтеннаго для вѣдома. Такое же писаніе послано къ крутицкому митрополиту, которому поручалось собрать духовенство, чтобы всѣ объявили свою мысль государю на письмѣ.

Въ столовой избѣ тѣхъ, которымъ сдѣлано было объявленіе и розданы списки, было:

1) Стольниковъ десять; при нихъ особый дьякъ.

2) Дворянъ московскихъ двадцать-два, головъ стрѣлецкихъ четыре, жильцовъ двѣнадцать. У нихъ у всѣхъ особый дьякъ.

3) Дворянъ городовыхъ и дѣтей боярскихъ изъ городовъ: Владиміра—три,—Суздаля—три, Юрьева-Польскаго — три, Луха — одинъ, Гороховца—одинъ, Переяслава-Залѣсскаго—три, Нижняго-Новгорода — два, Мурома — три, Арзамаса—три, Мещеры—три, Коломны—три, Рязани — восемь, Тулы—три, Коширы — три, Алексина—три, Серпухова—два, Калуги—три, Воротынска—два, Лихвина — два, Серпейска—три, Бѣлева — три, Козельска —три, Мещовска—три, Можайска—два, Звенигорода—одинъ, Ярославца-Малаго—два, Черни—два, Новосиля—три, Ряжска

—три, Великаго-Новгорода: изъ Деревской пятины—одинъ, изъ Бѣжецкой—одинъ, Ржевы-Володимировой—два, Зубцова—два, Торопца—два, Смоленска—четыре, Вязьмы—три, Ростова—два, Ярославля—три, Костромы—четыре, Галича—четыре, Торжка—два, Старицы — одинъ, Бѣлоозера—два. У нихъ у всѣхъ одинъ особый дьякъ.

4) Гостей — три, торговыхъ людей гостиной сотни — пять, суконной сотни—четыре, черныхъ сотенъ: Дмитровской—два, Новгородской—два, Срѣтенской — два, Заяузской слободы—два, Покровской сотни—два, Кожевнецкой полусотни—одинъ, Устюжской полусотни—одинъ, Ордынской сотни—два, Мясницкой полусотни—одинъ, Кузнецкой слободы—одинъ, Голутвинской слободы—одинъ, Екатерининской слободы—одинъ, Алексѣевской слободы — одинъ, Никитской слободы—одинъ.

Января 13 получено отъ крутицкаго митрополита заявленіе духовенства въ такомъ смыслѣ, что предлагаемое дѣло—царскаго синклита, а не духовное, ихъ же духовныхъ лицъ дѣло молить Бога, а «въ подможенье рады они помогать сколько силъ ихъ станетъ».

Стольники, спрошенные 8 января, въ поданномъ отъ нихъ письмѣ отвѣчали, что во всемъ воля великаго государя, а ихъ мысль такова, что Азовъ велѣть взять и быть въ немъ донскимъ казакамъ, въ прибавку же къ нимъ послать рать изъ воинскихъ вольныхъ людей, а сами они, стольники, на службу идти готовы.

Дворяне московскіе, спрошенные 3 генваря, отвѣчали на поданномъ письмѣ, что оставляется на волю государеву принять Азовъ и послать туда ратныхъ людей, а нынѣ держать бы Азовъ донскимъ атаманамъ, и велѣлъ бы государь помочь имъ людьми и хлѣбными и пушечными запасами, и велѣлъ бы охочихъ прибрать въ украинныхъ городахъ изъ своего государева жалованья, потому что тамошніе люди на Дону бывали, и имъ та служба

за обычай, если же охочихъ людей будетъ мало, то велѣлъ бы государь помочь имъ людьми изъ украинныхъ же городовъ, а хлѣбные и пушечные запасы тѣмъ людямъ въ Азовъ будутъ доставляться откуда государь укажетъ.

Изъ дворянъ московкихъ подали особое мнѣніе Никита Беклемишевъ и Тимоѳей Желябужскій въ такомъ изложеніи: «государю извѣстны неправды турскаго салтана и крымскаго царя. Крымскій царь всегда великому государю шерть давалъ и всегда лгалъ: по вся годы воевали татары украинные городы, увозили въ Азовъ православныхъ христіанъ и тамъ продавали въ свои бусурманскія орды въ порабощеніе, а крымскій царь за то бралъ пошлины съ девяти десятаго. Когда король польскій воевалъ подъ Смоленскомъ, крымскій посылалъ своихъ царевичей съ крымскими людьми на войну противъ царской державы въ украинныя мѣста, и оттого украинныхъ городовъ помѣщики разъѣхались изъ подъ Смоленска. За такія неправды не велѣлъ бы государь посылать казны своей въ Крымъ, и та его казна пригодится ратнымъ людямъ на жалованье. Азовъ взятъ немногими донскими казаками и съ той поры, какъ взятъ Азовъ, украинные городы стали спокойнѣе отъ татаръ. Въ прошломъ году турскій царь присылалъ подъ Азовъ пашей и крымскаго царя, но ихъ злую мысль Господь разрушилъ: казаки отсидѣлись и бусурманы погибли. И теперь ему великому государю велѣть бы принять Азовъ, держать его донскими атаманами и козаками, а въ прибавку казакамъ послать бы охочихъ вольныхъ людей, опричь крѣпостныхъ и кабальныхъ, и дать имъ денежное и хлѣбное жалованье. А сидѣть бы имъ въ Азовѣ подъ атаманскимъ началомъ, городъ поправлять и укрѣплять, пока Богъ Азова отъ турокъ и крымцевъ не защититъ, собирать же имъ деньги на жалованье съ тѣхъ, которые великому государю не служатъ ни въ Москвѣ ни въ городахъ, да и съ тѣхъ, которые хотя и служатъ,

но находятся по воеводствамъ и по приказамъ у корыстныхъ дѣлъ, сколько государь укажетъ, чтобъ неслужилые со служилыми въ-ровнѣ были; сборъ этотъ производить добрымъ лицамъ, выбраннымъ нарочно для того изъ всякихъ чиновъ по два или по три человѣка. Даточныхъ людей указалъ бы великій государь имать съ большихъ монастырей и съ пожалованныхъ людей, за которыми вотчинъ и помѣстій много. А у другихъ не состоящихъ постояно въ службѣ (не у слугъ) за окладами много лишней земли, да они ѣздятъ по воеводствамъ, и бѣднымъ людямъ съ такими пожалованными людьми не стянуть. И велѣлъ бы государь разобрать: съ малопомѣстныхъ и безпомѣстныхъ даточныхъ людей, и за даточныхъ денегъ не брать противъ городовыхъ дворянъ, потому что городовые послѣ службы живутъ себѣ въ помѣстьяхъ и вотчинахъ, а московскіе по его государеву указу на Москвѣ живутъ безъ съѣзда и колодниковъ держатъ и въ посылки ихъ посылаютъ такія, которыя никакой корысти имъ не приносятъ, и Земляной городъ и всякія городовыя дѣла они дѣлаютъ, и деньги платятъ на колодцы, парусы, мосты, рѣшеточныя и посаженныя со дворовъ, а городовые дворяне всего этого не знаютъ. А если угодно будетъ великому государю еще сверхъ того ратнымъ людямъ на жалованье собирать, то указалъ бы выборнымъ людямъ со всѣхъ земель, съ вотчинъ и съ помѣстій собирать поворотно хотя бы по гривнѣ со двора, и тѣхъ денегъ на многіе годы станетъ на жалованье войску и на запасы. Затѣмъ, какъ великій государь укажетъ. Если Азовъ останется за великимъ государемъ, то и нагай большой, и казыевы, и кантемировы улусы, и горскіе черкасы, и темрюцкіе и кженскіе, и бесленѣевскіе, и адинскіе—всѣ будутъ служить великому государю, а только Азовъ будетъ за туркомъ, тогда и послѣдніе нагаи изъ-подъ Астрахани откочуютъ къ Азову».

Головы и сотники стрѣлецкіе во всемъ положились на волю государеву, а сами за себя изъявили готовность служить гдѣ имъ великій государь укажетъ.

Володимирцы дворяне и дѣти боярскіе сказали: пусть будетъ такъ, какъ укажетъ великій государь и его бояре, они же сами готовы служить, но при этомъ замѣтили, что бѣдность ихъ города извѣстна великому государю и его боярамъ.

17 января дали отвѣтъ дворяне и дѣти боярскіе городовъ Нижняго-Новгорода, Мурома и Луха: «во всемъ его государева воля, принять или не принять Азова и гдѣ денегъ взять, во всемъ его воля, а бояре вѣчные ихъ промышленники, и они готовы служить гдѣ укажутъ, сколько мочи станетъ».

Дворяне и дѣти боярскіе городовъ: Суздаля, Юрьева-Польскаго, Переяславля-Залѣсскаго, Бѣлой, Костромы, Смоленска, Галича, Арзамаса, Великаго Новгорода, Ржевы, Зубцова, Торопца, Ростова, Пошехонья, Новаго-Торга, Гороховца дали такой отвѣтъ: «надобно велѣть принять Азовъ, а если не принять Азова, то съ нимъ вмѣстѣ образъ Іоанна Предтечи достанется бусурманамъ. Не навесть бы черезъ то гнѣвъ отъ Бога и отъ святаго Іоанна Предтечи и чудотворца Николая на все Русское царство, потому что ихъ помощію по изволенію Божію такой дальній украинный городъ достался благочестивому государю безъ государевой казны, безъ подъема большихъ ратей, такими малыми людьми. Они, великіе свѣтильники, подали милость и заступленіе такимъ малымъ людямъ отсидѣться отъ многихъ нечестивыхъ ордъ и многочисленныхъ людей помощію Бога, который хотѣлъ явить преславныя чудеса благочестивому государю и всей Русской Землѣ. Послать бы къ казакамъ на помощь пѣшихъ ратныхъ людей государевыхъ стрѣльцовъ, да стараго сбора солдатъ, сколько государь укажетъ; пушечнаго запаса у тебя, государь,

много, а хлѣбныхъ запасовъ можно для скораго подъема взять изъ украинныхъ зарѣцкихъ (т.-е. за Окою) городовъ, съ живущаго со всѣхъ безъ выбора и изъ государевыхъ дворцовыхъ селъ; а для великаго поспѣшенья взять бы запасовъ съ Троицкаго Сергіева монастыря и съ иныхъ монастырей, сколько государь укажетъ. Людей ратныхъ въ полевые и повольскіе городы вели, государь, въ Москвѣ и другихъ городахъ прибрать стрѣльцовъ и солдатъ сколько надобно, на будущее же время хлѣбныхъ запасовъ вели, государь, брать со всей земли безъ выбора и будетъ тѣхъ запасовъ ратнымъ людямъ не на одинъ годъ. Учинилось государю вѣдомо, что турскій визирь идетъ Азовъ осадить: велѣть бы рать строить и людей собирать, какъ бывало при прежнихъ царяхъ, при Иванѣ Васильевичѣ и при Ѳедорѣ Ивановичѣ, и при иныхъ государяхъ, когда они съ боярами сами въ походъ ходили, а съ вотчинъ боярскихъ и съ помѣстій, и монастырей, и отъ властей даточные люди были конные и пѣшіе. И нынѣ, государь, при тебѣ многіе бояре пожалованы многими вотчинами и помѣстьями, и съ нихъ бы ратныхъ конныхъ и пѣшихъ взять для бусурманскаго нашествія; а твои, государь, дьяки и подъячіе пожалованы вотчинами и помѣстьями, и будучи у твоихъ государевыхъ дѣлъ они богатѣютъ неправеднымъ мздоимствомъ: покупили себѣ вотчины и домы построили, палаты каменныя такія неудобосказаемыя, какихъ прежде у великородныхъ людей не было, которымъ бы и достойно было въ такихъ палатахъ жить; съ ихъ бы вотчинъ и помѣстій взять конныхъ и пѣшихъ ратныхъ людей и противъ домовъ ихъ и пожитковъ обложить бы ихъ деньгами на жалованье ратнымъ людямъ, сколько государь укажешь».

«Съ вотчинъ властей и монастырей взять бы даточныхъ конныхъ и пѣшихъ, сколько государь укажешь; да вели, государь, отъ нихъ росписи взять по ихъ святи-

тельскому и иноческому обѣщанію, сколько за ними крестьянъ въ вотчинахъ, а за утайку, утаенныхъ крестьянъ отбирать бы отъ нихъ на великаго государя. Да и нашей братьи есть такіе, что, не хотя государевой службы отбывать, пишутся по московскому списку и въ иные государевы чины, и будучи въ городахъ у государевыхъ дѣлъ отяжелѣли и обогатѣли большими богатствами, а иные пожалованы вотчинами и помѣстьями большими и черезъ то еще покупили себѣ многія вотчины. Съ ихъ помѣстій и вотчинъ взять бы даточныхъ конныхъ и пѣшихъ, и самихъ ихъ съ ихъ пожитковъ обложить бы деньгами на жалованье ратнымъ людямъ. Кромѣ всѣхъ этихъ, дворцовые царскіе всякихъ чиновъ люди пожалованы вотчинами и помѣстьями, да имъ же каждогодно идетъ государево денежное жалованье; а они бываютъ черезъ годъ или черезъ два года на приказахъ (приказчиками) въ дворцовыхъ селахъ и наживаютъ великіе пожитки, полевой же службы не служатъ, а когда бываютъ въ Москвѣ, то, находясь у царскихъ дѣлъ, не проживаютъ тамъ нажитаго прежде. И съ нихъ, государь, когда не будутъ нести полковой службы, вели взять даточныхъ конныхъ и пѣшихъ, а съ ихъ пожитковъ деньги въ свою государеву казну. Со вдовъ, недорослей и съ отставныхъ нашей братьи дворянъ и дѣтей боярскихъ взять бы также даточныхъ людей. Вмѣсто тѣхъ людей, которые посланы будутъ въ Азовъ въ украинные и повольскіе городы, вели, государь, набрать стрѣльцовъ и солдатъ, только не изъ нашихъ крѣпостныхъ и старинныхъ людишекъ и крестьянишекъ. Мы готовы работать головами и всею душою. Вели, государь, нашу братью, бѣдную безпомѣстную, взыскать помѣстнымъ и денежнымъ жалованьемъ. Вели, государь, учинить по всей землѣ роспись всѣмъ вотчинамъ и помѣстьямъ, сколько за кѣмъ крестьянъ у всякихъ чиновъ людей, допрашивая ихъ по ихъ крест-

ному цѣлованію. Вели государь, установить: со сколькихъ крестьянъ служить государеву службу безъ жалованья, а за лишнихъ крестьянъ брать бы деньги на жалованье ратнымъ людямъ. Если же кто при допросѣ утаитъ своихъ крестьянъ, у тѣхъ вели утаенныхъ крестьянъ отбирать безповоротно на себя, великаго государя. Коли нужно еще будетъ денегъ, вели, государь, взять у патріарха и у властей ихъ домовую казну, а съ торговыхъ людей, съ ихъ промысловъ, вели, государь, взять на то же, сколько тебѣ, государю, Богъ извѣститъ. Вели, государь, счесть приказныхъ людей и дьяковъ, и подъячихъ, и таможенныхъ головъ по приходнымъ книгамъ въ Москвѣ и въ городахъ, чтобъ государева казна не потерялась, а пошла бы ратнымъ людямъ на жалованье. Вели ту свою государеву казну собирать своимъ гостямъ и земскимъ людямъ; тѣмъ же, которые нынѣ по городамъ на воеводствахъ и у приказныхъ дѣлъ, вели, государь, быть на твоей государевой службѣ противъ бусурманъ. Вотъ тебѣ, государь, насъ дворянъ и дѣтей боярскихъ разныхъ городовъ наша мысль и сказка. За тѣмъ, какъ тебѣ, государю, Богъ извѣститъ и твоя государева дума одержитъ и твоихъ государевыхъ бояръ».

Дворяне и дѣти боярскіе городовъ: Мещеры, Коломны, Рязани, Тулы, Коширы, Алексина, Калуги, Торусы, Серпухова, Бѣлева, Козельска, Лихвина, Серпейска, Воротынска, Медыни, Ярославца-Малаго, Боровска, Болхова, Мценска, Ряжска, Карачева, дали отвѣтъ въ такомъ же смыслѣ, какъ и предыдущіе, прибавивши, что «если отдать Азовъ бусурманамъ, то ихъ тѣмъ не укротить, а можно еще пуще тою отдачею турокъ на себя подвигнуть». Взять запасы для ратныхъ людей, которые будутъ посланы въ Азовъ, совѣтовали они изъ шацкихъ и тамбовскихъ волостей, да изъ комарицкой волости. Они совѣтовали обязать нести службу безъ жалованья всѣхъ тѣхъ,

у кого окажется пятьдесятъ крестьянъ, а съ тѣхъ, за кѣмъ крестьянъ болѣе, брать деньги и запасы на ратныхъ людей. «А мы, холопи твои», — выражались они въ концѣ своей сказки—«съ людьми своими и со всею своею службишкою на твою государеву службу противъ твоихъ государевыхъ недруговъ готовы, гдѣ ты, государь, укажешь; только разорены мы, холопи твои, пуще турскихъ и крымскихъ бусурманъ московскою волокитою и отъ неправдъ и неправедныхъ судовъ. Вотъ наша, холопей твоихъ, разныхъ городовъ дворянъ и дѣтей боярскихъ мысль и сказка».

Гости и торговые люди сотенъ гостиной и суконной насчетъ Азова и посылки туда ратныхъ и ихъ содержанія сказали, что то дѣло служилыхъ людей, за которыми есть вотчины и помѣстья. «За нами, торговыми людьми, нѣтъ ни вотчинъ, ни помѣстій, а службы мы —замѣчали они — несемъ въ Москвѣ и въ городахъ по вся годы безпрестанно и многіе изъ насъ оскудѣли и обнищали отъ такихъ службъ и отъ платежа пятинныхъ денегъ, которыя давали во время смоленской войны. Мы за крестнымъ цѣлованьемъ сбираемъ твою государеву казну противъ прежнихъ лѣтъ съ прибылью, въ прежнее время сбиралось ее сотъ до пяти и до шести, а нынѣ сбирается нами со всей земли тысячъ до пяти, до шести и болѣе. Наши торжишки стали худы оттого, что иноземцы, нѣмцы и кизильбаши, пріѣзжаютъ въ Москву и въ иные городы съ большими торгами, и въ городахъ наши люди обнищали отъ твоихъ государевыхъ воеводъ, и торговые людишки, что ѣздятъ по городамъ для торговаго промысла, отъ воеводскихъ задержаній и насильствъ, торговъ своихъ избыли. При прежнихъ государяхъ были губные старосты и тогда посадскіе люди сами судились промежъ себя, и воеводъ въ городахъ не бывало; воеводы посылались только въ украинные городы для береженья отъ турскихъ, крымскихъ и

ногайскихъ непріятелей. Просимъ пожаловать свою государеву вотчину, воззрѣть на бѣдность нашу. Если изволишь, государь, принять Азовъ, если для содержанія ратныхъ положишь на всю землю, вели чтобы въ твоемъ государствѣ никто въ твоей вотчинной землѣ въ избылыхъ не былъ. Мы же готовы служить тебѣ, государю, своими головами и помереть за Божіи церкви, за твое государево здоровье и за православную вѣру».

Черныхъ сотенъ и слободъ старосты насчетъ Азова и ратныхъ людей сказали то же, что и торговые люди гостиной и суконной сотенъ, а о себѣ заявили: «Мы — сироты твои сотскіе, старостишки и всѣ тяглые людишки оскудѣли и обнищали отъ великихъ пожаровъ, отъ пятинныхъ денегъ, отъ даточныхъ людей и отъ подводъ во время смоленской службы, отъ поворотныхъ денегъ, отъ городоваго землянаго дѣла, отъ платежа великихъ государевыхъ податей и отъ многихъ цѣловальничьихъ службъ, которыя мы служимъ въ Москвѣ и въ городахъ съ гостьми и опричь гостей. Въ твоихъ государевыхъ приказахъ на всякій годъ съ насъ берется сто сорокъ пять цѣловальниковъ, да на земскомъ дворѣ стоятъ безъ съѣзда нашихъ семьдесятъ пять человѣкъ ярыжныхъ, да извощиковъ съ лошадьми на случай пожаровъ, и мы платимъ этимъ ярыжнымъ и извощикамъ каждый мѣсяцъ большія подможныя деньги и отъ великой бѣдности многіе тяглые людишки изъ сотенъ и слободъ разбрелись розно и дворишки свои покинули» [1]).

Акты, относящіеся до этого земскаго собора, не дошли до насъ цѣликомъ; нѣтъ окончательнаго приговора, но изъ событій онаго времени мы узнаемъ, что хотя на соборѣ служилые люди оказали полную готовность начать войну съ турками, однако, правительство сообразило, что на та-

[1]) Собр. госуд. грам. и догов., т. III, стр. 378—400.

кое смѣлое предпріятіе отважиться опасно; къ этому же молдавскій господарь увѣдомилъ московское правительство, что султанъ поклялся, въ случаѣ войны съ Московскимъ Государствомъ, истреблять православныхъ въ своемъ государствѣ. Царь приказалъ донскимъ казакамъ оставить Азовъ, а на слѣдующій годъ отправилъ въ Константинополь посольство съ подарками визирю и султанскимъ приближеннымъ, и дѣло съ Турціей покончилось тѣмъ, что султанъ на отпускѣ московскихъ пословъ обѣщалъ послать повелѣніе крымскому хану и кафимскому пашѣ, чтобъ они не посылали воинскихъ людей на земли московскаго государя, за то потребовалъ, чтобы и московскій государь далъ повелѣніе донскимъ казакамъ не безпокоить владѣній турецкаго султана [1]).

Соборъ 1642 года, однако, тѣмъ памятенъ и замѣчателенъ, что на немъ такъ гласно заявлялись жалобы на злоупотребленія тогдашняго управленія воеводами и приказными людьми, возбуждавшія, какъ видно, повсемѣстный ропотъ въ народѣ. Не менѣе замѣчательно, что у людей, не владѣвшихъ вотчинами и помѣстьями, существовала непріязнь и зависть къ землевладѣльцамъ, особенно богатымъ. Послѣдствій, въ смыслѣ улучшеній, не было, потому что такіе соборы не имѣли обязательной силы надъ правительствомъ и стремленія пріобрѣсть ее не было замѣтно. Изъ того же дѣянія земскаго собора видно, что земскіе люди все полагали на волю великаго государя. Русскіе не смѣли даже подумать, чтобы отъ ихъ государя могло происходить что-нибудь худое, а еслибъ и чувствовали какой-нибудь гнетъ, то всегда готовы были приписать это карѣ божіей за свои собственные грѣхи. Не такъ, однако, относились они къ боярамъ и вообще высокопоставленнымъ лицамъ, управлявшимъ государ-

[1]) Соловьева „Ист. Росс.“, т. IX, стр. 303—308.

ствомъ: оправдывая царя, они всегда рады были взвалить на нихъ всякія обвиненія, и когда мѣра терпѣнія переполнялась, то не останавливались ни предъ какими крайностями, что и показали народные бунты, вспыхнувшіе въ началѣ царствованія Алексѣя Михайловича въ Москвѣ, въ Новгородѣ и въ другихъ городахъ, бунты, сопровождавшіеся и убійствами начальствовавшихъ лицъ.

По извѣстію Котошихина, при восшествіи на престолъ Алексѣя Михайловича, созывался земскій соборъ, который и избралъ на царство сына умершаго государя [1]). Что это былъ настоящій земскій соборъ, показываетъ то, что авторъ, сообщающій о томъ извѣстіе, говоритъ о числѣ выборныхъ изъ каждаго города и описываетъ пиры, происходившіе послѣ избранія, на которыхъ новоизбранному царю подносили подарки. Объ этомъ соборѣ нѣтъ никакихъ упоминаній въ дошедшихъ до насъ актахъ того времени, но это не даетъ права подвергать сомнѣнію дѣйствительность передаваемаго Котошихинымъ событія, такъ какъ до насъ многое не дошло изъ старыхъ дѣлъ, а многое еще не обнародовано изслѣдователями и издателями.

Мало оффиціальныхъ свидѣтельствъ осталось и о другомъ земскомъ соборѣ, созванномъ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ по поводу составленія Уложенія. Іюля 16-го 1648 года государь съ патріархомъ, духовенствомъ, боярами и думными людьми, по челобитью многихъ вся-

[1]) Патріархъ, и митрополиты, и архіепископы, и епископы, и архимандриты, и игумены, и весь духовный чинъ, соборовали, и бояре, и окольничіе, и думные люди, и дворяне, и дѣти боярскіе и гости, и торговые и всякихъ чиновъ люди, и чернь послѣ смерти прежнего царя обрали на царство сына его нынѣшняго царя и учинили коронованіе въ соборной болшой первой церквѣ и молили Бога... а было тѣхъ дворянъ, и дѣтей боярскихъ, и посадскихъ людей, для того обранія, человѣка по два изъ города. (Котоших. О Россіи въ царств. Алекс. Мих. Гл. I, стр. 4).

кихъ чиновъ людей, приговорили: «выписать изъ правилъ св. Апостолъ и св. отецъ, и изъ градскихъ законовъ греческихъ царей пригодныя для государскихъ и земскихъ дѣлъ статьи, и собрать указы прежнихъ царей и боярскіе приговоры, справить ихъ съ старыми судебниками, а на которыя статьи указовъ государевыхъ и боярскихъ приговоровъ не было, и тѣ бы статьи вновь написати и изложити по его государеву указу, общимъ совѣтомъ, чтобъ Московскаго Государства людямъ отъ большаго до меньшаго чина судъ и расправа были во всѣхъ дѣлахъ всѣмъ ровно». Указалъ государь все то собрать и въ докладъ написать князю Никитѣ Ивановичу Одоевскому, Ѳедору Ѳедоровичу Волконскому, Семену Васильевичу Прозоровскому и дьякамъ Гаврилѣ Леонтьеву и Ѳедору Грибоѣдову. Для такого великаго государскаго и земскаго дѣла царь указалъ и бояре приговорили: «выбрать изъ стольниковъ, стряпчихъ, изъ дворянъ московскихъ и изъ жильцовъ изъ чину по два человѣка, также всѣхъ городовъ изъ дворянъ и изъ дѣтей боярскихъ взять изъ большихъ городовъ, опричь Новгорода, по два человѣка, а изъ новгородцевъ съ пятины по человѣку — изъ меньшихъ городовъ по человѣку, изъ гостей—трехъ человѣкъ, изъ гостиныя и суконныя сотенъ по два человѣка, а изъ черныхъ сотенъ и изъ слободъ и изъ городовъ съ посадовъ— по человѣку, добрыхъ и смышленныхъ людей, чтобы государево его царственное и земное дѣло съ тѣми со всѣми выборными людьми утвердити и на мѣрѣ поставити» [1]. По царскому указу въ городахъ воеводы или губные старосты въ губныхъ станахъ должны были собирать тѣхъ, которые должны выбирать выборныхъ, прочитать имъ царскій указъ, а по исполненіи выбора—отправить выбранныхъ въ Москву [2]. Въ октябрѣ 1649 составленное Уло-

[1]) Собр. госуд. гр. и догов. т. III, стр. 438.

[2]) Акты Арх. Эксп. т. IV, стр. 40.

женіе слушалъ государь съ патріархомъ, духовенствомъ, боярами и другими думными людьми, а въ отвѣтной палатѣ, гдѣ сидѣли выборные люди съ бояриномъ Юрьемъ Алексѣевичемъ Долгоруковымъ, было предъявлено имъ Уложеніе и, по царскому указу, всѣ къ тому Уложенію подписались и съ этого экземпляра напечатана была книга и разослана въ Москвѣ по приказамъ и въ городы для руководства—всѣмъ судящимъ лицамъ [1]).

Хотя дѣянія этого важнаго земскаго собора до насъ вполнѣ не дошли и мы не имѣемъ подъ рукою всѣхъ заявленій, представленныхъ тогда выборными людьми, но остались, однако, нѣкоторыя указанія на подававшіяся тогда челобитныя выборныхъ, которыя были приняты во вниманіе и внесены въ законодательство. Такъ, выборные всякихъ чиновъ указали, что около Москвы и другихъ областныхъ городовъ, именемъ патріарха, владыкъ, монастырей, бояръ, думныхъ людей, дворянъ и т. п. знатныхъ того времени особъ, заведены дворы и цѣлыя слободы, гдѣ жили въ качествѣ закладчиковъ за сильными особами бѣжавшіе отъ тяготы люди, занимались торговлею и промыслами и пользовались льготами, тогда какъ черезъ то самое увеличивалась тягость на людяхъ, оставшихся въ тѣхъ тяглыхъ общинахъ, откуда закладчики ушли. Такихъ много было въ Москвѣ и въ ея предмѣстіяхъ, называемыхъ слободами. Въ Нижнемъ Новгородѣ, въ Благовѣщенской слободѣ, принадлежавшей патріарху, сверхъ записанныхъ въ писцовыхъ книгахъ, было до шестисотъ ремесленныхъ и торговыхъ людей, которые туда сошлись изъ разныхъ городовъ «для легости». Около Москвы за Землянымъ городомъ были изстари версты на три и на четыре отъ города выгоны для выпуска скота, и близъ другихъ городовъ около посадовъ были такіе же выгоны

[1]) Полн. собр. зак. Росс. имп. т. I, стр. 2—3.

и выѣзды въ лѣсъ по дрова, а все это захватили бояре и ближнiе люди, и московскiе дворяне, и дьяки подъ свои загородные дворы и огороды, а въ иныхъ мѣстахъ монастырскiе люди и ямщики (пользовавшiеся также льготами) распахали тамъ землю и въ лѣса не стало проѣзда. Выборные просили всѣхъ такихъ торговыхъ и промышленныхъ людей на посадахъ и въ слободахъ взять за великаго государя въ тягло, наравнѣ съ посадскими. По этой челобитной состоялся указъ: всѣ заведенные частными лицами дворы и слободы, гдѣ жили ихъ закладчики, взять въ тягло, а тѣхъ изъ нихъ, которые прежде находились въ тяглѣ въ посадахъ, воротить на ихъ прежнiя мѣста, впредь же состоящимъ въ тяглѣ не записываться въ закладчики подъ страхомъ жестокаго наказанья кнутомъ и ссылки въ Сибирь на Лену. О тѣхъ же селахъ, слободахъ и деревняхъ, которыя хотя не близко отъ посада, но въ которыхъ живутъ торговые и промышленные люди, указано было произвести сыскъ: если по этому сыску окажется, что они были издавна городскiе посадскiе люди, такихъ переводить въ посады, а тѣмъ, которые, издавна бывши крестьянами, завели себѣ лавки и начали заниматься торговлею и промыслами, велѣно торговыя и промысловыя заведенiя продать тяглымъ людямъ. Но о такихъ селахъ, которыя не очень близко были къ посадамъ, велѣно ждать дальнѣйшаго указа [1]). Челобитныя эти подавались въ смыслѣ уравненiя всѣхъ въ отправленiи государственныхъ и земскихъ повинностей. Другая челобитная выборныхъ людей указывала на то, что послѣ указовъ и соборныхъ приговоровъ, состоявшихся еще при царяхъ Иванѣ Васильевичѣ и Ѳедорѣ Ивановичѣ, о не приниманiи впередъ духовнымъ властямъ и монастырямъ земель, многiе прiобрѣли себѣ и по царскому пожалованiю,

[1]) Акты Арх. Эксп. т. IV, стр. 44—47.

и чрезъ вкладъ отъ всякихъ чиновъ людей по душамъ своимъ и, наконецъ, покупками и взятіемъ въ залогъ вотчины, села и всякія угодья. Челобитчики домогались, чтобъ эти земли, взявъ отъ монастырей, раздать по разбору служилымъ, безпомѣстнымъ и малопомѣстнымъ дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ. На эту челобитную не послѣдовало полнаго рѣшенья, а велѣно было сдѣлать выписку о вотчинахъ духовныхъ властей, монастырей и церквей [1]). Но не ко всѣмъ заявленіямъ, сдѣланнымъ тогда на соборѣ, правительство отнеслось такъ снисходительно. Есть извѣстіе, что князь Львовъ, а съ нимъ сто двадцать человѣкъ, осмѣлились выразить свое неудовольствіе по поводу нѣкоторыхъ статей Уложенія и за то сосланы были въ Соловецкій монастырь [2]). Впослѣдствіи этимъ Уложеніемъ недоволенъ былъ патріархъ Никонъ, называлъ его книгою проклятою, противною св. Евангелію, правиламъ св. апостолъ и св. отцевъ [3]). Въ своихъ отвѣтахъ боярину Стрѣшневу патріархъ выразился объ этомъ соборѣ: вѣдомо всѣмъ, что соборъ былъ не по волѣ, боязни ради междоусобія отъ черныхъ людей, а не истинныя ради правды [4]). Но и заклятые враги Никона, раскольники, были также недовольны уложеніемъ и называли его «книгою богопротивною, антихристовою» [5]). Изъ этого можно съ вѣроятностью заключить, что соборъ, утвердившій Уложеніе, не былъ дѣломъ всего народа русскаго и много было въ послѣднемъ противнаго. Тѣмъ не менѣе, однако, созданное имъ Уложеніе на долго оставалось единственнымъ кодексомъ законодательнымъ, единственнымъ мѣриломъ правосудія для русскаго народа.

[1]) Акты Арх. Экспед. т. IV, стр. 49.

[2]) Щаповъ. Земскій соборъ 1648—1649 годовъ, стр. 6.

[3]) Соловьева. Ист. Росс. т. XI, стр. 352.

[4]) Рѣчь Бѣляева, стр. 224.

[5]) Щаповъ. Земск. собр. 1648—1649, стр. 6.

VI.

Въ 1633 году 1 октября былъ созванъ соборъ по поводу присоединенія Малороссіи. Сначала отправлялось праздничное богослуженіе въ церкви Покрова (Василія Блаженнаго), гдѣ присутствовалъ царь съ боярами и, вѣроятно, со всѣми выборными, потомъ совершенъ былъ крестный ходъ въ Кремль. Соборъ собрался въ Грановитой палатѣ. Были на этомъ соборѣ участниками: патріархъ Никонъ, владыки, въ числѣ которыхъ митрополитъ сербскій, архимандриты, игумены, со всѣмъ освященнымъ соборомъ, бояре, окольничіе, думные люди, стольники, стряпчіе, дворяне московскіе, жильцы, дворяне изъ городовъ, дѣти боярскіе, гости, торговые люди сотенъ гостиной, суконной и черныхъ, и «всякихъ чиновъ люди» и стрѣльцы [1]).

Прочтено было всѣмъ вслухъ о прежнихъ отношеніяхъ къ Польшѣ, о томъ, что, вопреки договору, нѣкоторые поляки пишутъ царское именованіе и царскій титулъ не по вѣчному докончанію, а иные «злодѣи» пишутъ о московскомъ государѣ съ большою укоризною и своего короля пишутъ царемъ московскимъ и обладателемъ. Поэтому поводу хотя и были посольства отъ царя въ Польшу, но король и польскіе паны-рада государскую честь поставили ни во что. Сверхъ того происходили въ порубежныхъ мѣстахъ отъ польскихъ людей большіе задоры и насилія людямъ царскимъ и поляки не учинили по письмамъ царскихъ воеводъ никакой расправы. Наконецъ, гетманъ Богданъ Хмельницкій и все Войско Запорожское много разъ присылали къ великому государю пословъ, жалуясь, что паны-рада и вся Рѣчь Посполитая неволятъ православныхъ запорожскихъ черкасъ къ римской вѣрѣ и они по-

[1]) Собр. госуд. гр. и догов., томъ III, стр. 481.—П. С. З. Р. Имп., т. I, стр. 293—301.

неволѣ призывали къ себѣ на помощь противъ поляковъ крымскаго хана съ ордою, а теперь просятъ царское величество принять ихъ подъ свою крѣпкую руку и учинить имъ своими войсками помощь на гонителей христіанской вѣры — поляковъ. Государь посылалъ къ польскому королю и къ панамъ-радѣ пословъ и объявилъ, что онъ проститъ вины тѣмъ людямъ, которые неправильно писали царское именованье, если король и паны-рада помирятся съ запорожскими черкасами, по Зборовскому договору отдадутъ имъ церкви, обращенныя въ унію, и впередъ не станутъ дѣлать гоненій на христіанскую вѣру греческаго закона, но король и паны-рада и то дѣло поставили ни во что, отказали въ мирѣ черкасамъ и пошли на нихъ войною при царскихъ великихъ послахъ. Гетманъ Богданъ Хмельницкій нынѣ съ своимъ посланцемъ писалъ, что если великій государь надъ ними, православными христіанами, не сжалится и войска своего имъ не пошлетъ, а иновѣрцы ихъ подъ себя подобьютъ, то они волю ихъ по нуждѣ чинить будутъ.

Бояре царскіе первые подали голосъ, что нельзя болѣе терпѣть польскому королю и слѣдуетъ принять въ подданство гетмана Богдана Хмельницкаго. При этомъ кто-то изъ бояръ далъ такое оправданіе подобному поступку со стороны московскаго государя: король Янъ Казимиръ присягалъ, что ему вѣры христіанской не тѣснить и другихъ къ тому не попущать, а будетъ онъ присяги своей не сдержитъ, то тѣмъ чинитъ своихъ подданныхъ свободными отъ всякой вѣрности и послушанія. А какъ Янъ Казимиръ присяги своей не сдержалъ и на православную христіанскую вѣру греческаго закона возсталъ и многія церкви разорилъ и въ унію обратилъ, то запорожскіе черкасы стали теперь присягою королевскою вольные люди, и чтобъ ихъ не отпустить въ подданство турецкому царю или крымскому хану, доведется гетмана Богдана Хмельницкаго

и все Войско Запорожское съ городами и землями принять.

Затѣмъ были допрашиваемы по чинамъ порознь всѣ бывшіе на соборѣ. Всѣ рѣшали, что великому государю— пожаловать гетмана Богдана Хмельницкаго и все Войско Запорожское для православной христіанской вѣры и святыхъ Божіихъ церквей, велѣть, по ихъ челобитью, принять ихъ подъ свою государскую высокую руку. Служилые люди объявили—что они за государскую честь учнутъ съ литовскимъ королемъ битися, не щадя головъ своихъ, и рады померетъ за государскую честь; торговые и всякихъ чиновъ люди—что они вспоможеньемъ и за государскую честь головами своими рады померетъ.

При царѣ Ѳедорѣ Алексѣевичѣ, уже въ послѣдній годъ его царствованія и жизни, царь дѣлалъ созывы выборныхъ лицъ, но не разомъ призывалъ всѣ чины Московскаго Государства, а созывалъ чины отдѣльно, сообразно спеціальностямъ, касавшимся этихъ чиновъ. Такъ, въ ноябрѣ 1681 года состоялся церковный соборъ, столько же важный, какъ тотъ, который собирался при царѣ Иванѣ Васильевичѣ и составилъ Стоглавъ [1]). Подобно тому, какъ дѣлалось при царѣ Иванѣ Васильевичѣ, и теперь отъ имени царя предлагались вопросы или предложенія, а духовный соборъ подавалъ на нихъ отвѣты или рѣшенія. Такихъ предложеній было шестнадцать. Указана была потребность основать новыя епархіи особенно въ виду того, что умножались церковные противники. Правительство предлагало завести у митрополитовъ подначальныхъ имъ епископовъ, но соборъ нашелъ это неудобнымъ, опасаясь, что тогда между архіереями будутъ происходить распри о «высости». Соборъ предпочелъ учредить въ нѣкоторыхъ городахъ но-

[1]) См. дѣянія этого собора: Акты Историческіе, т. V,стр. 108 —118.

вые независимыя епархіи. Такимъ образомъ основаны были архіепископства въ Сѣвскѣ (къ нему города съ уѣздами: Сѣвскъ, Брянскъ, Трубчевскъ, Путивль и Рыльскъ), въ Холмогорахъ (къ нему города съ уѣздами: Холмогоры, Архангельскъ, Мезень, Кевроль, Пустозерскъ, Пинега, Вага съ пригородками), въ Устюгѣ (къ нему Устюгъ, Сольвычегодскъ, Тотьма съ пригородками), епископства въ Галичѣ, Арзамасѣ, Уфѣ, Тамбовѣ (Тамбовъ, Козловъ, Доброе Городище съ пригородками), Воронежѣ (Воронежъ, Елецъ, Романовъ, Орловъ, Костянскъ, Коротоякъ, Усмонь, Острогожскъ и пр.), Болховѣ (Болховъ, Мценскъ, Карачевъ, Кромы, Орелъ, Новосиль) и въ Курскѣ; вятская епископія повышена въ архіепископію. На содержаніе новыхъ архіерействъ отчислялись разные монастыри съ ихъ вотчинными крестьянами и со всѣми угодьями. Со стороны царя сдѣлано было указаніе на отдаленныя страны Восточной Сибири, гдѣ пространства были такъ велики, что до епархіальнаго города приходилось ѣхать годъ и болѣе, а между тѣмъ, эти страны удачно становятся притономъ противниковъ Церкви. Но соборъ не рѣшалъ тамъ учреждать епархій, малолюдства ради христіанскаго народа, ограничился одною архіепископіею въ Енисейскѣ и постановилъ посылать на Лену и въ Даурію архимандритовъ и священниковъ для наученія въ вѣрѣ.

По вопросу о противодѣйствіи расколу духовный соборъ, не имѣя въ своемъ распоряженіи матеріальной силы, отдавалъ это дѣло мірской власти. Вотчинники и помѣщики должны извѣщать воеводъ и архіереевъ о раскольникахъ, архіереи прикажутъ дѣйствовать противъ нихъ духовными мѣрами увѣщаній, а воеводы будутъ посылать служилыхъ людей противъ тѣхъ раскольниковъ, которые окажутся непослушными увѣщаніямъ архіереевъ. Сверхъ того соборъ просилъ государя не давать грамотъ на дозволеніе основывать новыя пустыни, въ которыхъ обыкновенно

отправляли богослуженіе по старымъ книгамъ. Въ тѣхъ же видахъ велѣно уничтожить въ Москвѣ палатки и амбары съ иконами, называемые часовнями, въ которыхъ священники служили молебны по старымъ книгамъ и куда народъ стекался толпами, вмѣсто того, чтобъ идти въ церковь и слушать литургію. Наконецъ постановлено учредить надзоръ, чтобы не продавались старопечатныя книги и разные писанные листочки и тетрадки съ выписками изъ св. писанія, направленными противъ господствующей Церкви въ защиту старообрядства.

На этомъ же церковномъ соборѣ обращено было вниманіе на разныя безчинства, противъ которыхъ напрасно вооружались и прежніе соборы: запрещалось монахамъ шататься, въ монастыряхъ держать крѣпкіе напитки подъ предлогомъ, что держатъ ихъ для гостей, устраивать пиры, разносить по кельямъ пищу; вездѣ, какъ настоятелю, такъ и братіи, одежду надлежало получать изъ монастырской казны, а денегъ на одежду никому не выдавать; въ домахъ внѣ монастыря никого не постригать, для бродящихъ чернецовъ устроить принадлежавшій Троицко-Сергіеву монастырю Пятницкій монастырь, собрать ихъ туда изъ Москвы и держать подъ строгимъ надзоромъ, и подобное устроить въ другихъ епархіяхъ. Замѣчено, что много было черницъ, которыя, постригшись дома, пребывали не въ монастырѣ, а въ мірскихъ жилищахъ, или шатались по перекресткамъ и улицамъ и просили милостыню. Такихъ черницъ велѣно собрать и устроить для нихъ обители изъ нѣкоторыхъ монастырей, бывшихъ прежде мужскими. Монахинямъ запрещалось самимъ управлять своими вотчинами, а это поручалось назначеннымъ отъ правительства старымъ дворянамъ. Въ домовыхъ церквахъ запрещалось держать вдовыхъ священниковъ, потому что они, какъ было замѣчено, вели себя безобразно, а тѣмъ «великимъ» людямъ, которымъ дозволялось имѣть у себя до-

мовыя церкви, слѣдовало испрашивать къ этимъ церквамъ священниковъ отъ архіереевъ. Обращено было вниманіе на нищихъ, которые, толпясь въ церкви, своими криками о подаяніи прерывали ходъ богослуженія. Ихъ велѣно было разобрать, слабыхъ и больныхъ содержать въ особомъ мѣстѣ на счетъ государевой казны, а лѣнивыхъ, но здоровыхъ приставить къ работѣ. Въ монастыряхъ — завести больницы.

Дозволено было посвящать священниковъ въ православные приходы, находившіеся во владѣніи Польши и Швеціи, но только съ тѣмъ, если послѣдуетъ о томъ просьба отъ прихожанъ съ надлежащими документами и грамотами отъ своего правительства. Это правило было важно въ томъ отношеніи, что открывало путь русской Церкви вмѣшиваться въ духовныя дѣла сосѣдей.

Все это было предложено отъ имени государя и только одобрено, принято и установлено соборомъ. Но по одному сдѣланному предложенію соборъ уклонился отъ принятія царскаго желанія. Указывалось собору, что въ печатной чиновной книгѣ, по которой приводились къ присягѣ и состоявшіе на службѣ въ вѣрности своему долгу и во всякихъ расправныхъ дѣлахъ, находятся многія страшныя и непрощаемыя клятвы, которыя къ тѣмъ дѣламъ неприличны. Соборъ далъ такой отвѣтъ: такъ какъ многіе грѣшатъ особенно при сборахъ царской казны, нарушая данную присягу, и тѣмъ подвергаются клятвѣ и убиваютъ себя вѣчною смертію, то пусть великій государь изволитъ наложить на такихъ людей прещеніе и страхъ по своимъ градскимъ законамъ.

Кромѣ всего изложеннаго, на этомъ соборѣ постановлено нѣсколько частныхъ правилъ о содержаніи нѣкоторыхъ предметовъ благочестія, хранившихся собственно въ Москвѣ: о частицѣ животворящаго древа, о частицахъ святыхъ мощей, о ризѣ Господней, присланной изъ Персіи

еще при патріархѣ Филаретѣ, разрѣзанной на кусочки: по опредѣленію настоящаго собора всѣ эти кусочки велѣно было собрать вмѣстѣ въ одинъ ковчегъ и хранить въ Успенскомъ соборѣ.

Столько же важенъ, если еще не важнѣе, былъ соборъ служилыхъ людей. 24 ноября 1681 года указомъ царскимъ велѣно было созвать, подъ предсѣдательствомъ боярина князя Вас. Васильев. Голицына, выборныхъ изъ служилаго сословія—изъ стольниковъ, стряпчихъ, московскихъ дворянъ, жильцовъ, городовыхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ. Они собрались 12 января 1682 года. Бояринъ князь Голицынъ съ товарищи объявили имъ царскій указъ:

«Въ мимошедшее время на бояхъ съ государевыми людьми, государевы непріятели показали новые въ ратныхъ дѣлахъ вымыслы и поэтому надлежитъ въ государскихъ ратяхъ учинить разсмотрѣніе и лучшее устроеніе и перемѣнить на лучшее то, что показалось на бояхъ неприбыльно».

Выборные люди нашли, что полковую службу стольниковъ, стряпчихъ, дворянъ и жильцовъ удобнѣе будетъ росписать не въ сотни, какъ прежде бывало, а въ роты, считая въ полку по шести ротъ, а въ ротѣ по 60 человѣкъ, и быть въ ротахъ начальниками ротмистрамъ и поручикамъ, изъ стольниковъ, стряпчихъ, дворянъ и жильцовъ изо всѣхъ родовъ и чиновъ безъ мѣстъ и безъ подбора, кому въ какомъ чинѣ быть великій государь укажетъ. Послѣ принятія такого желанія, выборные подали челобитную такого рода: они, выборные люди и братья ихъ, и дѣти, и сродники написаны въ ротмистры и поручики, а изъ родовъ Трубецкихъ, Одоевскихъ, Куракиныхъ, Троекуровыхъ, Репниныхъ, Шеиныхъ, Лобановыхъ-Ростовскихъ, Ромодановскихъ и иныхъ важныхъ родовъ въ эти чины никого не написали за малолѣтствомъ; опасно, чтобъ отъ нихъ послѣ не было укоризны и попреку тѣмъ, которые въ означен-

ные чины поступили, поэтому выборные люди бьютъ челомъ, чтобъ тѣхъ высокихъ родовъ дѣти были также написаны въ ротмистры и поручики, какъ они въ службу поспѣютъ. Затѣмъ для совершенной въ ратныхъ, посольскихъ и другихъ всякихъ дѣлахъ прибыли и лучшаго устроенія указалъ бы великій государь всѣмъ боярамъ, окольничимъ, думнымъ и ближнимъ людямъ и всѣмъ чинамъ быть на Москвѣ въ приказахъ и въ полкахъ у ратныхъ дѣлъ, и у посольскихъ дѣлъ и въ городахъ быть межъ себя безъ мѣстъ, гдѣ кому великій государь укажетъ и никому ни съ кѣмъ впредь разрядомъ и мѣстами не считаться, всѣ разрядные случаи и мѣста отставить и искоренить, чтобъ впредь отъ тѣхъ случаевъ въ государевыхъ ратныхъ и во всякихъ дѣлахъ помѣшки не было.

Это челобитье было представлено государю. До сихъ поръ остается неизвѣстнымъ: было ли оно составлено по добровольному начинанію, возникшему среди выборныхъ, или какъ-нибудь было имъ намѣчено сверху. Во всякомъ случаѣ мысль о необходимости искоренить старинный обычай мѣстничанья въ то время уже достаточно созрѣла, такъ какъ во всѣ предшествовавшія войны при Михаилѣ и Алексѣѣ, по царскому повелѣнію, всѣ были безъ мѣстъ, а въ посольскихъ дѣлахъ мѣстничанье давно было устранено. Царь, получивши такую челобитную, представилъ этотъ вопросъ на обсужденіе и на совѣтъ собранію изъ духовныхъ лицъ и думныхъ особъ. Духовенство признало обычай мѣстничанья противнымъ духу христіанства, Божіей заповѣди о любви, источникомъ вреда для царственныхъ дѣлъ. Бояре и всѣ думные люди сказали, «что въ мимошедшія лѣта во многихъ государскихъ ратныхъ, и въ посольскихъ во всякихъ дѣлѣхъ чинилися отъ тѣхъ случаевъ великія пакости и нестроеніе и непріятелямъ радованіе», а между царскими людьми «нелюбовь и великія продолжительныя вражды»; а потому приговорили «разрядные случаи

отставить и искоренить». Государь указалъ «для совершеннаго искорененія и вѣчнаго забвенія, тѣ всѣ прошенія о случаяхъ и о мѣстахъ записки предати огню, чтобъ та злоба и нелюбовь совершенно погибла и впредь непамятна была. А что еще есть въ Розрядѣ случаевъ и о мѣстахъ записки, а у кого такіяжъ книги и записки»,—приказано собрать и сжечь. Затѣмъ впередъ вездѣ на службѣ всѣмъ быть безъ мѣстъ, никакими прежними случаями не считаться, никому ни надъ кѣмъ «мимошедшими находы не возноситься», никому въ укоризну прежняго ничего не ставить и не безчестить.

Слыша царское рѣшеніе, патріархъ и духовные сановники, а за ними и члены царской думы воскликнули: «да погибнетъ во огни оное Богомъ ненавистное, враждотворное, братоненавистное и любовь отгоняющее мѣстничество и впредь да не воспомянется во вѣки!».

Въ тотъ же день всѣ разрядныя книги преданы были огню въ сѣняхъ государевой передней палаты. Тамъ во время ихъ горѣнія стояли: князь Михаилъ Юрьевичъ Долгорукій, думный Дьякъ Василій Семеновъ и нѣсколько архіереевъ по указанію патріарха.

Донесли государю и патріарху объ исполненіи указа. Патріархъ сказалъ тогда думнымъ людямъ: «Дѣло, совершенное съ благословенія освященнаго собора совѣтомъ всего синклита, соблюдайте крѣпко и нерушимо; а буде кто не принесетъ хранящіяся у него книги и записки, належащія до такихъ случаевъ, а станетъ держать у себя въ дому, тотъ пусть опасается за то гнѣва отъ великаго государя и церковнаго запрещенія, какъ преобидникъ царскаго повелѣнія и нашего благословенія презиратель».

«Да будетъ тако, яко рече онъ святѣйшій патріархъ!» единогласно произнесли бояре и всѣ думные люди.

Государь похвалилъ бояръ и всѣхъ думныхъ людей за

совершенное доброе дѣло и объявилъ, что прикажетъ въ разрядѣ держать родословныя книги всѣмъ ихъ родамъ и дозволяетъ каждому хранить такія же книги и у себя въ дому. Указано быть нѣсколькимъ родословнымъ книгамъ по различнымъ достоинствамъ службы. Въ одну изъ этихъ книгъ помѣщались тѣ роды, которыхъ члены были въ званіи бояръ и вообще думныхъ людей еще въ царствованіе царя Ивана Васильевича, а также и тѣ, которыхъ члены въ оное время находились въ посольствахъ, на воеводствахъ или у царя въ близости. Въ другую книгу вписывались тѣ роды, изъ которыхъ съ царствованія царя Михаила Ѳеодоровича были въ званіи воеводъ, въ посольствахъ, или записаны были въ десятняхъ (войсковыхъ спискахъ) въ первой высшей статьѣ. Въ третью вписывались тѣ, которые въ десятняхъ были записываемы въ среднюю или меньшую статью, а въ четвертую—которые за службу своихъ отцовъ или за свою собственную были записаны въ московскій списокъ. Такой указъ былъ прочитанъ вслухъ бояриномъ на Постельномъ крыльцѣ. Соборное дѣяніе объ уничтоженіи мѣстничества было подписано патріархомъ, всѣми духовными властями, всѣми думными и выборными людьми [1]. Неизвѣстно, этимъ ли только дѣломъ ограничилась тогдашняя дѣятельность земскаго собранія выборныхъ служилыхъ людей или они послѣ того занимались еще какими-нибудь дѣлами по устроенію службы.

За собраніями по дѣламъ церковнымъ и служебнымъ въ декабрѣ 1681 года указано было на слѣдующій годъ созвать въ Москву выборныхъ людей торговаго званія съ посадовъ во всѣхъ городахъ, кромѣ сибирскихъ, для уравненія ихъ выборныхъ службъ, всякихъ повинностей и платежа податей. Для такой цѣли указано было выбрать

[1]) Собр. госуд. грам. и договор., т. IV, стр. 396—410.

изъ гостей четырехъ человѣкъ, а изъ сотенъ: гостиной, суконной и московскихъ черныхъ сотенъ и слободъ, изо всѣхъ посадовъ и изъ дворцовыхъ селъ и слободъ по два человѣка добрыхъ и знающихъ дѣло. Они обязаны были привезти съ собою окладныя книги, хранившіяся постоянно въ земскихъ избахъ и именные списки лучшихъ, середнихъ и меньшихъ людей [1]). Что дѣлали они въ Москвѣ — намъ неизвѣстно, какъ равно неизвѣстно, не состояла ли дальнѣйшая дѣятельнесть выборныхъ людей служилаго сословія послѣ уничтоженія мѣстничества въ какой-нибудь связи съ дѣятельностію этихъ вызванныхъ неслужилыхъ выборныхъ людей.

Въ концѣ апрѣля 1682 года скончался царь Ѳедоръ Алексѣевичъ. Между близкими вельможами возникло разногласіе по вопросу о престолонаслѣдіи. Изъ двухъ братьевъ умершаго бездѣтнымъ царя, одинъ былъ слабъ здоровьемъ и малоуменъ, другой малолѣтенъ. При старшемъ братѣ, Іоаннѣ, должна была бы управлять умная сестра его Софія, при меньшомъ, малолѣтнемъ Петрѣ, мать послѣдняго Наталья Кирилловна, вторая супруга царя Алексѣя Михайловича. Съ возведеніемъ того и другого на престолъ не самъ царь своею особою управлялъ бы государствомъ. Одни вельможи, соображая свои личные интересы, были за объявленіе царемъ Іоанна, другіе—за Петра. Патріархъ предложилъ вопросъ этотъ предать рѣшенію всѣхъ чиновъ Московскаго Государства.

Созвали всѣ чины Московскаго Государства. Соловьевъ [2]) догадывается, что въ этомъ случаѣ въ смыслѣ Московскаго Государства понимался одинъ царствующій градъ Москва. Но нельзя не принять во вниманіе, что незадолго до конца царствованія Ѳедора Алексѣевича созванные

[1]) Полн. Собр. Законовъ Росс. имперіи, томъ II, стр. 366.

[2]) Истор. Росс. томъ XIII, стр. 338.

выборные изъ служилыхъ и неслужилыхъ, оставаясь еще въ Москвѣ, могли представлять собою чины Московскаго Государства. По оффиціальному документу того времени [1]), подтверждаемому и извѣстіями другихъ современниковъ и очевидцевъ событій [2]), тогда созвали стольниковъ, стряпчихъ, дворянъ московскихъ, дворянъ городовыхъ, дѣтей боярскихъ, гостей, торговыхъ людей московскихъ сотенъ и иныхъ чиновъ людей. Патріархъ съ духовенствомъ, съ боярами и прочими думными людьми вышелъ на крыльцо, что передъ Переднею, а созванные поставлены были на верху, размѣстившись на площадкахъ верхней и нижней, что передъ церковью Нерукотвореннаго Спаса. Патріархъ произнесъ имъ рѣчь, и спрашивалъ: кого желаютъ избрать на царство? Всѣ провозгласили Петра, одинъ только голосъ Сумбулова раздался за Іоанна [3]). Тогда духовенство и бояре обратились къ Петру и, какъ говорятъ, старшій братъ добровольно уступилъ меньшому свое первородное право. «Тогда ему, великому государю, подданные государевы: касимовскіе и сибирскіе царевичи, и бояре, и окольничіе, и думные и ближніе люди, и стольники, и генералы, и полковники, и стряпчіе, и дворяне московскіе, и дьяки, и жильцы, и начальные люди, и городовые дворяне, и дѣти боярскіе, и приказные, и всякихъ чиновъ ратные люди, и гости, и гостиныя сотни, и стрѣльцы, и пушкари, и черныхъ сотенъ сотскіе, и торговые, и тяглые, и всякихъ чиновъ Московскаго Государства люди всѣ вѣру учинили» [4]). Уже одно упоминаніе объ участіи дворянъ городовыхъ и дѣтей боярскихъ по-

[1]) Полн. Собр. Законовъ Росс. имперіи, томъ II, стр. 384—388.

[2]) Сахарова, Записки русскихъ людей: Желябужскаго, стр. 2; Медвѣдева, стр. 3—4; Крекшина, стр. 27—28; Матвѣева, стр. 6.— Голикова, Дѣянія Петра Великаго, томъ I, изданіе 2-е, стр. 13.

[3]) Матвѣева, стр. 6.—Голикова, Дѣянія, томъ I. стр. 13.

[4]) Полн. Собр. Законовъ Росс. имп., т. II, стр. 386.

казываетъ, что тогда въ Кремлѣ спрашивались не одни только жительствовавшіе въ столицѣ постоянно. То же подтверждается царскою грамотою отъ 3-го мая донскому войску: въ ней излагается избраніе въ цари Петра всѣми чинами Московскаго Государства и притомъ говорится, что въ числѣ этихъ чиновъ Московскаго Государства и «донскіе казаки, которые нынѣ на Москвѣ, станичный атаманъ Пахомъ Сергѣевъ съ товарищи всѣ вѣру учинили» [1]. Что во время кончины царя Ѳедора Алексѣевича и избранія Петра были въ столицѣ выборные люди, созванные еще покойнымъ царемъ, показываетъ царская грамота отъ 6-го мая о распущеніи всѣхъ городовъ и уѣздныхъ всякихъ чиновъ людей, которые по указу бывшаго государя присланы были къ Москвѣ для разборовъ и изравненія во всякихъ службахъ и податяхъ [2]. Сопоставляя эти извѣстія, кажется можно остановиться на томъ, что выраженіе оффиціальныхъ памятниковъ объ избраніи Петра Алексѣевича по смерти царя Ѳедора Алексѣевича всякими чинами Московскаго Государства нельзя относить къ области той риторики, какую мы встрѣчаемъ въ грамотахъ объ избраніи на престолъ Ѳедора Борисовича, Василія Шуйскаго или королевича Владислава.

По окончаніи послѣдовавшихъ затѣмъ смутъ и номинальнаго двуцарствія, утвердилось единовластіе Петра и для Россіи наступили иныя времена. Страстный преобразователь не созывалъ къ себѣ на совѣтъ выборныхъ Русской Земли, потому что замыслилъ преобразовать Русскую Землю такъ, какъ ему казалось лучшимъ, по западноевропейскимъ образцамъ своего вѣка, а не такъ, какъ бы, можетъ быть, захотѣло большинство такихъ выборныхъ, еслибъ, ихъ созвавши, о томъ стали спрашивать. Не

[1] Полн. Собр. Закон., т. II. стр. 393.

[2] Акты Истор. т. V, стр. 133.

малочисленная часть русскаго общества сочувствовала главной задачѣ своего царя-преобразователя, и прощала ему то, что не могло нравиться въ приложеніяхъ къ жизни, а противники трепетали предъ желѣзною волею и суровостію властелина, не останавливавшагося ни передъ чѣмъ, когда нужно было карать своихъ противниковъ. Иныя времена пошли для Россіи и послѣ Петра. Нѣсколько разъ оставался престолъ празднымъ, прекращались царственныя линіи, но въ такихъ случаяхъ не созывали къ совѣту и устроенію государства всякіе чины государства, какъ бывало въ прежній московскій періодъ русской исторіи; дѣло рѣшалось кружкомъ вельможъ или дворцовымъ переворотомъ при содѣйствіи гвардіи въ столицѣ, издавались законы, но при составленіи ихъ не приглашались тѣ, которые должны были этимъ законамъ подчиняться. Только при Екатеринѣ II, которая, при своемъ совершенно иноземномъ происхожденіи, хотѣла болѣе другихъ русскихъ государей казаться русскою, явилась попытка возобновить оставленный и забытый способъ единенія власти съ народомъ.

VII.

Дѣятельная и заботливая государыня, замѣтивъ въ своемъ государствѣ недостатокъ правосудія, начертала наказъ проекта новаго Уложенія законовъ и, «дабы лучше можно было узнать нужды и чувствительные недостатки народа», повелѣла собрать по Имперіи депутатовъ по одному отъ дворянъ каждаго уѣзда, отъ жителей каждаго города, отъ однодворцевъ, государственныхъ крестьянъ, пахотныхъ солдатъ и другихъ наименованій служилыхъ, составляющихъ ландмилицію, по одному изъ каждой провинціи и отъ осѣдлыхъ инородцевъ крещенныхъ и не-

крещенныхъ, каждаго народца по одному также въ каждой провинціи, а опредѣленіе числа депутатовъ отъ казаковъ и Войска Запорожскаго предоставлено было ихъ начальству. Всѣ депутаты получали отъ избирателей полномочія и наставленія.

Эта выборная комиссія открыла свои засѣданія въ числѣ 460 человѣкъ въ Москвѣ 31-го іюля 1767 года. До конца этого года ея засѣданія происходили въ Москвѣ, а въ слѣдующемъ году, съ половины февраля по декабрь, въ Петербургѣ. По видамъ занятій учреждено было изъ членовъ этой комиссіи три комиссіи: дирекціонная, организовавшая девятнадцать частныхъ комиссій для разныхъ отраслей законодательства; экспедиціонная, занимавшаяся радакціею и наблюдавшая, чтобы труды всѣхъ комиссій частныхъ были изложены по правиламъ языка и слога, и комиссія о разборѣ депутатскихъ наказовъ и проектовъ, представлявшая выписки изъ нихъ полному собранію комиссіи, отсылавшему ихъ въ дирекціонную комиссію.

Характеристическою чертою этой комиссіи, этого воскрешеннаго земскаго собора выборныхъ русскихъ людей, былъ антагонизмъ между сословіями, чего не представляли земскіе соборы до-петровской московской Руси. Каждое сословіе старалось удержать свои права и расширить ихъ даже въ ущербъ другимъ сословіямъ. Дворяне ревниво стояли за свое право рабовладѣнія и хотѣли лишить купцовъ предоставленнаго послѣднимъ отъ Петра Великаго права пріобрѣтать населенныя имѣнія къ своимъ заводамъ и фабрикамъ, а купцы не только желали сохранить право, которое за ними уже было, но домогались права покупать крѣпостныхъ людей поодиночкѣ съ тѣмъ, чтобъ имѣть приказчиковъ и подносчиковъ изъ невольниковъ. Купцы указывали на то обстоятельство, что вольнонаемнымъ трудомъ невозможно было имъ пробавляться. Духов-

ные требовали для себя также права покупать крестьянъ и дворовыхъ людей. Того же добивались козаки. Дворяне, стараясь не допустить другія сословія до рабовладѣнія, подъ самыми гуманными и благовидными предлогами вооружались противъ этого, но доказывали, что для государства очень полезно оставлять право рабовладѣнія исключительно за дворянами, потому что долгъ дворянъ — служить отечеству и государю съ особеннымъ усердіемъ и своимъ воспитаніемъ приготовлять себя къ управленію подданными государя, а потому полезно для нихъ имѣть рабовъ, дабы, научась съ младенчества управлять своими деревнями, они становились бы способными управлять частями государства. Когда послышались было голоса о томъ, что надобно ограничить произволъ дворянъ-рабовладѣльцевъ, то противъ такихъ заявленій поднялся сильный ропотъ. Купцы, домогаясь уравненія съ дворянами по праву рабовладѣнія, хотѣли однако за своимъ сословіемъ оставить исключительное право вести торговлю, воспретивъ ее другимъ сословіямъ безусловно, не дозволяя дворянамъ имѣть заводы и фабрики въ своихъ собственныхъ имѣніяхъ. Въ средѣ самого дворянства происходили горячіе споры между защитниками права лицамъ, рожденнымъ не въ дворянскомъ званіи, пріобрѣтать его службою, какъ было установлено Петромъ Великимъ и сторонниками родовитости, хотѣвшими до крайней степени ограничить доступъ къ дворянству, дѣлая дворянское достоинство привиллегіею знатныхъ и старинныхъ родовъ. Вообще въ этой комиссіи былъ одинъ только согласный кличъ, что необходимо въ Россіи рабство. Оказывалось, что русскій народъ все еще двоился на двѣ половины — властвующихъ и безправныхъ, бьющихъ и біемыхъ. Это требованіе рабства, противъ котораго, за недопущеніемъ порабощенныхъ въ число депутатовъ, невозможно было подняться энергическимъ голосамъ, было прямо противоположно тогдашней

наклонности государыни уничтожить рабство въ Россіи; однако общій духъ общества до того былъ за рабство, что Екатерина сама прониклась имъ, и во вторую половину своего царствованія уже не только не стремилась искоренить рабство, а еще сама поддерживала и распространяла. Замѣчательно, что депутаты комиссіи заявили убѣжденія, противоположныя убѣжденію своей государыни и по отношенію къ пыткѣ. Они не только не сознавали безчеловѣчность и юридическую неполезность этого способа добиваться на судѣ истины, но приписывали умноженіе преступленій тому, что вмѣсто пытокъ стали довольствоваться увѣщаніями преступниковъ, и произносили такой мудрый приговоръ, что «безъ пытки никакого злодѣянія искоренить и въ страхъ злодѣевъ привести нельзя».

Наши либеральные мыслители ставили въ заслугу комиссіи, что въ ней говорилось о необходимости заводить училища. Но дворянство, говоря о такой необходимости, хлопотало только о себѣ, такъ какъ въ предполагаемыхъ имъ училищахъ допускались только лица дворянскаго званія, а хотя дворяне нѣкоторыхъ уѣздовъ просили о заведеніи для бѣдныхъ дворянъ такихъ училищъ, куда бы допускались дѣти купцовъ и приказныхъ, но добивались, чтобы дворяне пользовались передъ другими сословіями такими преимуществами, чтобъ опредѣлялись въ службу оберъ-офицерскими чинами, умѣя читать и писать и зная немного ариѳметики и географіи. Общимъ приговоромъ комиссіи положено было завести въ городахъ и мѣстечкахъ приходскія школы, подъ вѣдѣніемъ епархіальнаго начальства и градоначальниковъ, съ учрежденіемъ званія главнаго начальника земскихъ школъ. Въ этихъ школахъ дѣти должны были обучаться азбукѣ церковной и гражданской, краткому катехизису и началамъ ариѳметики, геометріи и русской географіи. Городскіе депутаты заго-

варивали даже объ учрежденіи академіи и университетовъ, но то были не болѣе, какъ хорошія и праздныя рѣчи.

Въ числѣ депутатовъ были также прибывшіе изъ тѣхъ краевъ Имперіи, въ которыхъ, по прежней ихъ мѣстной исторіи, существовали иныя стремленія, чѣмъ въ остальныхъ краяхъ государства. Такими краями были тогда Малороссія и Остзейскій край. Въ Малороссіи недавно только было упразднено выборное гетманское управленіе, но порядокъ козацкій еще оставался; тамъ было желаніе возстановить Гетманщину, между тѣмъ какъ такое желаніе противорѣчило видамъ государственной политики, какой держалась Екатерина. Самъ присланный въ комиссію депутатъ Скорападскій былъ поборникомъ мѣстнаго національнаго направленія и, какъ говорили, самъ надѣялся быть избраннымъ въ гетманы. «Но я осмѣливаюсь увѣрять ваше величество» — писалъ Екатеринѣ Румянцевъ, управлявшій тогда Малороссіею, — «что когда таковые и ему подобные останутся безъ дѣйствія и дѣлъ, а напротивъ благонамѣренные и сею болѣзнію самовладства и независимости не зараженные вашего императорскаго величества милостію отличатся и войдутъ въ чины и дѣла, правительствы жъ и служба получатъ прямые для себя уставы, то и тѣ, какъ великое всегда желаніе къ чинамъ, особливо къ жалованію имѣющіе, скоро перемѣнятъ мысли и поступки» [1]). Румянцевъ зналъ и понималъ малороссіянъ. Старшины, въ разныя времена присвоившіе своимъ родамъ козацкія земли, добивались законнаго признанія за ними въ собственность этихъ земель; молороссійское шляхетство хотѣло уравненія правъ своихъ съ великорусскимъ дворянствомъ, хотѣло герольдіи, дворянскихъ дипломовъ, сравненія малороссійскихъ военныхъ и статскихъ чиновъ съ чинами общими въ Имперіи, и паче всего хотѣло по

[1]) Солов. Ист. Рос. т. XXVII, стр. 138.

закону крѣпостного права, драгоцѣннѣйшей изъ привиллегій дворянскаго званія, которымъ фактически малороссійское шляхетство уже пользовалось, потому что даже многіе изъ вольныхъ козаковъ обращены были въ мужики и очутились въ рабскомъ положеніи. Лифляндцы и эстляндцы ссылались на свои старинныя права, оставленныя краю по присоединеніи къ Россіи, и депутаты ихъ подали въ комиссію особо выработанный для своего края проектъ Уложенія законовъ. Императрицѣ это показалось очень непріятно, и заявленія малороссіянъ и остзейцевъ способствовали закрытію комиссіи, которое послѣдовало подъ предлогомъ открывавшейся войны съ Турціею [1]).

Одинъ изъ нашихъ либеральныхъ мыслителей Щаповъ находитъ [2]), что «собраніе этой комиссіи вдругъ повернуло государство отъ застоя къ быстрому, живому и широкому историческому движенію путемъ разнообразныхъ, всесторонних радикальныхъ реформъ. Одни данные, необработанные матеріалы для новаго Уложенія, доставленные и собранные комиссіею 1767 года и 19 частными комиссіями, подвинули на полстолѣтіе впередъ законодательную дѣятельность и послужили къ созданію всѣхъ тѣхъ учрежденій, которыми болѣе всего прославилось царствованіе Екатерины и ознаменовались въ Россіи семидесятые и восьмидесятые года прошедшаго вѣка. Таковы: учрежденіе для управленія губерній (6 ноября 1775 года), уставъ благочинія (8 апрѣля 1782 года), указъ объ учрежденіи народныхъ училищъ (7 сентября 1782 года), городовое положеніе (21 апрѣля 1785 г.) и многіе другіе. Проекты всѣхъ этихъ законоположеній начертаны были комиссіями депутатовъ. По окончаніи первой турецкой войны въ 1774 году всѣ эти проекты были мало-по-малу извлекаемы изъ

[1]) О комиссіи, Сборн. Имп. Рус. Ист. Общ. т. XIV.

[2]) Земск. соборъ 1648—1649 годовъ и собраніе депутатовъ 1767 г.

архива комиссіи и, подверженные пересмотру, дополненные, измѣненные, согласно съ видами петербургскаго правительства, уже подъ редакціею и прессомъ бюрократіи, приводились въ исполненіе. Главная же существенная работа и заслуга въ составленіи всѣхъ этихъ законоположеній все-таки исключительно принадлежитъ общей комиссіи 1767 года и частнымъ комиссіямъ. Многія идеи депутатской комиссіи 1767 года стали насущными вопросами XIX вѣка, заняли лучшіе государственные умы». Таковъ взглядъ Щапова. Все это можетъ казаться послѣдовательнымъ, но не надобно упускать изъ вида той двигательной силы, которая и въ XVIII и во всякомъ другомъ вѣкѣ руководитъ человѣческими мыслями и дѣлами. Эта сила—духъ времени. Конечно, нѣкоторые изъ депутатовъ были изъ немногихъ еще въ тѣ годы русскихъ, усвоившихъ до извѣстной степени плоды западно-европейскаго просвѣщенія, и находились подъ вліяніемъ господствовавшихъ тогда на Западѣ философскихъ идей; несомнѣннѣе еще то, что сама великая государыня была пропитана этими идеями, а съ нею вмѣстѣ оказывали онѣ свое дѣйствіе и на государственныхъ людей, принимавшихъ участіе въ законодательствѣ и управленіи. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, если въ учрежденіяхъ семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годовъ прошлаго вѣка проглядываетъ сходство съ нѣкоторыми проектами, подававшимися въ комиссію. Не видимъ, однако, чтобъ такіе проекты принимались цѣликомъ и съ сознаніемъ, что имѣютъ особую цѣну именно оттого, что были одобрены этой комиссіей; напротивъ, по выраженію самого Щапова, «приводились въ исполненіе пересмотрѣнные и измѣненные согласно видамъ петербургскаго правительства». Гораздо правильнѣе можно признать важность вліянія комиссіи на перемѣны, происшедшія во взглядахъ и направленіи внутренней политики Екатерины. До тѣхъ поръ

мы видимъ, что императрица была податлива къ французскому ученію о равноправности и свободѣ и ненавидѣла крѣпостное право. Не такова была она впослѣдствіи. Никто изъ русскихъ государей не возвысилъ до такой степени дворянства въ смыслѣ привиллегированнаго сословія, никто не упрочилъ такъ власти дворянъ надъ ихъ рабами. Многія обстоятельства произвели такую перемѣну и поддерживали новое направленіе государыни, а въ числѣ ихъ была безспорно комиссія. Государыня приказала собрать со всей Земли депутатовъ и дозволила имъ высказываться въ извѣстной степени свободно для того, чтобы этимъ способомъ имѣть возможность познакомиться съ умоначертаніемъ народнымъ, чтобъ узнать, чего желаетъ себѣ Россія? И что же узнала она? Что Россія болѣе всего желаетъ рабства, что Россія держится раздѣленіемъ своихъ жителей на гнетущихъ или желающихъ гнести другихъ и на безгласныхъ, гнетомыхъ. Послѣ такого дознанія, какое же примѣненіе французскихъ либеральныхъ идей къ русской жизни могла сдѣлать великая государыня? И ея здравый природный умъ, и ея начитанность и, наконецъ, болѣе всего опытъ показали ей, что въ ея положеніи для охраненія самодержавія верховной власти и всего соединеннаго съ нимъ порядка и спокойствія въ государствѣ, необходимо не только не разрушать правъ высшаго класса надъ крѣпостными крестьянами, но расширять ихъ и поддерживать, чтобы тѣмъ привязать къ самодержавной власти дворянъ, мелкихъ властелиновъ. И великая государыня не ошиблась. Въ Малороссіи и въ Слободской Украинѣ поселяне еще не были прикрѣплены къ землѣ за своими помѣщиками. Екатерина сравняла эти края съ остальною Россіею, а черезъ то безспорно выиграла много. Гетманщина не могла бы такъ скоро и легко примириться съ уничтоженіемъ своего давняго порядка, если бы тамошніе сильные и вліятельные люди не уви-

дали собственной выгоды въ такомъ уничтоженіи. И кто же первый указалъ эту истину либеральствовавшей еще государынѣ, какъ не депутаты этой комиссіи, показывавшіе, что людямъ, ее составляющимъ, болѣе всего желательно быть рабовладѣльцами? Да, если что важнаго учинило въ нашей исторіи это послѣднее собраніе земскихъ людей, то именно, что оно освятило и узаконило рабовладѣніе въ Россіи почти на цѣлое столѣтіе.

Наши земскіе соборы нельзя ни въ какомъ отношеніи разсматривать какъ что-то похожее на западно-европейскіе парламенты и національныя собранія народныхъ представителей. Это не были учрежденія, установленныя закономъ, съ своими пріемами въ составѣ, дѣлопроизводствѣ и съ опредѣленною сферою для дѣятельности. Они не опирались ни на какомъ государственномъ актѣ, въ родѣ какой-нибудь великой хартіи, золотой буллы или чего нибудь подобнаго. Не было опредѣленныхъ навсегда правилъ: по какимъ поводамъ созывать соборы, въ какіе сроки должны быть созываемы подобныя сборища; не было опредѣлено обязанностей ни предсѣдателя, ни секретаря этого собранія, и тому подобнаго. Все зависѣло отъ воли царя— прикажетъ выбрать изъ такихъ-то мѣстъ столько-то лицъ, изъ такого-то и такого чина, и выборнымъ ѣхать въ Москву... тамъ ихъ спрашиваютъ, о чемъ сами хотятъ спрашивать, не болѣе, — они отвѣчаютъ, толкуютъ, но толки ихъ и замѣчанія не имѣютъ сами по себѣ смысла верховнаго рѣшенія: ихъ слушаютъ, сколько хотятъ, и распускаютъ выборныхъ, когда захотятъ. Словомъ сказать, это былъ способъ узнать въ данное время народное умоначертаніе, какъ говорилось при Екатеринѣ, и, кажется, пришли къ мысли созывать въ столицу такія сборища главнымъ образомъ по причинѣ всеобщей малограмотности въ оное время. Если бы въ XVII вѣкѣ могли существовать, какъ въ нашъ вѣкъ, журналы и газеты, то не

нужно было бы созывать земскихъ соборовъ: достаточно было бы дозволить объ извѣстныхъ вопросахъ излагать свободно разсужденія, и потомъ правящая власть могла бы сообразить различныя мнѣнія, уразумѣть, что думаетъ о такихъ-то данныхъ русское общество, а потомъ уже полагать отъ себя рѣшенія. Все равно, сужденія земскихъ соборовъ не имѣли обязательной для власти силы; напримѣръ, въ 1642 году земскіе люди рѣшили, чтобъ вести войну съ турками, однако войны не послѣдовало. Соборамъ, какъ можно видѣть, придавалась большая сила по вопросу объ избраніи царей, и это, очевидно, оттого, что избранный могъ забрать въ свои руки матеріальную силу, способную укрощать противниковъ. Но и въ такихъ случаяхъ мы видимъ, что согласіе земскихъ выборныхъ не обезпечивало власти царя, если на противной царю сторонѣ оказывалась сила. Бориса избраніе не спасло отъ Самозванца, явившагося съ такимъ именемъ, которое въ глазахъ народа имѣло болѣе права, а Петръ хоть и выбранъ былъ выборными людьми, но подъ напоромъ стрѣлецкаго бунта принужденъ былъ раздѣлить престолъ съ братомъ. Внутреннія и внѣшнія обстоятельства подняли было земскіе соборы при царѣ Михаилѣ Ѳедоровичѣ, когда Земля, сплотивши безъ государя расшатанное государство и избравши себѣ царя, должна была вмѣстѣ съ нимъ приводить къ совершенію дѣло, ею начатое еще безъ государя. Тогда земскіе соборы стали собираться такъ часто, что, казалось, становились необходимыми органами государственнаго управленія. Но государство начало приходить въ прежній строй, и земскіе соборы собираются рѣже, а наконецъ, къ концу XVII вѣка, такъ сказать, испаряются. Мы не встрѣчаемъ и тѣни существованія въ нихъ чего-нибудь подобнаго тому, что называется на Западѣ оппозиціею власти. Выборные люди всегда почти, заявляя свое мнѣніе когда у нихъ его спрашиваютъ, обыкновенно

прибавляютъ, что во всемъ будетъ государская воля, какъ великому государю Богъ извѣститъ. Не видно также, чтобъ русскіе люди сколько-нибудь дорожили созываніемъ выборныхъ людей, какъ своимъ правомъ, а скорѣе смотрѣли на выборы и на поѣздку въ Москву, какъ на повинность, исполняемую по царской волѣ, что доказывается примѣрами, когда правительство, созывая выборныхъ, принуждено бывало писать повторительные указы объ ихъ прибытіи въ столицу, чтобъ не было остановки государевымъ и земскимъ дѣламъ. При такомъ взглядѣ и при такихъ отношеніяхъ къ дѣлу понятно, что эти соборы собирались только до тѣхъ поръ, пока верховной власти угодно было ихъ собирать, а когда государи перестали устроивать земскіе соборы, то никто не домогался, чтобъ они созывались, никто не заявлялъ потребности въ нихъ, и они забылись до такой степени, что въ настоящее время исторія ощущаетъ недостатокъ въ свѣденіяхъ о земскихъ соборахъ едва ли не болѣе, чѣмъ о многихъ другихъ общественныхъ явленіяхъ стариной русской жизни.

УКАЗАТЕЛЬ ПРЕДМЕТОВЪ

ВЪ МОНОГРАФІИ „ОЧЕРКЪ ДОМАШНЕЙ ЖИЗНИ И НРАВОВЪ ВЕЛИКОРУССКАГО НАРОДА ВЪ XVI И XVII СТОЛѢТІЯХЪ“.

А.

Аксамитъ, бархатъ, 105.
Аладьи, 117, 123.
Алтабасъ, шелк. ткань, 95, 96.
Амбары, 11, 20 пушечные, 66—68 образа въ нихъ, 258 торговые при церквахъ.
Амфитеатръ, 27 въ Москвѣ.
Аналой, 70 въ комнатѣ для моленія.
Аптека, 26 въ московск. царскомъ дворѣ, 144.
Арапникъ, для кучера, 173.
Арбуи, чудскіе колдуны, 265.
Арена для травли звѣрей, 211.
Атласъ, шелк. ткань, 95, 96, 104, 106, 242 на саняхъ невѣсты.

Б.

Баба лихая, видъ волшебницъ, 272; бабы потворенныя, см. потворенныя бабы.
Балетъ, 206 при Алексѣѣ Мих.
Балясы, 55, 60.
Бани, см. мыльни.
Барабаны, 200.
Баранецъ, фантаст. животно-растеніе, 267.
Бархатъ, 95, 96, 104 золотной, 255.
Бахары, разсказчики, 205.
Бахрома, 97, 102, 103, 108 жемчужная у кики, см. поднизь.
Башмаки, 86 „пленицы“, 87—88 женскіе, 255.
Башни, башенки, 10 во Псковѣ и Новгородѣ, 11—14, 15 ихъ названія, ярусы, 16 церкви въ нихъ, часы, вѣстовые колоколъ и пушка на башняхъ, 18, 20—23 московскія, 24 проѣзжія, глухія, водовзводныя, 26 Ивана Вел. въ Москвѣ съ башенкой для колокола, 28 въ Бѣломъ городѣ въ Москвѣ, 29, 31 при монастыряхъ, 50 на воротахъ, 57 съ окномъ на посольскій дворъ, 58 смотрильня, 60 фигуры въ видѣ башенокъ на стѣнахъ, 210 деревянная для царской охоты.
Берегини, славян. языч. божества, 262.
Березовецъ, напитокъ, 129.
Бирючи, 21, 44, 262.
Битье челомъ, обычай, 180, 187 на пирахъ.
Бичи, 171, 183 драка бичами.
Блины, 117, 123 икряники.
Блюда и блюдца, овощники, 78 съ кольцами и мишенцами, 136, 188 опричныя, 237, 240.
Бобровники, промышленники, 40 ихъ слободы.
Бобыли, 33 ихъ дворы, 42, 43, 169.
Богомольцы, названіе нищихъ, 167 у царей и у богатыхъ людей во дворахъ, 185. См. нищіе.
Бои кулачные и палочные, 202, 203, 219.
Бои, узкія отверстія по прясламъ, 12, 15.
Бойни, 29 на москов. рынкѣ.

Болванецъ для напяливанія шапки, 101.
Болванцы, сосуды, 80, 82 у царя Мих. Өед.
Болѣзни народныя, 141, 143—145, 280 ихъ фантаст. причины, 281—283 „нутряныя“, 284 леченіе травами и кореньями, 289.
Бороды, 101 ихъ значеніе, бритье.
Бочки, 65, 76, 130 ихъ роды.
Бояре, 41, 97 ихъ одежда, 170—172 ихъ выѣзды, 179, 224 являлись къ царю съ пирогами въ свои именины, 242, 248, 254, 259; бояре сидячіе, свадебный чинъ, 233, 238, 239.
Боярщина, господскія имѣнія, 41.
Боярыни, 259 на царскомъ погребеніи; боярыни сидячія, въ свадебныхъ обрядахъ, 233, 237, 240.
Бракосочетаніе, 230 великихъ князей и царей, 232—233, 242.
Бракъ, 222, 226, 227 силою, 229 расторженіе, 232 заключеніе условій, 233, 251 число браковъ, 252, 265 у финск. народовъ.
Брань, 182, 183.
Братины, сосуды, 79, 80 братинки, 81 съ надписями, 82, 84—86.
Братчины, складочные пиры, 185, 186, 194 ссыпныя или ссыпчины, ихъ названія.
Бубны, 245, 247 на свадьбахъ, 265 у финск. народовъ при моленіи.
Буки, сосуды для мытья бѣлья, 77.
Быки, выступы въ стѣнахъ для укрѣпленія, 11—13.
Бѣглые, 226.
Бѣль, см. разрывъ-трава.
Бѣснующіе, 287—289.
Бѣсы, 294, 296 огражденіе отъ нихъ, 297.

В.

Валы или осыпи, укрѣпленія, 5 возлѣ посадовъ, 9 земляной валъ, обшитый деревян. стѣною въ Москвѣ, 10, 13 въ Суздали, 17, 19.
Варенцы, кушанье, 118.
Веденіе осла, обычай въ день вербнаго воскресенія, 220.
Вёдра, 77, 79, 80 серебр., 81.
Великоденскіе припасы, пасхальные подарки, 220.
Вербное воскресеніе. См. веденіе осла.
Верста, ея протяженіе, 175, 176.
Взвары, звары или соусы, 118—120, медвяный зваръ, 123. 126 изъ овощей, медвяный и квасной, 136.
Вилки, 79.
Вилы, славян. языч. божества, 263.
Вино, 126 виноградное, 130 иностранное, 188—190, 195 жадность къ вину, 196—198, 220, 247 на свадьбахъ.
Винокурни, 64.
Владѣльцы имѣній и крестьянъ, 194 на братчинахъ, 209, 210 занимались охотой и травлей звѣрей.
Вода символическая, 261 при поминовеніяхъ, 281 при заговорахъ.
Водка, простое вино, 126, 129 ея сорты, 130, 136, 140 какъ цѣлебное средство, 181, 187, 188, 255.
Воеводы, 290.
Вожи, завѣдывавшіе починкою дорогъ, 176.
Возжи, 173.
Возки, 290.
Возъ, 177.
Войлоки, 64, 71 для половъ въ домахъ, 290 въ упряжи.
Волкодлаки, родъ волшебниковъ, 273.
Волоки, переѣзды между рѣками, 177.
Волосникъ или подубрусникъ, женскій брачн. головной уборъ, 107, 108. См. подубрусникъ.
Волосы, 101 прическа мужчинъ, 109 прическа дѣвицъ и женщинъ.
Волхвованія рождественныя, волшебство, 270, 278 при рожденіи Всеслава, 290.
Волхвы, См. волшебники.
Волховники, сборники примѣтъ и гаданій, 268.
Волшебники и волшебницы, волхвы, вѣдуны и вѣдуньи, колдуны и колдуньи, чародѣи и чародѣйки, чаровницы, 234, 250, 265 чудскіе арбуи, 271 — 273 „волкодлаки“, 274 — 276, 278, 279, 281 ихъ заговоры, 282, 284. 289—292 облагались пенею, 293, 294.
Волынки, 200.
Ворворки, завязки, 97.

Ворожба, 252 на новосельѣ, 274—276, 281.
Ворожеи, 274—276, 278—280, 281 ихъ заговоры, 282 леченіе отъ болѣзней, 291—292.
Ворота, 16 въ башняхъ, съ боевыми окнами, проѣзжія, 18 со спускными колодами, 22 въ стѣнѣ моск. Бѣлаго города, 24 въ моск. кремлѣ, 25 въ моск. царск. дворѣ, съ башнями и часами, 28, 29, 31 въ моск. Земляномъ городѣ, 50 съ часовнями и церквами, 51, 52 въ домахъ, 157, 179.
Воротня, караульная избушка, 50.
Воры, 197 ихъ шайки.
Воскобойня, 26 въ моск. царскомъ дворѣ.
Вотчинникъ, помѣщикъ, 42, 184.
Вотчины, 40, 41 ихъ роды, 43.
Вошвы, вшитыя мѣста въ одеждѣ, 104, 105, 107.
Встрѣча, 179 гостей, почетныя встрѣчи Филарета Никитича, 269 примѣты о встрѣчахъ.
Выводы, родъ выступовъ въ стѣнахъ, 11, 13.
Выгонная или поскотинная земля, 32, 34.
Выдѣлка, освобожденіе и награжденіе холоповъ по завѣщанію, 254.
Вышиванье, 133 золотомъ и шелками.
Вышки, надстройки надъ сѣньми, 57.
Выѣзды изъ дому, 170—176 боярскіе, 173 знатной госпожи, 174 царицы.
Вѣдовство, 291, 292.
Вѣдуны и вѣдуньи, см. волшебники.
Вѣнцы, 109 головной уборъ дѣвицъ, съ поднизью, см. рясы, 237, 240 невѣстъ; 83 на сосудахъ.
Вѣнчанье, 229, 234, 236, 242, 243, 245, 265.
Вѣрованія, 261—273, 293 въ силу чародѣевъ, 294 въ бѣсовъ, 300, 302, 304 религіозныя, 310, 311.

Г.

Гадальщицы, 152.
Гаданья, 218, 252 при выборѣ мѣста для постройки дома, 268, 269 гаданье Рафли, 270, 271 гаданье „получай“.
Гати, 176.
Глумцы, 200—202.
Голова кабацкій, 194.
Голубецъ дер. на могилѣ, 259.
Горницы, 20, 52, 53, 55 на подклѣтяхъ съ комнатами, 56, 57 однокія, 58—59 середній этажъ и передній покой, 66 на подклѣтяхъ съ сѣньми, 67 въ кабакѣ, 141.
Города̀, узоры, 60 на стѣнахъ, 83 на сосудахъ, 109 на вѣнцахъ у дѣвицъ.
Городни, выступы въ стѣнахъ, 11.
Городъ, градъ, городокъ, 3, 4 укрѣпленная мѣстность, 5, 7, 8 города каменные, деревянные, земляные, городокъ, 9—12, 14, 16 башни въ городахъ и городкахъ, 16—17 малые или острожки, 18 караульный городокъ, 19, 20, 21 москов. Китай-городъ, 22 городокъ близъ моск. Земляного города, 32, 36, 37, 39, 44, 46, 48, 50, 55, 220.
Горчичница, 79.
Горшки, 77.
Госпожа знатная, 173, 174 ея выѣзды.
Гости, 178—181 пріемъ ихъ и встрѣча, 186 сидѣнье въ шапкахъ, 187 обращеніе съ хозяйкой, 188—192, 224 на именинахъ, 234 на свадьбахъ, 236, 241, 244, 246—250 дарили новобрачныхъ, 251 на новосельѣ, 257 на похоронахъ.
Гости, купцы, 250.
Гостинницы, 177.
Гостиные дворы, 21, 28 въ Москвѣ, персидскій, 29 шведскій, 34 въ Астрахани.
Государь, званіе домовладыки, 161.
Грамоты, 251 молебныя.
Гребень, гребешокъ, 101, 237, 240 расчесываніе невѣсты.
Гребни, украшенія на крышахъ, 60.
Гребцы на стругахъ, 177.
Гривны, гривенки, монеты, 69, 79, 277 золотая и серебр.
Гривы, коймы, 74.
Гробокопатели, 257.
Гудки струнные, 199, 222.
Гудочники, гудцы, 201, 221.

Гулящіе люди, 200.
Гумно, 66.
Гусельники, гусляры, 193, 201, 206.
Гусли, 199.

Д.

Двери, 63.
Дворецкій, 133—136, 160—163, 180.
Дворникъ, 20 изъ бобылей.
Дворцовая палата въ Москвѣ, 25.
Дворцы, въ Москвѣ, 24, 25 см. потѣшный, 26 запасный каменный, сытный, кормовой и хлѣбенный, 29 въ итал. вкусѣ дворецъ Ив. Вас. Грознаго, 179, 206, 239, 249, 254.
Дворы, 20 въ городахъ, осадные казенные или избы, 21 гостиные въ Москвѣ, 22, 24—25 царскіе, 26 бояръ и вельможъ, Морозова, Куденевича-Черкасскаго и Лыкова, конюшенный, денежный, житный, и проч., 28 англійскій и гостиные, 29 конюш. царскій дворъ, 30, 31—32 загородные, въ посадахъ тяглые, нетяглые, оброчные, 34, 36, 39, 41, 42 бобыльскіе и крестьянскіе, 43 со строеніями, 45 пустые и заселенные, 46, 47 архіерейскіе, 48 монастырскіе, торговые и посадскіе, 48—49 моск. боярскіе, 50—55, 57 посольскій, съ затѣйливыми фигурами, 64—65 скотный, овечій, конюшенный, житный, льняной, 66, 67 съ садами, 156—160 зажиточныхъ людей и общинный, 162, 167, 178, 179 у царскаго жилья, 192, кормили нищихъ во дворахъ, 205, 209 для охотн. собакъ и пойманныхъ звѣрей, 242 во время свадебъ. См. гостиные дворы.
Дворяне, 168, 169 крестьяне у нихъ, 170 ихъ выѣзды, 185, 197, 230, 250, 305, 314.
Девясилъ или девятисилъ, корень, 284, 285.
Деньги, 158 ихъ „поклажа“, 232.
Деревня, 3, 4, 6 поселеніе безъ церкви, 7, 40, 45, 46, 49.
Деревья, 67 плодовыя, 68 лѣсныя.
Держальникъ, свадеб. чинъ, 240.
Держать путь невѣстѣ, свадеб. обычай, 237.
Днищи, какъ измѣреніе разстоянія, 175.
Долги, 254 уплата въ видѣ богоугоднаго дѣла.
Домоправленіе, 133, 156, 160—167.
Домрачеи, 206.
Домры, 200.
Домъ, домикъ, 22 въ Москвѣ, 25 дер. для царской семьи, 27 знатныхъ бояръ, 30, 47, 48 загородные, 51 способъ постройки и форма, 52, 53 церкви при нихъ, 55 въ два жилья, 58, 59, 62 посольскій, 64, 67 подъ кабакомъ, сады и огороды при домахъ, 68 образа въ нихъ, 71, 73 и 75 убранство, 76 освѣщеніе, 133, 157—159, 163 боярскіе, 167, 178, 223, 245 новобрачныхъ, 248, 252 новоселье и выборъ мѣста для постройки.
Доносы, 183—185.
Дорога, путь, 18, 52 во дворѣ, 176, 177.
Дороги, шелк. ткани, 95, 96, 104, 105, 114.
Доски для качанья. См. качели.
Достаканы, сосуды, 80, 81.
Драка, 183 кулачная, 187 изъ-за мѣста въ гостяхъ, 191, 193, 194.
Драконъ шестиглавый, 267.
Дробницы, металл. блестки, 70, 107.
Дровни, 64.
Дружки, свадебный чинъ, 233, 237—239, 244—248.
Дубовый кирпичъ, родъ торца, 63.
Дуги въ окнахъ, 62.
Дудки, 200, 222.
Думные люди, 254.
Дураки-шуты и дурки-шутихи, 206.
Дьяки, 159, 259 крестовые, 290.
Дѣвицы, 228—231 ихъ осмотръ для сватовства.
Дѣйства или позоры, сценическія представленія, 200, 201, 205. См. позоры.
Дѣти боярскіе, 168, 169 крестьяне у нихъ, 184, 185, 197, 242, 265, 305.
Дѣтинецъ, середнее укрѣпленіе, 10 во Псковѣ.
Дягилъ, трава, 293 собиралась для царя Алексѣя Мих. въ Купальскую ночь.

Е.

Евреи, 312 народная къ нимъ ненависть.
Елкій, трава, 284.
Ендова, сосудъ, 77, 79.
Епанча, одежда, 93, 94, 160, 175 дорожная.
Ероя, трава, 286.

Ж.

Жальники, кладбища, 221, 257, 258, 266.
Жемчугъ, 111 ссыпной.
Женихъ, 226—228 обычаи сватовства, 229—231 сговоръ, 232, 233 именовался княземъ, 234 гости у него наканунѣ свадьбы, 236—238, 241—243, 245—249.
Женщины, 103—113 ихъ одежды и украшенія, 146—155 ихъ образъ жизни и положеніе въ семьѣ, 174, 189—193 на пирахъ, 237 женщины-плясицы на свадьбахъ, 301 въ церквахъ въ особомъ притворѣ.
Жеребій, участокъ земли, 42 тяглый, 43.
Жиковины, петли у дверей, 63.
Жилыя мѣстности, 3—5, 40 дворцовыя, черныя тяглыя, помѣстья и вотчины.
Житницы, 20 государева, 44, 65.
Жонки-колдуньи, см. волшебники.
Жоны невѣнчанныя, 252.

З.

Забавы, 199, 203, 207, 209, 218 дѣвичьи, 221 въ Троицкую субботу, 262 народныя, 269 гаданья.
Заборъ или заметъ, 20, 49, 53 каменный, 65.
Завалы лѣсные, какъ укрѣпленіе, 18, 19.
Заведенія въ Москвѣ, 30 торговыя и ремесленныя.
Завѣщанія, 253.
Завязки, 91 къ кафтанамъ, 93 къ ферязямъ, 94 къ епанчамъ, 97 назыв. ворворки.
Загадки, 205.
Заговоры, примолвки, 278 на воровство, 280—282, 292 сожженіе за ношеніе заговорныхъ словъ.
Займище, поселеніе съ однимъ дворомъ, 6.
Зайцы, въ кушаньѣ, 119, 120.
Заклинанія, 276, 279.
Заметъ, см. заборъ.
Занавѣсъ или застѣнокъ, 70 завѣшивались образà, 186 на окнахъ, 228 за которымъ сидѣла невѣста, 236 вокругъ брачной постели.
Запись рядная при свадьбахъ, 232.
Запушье подволочное, см. подволоки или приволоки.
Запястье, часть рукава, 91, 97, 103, 105 къ женскимъ рубахамъ, 106 къ тѣлогрѣѣ.
Зарбевъ, шелк. ткань, 95, 96.
Зарукавья, см. обручи.
Застѣнокъ, см. занавѣсъ.
Засѣки лѣсныя, родъ укрѣпленій, 8, 19.
Засѣчный приказчикъ, 19.
Захребетники, 169.
Звары, см. взвары.
Звѣздочеты, 272, 292.
Звѣробой, трава, 285.
Зданія, строенія, 19, 20 казенныя, 21, 24 дворецъ въ Москвѣ, 25, 26 дворцовыя, кремлевскія, 27, 37, 50 въ Москвѣ, 51, 52 хоромы, 53, 66, 67, 133, 134. См. постройки.
Здоровье народное, 141, 143.
Зелейная казна, порохъ, 20.
Зелейничество, леченіе травами, 272, 292.
Зелейщики и зелейщицы, 272, 284, 292.
Зелье, 289, 290 лихое, отравное.
Земляная свѣчка, корень травы, 285.
Земля, поле или фонъ, 82, 96.
Земская изба, 34.
Земскій приказъ въ Москвѣ, 27, 196.
Зендель, ткань, 112.
Зепь, карманъ, 89.
Зеркала, 73.
Зернь, игра, 206, 207 на откупѣ, 209.
Зипунъ, одежда, 89, 90, 92, 93, 104—106.
Зміева гора, фантаст., бл. Саратова, съ дракономъ шестиглавымъ, 267.

Змѣиные рожки, симпат. средство отъ болѣзней, 282, 283.
Знахари, 145, 250, 267, 272. см обаянники, 284 сибирскій собиратель травъ при Алексѣѣ Мих., 285 рецептъ знахаря, 291, 293 поощрялись Алексѣемъ Мих. для собиранія травъ.
Золотая баба, истуканъ у финск. народовъ, 265.
Золотой, монета, 222.
Зонтики, 112 носили надъ госпожами рабыни.
Зубцы на стѣнахъ, 11, 13.
Зуфь, ткань, 95, 105, 112.

И.

Игрища, игры, 193 на пирахъ, 198 въ корчмахъ, 199, 201—204, 206 съ выигрышами, 207, 211, 262.
Избы, избушки, 20 деревянныя, 21 осадныя казенныя, 38, 42, 44. 50 караульная избушка, см. воротня, 51 изба во мху, 52—54 связанныя переходами, 55 черныя, курныя, поземныя и бѣлыя, 56 поваренныя, съѣзжія, съ тюрьмою, столовыя, 57 избушка для царской семьи, 58, 60, 61, 64 людскія, семейныя, 66 съ сѣнями, съ пристѣнами, съ прирубомъ, 67 стояльная въ кабакѣ, 76 освѣщались лучинами, 134 приказныя, 159, 163 для служилыхъ, 178 крестьян. курныя, 247 избушка, гдѣ кушали царицы послѣ мыльни, 253.
Изголовье, принадлежность постели, 73, 74, 235 на брачной постелѣ, 236 въ столовой.
Излюдинъ, трава, 285, 286.
Иконы. См. образа.
Икота, какъ зло отъ колдовства, 289.
Икра, 123 ея роды.
Икряники, икряные блины, 123.
Именины, 224 царскія и бояръ.
Имѣнія, 167 родовыя, 232 недвиж.
Иноземцы, иностранцы, 312 религіозная къ нимъ непріязнь, 313, 314.
Инпериковая трава, 293 собиралась для Алексѣя Мих. въ Купальскую ночь.
Инструменты музыкальные, 199, 202 ихъ сожженіе, 204, 206 при Алексѣѣ Мих.
Искры, мелкіе драгоцѣн. камни въ дѣлѣ, 110.
Ичеготы или ичетыги, см. ноговицы, обувь, 87.

К.

Кабаки, 67, 127 квасные, 145, 166, 194 см. голова кабацкій, 195, 196 царевы, 198, 207 бани при кабакахъ, гдѣ играли въ зернь и карты, 215, 221.
Кабала, кабальные, 160, 164—166.
Кади или бочки, 76, 236 и 245.
Калачи, 115 братскіе, смѣсные, 217, 235 въ брачной комнатѣ, 236, 290 подметъ калачей при колдовствѣ.
Калина, 68 въ садахъ.
Калитка, 16 въ воротахъ башенъ.
Камки, шелк. ткани, 95, 105, 114, 212.
Камни драгоц., 102 „плохое каменье", 110 мелкіе. См. искры.
Канавы или рвы, 23 у Москвы.
Каптаны, зимніе экипажи, 64, 172, 173 ихъ убранство, 174, 242 на свадьбахъ.
Караульни, 15 на кровляхъ башенъ.
Кареты, 172, 173 богатое убранство кареты боярина Морозова.
Карлы и карлицы, 206.
Картины, 73.
Карты, для игры, 206, 207 на откупѣ, 209.
Катки или коты, колёса безъ спицъ, 12.
Католики, 311 почитались еретиками.
Кафтаны и кафтанцы, 90—92 теплые или кожухи, 93, 106, 144, 255 при обрядахъ погребенія.
Качели, 204, 205.
Каша, 118, 123 рыбная, 248 при свадеб. обрядѣ, 225 при покойникахъ, 263 варилась на „собраніе рожаницамъ".
Квасъ, 126—128.
Кика, женск. головной уборъ, 108 кичное чело, подзатыльникъ, переперы и поднизь—части кики, 237, 240.
Кимана, губка лиственницы, 284.

Киндякъ, шелк. ткань, 95, 96, 104, 105.
Кинжалъ, 209 для охоты у царя.
Кисели, кушанье, 117, 118, 133.
Кистень, 209 для царск. охоты.
Кисти, при одеждахъ, 97, 107.
Кіоты къ образамъ, 69.
Кладбище, 221, см. жальники, 257 258, 266.
Кладовыя, 11, 50, 52, 64, 76, 158.
Кликать, болѣзнь отъ колдовства и порчи, 250, 287—289.
Кликать, обрядъ, 218 кликать коледу, 219 и 262 кликать овсеня и плуги, 262 кликать мертвыхъ.
Кликуши, 287—288 выкликали на кого либо, 289 ихъ вліяніе на правит. власти.
Клѣти, 64—66 съ перерубами, 67, 76, 113, 161, 163.
Клѣтки на кровляхъ башень, 15.
Ключникъ, 135, 160, 163, 242 на свадьбахъ.
Княжій столъ, 250 на царскихъ свадьбахъ.
Кобылка, вожденіе кобылки, сценич. представленіе, 200, 262.
Коврижки, см. пряники.
Ковры, 71 въ домахъ, 72, 177 для дороги, 186 для пировъ, 235 на брачной постели, 242 на саняхъ, 290 при царск. экипажѣ.
Ковши, 80, 82, 83, серебр., 85 дарились царями, 86 деревянные, 249, 250, 281
Кожухи, теплые кафтаны, 92.
Козакъ, мальчикъ, бѣжавшій за господ. саньми, 171.
Козелъ, вожденіе его на масляницѣ, 262.
Кокошникъ, 108, 112.
Колдовство, 233, 243, 252, 289, 290.
Колдуны и колдуньи, см. волшебники.
Коледа, колядованье малороссійское, 218 кликать коледу, 262.
Коливо, кушанье, 123.
Колокола, 16 на башняхъ, вѣстовой или полошной колоколъ, 26 на башенкѣ близъ Ивана Великаго, 29 на литейномъ заводѣ въ Москвѣ.
Коломищи, мѣсто погребенія у финскихъ народовъ, 265.
Колпакъ, родъ шапки, 99, 100.
Колунъ-трава, 284.
Колыбели, 74.
Колымаги, лѣтніе экипажи, 64, 172, 173 ихъ убранство, 242 на свадьбахъ.
Кольца, 241 брачныя. См. серьги.
Колясы, коляски, 64, 242.
Комната, 54 какъ пристройка при избѣ, 56 покой, 57 крестовая, 58, 59, 70, 71, 132 крестовая, для церк. службъ, 135 столовая, 179 для пріема гостей, 180, 186 для пировъ, 223, 228 гдѣ смотрѣли невѣсту, 231 въ домѣ Арт. Серг. Матвѣева, 234, 235 брачная, 253 для пиршествъ.
Коморка, 55, 57.
Конь жениха при свадеб. обрядахъ, 242, 243.
Коньки, катанье на конькахъ, 205.
Конюшен. царскій дворъ. См. дворы.
Конюшій, см. ясельничій.
Конюшня, 65 съ сѣнницею наверху, 76, 133, 134, 163.
Копытцы, узоры на поясахъ, 98.
Коренья, вѣра въ ихъ чудодѣйств. силу, 276 приворотные, 277, 284, 285, 290 лихіе, 292.
Кормленіе новобрачныхъ, 247.
Кормы, поминальные обѣды, 260.
Коробъ, 65 для продуктовъ, 157 для склада приданаго.
Коровай, 117, 123 рыбный, 236—238 свадебный, 244, 245.
Коровайники, свадеб. чинъ, 233, 237, 238, 241, 245.
Корольковое каменье, 294 спасительное отъ бѣсовъ.
Кортель, зимній лѣтникъ, 104.
Корцы, сосуды, 80, 82, корчики, 83, 86.
Корчаги, сосуды, 77.
Корчмы или ропаты, 198, 207.
Корыта, 77.
Костры, выступы въ стѣнахъ, 11.
Кострюли, 78.
Котлома, печенье, 117.
Котлы, 77.
Коты деревянные, см. катки.
Кошельки на вѣнч. свѣчахъ, 237.
Крашенина, грубая ткань, 74, 112.
Кремль или городъ, какъ укрѣпленіе, 5, 9 въ Астрахани и Казани, 13, 21, 23 въ Москвѣ, 24 царскія усадьбы въ моск. Кремлѣ, 25—26 церкви кремлевскія,

27, 28 стѣны Кремля, 37 пожаръ, 51.
Кресла, 72.
Крестины, крещеніе, 194, 222—224.
Крестное знаменіе, 180 — 181 съ поклонами.
Крестовый дьякъ, см. дьяки.
Крестъ, 69 осьмиконечный съ распятіемъ, 101, 110, 153, 192, 223 при крестинахъ, 235 въ брачной комнатѣ, 236, 238, 240, 299 его значеніе, 300 цѣлованье и мѣна крестами, мощи въ нихъ, 309.
Крестьяне, 41 ихъ роды, 42, 158, 160, 165, 166, 168 — 169 ихъ бѣдств. положеніе, 193—194 ихъ пирушки, варили пиво, 195 варили медъ, 210 травили звѣрей, 220, 227 пашенные, 234 и 248 свадебные обычаи у крестьянъ.
Кречетники, 40 ихъ слободы.
Кречеты, 212, 213 царскіе, 214.
Кровать, 72, 73 брачная, 234, 235.
Кровля, крыша, 13 — 14 изъ тёса или рѣшетины, на башняхъ, 15 чердаки, клѣтки и караульни на нихъ, 24 золоченая, 38, 54, 55, 59—60 форма и матеріалъ, рубцы на окраинахъ кровель.
Кружала, выступы въ стѣнахъ, 11.
Кружево, 75 металл., 91—93 у ормяковъ, 94 у верхн. одеждъ, 95 металл. у шубъ, 97 его разновидности, 106—107, 109, 114.
Кружечные дворы, 198, 215.
Кружки, сосуды, 80, 81.
Крутить невѣсту, см. укручиваніе.
Крыльцо, 55 со ступенями, съ колоннами, 178—180, 242.
Крыши, см. кровля.
Кубки, сосуды, 80, 81 двойчатые, кубокъ Ив. Грознаго, 82, 83, 85, 211, 248—250.
Кувшины, 77, 79, 80.
Кудесники, 272.
Кудрявый купырь, трава, 286.
Кузницы, 66.
Кукаосъ, приворотная трава, 277.
Кулачные бои, см. бои кулачные.
Кумчаны, сосуды, 77.
Купала, празднество въ ночь подъ Рожд. Іоанна Предтечи, 221 забавы, 262, 276, 277, 284, 286, 289, 293.
Куполъ, 57 на зданіи, посольскаго двора.
Курганы, 265 мѣсто погребенія у финс. народовъ.
Курица въ кушаньяхъ, куря рафленое, 120, 245 и 247 при свадеб. обрядахъ.
Курникъ, кушанье, 117.
Кутазы, въ упряжи царской, 290.
Кутья, 256, 257 при погребеніяхъ, 259, 261, 301.
Кухня, 56, 64, 77.
Кучеръ, 171 для саней, 173 для колымаги и каптаны.
Кушакъ или поясъ, 98, 241 плеть за поясомъ у жениха.
Кушанья, 114 — 116, 118 жареныя мясныя, 121 „похмѣлье“, 122 рыбныя, 123 постныя, 124, 133, 135 у царей, 136, 188 на пирахъ, 189, 210 на охотѣ, 239, 245 и 247 для новобрачныхъ.

Л.

Лавки, для торговли, 29 въ Москвѣ, 34, 68, 134, 258 при церквахъ.
Лавки, какъ мебель, 63, 71 — 73, 186, 235.
Ладонъ, 132.
Лакомства, 124—126, 136 овощныя сласти, 181, 210, 220, 248 на свадьбахъ.
Лампады, 70, 132, 137.
Лапти, обувь изъ древесной коры, 86, 87.
Лапша, кушанье, 86, 87, 118, 123.
Ларцы для женс. украшеній, 75.
Лебеди въ кушаньяхъ, 120, 245 свадебное кушанье.
Леваши, лакомство, 125.
Левашники, кушанье, 118.
Леденецъ, лакомство, 126.
Ледники, 20, 65—67, 130, 256 куда выносили умершихъ.
Лекарства, 145.
Лекарь, врачъ, медикъ, 144, 145 еврей.
Лёнки, муз. инструментъ, 200.
Леченіе болѣзней, см. болѣзни.
Линейки, по фронтону стѣнъ, 60.
Литавры, 247.
Лихорадка, 280 въ видѣ фантаст. дѣвицъ.
Личины или образины, фигуры на сосудахъ, 77, 83.
Личины, маски, 200.

Лобное мѣсто въ Москвѣ, 27.
Ложе брачное, 245.
Ложки, столовыя, 78 сереб., 85, 136.
Ложки, углубленія на сосудахъ, 83.
Лохани, 77.
Лошади, 170 — 173 верховыя, ихъ убранство, упряжь, 174 у экипажа царицы, колымажныя, 176 ямскія, 177—179, 290.
Луки, оружіе, 64.
Лукошки, 76.
Лукъ, какъ необход. снадобье, 124.
Лучина для освѣщенія избъ, 76.
Лѣстницы, 13 по городовымъ стѣнамъ, 15.
Лѣтникъ, женс. одежда, 103, 104 зимній, см. кортель, 105, 106, 112.

M.

Мазюня, лакомство, 125 рѣдька въ патокѣ, 126 мазюня изъ вишень.
Мартъ, трава, 285.
Масляница, 201, 214, 219, 220, 221, 262.
Мастера палатныхъ и городовыхъ дѣлъ при царс. дворѣ, 50.
Мастерицы, придворныя рабочія женщины, 174.
Мастеровые, 160.
Матеріи, шелковыя, золототканныя и сребротканныя, 104, 107.
Мебель, 68.
Медали, 69.
Медвѣдно, медвѣжій покровъ на сани, 171, 175.
Медвѣжій ноготокъ, 282 употреблялся при заговорахъ.
Медоварня, 26 въ моск. царск. дворѣ.
Меды, питьё, 64, 126 — 128 ихъ сорты, 129 производство, 140, 195 варили крестьяне, 235 237, 240, 247, 249 вишневые, 255, 290.
Мельницы, 23, 66.
Метельщики, 33.
Милостыня, 192, 253.
Мисы, столовая посуда, 78, 85, 136, 237, 240, 254—255.
Мишенцы выбойчатые, см. блюда.
Могилы, 258 договоры на могилахъ родителей.
Моленія, 132, 133, 137, 265 у финс. народовъ.
Мольбища, 265.
Монастыри, 10 и 25 какъ форты и твердыни, 31, 245, 251, 253 надѣленіе ихъ по завѣщанію, 254 кормы по завѣщанію, 255, 259, 302.
Монеты, 244 и 246 при свадебныхъ обрядахъ, 255 при погребеніяхъ.
Монисты, женс. шейныя украшенія, 110.
Моровыя повѣтрія, 293 понятіе о ихъ происхожденіи.
Морсъ, напитокъ, 126.
Мостовая, 33.
Мостовщина, поборъ съ жителей, 33.
Мосты, 13 на выступахъ стѣнъ, 15 на башняхъ, 28, 176.
Мощи св. 300.
Музыка, 199, 206 при Алексѣѣ Мих., 207, 247, 263.
Мушорма, сосудъ, 79.
Мыльни или бани, 38 право топить, 56, 64, 66, 67, 138—140 общественныя, 163. 207 кабацкія, 247, 299.
Мѣрникъ, 38 съ помеломъ для гашенія огня; 130 мѣрникъ для разливки напитковъ, см. оловянники.
Мѣха, 207.
Мятная трава, 293 собиралась для Алексѣя Мих. въ Купальскую ночь.

Н.

Наволоки, постельное бѣлье, 74 шелковыя, 235.
Надолбы, родъ укрѣпленій, 17—19.
Надпогребницы, 65, 66.
Надѣлокъ, приданое для дочери, 157.
Накапки, рукава къ лѣтнику, 103—105.
Накромы, накры, инструментъ, 200, 203, 247 на свадьбахъ.
Наливки, напитокъ, 129.
Наоконники, 72, 73, 186.
Напитки, питье, 114, 126—131, 189, 193, 194, 210, 290, 296.
Нареченные или посаженные ро-

дители у брачущихся, 233, 239, 250.
Народонаселеніе, 36, 44 сельское и посадское, его скудость, 45—47.
Насыпи земляныя, 19 острожки на нихъ.
Наузы или узлы, см. узлы.
Нашивки, на одеждахъ, 91 — 98, 104, 107, 171 на полстяхъ у саней, см. образцы.
Невѣйница, овсяная мука, 134.
Невѣста, 227, 228 помолвка, 229 свиданіе съ женихомъ, подмѣнъ невѣсты, 230—232, см. приданое, 233 носила названіе княгини, 234, 236—237 одѣваніе къ вѣнцу, 238, 240, см. укручиваніе, 241—243, 245—249.
Неустойка, см. попятное.
Нимфы, 263.
Нищіе, 169, 185, 192 трапезы для нихъ, 199, 214, 223, 254 кормы на нихъ по завѣщанію, 304—306. См. богомольцы.
Новобрачные, 232, 236 ихъ опахиваніе, 241, 243—250.
Новоселье, 222, 252.
Новый годъ, 215, 216, празднованіе.
Ноговицы, обувь, иначе ичетыги, ичегъ, 87, 175.
Ножи, 209 для охоты, царскіе.
Норовъ и осудъ, 264 изъ вѣрованій.
Ночвы, посуда, 65, 77.
Ночники, 76.
Нравы семейные, 146.

О.

Обаянники, заклинатели-знахари, 267, 272. См. знахари.
Облако-прогонники и облако-хранители, видъ волшебниковъ, 272.
Обломы, скатныя пристройки въ стѣнахъ, 11.
Обнизь, воротникъ къ рубахѣ и зипуну, 90—91; обнизь жемчужная при образахъ, 68.
Образа, иконы, 25, 33, 50, 68, 69 стоячіе и оплечные, 70 главные, 73, 132, 133, 138, 153, 180, 181, 186, 192, 235 — 236 въ брачной комнатѣ, 238, 241, 245, 248—251, 256, 260, 287 чудотворные, 295, 297, 298.
Образины, см. личины.
Образцы, нашивки, 93 на ферязяхъ и армякахъ, 99, 100, 171.
Обратимъ, приворотный корень, 276.
Обращеніе въ обществѣ, 178—185.
Обручи или зарукавья, браслеты, 110; обручи серебрен. на вѣнч. свѣчахъ, 237.
Обряды, 221 передъ Троицынымъ днемъ и Рожд. Іоанна Предтечи, 222 домашніе, 223 при крестинахъ, 232—251 свадебные, 254 при кончинѣ, 256—257 при погребеніи, 261—262 жечь солому и кликать мертвыхъ, 263 поклоненія роду и рожаницамъ, 266 брачные у финс. народовъ, 281 при заговорахъ, 297, 304—309 религіозные.
Обувь, 86 мужская, 87 женская. См. башмаки, ичеготы, лапти, ноговицы, пленицы, сапоги, чоботы.
Обычаи, 236—244 свадебные, 265 у финск. народовъ, 300—307 благочестивые.
Обѣдъ, 135, 136 званый, 139, 245 у царя, 248 у новобрачныхъ, 260—261 поминальный. См. кормы.
Овинъ, 66 съ ригичемъ.
Овкачи, сосуды, 80, 82.
Овощи, 136, 248.
Овощникъ, блюдо особой формы, 78.
Овсень, таусень или усень, кликать коледу, овсеня и плуги, языч. обрядъ, игрище, 218, 262.
Огонь, при обрядахъ, 263.
Огороды, 67.
Огорожа, ограда, 3, 8, 22 вокругъ Москвы, 49 камен. и деревян. ограды. См. городъ, градъ.
Одежды, 65 ихъ храненіе, 86—102 мужскія, 103 женскія, 112, 113, 210 для царск. охоты, 211, 254 монашеская передъ кончиной, 298 на иконахъ.
Однорядка, одежда, 93, 94, 106 и 112 женская, 114 мужская.
Одоленъ, приворотная трава, 277.
Одѣваніе невѣсты, см. невѣста.
Одѣяла, 74 съ „гривами“, 235.
Ожерелье, 88 какъ воротникъ рубахи, 89, 92 отложное, 94, 97, 99 какъ околышекъ шапки, 105 къ лѣтнику, 107 мѣховое, 114 мужское, 170 для лошадей.

Оклады на образахъ, 68, 69. См. образа.
Окно, о́кна, 12 по пряcламъ, 16 боевыя въ башняхъ и пряслахъ, 54 волоковыя въ курныхъ избахъ, 61 красныя или большія и малыя, 62, 63.
Окольничій, 224, 259.
Окончины, 53 слюдяныя въ окнахъ, 69 въ кіотахъ.
Оловянники, посуда, 78 съ покрышниками, 130 см. мѣрникъ.
Омшанникъ, 67 съ печью.
Опахало, 237. См. опахивать.
Опахивать новобрачныхъ, свадебный обрядъ, 236, 240 соболями.
Опашень, одежда, 93, 94 мужской, 103, 105—106 женскій.
Опояска, узкій поясокъ для рубахъ, 88, 98.
Органисты, 206.
Орловъ камень, фантаст. лекарств. снадобье, 282, 283.
Ормякъ, армякъ, 93.
Оружіе, 64, 102.
Орѣхъ индійскій, сосудъ, 82.
Орѣшки, печенье, 118.
Освѣщеніе, 76. См. домъ.
Особое пивцо, крестьян. пирушки, съ правомъ варить пиво, 193, 222.
Осотъ, трава, 287.
Острогъ, острожки, укрѣпленныя мѣста, 5 обращались въ города, 8, 9, 16, 17, 19, 32, 39 слободы бл. нихъ.
Осудъ, см. норовъ и осудъ.
Осыпало, 238 на свадьбахъ, 240, 241. См. осыпаніе.
Осыпаніе новобрачныхъ, 244, 246.
Осыпь, 9, 32. См. валы.
Отпускная для холопа, 166, „нарядная", т. е. фальшивая.
Охабень, накидная одежда, 93, 94, мужской, 106 женскій.
Охота, 209 царская, 210 Василія Іоанн., 211—212 соколиная и кречетная, 213 при Борисѣ и Алексѣѣ Мих.

П.

Палатки, 137.
Палатныя строенія въ Москвѣ, 59.
Палаты, 25, 26 приспѣшныя въ царс. дворѣ, 50 въ смыслѣ камен. домовъ.
Палачи, 307.
Палка или трость, 102, 180, 183 драка палками, 243 для битья жены, 301.
Паникадилы, 76, 186 въ домахъ.
Паперть, трава, 286.
Папутникъ, цѣлебн. трава, 285.
Парники, при огородахъ, 68.
Парусы, холщевые, 38 для тушенія огня, 177 на стругахъ.
Пасха, праздникъ, 220, 221.
Пелена къ образамъ, 70, 133, 298.
Пелюстки на чашахъ, 81. См. чаши.
Передбанникъ, см. предмыленье.
Передмостье, помостъ у крыльца, 55.
Передняя или горница, 57 у царей, 58, 180. См. горницы.
Перелефть, 69 вырѣзывались образа.
Переносъ, цѣлебн. трава, 287.
Переперъ съ березки 275.
Переперы, часть кики. См. кика.
Перепеча, печенье, 118, 120, 217, 236 на свадеб. пирахъ, 238, 241, 242.
Перерубы въ клѣтяхъ, 66. См. клѣть.
Переселенія, 46 въ Сибирь.
Переченки, украшенія на поясахъ, 99.
Перечница, сосудъ, 79, 236.
Переходы крытые, 53, 54.
Перила, 55 у крылецъ, 60 на окраинахъ крышъ.
Перины. См. пуховики.
Перстни, 69, 102 съ камнями и печатями, 110 женскіе.
Перчатки, см. рукавицы.
Петли, 91 на нашивкахъ кафтана, 100 на шапкахъ, см. жиковины.
Петровъ-крестъ, цѣлеб. трава, 286.
Печи, 54, 63, 66, 67.
Печоры, углубленія въ стѣнахъ, 12.
Пещера змія аспида, изъ народной фантазіи, 266.
Пещное дѣйствіе, церковный обрядъ, 216, 219.
Пиво, 126, 127, 193, 195, 255.
Пивоварня, 26 въ моск. царскомъ дворѣ, 64.
Пивцо особое. См. особое пивцо.
Пироги и пирожки, 116 ихъ сорты, 117, 118, 122, 123, 188, 224

именинные, съ ними являлись бояре къ царю.
Пиршества, пиры, 56, 185 братчина, 186—192, 193 крестьянскія, „особое пивцо“; свадебныя: 201, 222, 234, 236, 246, 248 княжій пиръ у жениха, 249, 250, 253 на новосельѣ.
Письмена, при заговорахъ, 280.
Питье, см. напитки.
Пища, 114—126.
Пищали, 64.
Плакальщицы, 256.
Плакунъ, трава, въ повѣрьяхъ, 286.
Планеты, 264 вѣрованіе въ ихъ вліяніе на рожденіе человѣка.
Пластовая рыба въ рогожахъ, 65.
Платки, 102 носовые, 112 женскіе, ширинки и головные. См. ширинки.
Платье, 97 золотное у бояръ, 111 женскія платья и ихъ украшенія, 113 у дворянъ, 210 для охоты, 232 для приданаго, 236 брачное, 260 скорбное или трауръ, 290.
Плащи, бляхи на поясахъ, 98—99, 100 на шапкахъ.
Пленицы, обувь, 86. См. башмаки.
Плетень, 3 при городахъ.
Плеть, символическая, 241, 246 при свадебныхъ обрядахъ.
Плоды, фрукты, 124—126.
Площади, 27 Красная въ Москвѣ, 34 въ посадахъ и въ Астрахани.
Плуги. См. кликать, обрядъ.
Пляска, 204, 205, 221, 222 въ ночь Купала, 244 на свадьбахъ, 263.
Повалуша, строеніе, 52, 56, 57 съ полатками, 65, 141.
Поварня, изба съ кухнею, 20, 56, 64, 67, 77, 78, 135, 163.
Повязки головныя дѣвическія, 109.
Погостъ, поселеніе съ церковью, 3, 6, 7.
Погребъ, 20 казенный, для зелейной казны, 53, 56 для напитковъ, 65—67, 130.
Погребеніе, 222, 255, 256, 259 царское.
Погребцы для храненія вещей, 74.
Подарки, 191 между гостьми и хозяевами, 222 родильницамъ, 234 невѣстамъ, 247, 249 отъ царя, отъ новобрачной царицѣ, 250, 253 на новосельѣ.
Подвалы, 56, 67, 130.
Подволоки, потолки въ деревян. зданіяхъ, 63.
Подволоки или приволоки, женскія мантіи, 107 у нихъ подволочное запушье, пристегнутые края подволоки.
Поддружій, меньшой дружка, свадебный чинъ, 241.
Поджоги, 166, 169, владѣльческихъ усадебъ.
Подзатыльникъ, часть кики, 108, 240. См. кика.
Подклѣтъ, нижній этажъ, 55 съ комнатами, 56 жилые и глухіе, 58, 59, 62 съ окнами, 63, 64, 66.
Подметъ вещей, колдовство, 290.
Поднизь, жемчужная бахрома у кики, 108, 109 у вѣнцовъ дѣвицъ, называлась „рясы“. См. кика, рясы.
Подорожная, ѣзда съ нею, 176, 177 плаваніе на судахъ съ подорожной.
Подпушка, 91 у кафтана, 92 у чугъ.
Подсвѣчники, шандалы, 71, 76.
Подскатертники, 72, 73.
Подсокольничій, 213.
Подсосѣдники, работники, 42.
Подсѣнье, сѣни въ нижн. этажѣ, 55, 58, 66.
Подубрусникъ или волосникъ, 237, 240. См. волосникъ.
Подушки, 73, 74, 177, 235, 242.
Подьячій, 114, 232.
Поединки, 183 судебные.
Пожары, 24, 37, 38 мѣры гашенія, 59, 170.
Позоры или дѣйства. См. дѣйства.
Поклажа, отдача денегъ на храненіе въ монастыри, 158.
Поклоны, 180 при входѣ въ домъ, 181 при угощеніяхъ, 187, 300, 301 въ церкви.
Покои, 56 ихъ число въ строеніяхъ, 57 въ Измайл. дворцѣ, 58, 59, 63, 64, 68 и 70 жилые и глухіе, 71, 138, 186, 244, 245.
Покровецъ, родъ попоны, 170.
Покровъ при погребеніи, 256 употреблялись шубы.
Покрывало невѣсты, 237, 240.
Покрышники на оловянникахъ, 78. См. Оловянники.
Полавочники, куски матеріи для

покрытія лавокъ (скамей), 71—73, 133, 186, 235.
Полазъ, вѣра въ полазъ, 269.
Полати, въ избахъ для спанья, 54.
Полицы, кот. окаймлялись кровли, 60, 71 полицы подъ образами.
Полка, ручка ковша, 82.
Полки для посуды, 77.
Полотая нива, цѣлебн. трава, 286.
Полотенце, 79 употр. вмѣсто салфетки.
Полсть на саняхъ, 171, 172, 290.
„Получай", см. гаданья.
Полы въ домахъ, 63 изъ дубоваго кирпича, 71.
Поминовеніе, 219, 259—261.
Помѣстья, 40, 41, 43, 168, 184, 185, 197.
Помѣщикъ, 167, 184, 230.
Попона, 64, 170, 173, 290. См. покровецъ.
Попятное или неустойка при рядныхъ записяхъ, 232.
Порты, см. штаны.
Порча, отъ колдовства, 233 охраненіе отъ нея на свадьбахъ, 273 царицы Евдокіи, 287—290, 291 снимать порчу.
Посадскіе, 5, 158, 160, 169 ихъ бѣдственное положеніе, 191 богатые на пирахъ, 234, 240 и 249 свадебные у нихъ обычаи, 250, 289.
Посадъ, 3, 5 острогъ и поселокъ, 6, 9 въ Казани, 10 въ Новгородѣ, 19, 21, 22 москов. Бѣлый городъ и Земляной, 32 улицы, 34, 35, 37, 39 съ однимъ дворомъ, 48 монастырскія подворья, усадьбы, 55 курныя избы, 66, 67 сады, 126, 200, 220, 257.
Посаженные отцы и матери. См. нареченные родители.
Поселенія, 3, 5, 7, 10 въ Новгородѣ.
Поселенцы, 46.
Поселокъ или посадъ. См. посадъ.
Посохъ, см. палка, 102.
Поставцы для посуды, 74, 81, 82, 135, 186, 236.
Постель, 73, 74, 125 для приданаго, 235, 236, 245 и 247 брачная.
Постельница, служанка, приближенная къ госпожѣ, 161, 174 у царицы.
Постриженіе въ монашескій чинъ, 302 передъ кончиной.
Постройки, 8 камен. при Мих. Ѳед., 9 Китай-городъ и Бѣлый-городъ въ Москвѣ, 27, 28, 50 — 54, 58, см. зданія, строенія.
Посты, 141, 142, 219, 220, 265, 266, 307—310.
Посуда, 74, 75, 77 столовая, см. судки, 80, 85 стекляная, 186 296.
Посулы, взятки, 210.
Потворенныя бабы, 152.
Потолки, 63 ихъ расписываніе, 235 въ брачной комнатѣ.
Потѣшники, 245.
Потѣшный дворецъ Алексѣя Мих., 25.
Похмѣлье, названіе кушанья, 121.
Похороны, 185.
Починокъ, маленькая деревушка. 3, 6, 7, 45.
Пошевы, для храненія продуктовъ, 65.
Поѣздъ свадебный, 234 невѣсты, 242 жениха, 245, 249 къ царю.
Поѣзжане, свадебные дѣти боярскіе, 233, 236, 238, 248.
Поясъ, кушакъ, 92, 98, 99 съ „переченками", 106 женскій. См. опояска, нереченки.
Празднества, 219, см. масляница, 262 купальское, см. Купала, 264 см. родъ и рожаницы.
Праздники, 214, 215 пиры праздничные, Новый годъ, 216 — 218 Рождество Христово, 219 Богоявленіе, 220—221 вербное воскресеніе, Пасха.
Предмыленье или передбанникъ, 64.
Предмѣстья посадовъ, слободы, 39. См. слободы.
Приголовники къ скамьямъ, 72. См. скамьи.
Пригородъ, 3, 4.
Приданое невѣсты, 231—232.
Призоры, фантаст. причины болѣзней, 280 ихъ леченіе, 281.
Приказная изба, приказы, 9, 20, 27 въ Москвѣ, 137, 162 во дворѣ богатаго господина.
Прилавки для торговли, 34.
Примолвленіе или заговоръ, 271, 276, 278, 281, 282. См. заговоры.
Примѣты, мистич. народныя вѣрованія, 268, 269.
Прирубки, прирубы къ избамъ, 54, 66.

Пристава, 184.
Приставники, холопы, 210.
Пристѣнки къ избамъ, 54.
Причитанья, 255, 256.
Причудницы, 221.
Прозвище или некрестное имя, 225, 226.
Прострѣлъ или сонъ-трава, 287.
Простыни, 74, 235 шелковыя, 247.
Просфоры, 70—71 Пресв. Богородицы, 115, 146, 192, 278.
Пряники или коврижки, 126.
Прясла, пространства между башнями, 12, 16 съ боевыми окнами 18.
Птицы охотничія, 212 промыслы за ними, 213, 214.
Птичники, 65.
Пуговицы, 89 къ рубахамъ, 90 къ зипунамъ, 91 къ кафтанамъ, 92 на чугахъ, 93 на тегиляяхъ, 94 на верхнихъ одеждахъ, 97 ихъ названія, 98—100 съ драгоц. камнями, 105 у лѣтника и опашня, 106 у тѣлогрѣи, 114 серебренныя.
Пузы, выпуклости на сосудахъ, 83.
Пупыши, возвышенія на сосудахъ, 83.
Путешествіе, 170.
Пуховики, перины, 73, 74 съ лебяжьимъ пухомъ, 235 семь перинъ на свадьбѣ царя Михаила Ѳед.
Пушечный заводъ или литейный въ Москвѣ, 29.
Пушка вѣстовая, 16, 29.
Пытки, 184, 289.
Пьянство, 185, 190, 194, 196—198, 206, 215, 219, 221.
Пѣніе церковное, 199 какъ развлеченіе.
Пѣсельники, 202, 206, 219.
Пѣсни, 193 на пирахъ, 195, 197, 199 народныя, 201, 205, 221, 222 на Купала, 242, 244, 245, 247 свадебныя, 263 обрядныя.
Пѣнязи, свадебныя золотыя монеты на короваяхъ, 237.
Пѣтушковы пальцы, цѣлебная трава, 285.
Пятины, 230.

Р.

Рабы, см. холопы.
Разбойники, 197 ихъ шайки.
Разрывъ-трава или бѣль, въ повѣрьяхъ, 286.
Разсольникъ, посуда, 78.
Разсольное, розсолъ, кушанье, 118, 122.
Разсыльщики, 184.
Разуваніе мужа, свадеб. обрядъ, 246.
Раскрываніе невѣсты, обрядъ, 243, 248 новобрач. царицы. См. невѣста.
Рафли, гадальныя книги и тетради, 269.
Рвы, 5 вокругъ посадовъ, 9, 10, 17 возлѣ городовыхъ стѣнъ, 18.
Риги въ овинахъ, 66.
Рога, 82 сосуды, 200 музык. инструменты, 282—283 рогъ единорога для леченія болѣзней.
Рогатины, 64.
Рогожи, 71 на полахъ.
Родины, 222 столы родинные.
Родственники, 158, 159.
Родъ и рожаницы, обрядъ поклоненія имъ, 262—264.
Романея, вино, 130, 249.
Ропаты, см. корчмы.
Рубахи, 88, 89, 92, 103 женскія, 112.
Рукавицы, рукавки, 98 перчатыя, 175 дорожныя, 290.
Рукомойники, 77 царя Ив. Вас. со стоянцемъ.
Рундукъ, 55 терраса на крыльцѣ, 236 возвышеніе у свадеб. стола.
Ручницы, оружіе, 64.
Рыба, 65, вялая, вѣтреная, прутовая, пластовая, 121 въ кушаньяхъ, 122—124.
Рынокъ, 27 на Красной площади въ Москвѣ, 28, 29 мясной, 30 древесный въ Земл. городѣ, 34 мѣсто игрища, 201.
Рѣзчики каменныхъ дѣлъ, 50.
Рѣзьба, какъ украшеніе построекъ, 60.
Рѣки, какъ пути сообщенія, 177.
Рѣшетины для кровель, 14.
Рѣшетка или ограда, 16, 25.
Рябина въ садахъ, 68.
Рядить свадьбу, 234.
Рядная запись при сватовствѣ, 231—232.
Ряды, для торговли, 34.
Рясы или поднизи на вѣнцахъ у дѣвицъ, 109. См. поднизь.

С.

Саадаки, оружіе, 64.
Сабли, 64.
Саванъ, 255.
Сады, 67 плодовые, 68, 205.
Салазки, 205 катанье на нихъ.
Салфетки, 79.
Самосудъ, 194 на братчинахъ.
Сани, 64, 170—172 употреблялись лѣтомъ въ торжеств. случаяхъ, 174, 175 дорожныя, 179, 238, 242 невѣсты, 243, 290.
Санники, лошади для саней, 174.
Сапоги, 87, 90, 243 и 246 при свадеб. обрядахъ, 254.
Сараи, 65—67, 163.
Сарафанецъ, мужская одежда, 90.
Сахаръ, 126 какъ лакомство.
Свадьбы, 185, 194, 201, 230 царскія съ осмотромъ дѣвицъ, 231—233, 234 царскія, у посадскихъ и у крестьянъ, „рядили“ свадьбу, 236—238 чинъ свадеб., 241, 243, 245, 247—248 царскія и крестьянскія, 249, 250.
Сваи или частикъ, чеснокъ, 17.
Сватовство, 227.
Сватъ, 227—230.
Сваха, 228, 233, 234, 240—242, 244—248.
Своды потолка, 63.
Свѣтлицы, 53, 63.
Свѣчи, 70, 71, 76 восковыя и сальныя, 132, 133, 137, 186, 237 и 245 на свадьбахъ, 256 при погребеніи. 260, 301.
Свѣчка земляная, см. земл. свѣчка.
Свѣчная, 26 въ моск. царскомъ дворѣ.
Свѣчники, свадеб. чинъ, 233, 237, 238, 240, 241, 245.
Святки, рождеств., 201 игрища, 217, 219 переряживань,я.
Священники, 71, 159, 239 289.
Сглазы, 280 ихъ леченіе, 281, 291.
Сговоръ, 231, 232.
Селеніе, 257.
Село, 3, 4, 6, 7, 40, 41, 45 пустыя селища, 46, 49, 200.
Сельцо, 3, 6, 7.
Семья, 158—159 устройство и бытъ.
Сераборинный цвѣтъ, лекарство, 293 собирался для Алексѣя Мих. въ Купальскую ночь.
Серьги или кольца, 69, 101 мужскія, 110 женскія.
Симтеринъ, приворотная трава, 277.
Сказки, 205.
Сказочники, 206.
Скамьи, 34 для торговли, 72—73 какъ мебель.
Скатерти, 73 простыя, шитыя браныя съ бахромами, 79, 133, 135, 186, 236, 242 на свадьбахъ, 245, 247, 253.
Складни. образа со створками, 69.
Скляница, 85, 175 дорожная.
Скобы въ чашахъ, 81.
Сковороды, 77.
Скоморохи, 193, 200—202, 204, 206, 221, 270 водили медвѣдей.
Скороходы, холопы, сопровождавшіе боярыню, 173.
Скрипичники, 206.
Скрыни, 74.
Слободы, 3, 5, предмѣстья посадовъ и городовъ, 6, 23, 30, 31 московскія, 39 служилыхъ людей, промышленниковъ и поселянъ, 40, 46.
Слово и дѣло государево, 184.
Слуги, 160—167 ихъ количество и положеніе во дворѣ, 180, 186, 188, 191, 257 на похоронахъ, 291.
Службы домашнія, надворныя строенія, 133, 134.
Служилые люди, 39, 165, 184.
Слѣдъ вынимать, колдовство, 290.
Слюда, 61, 62, слюдяныя окончины въ окнахъ, см. окончины.
Смерть, 222, 253 обряды при смерти.
Смотрильня, башенка, 58.
Смотрительница, назнач. для осмотра невѣсты, 228, 229.
Смѣхотворцы, потѣшники, 200, 201, 205, 206, см. потѣшники.
Сновидцы, 272.
Снопы, 235 при брачн. обрядахъ.
Соболи, 235, 236 и 239 при брачн. обрядахъ, 241—243 въ церквахъ, 248, 249.
Соколы, 212—214.
Сокольники, 40, 212, 213.
Сокольничій, 179, 213.
Солома, обрядъ жечь ее, 262.
Солоница, 79 серебр. на стоянцѣ, 85, 236, 253.
Соль, символич. ея употребленіе при хлѣбѣ. См. хлѣбъ.
Сонъ, вѣра въ сонъ, 269.
Сопѣли, инструментъ, 200, 222.

Сорочки, 89, 247, 255.
Сосуды, 77 для варенія яствъ, 79 стол. для питій, 80, 82, 83 съ миѳолог. фигурами, 84 съ надписями, 85 каменные, хрустальные, стеклянные, деревянные, каповые, 189, 249 серебренные.
Спальня, 57 у царей.
Спаньё послѣ обѣда, 136, 137.
Ссора, 182.
Ставецъ серебр., драгоцѣнная бездѣлка, 75.
Ставка, бой птицъ, 213.
Ставни для оконъ, 61.
Станы въ уѣздахъ, 45.
Старосты, 194 на братчинахъ, 289 служебные.
Створки въ кіотахъ, 69.
Стёкла, 61, 62 цвѣтныя, стекляная фабрика.
Стойка въ кабакѣ, 67.
Столбунцы, дѣвич. шапки, 109.
Столовая изба, 56, 58.
Столовая утварь. См. утварь.
Столы, какъ мебель, 79 съ рѣзьбою, камнями и аспидные, 186 для пировъ, 187, 245.
Столы, какъ трапеза, 223—224 крестинные, 225 именинные, 236 брачные, 248 свадеб. у царей, 250 у царя „княжій“ и отъ царицы.
Стольники, 172, 179, 239, 250, 259.
Стольцы, табуреты, 72.
Стопы, большіе стаканы, 81.
Стоянцы, 77 при рукомойникахъ, 79 подъ солоницами, 83.
Страдные одры, носилки, 64.
Строенія. См. зданія, постройки.
Строить душу, заботиться о душѣ, 254.
Струбъ, изба, необитая мхомъ, 20 тюрьма въ струбѣ, 51.
Струги, вод. судна, 177 ихъ устройство для путешествій.
Стрѣлы громовыя, 282 употр. при заговорахъ.
Стрѣльцы, 172 у царскихъ саней, 183.
Стряпчіе, слуги, подававшіе кушанья, 136, 239, 250.
Стулья, 72.
Стѣны, 5 вокругъ посадовъ, 8 каменныя въ Астрахани, 9 деревян. или тынъ, острожныя, стѣна моск. Бѣлаго города, 10, 11 съ зубцами и башнями, 12—14, 17 городовыя или валы, отводныя, 20, 21 камен. въ моск. Кремлѣ, 22 дерев. у моск. посада, 23—24 кремлевскія, 27 красная у Китай-города, 28 бѣлая у Бѣлаго города въ Москвѣ, 30 у Земл. города, 31, 60 украшенія на стѣнѣ углицкаго дома царевича Димитрія, 63 внутри домовъ.
Суда рѣчныя. См. струги.
Судки, названіе столовой посуды, 78.
Сулеи, сосуды, 79, 80, 92 дорожныя.
Сундуки, 65, 74.
Сурьмы, инструментъ, 200, 245, 247 на свадьбахъ.
Сушило, надъ постройками, 65, 67.
Схима, 254 принималась передъ кончиной.
Сырники, печенье, 117.
Сыръ, 118 губчатый и кислый, 236, 240 и 242 при свадеб. обрядахъ.
Сѣдло, 64, 170—171, 290.
Сѣкиры. 210 для людей царской охоты.
Сѣни, 52—58, 63, 66, 68, 71, 163 помѣщеніе для слугъ-дѣвицъ, см. сѣнныя дѣвушки, 179, 180, 186 для пировъ, 192 въ сѣняхъ кормили нищихъ, 247.
Сѣнники, жилыя постройки, 52, 65 — 67, 235 служили брачной комнатой, убранство сѣнника, 236 во дворцѣ, 245—247.
Сѣнница, постройка для сбереженія сѣна и соломы, 65, 66.
Сѣнныя дѣвушки, прислуга, 163.
Сѣрникъ, женская грубая одежда, 112.

Т.

Табакъ, 198, 207 его преслѣдованіе, 208 куреніе, 209 легенда о немъ, продажа отъ казны.
Тавлеи или шашки, игра, 206, 207.
Танцы, 201, 206 балетъ при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ.
Тарасы, родъ укрѣпленій, 18.
Тарелки или торели, 78, 85, 136, 188.
Таусень или усень см, овсень.
Тафта, шелк. ткань, 95, 96, 104.
Тафья, родъ шапки, 99, 100.
Театръ, 206 при Алексѣѣ Мих.

Тебеньки, принадлежности ѣзды, 64, 175.
Тегиляй, одежда, 93, 98.
Терема̀, въ смыслѣ строеній, 58 чердаки, 60 царскіе; въ смыслѣ украшеній: 60 теремки по окраинѣ крышъ, 83 на сосудахъ, 109 на вѣнцахъ у дѣвицъ.
Терликъ, одежда, 93 золотной, 209 у царя для охоты.
Тёсъ для кровли, 14, 53, 63.
Типографія, 27 въ Москвѣ.
Толокно, кушанье, 116.
Топешки, ломтики калача, 120.
Торговые ряды, 27 въ Москвѣ.
Торговый дворъ, 48 въ Вологдѣ.
Травля звѣрей, 210, 211.
Травники, книги о травахъ, 145, 277, 284—286.
Травы, растительныя, 277—284 ихъ приворотная сила и цѣлебная, 285 чарод. средства, 286, 293.
Тра̀вы, украшенія на сосудахъ, 82, 84.
Трапезы, 112 для духовенства, 214 царскія для нищихъ, 263 — 264 роду и рожаницамъ.
Трауръ, см. платье, скорбное.
Трехугольники, фигуры на стѣнахъ, 60.
Троицкая суббота, 221 празднованіе.
Трость, см. палка.
Трубы, 38 для гашенія огня, 56 цѣнинныя, 63 нагрѣвательныя.
Трунцалъ, для расшивки лѣтника, 104.
Тулупы женскіе, 112, 114.
Тынъ или заборъ, 9 по валу, 20, 49, 66, 68. См. заборъ.
Тысячскій, свадеб. чинъ, 233, 238, 239, 241, 242, 244, 245, 247, 248.
Тѣлогрѣя, одежда, 106.
Тюремные сидѣльцы, заключенные, 306.
Тюрьмы, 20, 28, 306 заботы о нихъ.
Тяглые дворы и нетяглые или бѣлые. См. дворы.
Тяглые жители, 32.
Тяжба, 183, 184.

У.

Убійства, 149 между супругами, 193 на пирахъ, 194 на братчинахъ, 203 на игрищахъ.
Убогій домъ, мѣсто погребенія для людей отверженныхъ, 258.
Убрусъ, убрусецъ, платокъ, 70, 108, 141, 236, 238, 241.
Ужикъ, цѣлеб. трава, 285.
Ужины по усопшимъ, 261.
Узды, упряжь, 64, 170, 290.
Узлы или наузы, ихъ навязываніе, 278, 279 чарод. сила оружія отъ нихъ у Стеньки Разина, 280, 290.
Узоры, 60 на стѣнахъ, 82 на сосудахъ, 98 на поясахъ.
Украшенія въ домахъ, 75, см. домъ.
Укрой, трава, въ суевѣріяхъ, 287.
Укручиваніе невѣсты, обрядъ, 240, 244, 245.
Укрухи, дареныя постныя лакомства, 220.
Укрѣпленія, 7, 10, 12, 19.
Уксусница, 79, 236.
Улицы, 28 овощная въ Москвѣ, 33 въ посадахъ, 34; улица, въ смыслѣ игрища, 201, 205.
Упряжь конская, 176, 290.
Упыри, 262.
Уроки, фантаст. причина болѣзней, 280.
Усадьбы, 47 царская, 48 посадская, 49, 66 въ посадахъ и деревняхъ, 67.
Усень, см. овсень, таусень.
Усыпальницы, 257.
Утварь, домашняя, 64 столовая, 68, 232.
Уха, кушанье, 118—122, 124.
Ушко, цѣлеб. трава, 284.

Ф.

Фабрика стекляная, 62 при Алексѣѣ Михайловичѣ.
Ферезея, плащъ съ рукавами, 93, 94, 106 женская.
Ферязь, верхняя одежда, 92, 93, 114.
Фигуры, см. личины, образины.
Фляги, стекл. 85.
Фонари слюдяные, 16, 76.
Фонарщики, свадеб. чинъ, 233, 237, 238.
Фронтоны, 59 на крышахъ, 60.

Х.

Хлѣбня, 64, 65.
Хлѣбосолы, названіе сблизившихся

родственниковъ жениха и невѣсты, 244.
Хлѣбъ, 115, 116, 244, 253, 290; хлѣбъ-соль, символич., 188, 245 на свадьбахъ, 251, 252, 253 на новосельѣ.
Хлѣвецъ, хлѣвъ, 65, 66, 134.
Хмѣльникъ, цѣлеб. трава, 285.
Ходы, по башнямъ и город. стѣнамъ, 13—15.
Хозяйство домашнее, 133.
Холопы или рабы, 41, 42, 160—162, 165, 166, 169, 171, 210, 232, 253.
Холстинные парусы, см. парусы.
Хороводы, 204.
Хоромный нарядъ, покрывала на окнахъ, столахъ и лавкахъ, 73.
Хоромы, 24 дерев. у вел. князей, 52, 54, 73 и 214 царскіе, 234 horомина брачная, 253.
Христосованіе, 220, 221 съ мертвыми.
Хрящъ, куча камня, песку и земли, 9.

Ц.

Царица, 174 ея выѣзды, 248 ея раскрываніе на свадьбѣ, 249, 250 столъ отъ новобрач. царицы, 251.
Церкви, 6, 7, 20, 26 въ моск. царскомъ дворѣ, 27 въ Москвѣ, амфитеатръ вблизи церкви, 31 въ Москвѣ и слободахъ, 35 главы ихъ, 46, 50 на воротахъ, 53 домовыя, 132—131, 147—148 выходъ женщинъ въ церковь, 159, 179, 182, 223, 242—244, 258—260, 266, 300—302 поклоны въ церкви и вклады, 309.
Цымбальники, 206.
Цѣловальники, 67, 176, 196, 289.
Цѣлованье, 187 — 189 на пирахъ, 193, 299, 300 крестное, 220 пасхальное, 221. См. христосованье.
Цѣпи золотыя, 69, 101, 110.

Ч.

Чай, его появленіе въ Россіи, 131.
Чаны, дерев. посуда, 77.
Чарки, сосуды, 80, 82, 84 съ надписями, 187, 188 на пирахъ, 237, 240.
Чаровницы, см. волшебники.
Чародѣи, см. волшебники.
Чародѣйства, 277, 278 насылка на вѣтеръ, выборъ слѣда, 293, 294.
Часовни, 50 на воротахъ, 133.
Частикъ или чеснокъ, см. сваи.
Частоколъ, 3.
Часы, 16 боевые на башняхъ, 25 на башняхъ у воротъ царскаго двора, 75 у Арт. Серг. Матвѣева, зепные, стѣнные, столовые, 131 счетъ часовъ того времени, 134, 137; часы въ смыслѣ церк. служенія, 71.
Чаши, 80, 81 Богородицына, государева, патріаршая, 83, 190 заздравная для вина, 192, 243 на свадьбахъ, см. чарки, 244, 254.
Челиги, охотн. птицы, 214.
Чемоданы, 74.
Чепракъ, 170.
Червонцы, 69.
Чердаки, 15 на башняхъ, 57 надъ горницами, 58 см. теремà, 59 покои въ нихъ, 60, 63.
Черпальцы для питья изъ братинъ, 80.
Чеснокъ, луковица, 124; чеснокъ или частикъ, см. сваи.
Четвертины, сосуды, 79, 80.
Чины свадебные, 233, 234, 244.
Чоботы, обувь, 87.
Чохъ, вѣра въ чохъ, 269.
Чуга, одежда для верховой ѣзды, 92, 93, 209 царская для охоты.
Чуланы, 55 въ сѣняхъ и подсѣньяхъ 77.
Чулки, 87.
Чумки для черпанія питій, 80.

Ш.

Шандалы или подсвѣчники, 76 струнные или мѣдные, см. подсвѣчники.
Шапки, 99 съ ожерельемъ, 100 горлатная, 102, 109 женскія, дѣвическія, столбунцы, 172, 175 дорожныя, 178, 180, 186, 235 обрядная на свадьбахъ, 249 обрядная у царей, 267 изъ „баранца“ чудодѣйственная. См. баранецъ.
Шатры, 210 для царской охоты.
Шахматы, игра, 206, 207.
Шашки, игра, 206. См. тавлеи.

Шелковыя матеріи, 95, 96, 104—107.
Шестопёры, для охотниковъ при царѣ, 210.
Шильцы, узоры на поясахъ, 98.
Ширинки, женскіе носовые платки, 112, 189, 241 при свадеб. обрядахъ.
Шитье, 106 шелками и золотомъ, 133.
Шишки, тѣстяныя, 118.
Шляпа женская, 108, 109.
Шпаги, 120.
Шпіоны, 185.
Штаны или порты, 89, 92, 114.
Шти, кушанье, 118, 119, 122.
Шуба, 93, 94, 95 нагольная на царѣ Мих. Ѳед., 103, 106 женская, 114, 235 и 246 при свадеб. обрядахъ, 256 какъ покровъ при погребеніи.
Шуты и шутихи, см. дураки-шуты.

Щ.

Щиты, 38 для тушенія огня, 60 на царс. теремѣ въ Коломен. селѣ.

Ѣ.

Ѣства, 290 охранялась отъ колдовства, 296 охр. отъ бѣсовъ.

Э.

Экипажи, 172, 174, 177, 242.
Эстампы, 173.
Этажи, 53, 55, 56 нижній или подклѣть съ печами, 57, 58 нижній или подсѣнье, средній или горница, 64.

Ю.

Юродивые, 304 въ почетѣ у Ивана Вас. Грознаго.

Я.

Ябеда, 183.
Яйца, символическія, 220, 221 крашеныя, 261 при поминовеніи.
Яловичина, говядина изъ коровъ, 119.
Ямщики, 176, 177.
Ямъ, станція для перепряжки лошадей, 176, 177.
Ямы для зерноваго хлѣба, 44.
Ярусы въ башняхъ, 15.
Ярыги кабацкіе, 197.
Ясельничій или конюшій, свадеб. чинъ, 234, 243—246.

УКАЗАТЕЛЬ КЪ СОЧИНЕНІЮ

„СТАРИННЫЕ ЗЕМСКІЕ СОБОРЫ“.

СТРАНИЦЫ

Земскій соборъ 1547 года по поводу народнаго бунта въ Москвѣ. Составленіе Судебника, Уставныхъ грамотъ и Стоглава 323—328

Собраніе московскихъ духовныхъ, служилыхъ и неслужилыхъ людей московскихъ въ 1565 году по поводу опричнины 328—330

Земскій соборъ (неполный) въ 1566 году по поводу войны съ Ливонскимъ Орденомъ. 330—334

Земскій соборъ (неполный) въ 1580 году по поводу войны съ польскимъ королемъ Стефаномъ Баторіемъ . . . 334—336

Земскій соборъ (въ 1584 г.) для избранія царя Ѳедора Ивановича 336—338

Земскій соборъ (неполный, въ 1598 г.) для избранія Бориса Годунова 338—341

Земскій соборъ 1613 года для избранія царя. Избраніе Мих. Ѳед. Романова. Продолженіе собора на послѣдующіе годы для приведенія государства въ порядокъ 347—353

Земскій соборъ 1616 года. Установленіе налоговъ. . . 353—354

Земскій соборъ 1618 года, для обороны противъ королевича Владислава. 355—356

Земскій соборъ (1619 г.) для устроенія Московскаго государства послѣ заключенія мира съ Польшей . . . 356—358

Земскій соборъ въ 1621 году по поводу вновь ожидавшейся войны съ Польшей 358—361

Земскій соборъ въ 1632 году по поводу приготовленія средствъ къ войнѣ 362

Земскій соборъ въ 1634 году, тоже по поводу сбора денегъ на войну. 362—364

СТРАНИЦЫ

Земскій соборъ въ 1637 году по поводу нападенія крымцевъ на украинные города въ отместку за взятіе Азова донскими казаками. 364—365
Земскій соборъ въ 1642 году по случаю завоеванія турецкаго города Азова донскими казаками. 365—376
Земскій соборъ (1645 г.) по поводу избранія на царство Алексѣя Михайловича 377
Земскій соборъ 1648 года по поводу составленія Уложенія . 377—381
Земскій соборъ въ 1653 году по поводу присоединенія Малороссіи 382 384
Церковный соборъ въ 1681 году 384—388
Соборъ служилыхъ людей въ 1681 году. Уничтоженіе мѣстничества 388—391
Собраніе выборныхъ людей торговаго званія въ 1681 г. . 391—392
Собраніе чиновъ Московскаго государства въ 1682 году по поводу избранія царя. Избраніе Петра 392—394
Собраніе депутатовъ при Екатеринѣ II-й въ 1767 году. 395—403

Bayerische
Staatsbibliothek
München

ОГЛАВЛЕНІЕ

XIX ТОМА ИСТОРИЧЕСКИХЪ МОНОГРАФІЙ И ИЗСЛѢДОВАНІЙ.

Очеркъ домашней жизни и нравовъ великорусскаго народа въ XVI и XVII столѣтіяхъ.

СТРАН.

I. Жилыя мѣстности 3
II. Города 7
III. Москва 21
IV. Посады 32
V. Слободы 39
VI. Села и деревни 40
VII. Дворы и дома 47
VIII. Домашняя мебель и утварь 68
IX. Одежда 86
X. Пища и питье 114
XI. Образъ домашней жизни 131
XII. Здоровье и болѣзни 141
XIII. Семейные нравы 146
XIV. Порядокъ домоправленія 156
XV. Выѣздъ изъ дома и путешествіе 170
XVI. Пріемъ гостей. Обращеніе 178
XVII. Пиршества. Пьянство 185
XVIII. Увеселенія. Игры. Забавы 199
XIX. Праздники 214
XX. **Домашніе обряды**. Родины и крестины. Бракъ. Новоселье. Смерть. Погребеніе 222
XXI. Вѣрованія 261

Старинные земскіе соборы 315

ОШИБКИ И ОПЕЧАТКИ

ВЪ XIX ТОМѢ ИСТОРИЧЕСКИХЪ МОНОГРАФІЙ И ИЗСЛѢДОВАНІЙ.

Стран.	Строка	Напечатано	Читать
21	28—29	назыаемый	называемый
25	23	ви сѣли	висѣли
36	2	двадцати-четырехъ	одиннадцати
38	31	19	191
49	32	Домострой, 87	Врем. I, Домострой, 78
50	30	Домострой, 87	Врем. I, Домострой, 78
52	29	Домострой, 98	Врем. I, Домострой, 100
56	30	Домострой, 94	Врем. I, Домострой, 92
57	24	полатками	полатми
66	29	Оп. Шуи 304	Оп. Шуи 374, 410
98	32	253	453
126	32	28	26,28
200	13	стихотворцы	смѣхотворцы
214	23	маслянница	масляница
229	1	пугу	плуги
224	33	141	191
244	31	окручиваніе	укручиваніе
258	3	паставили	поставили
259	5	окольничіи	окольничіе
266	8	черимисы	черемисы
321	17	1559	1539
348	33	Ак. Арх. Экс. III, 105.	Собр. Гос. Гр. и Дог. I, 612.
382	1	1633	1653

Bayerische
Staatsbibliothek
München

Buchbinderei
Theo Storfinger
826 Altmühldorf